

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2019

3(41)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (41) 2019
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

3 (41) 2019
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардила Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2019

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2019

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2019

© Авторы, 2019

Подписано в печать 20.09.2019. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,3 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)
Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Index of Science Citation (RISC), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2019

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2019

© Moscow International Academy, 2019

© Authors, 2019

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею А.А. Залевской Залевская А.А. (<i>Тверь, Россия</i>)	10
О междисциплинарном потенциале научного термина Курганова Н.И. (<i>Минск, Беларусь</i>)	14
Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова Оборина М.В. (<i>Тверь, Россия</i>)	24
Об инструментальности понятия языковой личности Тогоева С.И. (<i>Тверь, Россия</i>)	38
Пространственно-временные ориентиры: новизна слова Чугунова С.А. (<i>Брянск, Россия</i>)	52
Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды)	64

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексеева Е.М. (<i>Казань, Россия</i>) Оценочные ассоциативные реакции немцев на наименования психических состояний	78
Врублевская О.В. (<i>Волгоград, Россия</i>) Коннотативные антропонимы политического дискурса в восприятии носителей русского языка: экспериментальное исследование	93
Журавлев И.В., Нистратов А.А., Поликарпов М.А., Тарасов Е.Ф. (<i>Москва, Россия</i>) Картирование речевых зон мозга как научная проблема	107
Кузьмина М.А. (<i>Новосибирск, Россия</i>) К вопросу об аксиологическом аспекте психолингвистического метода	122
Никуличева Д.Б. (<i>Москва, Россия</i>) Речевой мониторинг и моделирование ресурсных состояний полиглота в изучении языка	139
Marina Jajić Novogradec (<i>Zagreb, Croatia</i>) Cross-lexical Interactions in Relation to Metalinguistic Awareness and Multilingual Proficiency in Russian as L3	147
Шапошникова И.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Теория актуальна, пока она работает	156

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИ

Ставицкий А.В. (<i>Севастополь, Крым</i>) Миф и исходные параметры его структурирования	174
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Верещака Н.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Особенности речевого поведения коммуниканта в конфликтных ситуациях на рабочем месте (на материале видеороликов с запретом ведения видеосъемки)	186
Головина Н.М. (<i>Москва, Россия</i>) Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе	200

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Залевская А.А. (*Тверь, Россия*)

Тверская психолингвистическая школа 216

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кибрик А.А. (*Москва, Россия*)

Приветствие на открытии XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности» 238

Ощепкова Е.С., Тарасов Е.Ф. (*Москва, Россия*)

Обзор XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности» 239

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Ф.Б. Полякова 246

ИНФОРМАЦИЯ

OUR ANNIVERSARIES

Anniversary of Alexandra A. Zalevskaya Alexandra A. Zalevskaya (<i>Tver, Russia</i>)	10
Interdisciplinary Prognostic Value of Scientific Terms Nina I. Kurganova (<i>Minsk, Belarus</i>)	14
Associative Experiment as a Method of Studying the Living Word Meaning Marina V. Oborina (<i>Tver, Russia</i>)	24
On Instrumental Value of the Concept of Linguistic Individual Svetlana I. Togoeva (<i>Tver, Russia</i>)	38
Space-Time Landmarks: New Word Svetlana A. Chugunova (<i>Bryansk, Russia</i>)	52
Neologisms as Individual Knowledge (On the Basis of English Neologisms in the Fashion Sphere)	64

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Ekaterina M. Alekseeva (<i>Kazan, Russia</i>)	
Evaluative Associative Reactions of Germans to Names of Mental States Oxana V. Vrublevskaya (<i>Volgograd, Russia</i>)	78
Connotative Anthroponyms of Political Discourse in Perception Of Russian Speakers: Experimental Research Ignaty V. Zhuravlev, Alexandr A. Nistratov, Mikhail A. Polikarpov Evgeniy F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>)	93
Mapping of Speech Areas of the Brain as a Scientific Problem Maria A. Kuzmina (<i>Novosibirsk, Russia</i>)	107
Revisiting Axiological Aspect of Psycholinguistic Methodology Dina B. Nikulicheva (<i>Moscow, Russia</i>)	122
Speech Monitoring and Modeling Resourceful States of a Polyglot in Language Learning Marina Jajić Novogradec (<i>Zagreb, Croatia</i>)	139
Cross-lexical Interactions in Relation to Metalinguistic Awareness and Multilingual Proficiency in Russian as L3 Irina V. Shaposhnikova (<i>Novosibirsk, Russia</i>)	147
The Theory Is Valid as Long as it Works	156

DISCUSSION

Andrey V. Stavitsky (<i>Sevastopol, Crimea</i>)	
Myth and Initial Parameters of Its Structuring	174

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Natalia Y. Vereshchaka	
The Features Of the Communicant's Speech Behavior in Conflict Situations in the Workplace (A study of the Videos With the Ban on Filming) Natalya M. Golovina (<i>Moscow, Russia</i>)	186
Parliamentary "Nonparliamentary Language": Verbal Aggresiveness as A Rhetoric Strategy in the Parliamentary Discourse	200

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Alexandra A. Zalevskaya (*Tver, Russia*)

Tver School of Psycholinguistics 216

SCIENTIFIC LIFE

Andrey A. Kibrik (*Moscow, Russia*)

The welcome speech at the XIX International Symposium on Psycholinguistics and
Communication Theory «Theory of Speech Activity: Modern Challenges» 238

Yekaterina S. Oshepkova, Evgeny F. Tarasov (*Moscow, Russia*)

On the results of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and
Communication Theory «Theory of Speech Activity: Modern Challenges» 239

OUR ANNIVERSARIES

Anniversary of Fedor B. Polyakov 246

INFORMATION

Дорогая Александра Александровна!

26 сентября 2019 года мы вместе с Вами будем отмечать Ваш удивительный Юбилей! Ваше уникальное трудолюбие, любовь к науке, широчайший круг профессиональных интересов, способность увлечь за собой позволили Вам создать свою научную школу и занять достойное место среди ведущих отечественных психолингвистов.

В этот знаменательный день желаем Вам отменного здоровья, бодрости духа, радости творчества!

Многая Вам и благая лета!

Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики»

НАУЧНЫЙ ПУТЬ А.А. ЗАЛЕВСКОЙ

В сентябре 2019 года отмечает свой юбилей Александра Александровна Залевская, выдающийся учёный и замечательный человек.

Александра Александровна начинала свой путь в науке в 50-е годы в Казахстане. С 1969 года она работала в Калининском, ныне Тверском, государственном университете, где много лет заведовала кафедрой английского языка, а затем работала профессором кафедры теории языка и перевода. Александра Александровна была членом Общества психологов СССР, принимала участие в составлении «Словаря ассоциативных норм русского языка» и первого издания «Русского ассоциативного словаря»; была членом Головного совета по лексикографии и Головного совета по филологии; участвовала в международных форумах в Алматы, Астане, Будапеште, Гданьске, Гранаде, Констанце, Пекине, Харбине, Шанхае и др.; была приглашенным лектором в Алматы, Братиславе, Будапеште, Пекине, Харбине и т.д.

Большие заслуги Александры Александровны как педагога и ученого не только по достоинству оценены ее учениками и коллегами, но и отмечены правительственными наградами. Президиум Международной академии психологических наук утвердил избрание А.А. Залевской почетным действительным членом (академиком) этой Академии, Президентом РФ ей присвоено звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Кроме того, ей присвоены звания: почетный профессор Тверского государственного университета, почетный профессор Харбинского педагогического университета (Харбин, КНР), почетный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (Алматы, Республика Казахстан).

Ее многолетняя работа со студентами, аспирантами и докторантами (Александра Александровна подготовила 14 докторов и 50 кандидатов наук) привела к формированию научного сообщества, которое сегодня широко известно в нашей стране и за рубежом как Тверская психолингвистическая школа профессора Залевской. Теоретический фундамент школы представляет собой особое направление в отечественной психолингвистике. Исследования в русле Тверской психолингвистической школы ведутся по трём основным направлениям: значение слова, понимание текста и проблемы двуязычия. Количество ответов школы так велико, что для полного обзора исследований, которые проводятся в Твери, Курске, Уфе, других городах России и за рубежом, потребовалась бы целая книга.

В Тверском государственном университете ежегодно издаётся сборник статей «Слово и текст: психолингвистический подход», а также рецензируемый научный журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология»; бессменным главным редактором этих изданий является Александра Александровна.

За долгие годы научной деятельности Александрой Александровной написаны многочисленные статьи и монографии, большинство из которых являются бестселлерами в научных кругах и широко известны как в России, так и за рубежом.

Многие исследователи в нашей стране и за рубежом знакомы с Александрой Александровной по ее книгам. Наверное, им, читающим эти фундаментальные труды, трудно себе представить, что они написаны хрупкой и нежной женщиной, которая не только большой учёный, но и любящая мама (для своих дочерей и для всех учеников) и заботливая бабушка.

От души поздравляем Александру Александровну с юбилеем. Желаем ей крепкого здоровья, творческой энергии, осуществления научных планов и всего самого доброго.

Дорогая Александра Александровна!

Воронежская психолингвистическая ассоциация сердечно поздравляет Вас – легенду отечественной психолингвистики – с юбилеем!

Ваше имя давно стало символом нашей психолингвистики!

Вы сформировали своей докторской диссертацией отечественную психолингвистику лексикона, задали ей вектор развития и определили основные методы и понятия.

Ваши труды – эти наши настольные книги, обязательный минимум воронежских аспирантов, магистрантов и студентов.

Ваши ученики и ученики Ваших учеников живут и работают по всей России и в других странах. Есть они и у нас в Воронеже. И мы все вместе стараемся перенять Ваш опыт и Вашу мудрость!

Вы – важнейший научный ориентир для филологов нашего города и всей нашей психолингвистической братии.

Мы восхищаемся не только Вашей научной мудростью, но и жизненной стойкостью, умением «держать удар», переносить трудности и удары судьбы и выходить из всех передряг победителем – сильной и независимой! Стараемся брать с Вас пример!

Мы гордимся тем, что знакомы с Вами, слушаем Вас, читаем Вас, цитируем Вас, учимся у Вас!

Здоровья Вам, сил, бодрости, внимания и тепла со стороны всех Ваших близких, коллег и учеников, замечательных событий и встреч!

С днем рождения, дорогая Александра Александровна!

Воронежская психолингвистическая ассоциация:

профессора Стернин И.А., Новичихина М.Е., Лемяскина Н.А., Величкова Л.В., Маклакова Е.А., Чарыкова О.Н., Вахтель Н.М., Стернина М.А., Шаманова М.В.;
кандидаты наук Рудакова А.В., Козельская Н.А., Розенфельд М.Я., Саломатина М.С., Селезнева Г.Я., Е.И. Гришук, Атланова Е.О., Просовецкий Д.Ю., Абакумова О.В., Петроченко Е.В., Воропаева И.В., Башлыкова О.В., Малюкова С.Ю., Комиссарова Е.В., Зацепина Е.А., Морозова И.А.; **аспиранты, магистранты и студенты:** Дьяконова Е.А., Цофина Ю.А., Колпакова А.С., Бушманова В.В., Колесникова Е., Растегаева Т., Коваленко С., Ульянова М., Князев И. и др.

**Глубокоуважаемая Александра Александровна,
позвольте сердечно поздравить Вас с почетным юбилеем!**

С глубоким уважением и искренним пиететом отмечаем Ваш неоценимый вклад в развитие мировой лингвистической науки, в том числе – казахстанской психолингвистики. Ваши ранние исследования в период работы в Казахском государственном университете (г.Алма-Ата) заложили основу и дали импульс для развития новых научных направлений на сопоставительном ассоциативном материале русского и казахского языков.

С глубокой признательностью благодарим за наше многолетнее плодотворное сотрудничество на научно-педагогическом поприще: Ваши лекции и доклады в период проведения конференций, семинаров, на факультете повышения квалификации и в летних лингвистических школах в разных городах Казахстана запомнились интереснейшими изысканиями, гипотезами, открытиями, высочайшим мастерством и профессионализмом.

Ваша преданность науке, целеустремленность, неутомимость в научном поиске, широта кругозора, интеллект и истинная интеллигентность, простота и доступность в общении, душевная щедрость и подвижническое бескорыстие служат образцом настоящего ученого и прекрасного человека!

Позвольте пожелать Вам крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов и талантливых благодарных учеников! Пусть внимание коллег, забота и любовь Ваших близких всегда радуют Вас и делают Вашу жизнь счастливой и благополучной!

Многая лета Вам, дорогая Александра Александровна!

Ваши казахстанские коллеги, ученики и последователи из разных городов и вузов Казахстана – **профессора** Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Хасанов Б.Х., Гиздатов Г.Г., Исмагулова Б.Х., Баяндина С.Ж. (Алматы), Дмитриук Н.В., Нарожная В.Д. (Шымкент), **доценты** Аманжолова Д.Б., Бурибаева М.А. (Нур-Султан), Артыкбаева Ф.И., Абрамова Г.И., Калжанова А.К., Кистаубаева Д.М., Мезенцева Е.С., Османова Р.А., Сандыбаева Н.А., Арынбаева Р.А. и др. (Шымкент).

УДК 81'271.1 DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-14-23

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ НАУЧНОГО ТЕРМИНА

Залевская Александра Александровна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теории языка и перевода
Тверского государственного университета
170004, г.Тверь, ул. Желябова, 33
aazalev@mail.ru

Некоторые научные термины именуют определённые универсалии, распространяющиеся на разные области жизнедеятельности человека, и при перенесении в иную систему координат позволяют акцентировать ранее не замечавшиеся качества, действия и т.д. В этой связи обсуждается возможность применения в психолингвистике терминов информатики «гипертекст» и «интерфейс» как отвечающих исследовательской задаче объяснения сути и специфики процесса идентификации слова, в которой социально закреплённое значение языковой единицы (слова, морфемы и т.д.) выступает в роли интерфейса между словоформой и живым мультимодальным гипертекстом, увязывающим взаимодействующие продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения.

Ключевые слова: гипертекст, интерфейс, идентификация, значение, смысл, достаточный семиозис

Введение

К числу актуальных научных проблем представляется возможным отнести появление термина, акцентирующего некоторую идею, которая стала популярной для определённой науки, но приложима и к более широкому кругу областей жизнедеятельности человека благодаря универсальности именуемой таким термином идеи с вытекающими из неё важными следствиями. Примерами могут служить термины «гипертекст» и «интерфейс», введённые в информатике, но используемые и для других целей. Так, высказывается мнение, что с понятием интерфейса современный человек сталкивается на каждом шагу. Это на самом деле не является преувеличением, поскольку мы практически пользуемся интерфейсами разных видов, не только подключая окружающие нас приборы или обращаясь к разнообразным источникам информации, но и осуществляя любой вид деятельности по адаптации к естественному и социальному окружению, в том числе – при общении с самим собой в ходе речемыслительной деятельности, требующей взаимодействия единиц разных форматов. Можно предположить, что и язык как таковой (наряду с другими системами символов) возник именно для выполнения интерфейсной функции, реализация которой необходима для совместной деятельности людей.

В задачи предлагаемой публикации входит демонстрация того, что рассматриваемые термины могут использоваться в разных значениях, но именуемые ими (А) специфика гипертекста и (Б) принцип интерфейса относятся к числу универсалий, приложимых, в частности, к процессу функционирования зафиксированного в социуме значения слова как своеобразного интерфейса между идентифицируемой словоформой и живым нелинейным мультимодальным гипертекстом как способом организации совокупного хранилища взаимосвязанных продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки разделяемого членами социума знания и личностного опыта познания и общения.

Далее делается попытка сначала кратко осветить трактовку названных терминов в информатике и пояснить своё понимание особенностей процесса идентификации слова как такового, а затем рассмотреть значимость особенностей гипертекста и принципа интерфейса для решения некоторых вопросов психолингвистического объяснения специфики того, что лежит за словом у пользующегося им человека.

Термины «гипертекст» и «интерфейс» в информатике

Согласно «Большой российской электронной энциклопедии», под гипертекстом (англ. *hypertext*) понимается «совокупность электронных документов, связанных между собой специальными ссылками (гиперссылками) для быстрого перехода от одного документа в заданное место другого и произвольных перемещений внутри документов» [Большая... http].

Обращение к названному и другим электронным источникам, доступным в Интернете в феврале–марте 2019 года (в том числе к «Электронному учебнику по информатике» [Акимова http]), позволяет суммарно представить основные особенности гипертекста, трактуемого с позиций информатики. Гипертекст – это: (а) гигантское электронное образование; (б) оно объединяет вхождения разных форматов – текстовые, графические, аудио- и видеосоставляющие (их называют гипермедийными (от англ. *hypermedia*)); (в) организация гипертекста является нелинейной и динамичной; (г) множественные взаимно пересекающиеся связи между элементами гипертекста строятся по принципу «многие ко многим»; (д) навигация по гипертексту возможна с любого пункта и направляется самим пользователем согласно обозначенным взаимосвязям (гиперссылкам); (е) повторяющиеся связи запоминаются, поэтому при последующем аналогичном запросе поиск проходит по зафиксированному пути следования; (ж) поскольку пользователь сам формирует направления навигации по гипертексту, он может каждый раз получать иной набор установленных связей.

То, что лежит за словом у пользующегося им человека, может квалифицироваться как *мультимодальный гипертекст* (далее – МГТ), поскольку оно характеризуется этими же, но своеобразно проявляемыми, свойствами, а именно: (а) представляет собой гигантское психофизиологическое образование, которое (б) увязывает в единую сеть множественных взаимно пересекающихся связей разнообразные продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения; (в) отличается нелинейностью и динамичностью организации и т.д. Подчеркнём, что такое сходство не случайно: наоборот, МГТ является первичным в том отношении, что сама идея электронного гипертекста разрабатывалась как имитация работы мозга человека. При этом обнаружилось, что при всех возможностях новых информационных технологий остаётся ещё ряд с трудом поддающихся автоматизации

процессов обработки текста, с которыми легко справляется мозг как живая система.

Перечисленные выше характеристики гипертекста, включая пункты (а)–(ж), в их совокупности объясняют необходимость оперирования также и понятием «интерфейс»: при наличии множественных связей между образованиями разных форматов при навигации по МГТ требуется некоторое промежуточное средство, обеспечивающее успешность взаимодействия разных систем (линейной и нелинейной, вербальной и невербальной и т.д.). Поскольку это понятие менее известно лингвистам, чем понятие «гипертекст», остановимся на нём более подробно.

Согласно «Толковому словарю иноязычных слов», «интерфейс» – это термин информатики и техники (от англ. *interface* < *inter* ‘между’ и *face* ‘поверхность’); в вычислительной технике под ним понимается «система унифицированных связей и сигналов, посредством которых устройства вычислительного комплекса взаимодействуют друг с другом» [Крысин 1998: 280]. Поиск в Интернете в тот же период времени показывает, что суть рассматриваемого термина по-разному представлена в различных источниках, преимущественно как «[взаимодействие] между лицами», иногда – как место соприкосновения или общая граница между двумя функциональными объектами; могут иметься в виду средства и/или способ взаимодействия; встречаются и попытки дословного перевода с английского, например, «междуличие». Слово *интерфейс* может фигурировать и как именование некоторого объекта или мероприятия (например, название романа, студийного альбома и т.д.); в Интернете встречается статья о салоне связи «Интерфейс», имеется реклама полиграфической компании «Интерфейс» и т.п.

Обычно слово *интерфейс* включается в некоторое словосочетание, именуемое обсуждаемый объект или специфицирующее принятую трактовку понятия «интерфейс», разграничивающее виды или подвиды интерфейса и т.д., при этом имеются варианты именования одного и того же вида интерфейса, например: *Интерфейс для мозга*, *Нейронный И.*, *прямой нейронный интерфейс*, *Мозговой И.*, *И. «мозг–компьютер»*. Варьируются и способы оформления словосочетаний (см. приведённые примеры).

Некоторые словосочетания могут относиться только к ограниченной области науки или техники, фокусируются на отдельном признаке именуемого, в то время как другие отображают разные уровни обобщения и стремятся к наиболее общей трактовке интерфейса как универсального принципа взаимодействия в любых ситуациях, ср., например, приведённое выше определение интерфейса как места соприкосновения / общей границы между взаимодействующими объектами с ограничением его функционирования интерфейсом пользователя как способом общения человека с компьютером, а также с расширением дефиниции слова *интерфейс* до формулировки: «Интерфейс – это инструмент взаимодействия пользователя с чем бы то ни было для достижения определённой цели» [Бабенков [http](http://)] или с попыткой опоры на некий объект повседневного использования: «пульт», который связывает две взаимодействующие друг с другом стороны [Для чего ... [http](http://)].

Представляется интересным уточнить, кто или что может выступать в качестве участников некоторого взаимодействия, каков характер такого взаимодействия, каковы его виды и подвиды, цель и планируемые результаты.

Участниками взаимодействия разные источники называют: мозг и электронное устройство (например, компьютер); совокупность унифицированных технических и

программных средств и правил (описаний, соглашений, протоколов); набор элементов, делающих возможным взаимодействие на уровне аппаратных и программных комплексов между собой и с пользователем; набор инструментов для взаимодействия человека и компьютерной системы; способ и средства взаимодействия пользователя с программами или программ между собой, программ с аппаратными средствами или аппаратных средств между собой; система средств, которые позволяют двум системам взаимодействовать между собой. При этом под системой может пониматься что угодно, в том числе люди и другие живые существа; так, интерфейс между всадником и лошадью – это узда и вожжи [SEOnews [http](http://)].

Некоторое взаимодействие может реализоваться через процессы, помогающие человеку управлять компьютером, управление сопровождается контролем; имеют место процессы ввода и вывода информации, управления программным обеспечением, совершения командных операций, обмена данными при помощи различных внешних носителей и т.д.

Различают следующие уровни функционирования взаимодействий: пользовательский, программный и аппаратный.

Под интерфейсом пользователя понимается совокупность средств, при помощи которых пользователь взаимодействует с различными программами и устройствами, или вообще всё, с чем взаимодействует пользователь при работе с некоторым устройством. Разграничивают следующие виды интерфейса пользователя: графический; звуковой; текстовой (например, командная строка); голосовой (например, управление мобильным устройством при помощи голосовых команд); тактильный (различные интерфейсы для слепых). В последнее время наибольшее распространение получил жестовый интерфейс с использованием сенсорного экрана, стилуса, джойстика и т. п. Обратим внимание на то, что пользователи в своей массе не очень интересуются тем, как происходит работа на программном и аппаратном уровнях, для них важна возможность быстро и эффективно получать искомые результаты, в то время как техническими проблемами должны заниматься специалисты.

Итак, суть самой идеи интерфейса может быть суммирована следующим образом: имеются разнообразные участники некоторого взаимодействия, которое является целенаправленным на достижения успешного контакта и производится с использованием всевозможных средств (инструментов). В такой (самой широкой) трактовке понятие интерфейса приложимо к неограниченному кругу ситуаций и может быть использовано для объяснения некоторых аспектов функционирования МГТ, поскольку в последний входят единицы разных форматов (вербальные и невербальные), различающиеся по способу их организации (линейному и нелинейному), но взаимодействующие с единой целью адаптации к естественному и социальному окружению, и т.д.

Следует отметить, что в информатике носитель функции интерфейса реально осязаем и представляет собой некоторое техническое устройство, но в ситуации с МГТ речь идёт о процессах, не поддающихся прямому наблюдению, что позволяет только постулировать реализацию принципа интерфейса как гипотезу, способную объяснить роль значения слова как коллективного (разделяемого в социуме) знания для успешности функционирования слова в речемыслительных процессах. Для дальнейшего обсуждения этого вопроса важно уточнить, что понимается под идентификацией слова как достояния пользующегося им человека.

Идентификация слова как процесс и как продукт

Идентификация слова как такового – процесс, относительно которого мы можем только строить гипотезы и моделировать постулируемые процессы на основании признаков того, что удаётся обнаружить в результате наблюдений и экспериментов. В данном случае ставится скромная задача краткого изложения своих собственных предположений по поводу того где, как, на какой базе, с какими результатами и в зависимости от каких факторов мы так или иначе признаём понятным воспринимаемое слово.

В качестве предварительных замечаний представляется важным отметить, что в обычных повседневных ситуациях мы мгновенно понимаем слышимое или читаемое, что породило ряд мифов, в том числе – о неразрывности формы и значения слова. На самом деле и идентификация формы слова сама по себе – сложный процесс (точнее – взаимосвязь ряда процессов), а успех получаемого результата зависит от ряда внешних и внутренних факторов. В данном случае достаточно признать, что одна и та же словоформа может восприниматься целостно или поэлементно (в зависимости от её структуры, степени знакомости, частотности использования и т.д.), может по-разному акцентироваться разными людьми и даже одним и тем же индивидом в разное время. Мы слышим и видим прежде всего то, что ожидаем, привыкли видеть и слышать, или то, на что нас ориентируют ситуация, контекст, ближайший опыт познания и общения. Значение кажется нам прочно слитым с формой слова, тем не менее, мы нередко ищем слова для манифестации нужного смысла или пытаемся понять, что имелось в виду при использовании некоторого уже встречавшегося ранее слова. К тому же вокруг нас то и дело звучат активно используемые слова, значение которых не так уж просто определить. Например, какой ответ хотел получить ведущий радиопередачи, задавший вопрос: *Что Вы думаете о завтраке на кухне концептуально?*

Идентификация слова как такового означает увязывание словоформы с некоторым значением, но что в таком случае фигурирует – значение типа дефиниции из толкового словаря (как это фактически признаётся в океане исследований разнообразных «концептов») или что-то иное? В отличие от такого «однофазного» процесса, т.е. отношения:

– словоформа + значение-дефиниция

можно постулировать многоэтапный процесс активации на разных уровнях осознаваемости различных средств актуализации того, что выступает для индивида как ‘значение слова’ и реализуется в русле широкого смыслового поля, имплицитующего цепочки многообразных выводных знаний по линиям языковых и энциклопедических знаний, т.е. имеет место многофазовое отношение:

– словоформа

– + образ словоформы и/или её составляющих

– + значение (общая идея некоторого объекта, действия, качества, ситуации и т.д. / образы разных модальностей / признаки / примеры / дефиниция и т.д.)

– + смысловое поле из цепочек языковых и энциклопедических выводных знаний.

Следует уточнить, что речь во втором случае идёт не о линейной последовательности названных этапов, а о возможном параллельном взаимодействии

конкурирующих процессов с установлением множественных связей в многомерном пространстве опыта познания и общения. Эта гипотеза была ранее представлена в образе спиралевидной модели процесса идентификации слова и понимания текста (см., например, [Залевская 2007]): гипотетическая спираль «раскручивается» в двух направлениях – в прошлый опыт и в прогнозирование возможностей дальнейшего развития ситуации как знакового события. Принципиально важно то, что таким образом значение слова для индивида признаётся распределённым в пространстве мозга и тела, при этом базой для личностного смысла выступает МГТ как живая система. Формирование МГТ происходит по закономерностям функционирования такой системы, но под контролем приоритетов и запретов, рекомендуемых или налагаемых выработанными в социуме нормами и оценками.

Результатом (продуктом) постулируемого сложного процесса является переживание слова как понятного, что подразумевает наличие готовности при необходимости ответить (в том числе – самому себе) на множество вопросов (типа: кто? / что? / где? / когда? / как? / зачем? / почему? и т.д.), однако это происходит на уровнях ниже осознаваемого, хотя любой из таких вопросов может оказаться актуальным для фокусирования на нём с дальнейшей развёрткой цепочки связей по этой линии.

Термины «гипертекст» и «интерфейс» в приложении к процессу идентификации слова

Каждый научный термин входит в определённую категориальную систему, имплицитно целый ряд соответствующих выводных знаний, т.е. перенесение термина в иную область знаний требует конкретизации с позиций принимающей системы координат. Поэтому уточним, как интересующие нас термины могут интерпретироваться с позиций психолингвистического подхода к идентификации слова как достояния индивида.

Моделирование речемыслительного процесса связано с решением множества частных вопросов, связанных с различными этапами и с получаемыми на каждом из них продуктами. Это требует вычленения тех или иных действий и операций для более подробного рассмотрения.

Идентификация слова как такового составляет обязательный этап во многих ситуациях жизнедеятельности человека, поэтому исследователи нередко обращаются к экспериментальным ситуациям, в которых выявляются стратегии и опоры, используемые носителями языка и культуры. Обратим внимание на то, что предъявление в эксперименте отдельного слова имитирует встречу с первым словом нового устного сообщения или письменного текста, не подготовленную ни ситуацией, ни предшествующим контекстом. Поскольку человеку свойственно исходить из презумпции наличия определённого смысла во всём воспринимаемом, немедленно запускается поиск опор в предшествующем опыте познания и общения с целью понять, о чём идёт речь. Иначе говоря, происходит перевод словоформы на язык смысла. Именно с этих позиций далее рассматривается прогностический потенциал интересующих нас терминов.

Откуда берётся этот «язык смысла»? В своё время Л.В. Щерба указал, что носитель языка производит своеобразную переработку речевого опыта, дающую своим продуктом речевую организацию индивида как один из аспектов языковых явлений [Щерба 1974]. В работе [Залевская 1977] уточнено, что фактически тем

самым был выделен самостоятельный (четвёртый) аспект языковых явлений, который представляет собой результат переработки опыта познания и общения; там же было предложено трактовать речевую организацию индивида как единую информационную базу человека, объединяющую результаты процессов анализа, синтеза, сравнения и классификации (от предельно дробных до наиболее обобщённых продуктов компрессии смысла). При этом имеет место постоянное взаимодействие перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта с увязыванием получаемых продуктов по всем возможным параметрам и признакам. Роль слова в этой единой сокровищнице знаний была приравнена к роли лазерного луча при считывании голограммы: находясь на пересечении множественных связей между единицами разных форматов, слово «высвечивает» в прежнем опыте опоры для цепочек выводных знаний (языковых и энциклопедических), для образов разных модальностей и т.д. По мере разработки новых информационных технологий обнаружилось, что понятие гипертекста фактически реализуется в такой трактовке единой информационной базы человека, в то же время уточняя и углубляя первоначальные представления о постоянном взаимодействии продуктов переработки опыта познания и общения. Отметим, что понятие мультимодального гипертекста, с одной стороны, подтверждает правомерность гипотезы единой информационной базы, разработанной более 40 лет тому назад, а с другой стороны – добавляет к трактовке гипертекста с позиций информатики новый аспект – проекцию на МГТ как живую систему.

Сложность обоснования необходимости привлечения понятия интерфейса при оперировании понятием МГТ определяется именно переходом к рассмотрению живой системы, о глубинном функционировании которой можно судить только по внешним проявлениям регистрируемых продуктов взаимодействующих процессов. Можно предположить, что на разных уровнях осознаваемости любой жизнедеятельности человека успешность адаптации к условиям текущей ситуации во многом зависит от работы механизма самоконтроля, бдительно следящего за соблюдением условий выбора возможных альтернатив совершаемых действий и операций как отвечающих поставленной цели. В ситуации идентификации слова как достояния индивида названный механизм даёт разрешение на установление той или иной связи или, наоборот, налагает на неё запрет в соответствии с результатами множественного маркирования вхождений в МГТ с позиций разделяемого в социуме коллективного знания. Скорее всего, вследствие сказанного выше, реализация принципа интерфейса неоднократно оказывается необходимой в ходе навигации по МГТ: от идентификации элементов словоформы до цепочек выводных знаний в русле актуализуемых смысловых полей. Иначе говоря, при несомненном взаимодействии единиц различных форматов на разных «шагах» развёртки гипотетической спирали процесса идентификации слова требуются своеобразные «переходники», так или иначе сопрягающие вербальное и невербальное, линейное и нелинейное и т.д., обеспечивая совокупный результат: переживание понятности как достижение поставленной цели. Решающую роль играет ориентация на смысл, однако при основополагающей опоре на личностный смысл механизм самоконтроля вносит уточнения посредством подключения показателей институционального маркирования. Успешность такого процесса проявляется в том, что издавна именуется «чувством языка».

Возвращаясь к термину «интерфейс» с позиций информатики, уточним, что применение его к рассмотренной выше ситуации идентификации слова как достояния

индивида в сочетании с предлагаемой трактовкой МГТ является оправданным, поскольку это отвечает представленной выше трактовке сути интерфейса. Постулирование роли принципа интерфейса в процессах идентификации слова как достояния индивида позволяет объяснить сопряжение механизма контроля с результатами институционального маркирования. В то же время к информационной трактовке понятия интерфейса могут быть добавлены разные виды взаимодействий (между общающимися, человеком и текстом, человека с самим собой и т.д.): в любом случае возникает потребность во взаимодействии вхождений разных форматов с глубинным развёртыванием цепочек выводных знаний, учитываемых на разных уровнях осознаваемости.

Заключение

В качестве обобщающего вывода представляется достаточным отметить, что в ходе развития мировой науки то и дело появляются идеи, интересные для разных областей знания, а также несущие некоторый потенциал, реализация которого может оказаться полезной для иных ситуаций. Рассмотренные термины могут служить примерами подобной ситуации. Некоторые из затронутых выше вопросов обсуждаются в книге [Залевская 2018].

Литература

Акимова Е.В. Электронный учебник по информатике [Электронный ресурс]. URL: <http://sgpek.ru/files/electronbook/Informatika/page36.html> (дата обращения: 22.03.2019).

Бабенков А. Интерфейс – это не то, о чём вы подумали [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/flood/38395-interfeys-eto-ne-to-o-chem-vy-poduma> (дата обращения 25.04.2019).

Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/4426247 (дата обращения 25.03.2019).

Для чего в Java нужны интерфейсы: Статья из группы Java Developer [Электронный ресурс]. URL: <https://javarush.ru/groups/posts/1981-dlja-chego-v-javanuzhnih-interfeysih> (дата обращения 27.03.2019).

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 558 с.

Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с. (Репродуцировано://Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. М.: Гнозис, 2005. С. 31–85.)

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 848 с.

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

SEOnews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seonews.ru/glossary/interfeys> (retrieval date: 24.04.2019).

TO INTERDISCIPLINARY PROGNOSTIC VALUE OF SCIENTIFIC TERMS

Alexandra A. Zalevskaya

Doctor of Philology,
Professor of language theory and translation
ul. Zhelyabova 33, Tver, Russia, 170004
aazalev@mail.ru

Some terms name universal tendencies in different spheres of our life and in application to a new task help to catch specific peculiarities unnoticed in traditional approaches. The terms “hypertext” and “interface” were introduced in informatics but they may be applied to word identification situation as socially fixed word meanings serve as a kind of interface between word forms and the results of navigating a personal live multimodal hypertext of interconnected products of perceptual, cognitive and emotionally evaluative processing of linguistic and cultural knowledge.

Keywords: hypertext, interface, identification, meaning, sense, sufficient semiosis

References

Akimova E.V. Elektronnyj uchebnik po informatike [Electronic textbook on informatics] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://sgpek.ru/files/electronbook/Informatika/page36.html> (access date: 22.03.2019). (In Russian).

Babenkov A. Interfejs – eto ne to, o chyom vy podumali [Interface – it’s not what you think] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vc.ru/flood/38395-interfejs-eto-ne-to-o-chem-vy-poduma> (retrieval date: 25.04.2019). (In Russian).

Bol’shaya rossijskaya enciklopediya [Great Soviet Encyclopedia] [Elektronnyj resurs]. URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/4426247 (retrieval date: 25.03.2019). (In Russian).

Dlya chego v Java nuzhny interfejsy: Stat’ya iz gruppy Java Developer [What interfaces in Java are for: Java Developer Group article] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://javarush.ru/groups/posts/1981-dlja-chego-v-java-nuzhnih-interfejsih> (access date: 27.03.2019). (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik [Introduction to Psycholinguistics: a textbook] 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2007. 558 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Voprosy estestvennogo semiozisa: monografiya [To the problem of natural semiosis: monograph]. Tver’: Tver. gos. un-t, 2018. 160 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Problemy organizacii vnutrennego leksikona cheloveka [The problems of Individual Inner Lexicon Structure]. Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1977. 83 s. (Reproducirovano: // Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbr. tr. M.: Gnozis, 2005. S. 31–85.) (In Russian).

Krysin L.P. Tolkovyj slovar’ inoyazychnyh slov [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. M.: Rus. yaz., 1998. 848 s. (In Russian).

Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovyh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena and experiment in linguistics] // Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. L.: Nauka, 1974. S. 24–39. (In Russian).

SEOnews [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://www.seonews.ru/glossary/interfeys/> (retrieval date: 24.04.2019).

УДК 81'23: 39 DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЖИВОГО СЛОВА

Курганова Нина Ивановна

Доктор филологических наук, профессор
кафедры межкультурной экономической
коммуникации Белорусского государственного
экономического университета
220070, Минск, Республика Беларусь,
пр. Партизанский, 26.
nkurganova@gmail.com

В статье дается обоснование использования ассоциативного эксперимента как способа исследования значения живого слова. Живое слово соотносится с двумя системами знаний – социальной и личностной – и функционирует по принципу смыслового поля, объединяющего значения и смыслы, процессы и результаты когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума. Исследование функционирования значения живого слова с учётом двойной соотнесенности ставит задачу дальнейшего изучения возможностей ассоциативных экспериментов в репрезентации структур знания и требует разработки специальных приемов и экспериментальных процедур.

Автор выдвигает и обосновывает положение о когнитивно-дискурсивной природе ассоциативного поля, полученного в условиях продолженного ассоциативного эксперимента, который обеспечивает доступ к глубинным структурам знания и активизирует процессы естественного семиозиса, которые протекают по законам речемыслительной и когнитивно-дискурсивной деятельности в соответствии с правилами и нормами определенной культуры. Идентификация слова в условиях естественного семиозиса осуществляется как перевод значений на смыслы и смыслов на значения и протекает как многоэтапный процесс, который раскрывается в терминах смыслового поля, функционирующего на разных уровнях осознания.

С целью выделения функциональных опор смыслового поля автор предлагает двухуровневую методику анализа ассоциативного поля через призму структурных и операциональных параметров. Структурные параметры представляют результаты познания и описываются с помощью аналитических структур знания посредством моделирования стереотипного ядра ассоциативного поля, когнитивной и смысловой структур слова. Операциональные параметры характеризуют когнитивные процессы, связанные с идентификацией слова, и раскрываются посредством моделирования метастратегий, стратегий, схем и когнитивных операций. Всё это позволило выделить блок того операционального знания, которое определяет характер результатов идентификации слова и обуславливает специфику функционирования значения живого слова.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, продолженный ассоциативный эксперимент, А.А.Залевская, живое слово, смысловое поле, структурные и операциональные параметры значения слова, когнитивные стратегии, схемы и операции

Введение

Ассоциативный эксперимент выступает одним из наиболее надежных и эффективных методов, обеспечивающих доступ к изучению структур знания и сознания. Широкие возможности использования ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) обусловлены, прежде всего, тем, что он обеспечивает доступ к информационной базе человека [Залевская 1977; 1992; 2000; 2005; 2007] и позволяет наблюдать процессы естественного семиозиса [Залевская 2011; 2018].

Следует отметить, что в Тверской психолингвистической школе, созданной и возглавляемой её бессменным лидером А.А. Залевской, накоплен солидный научный опыт по использованию ассоциативных экспериментов с целью изучения значения слова и механизмов его идентификации. АЭ используются в разных научных целях: изучения ментального лексикона через призму индивидуального знания и многостороннего опыта индивида, моделирования процессов знакового семиозиса, проведения психологического портретирования личности (см. подр.: [Залевская 1992; 2005; 2011]). Обоснование важности выявления общего и специфичного в реализации моделей ассоциативных связей носителями разных лингвокультур даётся в работах А.А. Залевской, (см., например: [Залевская 1979; 2005; 2011]) и ряда ее учеников [Курганова, 2012].

В российской психолингвистике ассоциативный эксперимент рассматривается также как надёжный способ изучения содержания языкового сознания, поскольку ассоциативное поле, сформированное из вербальных реакций испытуемых, указывает «на содержание, входящее в национальный ментальный образ конкретного культурного предмета» [Уфимцева Н.В. 2000: 142]). Ассоциативные эксперименты используются в психолингвистике с целью изучения этнических стереотипов [Голикова 2005], содержания обыденного сознания [Чулкина 2004], а также АЭ позволяет выявить через скрытые установки испытуемых структуру их ценностей [Фрумкина 2007]. Ассоциативные эксперименты широко используются российскими учёными для изучения динамики структур знания и сознания. Проблема динамики значения активно исследовалась на богатом экспериментальном материале А.А. Залевской (см., например: [Залевская 2007; 2011, 2014]). О необходимости изучения ассоциативных полей (далее – АП) в динамическом аспекте говорят в своих работах В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, которые занимаются изучением возрастной специфики сознания (см. подр.: [Гольдин 2009; Сдобнова 2007; 2009]).

Важно отметить, что свободный и направленный ассоциативные эксперименты широко используются сегодня также в ряде других лингвистических и гуманитарных наук, например, в когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии, лингвокультурологии, психологии и социальной психологии (см., например: [Артемьева 1999; Попова, Стернин 2002, 2007; Воркачëв 2007]).

Однако ассоциативное поле не может изучаться вне взаимосвязи с общими подходами и тенденциями в языкознании и гуманитарных науках. Антропоцентрический подход к изучению языка как достояния человека и социума, трактовка значения как живого знания ставят задачу дальнейшего уточнения возможностей АЭ в репрезентации структур знания и сознания.

Значение живого слова через призму смыслового поля

Наука пока очень мало знает о том, что представляет собой то знание, которое свёрнуто в слове, и которым пользуется человек в процессах познания и общения.

Вслед за А.А. Залевской, мы называем это знание *живым*, репрезентированным посредством *живого слова*. Указания на необходимость обращения к слову как *живому знанию* в противовес его препарированию в научных и учебных целях содержатся в работах учёных уже в конце 19 и начале 20-х вв. (А.А. Потебня, Л.В. Щерба). В современной российской психолингвистике эту традицию продолжает А.А. Залевская, на протяжении многих лет разрабатывающая теорию живого слова (см., например: [Залевская 2010а, 2010б, 2011, 2014]). Учёный говорит о выделении живого слова как нового объекта исследования в современной психолингвистике, поскольку его значение не тождественно тому, как оно представлено в словарях. Все это ставит задачу уточнения природы того живого знания, которое лежит за словом у носителей языка.

Отличительной особенностью живого слова является свойство двойной соотнесённости. Это значит, что значение живого слова опосредовано, с одной стороны, системой культурных значений, вырабатываемых социумом, а, с другой, – совокупностью когнитивно-дискурсивных процессов, в которых участвует слово благодаря смыслообразовательной активности индивидов. Свойство соотнесённости значения слова с социальной и личностной системами знаний позволяет описывать значение живого слова через призму смыслового поля, которое объединяет две формы функционирования живого знания – значения и смыслы, процессы и результаты когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума. Связующим звеном между индивидуальным и коллективным знанием выступают речевые действия, обеспечивающие освоение значений и конструирование смыслов.

Смысловое поле представляет собой неразрывное единство значений и смыслов, процессов и результатов когнитивно-дискурсивной деятельности индивидов и социума: одно не существует без другого, что обеспечивает динамический континуальный характер значения слова (см. подр.: [Курганова 2012б: 30–35; 2014: 319–324]).

Слитность и внутреннее единство процессов и результатов не исключает активной роли операционального знания. Более того, процессы определяют результаты познания, поскольку смысловое поле существует благодаря смыслообразовательной деятельности живых людей и ею определяется. Исследование значения живого слова предполагает включение этого слова в процессы естественного семиозиса, позволяющие наблюдать специфику его функционирования в обыденном сознании носителей языка и культуры.

Специфика смыслового поля раскрывается через призму *структурных* и *операциональных параметров* слова. Структурные параметры репрезентируют результаты идентификации слова и описываются с помощью аналитико-признаковых структур. Операциональные параметры представлены посредством когнитивных процессов, которые формируют блок операционального знания. Исследование значения живого слова через увязываемое со словом смысловое поле требует уточнения природы ассоциирования и ставит задачу выделения этапов и уровней идентификации слова.

Когнитивно-дискурсивная природа ассоциативного поля

Исследование значения живого слова с учётом двойной жизни значений потребовало теоретического обоснования когнитивно-дискурсивного подхода к анализу АП, а также разработки специальных методик и экспериментальных процедур, ориентированных, прежде всего, на актуализацию смыслообразовательных процессов (естественного семиозиса).

В основу концепции когнитивно-дискурсивной природы ассоциативного поля была положена теория слова как средства доступа к единой перцептивной, когнитивной и аффективной информационной базе человека, разработанная А.А. Залевской (1979/2010), а также идеи и положения о коммуникативной природе АП, представленные в работах А.А.Залевской (2000/2010), В.А. Пищальниковой (2007) и Ю.Н. Караулова (1996). Кроме того, важными теоретическими посылками при разработке нашей концепции послужили следующие идеи и положения:

1) положение о ведущей роли процессов, это значит, что моделирование структурных и операциональных параметров значения живого слова базируется на анализе смысловой связи «слово-стимул – ассоциат»;

2) признание многоуровневого и многоэтапного характера процессов естественного семиозиса в ходе идентификации слова, что потребовало выделения функциональных опор на метакогнитивном, когнитивном, семантическом и речевом уровнях;

3) принцип целостности значения живого слова, который предполагает учёт двух форм функционирования знания – структурных и операциональных параметров смыслового поля.

В работах А.А. Залевской, В.А. Пищальниковой, Ю.С. Караулова и других отечественных учёных неоднократно высказывалась мысль о коммуникативной и предикативной природе ассоциирования. Согласно Ю.Н.Караулову, АЭ представляет собой особый тип речевого взаимодействия между испытуемыми и экспериментатором, который разворачивается по законам предикации [Караулов 1996: 95]. По мнению В.А. Пищальниковой, многочисленные данные, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, дают богатый материал для анализа пары «стимул – реакция» как речевого действия [Пищальникова 2007: 20]. В соответствии с психолингвистической концепцией слова А.А. Залевской [Залевская 1977, 1992, 2000, 2005, 2011] АЭ позволяет наблюдать процессы знакового семиозиса, поскольку обеспечивает «перевод» функционирующего в культуре знака на язык смыслов и поиск имени, «которое способно выступить в качестве социально признанного знака...» [Залевская 2011: 56].

Высказанные идеи и мнения на природу ассоциирования, а также анализ конкретного материала ассоциативных экспериментов позволили нам сформулировать положение о том, что при определенных условиях порождение вербальных реакций в условиях ассоциативного эксперимента протекает по законам речемыслительной и когнитивно-дискурсивной деятельности в соответствии с правилами и нормами определенной культуры.

Для того чтобы активизировать словообразовательные процессы, необходимо обеспечить мотив речемыслительной активности. С этой целью мы существенно трансформировали процедуру и условия проведения АЭ. Участникам эксперимента было предложено дать в письменной форме *по пять* ассоциативных реакций на слово-стимул на родном языке. Сформулированная таким образом цель должна была активировать соответствующий фрагмент образа мира в сознании испытуемых и «запустить» процессы «порождения смыслов». Это выражалось в вербализации цепочки ассоциативных реакций, например, *семья – тепло, дом, мать, родители, каникулы; школа – учитель, друзья, урок, учёба, столовая; работа – деньги, обязанность, усердие, офис*. Подобный способ проведения АЭ получил название как продолженный ассоциативный эксперимент – extended word association test

(EWAT). Главное его отличие от свободного эксперимента заключается в том, что он обеспечивает доступ не к вербальным сетям, а к глубинным структурам знания (долговременной памяти человека) и запускает процессы естественного семиозиса (смыслопорождения) в соответствии с нормами и правилами национальной культуры. В цепочном эксперименте испытуемым предлагается произносить любые пришедшие в голову отдельные слова в установленную единицу времени. При этом главная задача исследователя – определить длину ассоциативного ряда, порождаемую неосознанно за определенный период времени, а также количество и размер семантических гнезд, поскольку на этом основании делается заключение о специфике личностно-психологических особенностей испытуемого, например, о наличии у него зон индивидуальной психической напряженности. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что продолженный ассоциативный эксперимент представляет собой особый вариант ассоциативных тестов, поскольку он существенно отличается от свободного и цепочного как по методике проведения, так и по своим целям.

Следует отметить, что в условиях продолженного АЭ при инструктировании испытуемых особое внимание обращалось на необходимость удерживать в поле сознания слово-стимул в ходе порождения ассоциатов. Вербальные реакции записывались в письменной форме, что еще больше усиливает определенную направленность сознания участников экспериментов на актуализацию того или иного фрагмента сознания. Таким образом, мы полагаем, что для участников для участников эксперимента процесс установления ассоциативных связей носит мотивированный характер, ориентированный на поиск ответа для самого себя и для организатора испытаний, относительно того, что такое «дом», «семья», «работа», «друзья». Это свидетельствует о том, что процессы ассоциирования протекали как процессы конструирования смыслов в соответствии с нормами и правилами культуры испытуемых. Абсолютное отсутствие ассоциативных реакций по звуковому созвучию является убедительным подтверждением того, что поведение испытуемых в условиях продолженного ассоциативного эксперимента осуществлялось в рамках речемыслительной деятельности и в соответствии с нормами культуры испытуемых.

Идентификация слова в условиях естественного семиозиса предполагает осмысление слова в соответствии с образом мира (информационной базой) индивида и осуществляется как перевод значений на смыслы и смыслов на значения, что позволяет выделить следующие ступени в ходе естественного семиозиса: а) актуализация образа мира индивида и формирование замысла, б) выделение смыслов, в) конструирование (программирование) высказывания и г) речевая реализация (см. подр.: [Курганова, 2012б: 232–235]). Это значит, что процесс идентификации слова протекает как многоэтапный и многоуровневый. Первичная дифференциация смысловых процессов начинается на метакогнитивном уровне, который отвечает за выбор генеральной стратегии. Это уровень актуализации образа мира в сознании носителей языка. На когнитивном уровне уточняется направление идентификации смыслов; это уровень схем и пропозиций. Семантический уровень – это уровень семантико-синтаксических структур, на котором оформляются смысловые признаки и получают свою определенность когнитивные операции. Уровень речевой реализации (дискурсивный) предполагает выбор средств и способов вербализации смысловой связи. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход к анализу АП позволил выделить функциональные опоры процессов и результатов идентификации слова на

метакогнитивном, когнитивном, семантическом и речевом (дискурсивном) уровнях смыслового поля слова.

Моделирование структурных и операциональных параметров значения живого слова

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению значения живого слова потребовал разработки двухуровневой методики анализа ассоциативных полей. Данная методика основывается на анализе смысловых связей между словом-стимулом и ассоциативной реакцией, где ассоциат выражает коммуникативное намерение говорящего [Пищальникова 2007: 104].

Комплекс процедур по реконструкции и моделированию структурных параметров смыслового поля, репрезентированного живым словом, включает:

1) структурирование всего массива полученных ассоциативных реакций в соответствии с принципом частотности и выделение на этой основе стереотипного ядра АП в виде десяти самых частотных ассоциатов;

2) реконструкцию смысловых связей между словом-стимулом и ассоциатами ассоциативных полей, полученных от двух групп испытуемых;

4) классификацию всех ассоциатов поля в соответствии с типом смысловой связи и определение на этой основе когнитивных слоёв;

5) ранжирование когнитивных слоёв в соответствии с количественными параметрами и моделирование когнитивной структуры значения слова, выделение ядерных и периферийных слоёв;

6) моделирование смысловой (признаковой) структуры значения слова исследуемых слов на основе реконструированных пропозициональных структур и учёта семантических характеристик ассоциатов.

Таким образом, анализ *структурных параметров* значения слова на базе одноименных ассоциативных полей включал в себя моделирование следующих функциональных опор: а) стереотипного ядра АП в составе десяти наиболее частотных ассоциатов поля, б) когнитивной структуры слова и в) смысловой (признаковой) структуры слова (см. подр.: [Курганова 2012а, 2012б]). Характерно, что моделирование структурных параметров не просто фиксирует набор смыслов, конструируемых в ходе смыслообразовательной активности, но и ранжирует их в соответствии с ценностными установками культур, опытом и знаниями носителей языка.

Трудность в моделировании *операциональных параметров* значения заключалась в том, что, как отмечает А.А. Залевская, процессы и механизмы получения знаний сами по себе недоступны сознательной интроспекции, они скрыты от познающего субъекта [Залевская 2000: 72]. К тому же в психолингвистике и этнопсихолингвистике нет соответствующей методики реконструкции речевого действия на базе АЭ, в силу чего операциональное знание (знание процедур) практически не исследуется в отечественной науке. Как отмечает В.А. Пищальникова, реальным препятствием к началу практического изучения вербальной пары «стимул – реакция» как речевого действия является отсутствие достаточно разработанных процедур анализа АП с этой точки зрения [Пищальникова 2007: 20].

При разработке методики исследования операциональных параметров смыслового поля слова мы учитывали положение о многоэтапном и многоуровневом характере речевого действия, что позволило предложить следующий набор приёмов и процедур:

1) анализ смысловой связи «слово-стимул – ассоциат», включая единичные реакции, полученные в процессе АЭ и выделение набора глубинных пропозиций;

2) выделение когнитивных схем на основе анализа смысловой связи «слово-стимул – ассоциат»;

3) моделирование когнитивных операций на основе учёта семантики ассоциатов, используемых россиянами и французами в процессе идентификации слова; выделение ведущих когнитивных операций, составляющих операциональное ядро в сфере когнитивных процессов;

4) моделирование когнитивных стратегий идентификации слова, используемых носителями двух языков и культур, выделение метастратегий.

Моделирование операциональных параметров идентификации значения слова велось с учётом выделения следующих уровней порождения высказывания: *метакогнитивного, когнитивного и семантического*, что позволило нам смоделировать функциональные опоры речевого действия на разных уровнях речемыслительной деятельности:

МЕТАКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ – метастратегии

КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ – когнитивные схемы, пропозиции

СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ – когнитивные операции

РЕЧЕВОЙ УРОВЕНЬ – вербализация.

Моделирование структурных и операциональных параметров живого слова, выполненных на материалах ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Франции (2000–2008), России, Канаде, США и Норвегии (2015–2017) (см. подр.: [Курганова и др. 2017]), позволило сделать вывод о том, что первичная дифференциация смысловых процессов начинается на метакогнитивном уровне, который отвечает за выбор генеральной стратегии. Идентификация слова носителями языка и культуры осуществляется по путям рационального и/или эмоционально-оценочного отношения к миру, что выражается в дифференциации двух генеральных метастратегий:

1) ОБЪЕКТ – ПОЗНАНИЕ (*Франция – Эйфелева башня*)

2) ОБЪЕКТ – ОЦЕНКА/ ОТНОШЕНИЕ (*Франция – красивая!*

Франция – хочу!).

Следующим важным фактором дифференциации процессов естественного семиозиса выступает формат кодирования представлений, в результате чего процессы идентификации слова могут протекать в опоре как на некоторый *признак*, так и на *целостный комплекс* или *ситуацию*, что ведёт к выделению двух когнитивных схем установления ассоциативной связи:

1) ИМЯ – ПРИЗНАК

2) ИМЯ – ЦЕЛОСТНЫЙ КОМПЛЕКС или СИТУАЦИЯ.

В условиях продолженных ассоциативных экспериментов идентификация слова с опорой на признак реализуется чаще всего по типу предикативной связи, что предполагает выделение одной из сторон или одного из признаков объекта. Этот тип смысловой связи можно однозначно описать посредством глубинных предикатов. Например,

Дом [есть] ЧТО

Дом [есть] КАКОЙ

Дом [служит для] ЧЕГО

Дом [находится] ГДЕ

Дом [требует] ЧЕГО и т.д.

Установление смысловой связи по принципу целостного комплекса отличается нерасчленённым характером, его содержание трудно поддаётся однозначному переводу на язык предикатов, например, «дом» – облака; «дом» – тишина, «дом» – запах, «работа» – грязь, работа – голубой цвет, работа – сплетни и т.д. Характер смысловой связи в этих случаях может быть раскрыт с помощью ряда пропозиций типа:

«дом» – облака»

Я ВИЖУ ДОМ;

Я ВИЖУ НЕБО;

НА НЕБЕ [есть] ОБЛАКА.

Комплексный (нерасчлененный) путь идентификации позволяет «направить» смыслообразование по более экономному пути, фиксируя только “целевой” компонент.

На семантическом уровне главным механизмом идентификации значения слова выступают *когнитивные операции*, которые играют активную роль в процессах смыслопорождения. Когнитивные операции, сформированные в предыдущем опыте индивида, служат определённой матрицей для экономичной и эффективной обработки информации, в силу чего они определённым образом детерминируют содержание знания и стратегии получения знания в дальнейшем.

Определённый набор метастратегий, стратегий, схем и когнитивных операций формирует блок операционального знания. Это знание не осознаётся познающим субъектом, но оно структурировано, что позволяет говорить о выделении стабильного ядра, представляющего собой набор наиболее типичных и регулярно воспроизводимых стратегий, схем и когнитивных операций, направляющих смыслообразовательную активность членов социума.

Таким образом, процедура продолженного ассоциативного эксперимента обеспечивает доступ к изучению процессов естественного семиозиса и позволяет обнаружить то смысловое поле, которое репрезентировано словом. Всё это позволяет сделать вывод о том, что материалы АЭ могут служить надёжной базой не только для исследования структур знания, эксплицитно выраженных в слове, но и для реконструкции того неосознаваемого знания, к которому относится блок операционального знания.

Выводы

Результаты проведения ассоциативных экспериментов в разных странах (России и Франции; России, Канаде, США и Норвегии), а также исследования представителей российской психолингвистической школы позволяют сделать вывод, что ассоциативный подход обладает большим потенциалом в плане исследования как живого слова, так и его значения.

Отличительным свойством значения как живого знания является признание его двойной онтологии, т.е. вхождения значения в две разные системы знаний – социальную и личностную, что требует поиска новых методов исследования, дальнейшего изучения возможностей ассоциативных экспериментов, уточнения природы АП.

Соотнесенность значения живого слова с общественным и индивидуальным сознанием предполагает учёт двух форм функционирования живого знания – значений и смыслов, процессов и результатов, что позволяет его описывать в терминах смыслового поля, отличающегося динамическим континуальным характером.

Изучение значения слова через призму его смыслового поля предполагает включение этого слова в процессы естественного семиозиса, позволяющие наблюдать функционирование слова в обыденном сознании носителей языка и культуры. Подобную возможность обеспечивают продолженные ассоциативные эксперименты, обеспечивающие доступ к долговременной памяти индивида и активизирующие процессы смыслопорождения в соответствии с правилами и нормами определённой культуры.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу АП позволяет представить процесс идентификации слова как перевод значений на смыслы и смыслов на значения, а также выделить основные этапы и уровни процессов естественного семиозиса. Кроме того, данный подход к трактовке АП акцентирует роль операционального (процессуального) знания и позволяет моделировать процессы и результаты естественного семиозиса на разных уровнях осознания.

Специфика значения живого слова раскрывается посредством моделирования структурных и операциональных параметров смыслового поля, функционирующего на когнитивном, семантическом и дискурсивном уровнях. Структурные параметры смыслового поля слова представляют результаты познания и описываются с помощью аналитических структур знания посредством моделирования стереотипного ядра АП, когнитивной и смысловой структур слова.

Моделирование операциональных параметров функционирования значения слова имеет целью выделение основных составляющих речевого действия на метакогнитивном, когнитивном и семантическом и уровнях, что позволило выделить блок операционального знания, репрезентированного набором метастратегий, стратегий, схем и когнитивных операций. Генеральная стратегия (метастратегия) координирует работу и взаимодействие разноуровневых факторов, обеспечивает их взаимосвязь. Когнитивные схемы обуславливают способ интерпретации опыта и знаний, играют важную роль в выборе формата идентификации слова. Когнитивные операции отвечают за «означивание» смыслов; реализуясь в семантике языка, они соединяют мышление и сознание, структуры знаний и процессы. Именно это операциональное знание, представляющее собой набор наиболее типичных и регулярно воспроизводимых стратегий, схем и когнитивных операций, направляет смыслообразовательную активность членов социума и определяет специфику смыслового поля слова. Таким образом, процедура продолженного ассоциативного эксперимента обеспечивает доступ к изучению процессов и результатов естественного семиозиса и позволяет обнаружить то смысловое поле, которое обеспечивает специфику значения живого слова.

Литература

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография. М.: Гнозис, 2007. 284 с.

Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента): монография. М.: ИЯ РАН, 2005. 322 с.

Гольдин В.Е. Коммуникативные стратегии в ассоциативном эксперименте // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов (Москва, 15–17 июня 2009 г.) / ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов, (отв. ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. М.: Изд-во «Эйдос», 2009. С. 203–204.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1979. 84 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1992. 136 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник; Российск. гос. гуманит. ун-т. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (1) // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2010а. № 5. Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 175–193.

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования / А.А. Залевская // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст., посвящ. памяти Ю. А. Сорокина / под ред. Н. В. Уфимцевой, В.В. Красных, А. И. Изотова. М., 2010б. С. 9–15.

Залевская А.А. Значение слова сквозь призму эксперимента: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. 239 с.

Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. 160 с.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 67–96.

Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». 2012а. № 29. Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 70–77.

Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании значения слова: монография. Мурманск: МГГУ, 2012б. 296 с.

Курганова Н.И. Смысловое поле как способ функционирования значения // Вестник Тверского гос. ун-та. 2014. № 2. Серия «Филология». С. 319–324.

Курганова Н.И. и др. Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона; Мурманский арктический государственный университет. Под общ. ред. Н.И. Кургановой. Мурманск: МАГУ, 2017. 352 с.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: Московский гос. лингв. ун-т, 2007. 200 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, Истоки, 2002. С. 6–25.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. 134 с.

Сдобнова А.П. Ядро языкового сознания школьников: функционально-семантическая структура // Языковое сознание: парадигмы исследования: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.–Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. С.169–192.

Сдобнова А.П. Ядро внутреннего лексикона школьников: динамика и устойчивость // Материалы международной конференции по психолингвистике «Горизонты психолингвистики» 23–24 октября 2009 г. Тверь, Тверской гос. ун-т. 2009. С. 247–252.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: РАН ИЯ. 2-е изд. – 2000. С. 135–170.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 320 с.

Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание: монография. М.: Изд-во РУДН, 2004. 256 с.

Zalevskaya Alexandra (2014). Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach /Alexandra Zalevskaya. 1. Word meaning theory. 2. Psycholinguistics. London, IASHE. 180 p.

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF STUDYING THE LIVING WORD MEANING

Nina I. Kurganova

DSc. in Linguistics,

Professor of the Department of Intercultural Business Communication of

Belarus State Economic University

Partizanskij per., 26

Minsk, Belarus;

nkurganova@gmail.com

In the current study, an explanation of the use of the association experiment as a method of studying the living word meaning is given. The living word relates to the two systems of knowledge – social and personal – and is functioning according to the principle of the meaning field, which combines meanings and senses, processes and results of the cognitive-discursive activity of an individual and society. Thus, the study that investigates the functioning a living word meaning and considers the double correlation, questions the problem of the further research of opportunities that association experiments provide to represent knowledge structure and requires the development of special methods and experimental procedures.

The author suggests and explores a thesis of cognitive-discursive nature of the association field, obtained in an extended associative experiment, which provides the access to deep knowledge structures and activates processes of natural semiosis, which follow the

laws of cognitive-discursive activity according to the rules and norms of the determined culture. The identification of a word in natural semiosis conditions is carried out as a transition of meanings to senses, and senses to meanings, and runs as a multistage process, which warps out on different levels of consciousness.

While aiming to define functional bases of the meaning field, the author suggests the two-level methodology of the association field analysis, through the prism of structural and operational parameters. Structural parameters are products of cognition and are defined with analytical structures of knowledge by modeling the stereotypical core of the association field, the cognitive and meaning structures of the word. Operational parameters define cognitive processes bonded with word identification and released through modeling meta-strategies, strategies, schemes and cognitive operations. This allows defining a set of the operational knowledge which determines results of word identification and specifies functioning of the living word meaning.

Keywords: association experiments, extended word association test, living word, meaning field, structural and operational parameters of the meaning of a word, cognitive strategies, schemes and operations

References

Artemeva E.Yu. Osnovy psihologii subektivnoj semantiki [Fundamental of the psychology of subjective semantics]. M.: Nauka; Smysl, 1999. 350 s. (In Russian).

Vorkachev S.G. Lyubov kak lingvokulturnyj koncept [Love as a lingua-cultural concept]: monografiya. M.: Gnozis, 2007. 284 s. (In Russian).

Golikova T.A. Etnopsiholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya (na materiale altajsko-russkogo asociativnogo eksperimenta) [Ethno-psycholinguistic research of language consciousness (based on the data of Altai-Russian experiment)]: monografiya. M.: IYa RAN, 2005. 322 s. (In Russian).

Goldin V.E. Kommunikativnye strategii v asociativnom eksperimente [Communicative strategies in the associative experiment] // Psiholingvistika v XXI veke: rezultaty, problemy, perspektivy [Psycholinguistic in the XXI century]: XVI mezhdunarodnyj simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii: tezisy dokladov (Moskva, 15–17 iyunya 2009) / red. kollegiya: E.F. Tarasov, (otv. red.), O.V. Balyasnikova, E.S. Oshepkova, N.V. Ufimceva. M.: Izd-vo «Ejdos», 2009, s. 203–204. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Problemy organizacii vnutrennego leksikona cheloveka [Problems of the organization of human mental lexicon]: ucheb. posobie. Kalinin: Kalininskij gos. un-t, 1977. 83 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Mezhyazykovye sopostavleniya v psiholingvistike [Interlanguage comparisons in psycholinguistics]: ucheb. posobie. Kalinin: Kalininskij gos. un-t, 1979. 84 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Individualnoe znanie: Specifika i principy funkcionirovaniya [Individual knowledge: specifics and principles of its functioning]: monografiya. Tver: Tverskoj gos. un-t., 1992. 136 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to psycholinguistics: textbook]: uchebnik. M.: Rossijskij gos. gumanit. un-t, 2000. 382 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst [Psycholinguistic research. Word. Text]: izbrannye trudy. M.: Gnozis, 2005. 543 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik [Introduction to psycholinguistics: textbook] . 2-e izd. ispr. i dop. M.: Rossijskij gos. gumanit. un-t, 2007. 560 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Znachenie slova v zerkale psiholingvisticheskogo portretirovaniya (1) [The meaning of the word through of psycholinguistic profiling] // Vestnik Tverskogo gos. un-ta [Bulletin of the Tver State University]. Seriya Filologiya. 2010a. № 5. Vyp. 3 «Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya», s. 175–193. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Dvojnaya zhizn znacheniya slova i vozmozhnosti ee issledovaniya [Dual life of a word meaning and possibilities of its research] // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: sbornik nauch. statej, posvyash. pamyati Yu. A. Sorokina [Language, consciousness, communication: collection of articles in honour of Y.A. Sorokin] / pod red. N. V. Ufimcevoj, V.V. Krasnyh, A. I. Izotova. M., 2010b, s. 9–15. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Znachenie slova skvoz prizmu eksperimenta [The meaning of a word through the prism of an experiment]: monografiya. Tver: Tverskoj gos. un-t, 2011. 239 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Voprosy estestvennogo semiozisa [Questions of natural semiosis]: monografiya. Tver: Tverskoj gos. un-t, 2018. 160 s. (In Russian).

Karaulov Yu.N. Tipy kommunikativnogo povedeniya nositelya yazyka v situacii lingvisticheskogo eksperimenta [Types of communicative behaviour of native speakers in conditions of a linguistic experiment] // Etnokulturnaya specifika yazykovogo soznaniya [Ethno-cultural specifics of language consciousness]: sbornik statej / otv. red. N.V. Ufimceva. M.: IYa RAN, 1996, s. 67–96. (In Russian).

Kurganova N.I. Smyslovoe pole pri modelirovanii strukturnyh i operacionalnyh parametrov znacheniya slova [Meaning field in modelling structural and operational parameters of a word meaning] // Vestnik Tverskogo gos. un-ta [Bulletin of the Tver State University]. Seriya «Filologiya». 2012a. № 29. Vyp. 4 «Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya», s. 70–77. (In Russian).

Kurganova N.I. Smyslovoe pole pri modelirovanii znacheniya slova [Meaning field in modelling the meaning of a word]: monografiya. Murmansk: MGGU, 2012b. 296 s. (In Russian).

Kurganova N.I. Smyslovoe pole kak sposob funkcionirovaniya znacheniya [Meaning field as a way of word functioning] // Vestnik Tverskogo gos. un-ta [Bulletin of the Tver State University]. 2014. № 2. Seriya «Filologiya», s. 319–324. (In Russian).

Kurganova N.I. i dr. Nacionalno-kulturnaya specifika yazykovogo soznaniya zhitelej Arkticheskogo regiona [The national-cultural specificity of the language consciousness of the inhabitants of the Arctic region]; Murmanskij Arkticheskij gos. un-t. Pod obsh. red. N.I. Kurganovoj. Murmansk: MAGU, 2017. 352 s. (In Russian).

Pishalnikova V.A. Istoriya i teoriya psiholingvistiki: kurs lekcij [History and theory of psycholinguistics: lecture materials]. Ch. 2. Etnopsiholingvistika [Ethno-psycholinguistics]. M.: Moskovskij gos. lingv. un-t, 2007. 200 s. (In Russian).

Popova Z.D., Sternin I.A. Yazyk i soznanie: teoreticheskie razgranicheniya i ponyatijnyj apparat [Language and consciousness: theoretical basis and notions] // Yazyk i nacionalnoe soznanie. Voprosy teorii i metodologii [Language and national consciousness. Theory and methodology questions]. Voronezh, Istoki, 2002, s. 6–25. (In Russian).

Popova Z.D. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 s. (In Russian).

Sazonova T.Yu. Modelirovanie processov identifikacii slova chelovekom: psiholingvisticheskiy podhod [Modelling the processes of the word identification by human]: monografiya. Tver: Tverskoj gos. un-t, 2000. 134 s. (In Russian).

Sdobnova A.P. Yadro yazykovogo soznaniya shkolnikov: funkcionalno-semanticheskaya struktura [Nucleus of language consciousness of school children: functional-semantic structure] // Yazykovoe soznanie: paradigmny issledovaniya: sb. statej [Language consciousness: study paradigms] / pod red. N.V. Ufimcevoj, T.N. Ushakovej. M.–Kaluga: IP Koshelev A.B. (Izd-vo «Ejdos»), 2007, s.169–192. (In Russian).

Sdobnova A.P. Yadro vnutrennego leksikona shkolnikov: dinamika i ustojchivost [Nucleus of inner lexicon of school children: dynamics and stability] // Materialy mezhdunarodnoj konferencii po psiholingvistike «Gorizonty psiholingvistiki» [Psycholinguistic horizons] (23–24 oktyabrya 2009). Tver, Tverskoj gos. un-t. 2009, s. 247–252. (In Russian).

Ufimceva N.V. Etnicheskij harakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkih [Ethnic character, Russian self-image and language consciousness] // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie: sbornik statej [Language consciousness: construction and functioning] / otv. red. N.V. Ufimceva. M.: IYa. RAN 2-e izd. – 2000. s. 135–170. (In Russian).

Frumkina R.M. Psiholingvistika [Psycholinguistics: student book for higher education]. 3rd ed. Moscow: uch. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 3-e izd., ispr. M.: Izd. centr «Akademiya», 2007. 320 s. (In Russian).

Chulkina N.L. Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkih: Lingvokulturlogicheskoe opisanie [The world of everyday-life in Russian language consciousness: linguocultural description]: monografiya. M.: Izd-vo RUDN, 2004. 256 s. (In Russian).

Zalevskaya Alexandra (2014). Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach / Alexandra Zalevskaya. 1. Word meaning theory. 2. Psycholinguistics. London, IASHE. 180 p.

ОБ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ ПОНЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393
«Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики
и лингводидактики».

Оборина Марина Владимировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
Тверского государственного университета
170100, г. Тверь, ул. Желябова д. 33
Oborina.MV@tversu.ru; mobor@mail.ru

Автор статьи обращается к некоторым существенным категориям лингводидактики, в частности, к категории «иностранного языка» как объекту исследования, первичной и вторичной языковой личности, а также к роли текста и перевода в их формировании. Лингводидактика полагает языковую личность в качестве одного из компонентов существования языка – того, кто присваивает язык, то есть того, для кого язык есть речь. Отношения языка и текста перевыражаются в отношениях двух состояний языковой способности человека – языковой личности как индивида и как представителя коллектива. При полагании иностранного языка как объекта фокус исследования с необходимостью переносится с системно-структурного описания языка на самого субъекта языка и его деятельность. В связи с этим появляется понятие языковой личности, представляющее язык как инструмент индивидуального и социального познания человеком действительности. Если текст с очевидностью связан с деятельностью индивида, то язык часто рассматривается как нечто отдельное и независимое от него. Вместе с тем, язык в форме языковой способности принадлежит человеку не только как социальному и культурному существу, но и как понимающему индивиду. Языковая личность имеет дело с языком не только в его коммуникативной функции, но также и в смыслообразующей, познающей функциях и в функции памяти культуры. В филологической герменевтике проявления языковой личности индивида оцениваются с точки зрения успешности или неуспешности производства и понимания текстов как действий, основанных на высказанной или невысказанной рефлексии, что показано на примерах прямого и обратного перевода сложных художественных текстов билингвами.

Ключевые слова: текст, языковая личность, Г. И. Богин, лингводидактика, уровневое развитие языковой личности

Введение в проблему и исследовательская методология

Лингводидактика в герменевтической традиции опирается на категорию языковой личности и ее уровневое развитие. Работы по лингводидактике и относительной полноте владения языком Г.И. Богина [Богин 1977, 1978, 1980, 2009], работы пятигорской школы лингводидактики (В.П. Литвинов и др.) [Пути к теории 1992], работы тверской школы психолингвистики (А.А. Залевская) [Залевская 2003, 2009] прямо ука-

зывают на необходимость конструирования объекта лингводидактики вокруг языковой личности (далее – ЯЛ). Опираясь на понятия «языковая личность», «относительная полнота владения языком» и «виды словесности», лингводидактика может разработать понятие «выделение языка как учебного предмета» [Литвинов 1990: 8].

В своем исследовании мы рассматриваем ряд проблемных точек: роль текста в развитии первичной и вторичной ЯЛ; относительность полноты развития вторичной ЯЛ; зависимость развития вторичной ЯЛ от развитости первичной ЯЛ; роль текста, чтения и перевода в развитии ЯЛ. В непосредственной связи с этим встает вопрос о категории иностранного языка как объекта. Описание любого языка как иностранного не совпадает с описанием этого языка вне целей обучения. Даже сравнительно-сопоставительные исследования языков не имеют релевантности для целей лингводидактики [Литвинов 1990: 10] (ср. о сомнительной релевантности «лингвистического анализа продуктов функционирования языка в условиях двуязычия» [Залевская 2009: 13]).

Опираясь на феноменологию Гуссерля, признавая социальную, эстетическую и познавательную функцию языка и деятельностный подход, российская лингводидактика, психолингвистика и филологическая герменевтика указывают на то, что «объект ‘иностранного языка’ “интенционален” в смысле Брентано и Гуссерля» и «интенциональность изучается в формах ее непосредственного существования в системах материально реализованной практики» [Литвинов 1990: 18]. Логическое пространство иностранного языка мыслится в оппозиции к пространству родного языка: «Любой описываемый лингвистами живой язык может быть родным или иностранным» [Литвинов 1990: 20].

Мы основываемся на следующих важных предположениях: 1) ЯЛ может выступать своего рода инструментом познания, средством исследования объекта «иностранного языка»; 2) текст является минимальным форматом измерения уровня развития ЯЛ; 3) использование перевода в процессе развития готовности ЯЛ выполняет разные функции на всех уровнях ее развития, поскольку создает неодинаковые условия для взаимодействия первичной и вторичной ЯЛ.

Параметры ЯЛ как средства измерения готовности к действию с языком

ЯЛ характеризует развитие индивида и его способность к деятельности, требующей использования языка. Понятие ЯЛ не новое в лингводидактике и восходит к работам Й.Л. Вайсгербера в книге «Родной язык и формирование духа» (1927 г) и В.В. Виноградова в работе «О художественной прозе» (1930 г.). Оба автора обращаются к термину в связи с различием индивидуального и коллективного в языковой способности [Вайсгербер 2004: 81; Виноградов 1980: 61]. С 1930-х гг. к тому же термину обращаются представители разных отраслей лингвистики, психологии и культурологии (см. обзоры [Залевская 2008, Иванцова 2010]). Одним из существенных достижений стало снятие противопоставления индивидуального и коллективного в понятии ЯЛ. Являясь представителем культуры, ЯЛ развивается и обращает свое понимание на текст в форме индивидуального усилия. Для характеристики ЯЛ знаниевая сторона не так важна, как деятельностная: основной характеристикой ЯЛ будет не знание о языке, а готовность что-то с этим языком делать, совершать речевые поступки с той или иной степенью полноты учета ситуации действия. В этом смысле, как теоретический объект и первичная, и вторичная ЯЛ далеки от теоретического объекта лингвистики. Готовность к речевым поступкам в разных языковых действительностях (коммуника-

тивной, эстетической, познавательной) жизненно важна, и человек психически формируется в связи с формированием этой готовности (см. [Богин 1980, Залевская 2003]).

Институтирующая черта ЯЛ является единственным средством переноса действия в умственный план, гарантией продвижения человека по пути саморегуляции поведения, формой организации психической жизни человека. Одной из целей психолингвистики и лингводидактики является поиск путей совершенствования путей образования и структуры ЯЛ – задача одинаково релевантная для создания первичной ЯЛ и воспроизводства этого способа существования структуры во вторичной ЯЛ.

Как показывает обзор обращений к понятию ЯЛ [Иванцова 2010], оно часто подменяется общими представлениями о носителе того или иного языка в качестве набора индивидуальных элементарных примеров. Однако, так называемая идеальная ЯЛ, полностью готовая осуществлять – применительно к первому или любому другому языку – всю родовую способность производства речевых поступков, есть не более, чем научная фикция. И если идеальная ЯЛ обладает неограниченной готовностью к оперированию языком, то к индивидуальным случаям можно применить только понятие «относительно полное владение языком», которое можно, тем не менее, сверять с абсолютным, родовым. Сопоставительный метод позволяет, отталкиваясь от «идеальной языковой личности», описывать и классифицировать обстоятельства, ограничивающие полноту владения языком; противоречия на пути к относительной полноте; уровни и компоненты развития ЯЛ в связи с формированием ею речевых готовностей [Богин 2009].

Уровни развития ЯЛ и ее готовности имеют как общие, так и отличные характеристики для первичной и вторичной ЯЛ. Взаимосвязь двух типов ЯЛ обуславливает явление компрессии при формировании вторичной ЯЛ на основе т. н. «слепков» и «спрямления» (см. [Богин 1980]. При овладении родным языком, как отмечает Г.И. Богин, опыт генерализации или «переход от говорения как реакции на единичные стимулы к говорению как реакции на отражаемую ситуацию в целом» достигается очень медленно. При обучении иностранному языку отражение всей ситуации и генерализация является основной формой организации речевой деятельности с самого начала [op.cit.: 26]. Особенно заметен эффект компрессии и «спрямления» в области действия с текстами.

Компрессия становится возможной благодаря опыту индивида при моделировании элементов первичной готовности, пропуску промежуточных звеньев в процессе, сокращению числа повторений, использованию аналогий. Ситуации, с которыми сталкивается вторичная ЯЛ, обычно уже освоены в первом языке, и этот опыт эффективно используется для наблюдения за непрямыми способами выражения смыслов.

При формировании вторичной ЯЛ эффект интерферирующего влияния родного языка тем сильнее, чем ниже достигнутый уровень владения вторым языком [Богин 2009]. Анализ работы с носителями английского языка, выполняющими прямой и обратный перевод художественных текстов, показывает как роль перевода в оценке готовностей ЯЛ, так и зависимость степени развитости вторичной ЯЛ от развития первичной ЯЛ (см. таблицы №1 и №2 ниже). Лексические и грамматические ошибки отражают интерференцию родного языка при выполнении задач повышенной сложности.

Использование перевода в формировании и оценке развития ЯЛ

При переводе текста с неродного на родной происходит беспереводное интерпретирование, восстановление моделируемой текстом ситуации. При обратном пере-

воде с родного на неродной – активное сравнение и сопоставление способов языкового описания ситуации. На высоком уровне развития вторичной ЯЛ оппозиция между языками нейтрализуется, и индивид относится к языковой форме как возможному способу опредмечивания смыслов и в родном, и в неродном языке. Понимание принципа метафорического способа смыслообразования позволяет понять метафоры в художественном тексте на неродном языке. В памяти ЯЛ хранится тем больше материала второго языка, чем дальше он уходит от фонетической и грамматической контрастности, свойственной низшим уровням развития речевой способности.

Относительная полнота владения неродным языком особенно очевидна при сравнении развитой вторичной ЯЛ, понимающей текст на неродном языке, и первичной ЯЛ, находящейся на более низком уровне развития. При работе с текстами А. Платонова образованные носители языка легко опознают различные подязыки русского языка, используемые автором в тексте, в то время как для носителя языка фраза: «В металлическом вагоне парилась тесная духота и веял промежуточный сквозняк»¹, может потерять часть своего смысла, если не будет усмотрена синестетическая метафора «парилась тесная духота» и малапропизм «промежуточный сквозняк», которые, в свою очередь характеризуют языковую личность главного героя, точку зрения которого в данный момент отражает повествование.

Тексты в сжатом виде подвергают ЯЛ воздействию всех возможных (в том числе потенциально возможных) ситуаций использования языка – коммуникативных, познавательных, эстетических. Текст является не только носителем смыслов, но и отпечатком деятельности в языковой действительности. Для носителя языка эта деятельность становится модельной, но при этом, на высших уровнях развития, она не категоризуется как уникальная и может быть экстраполирована на другие действительности и ситуации действия, становясь ориентировочной основой деятельности.

Средства текста для развитой ЯЛ дополняют семантику текста при прагматической направленности реципиента на изучение коммуниканта (автора текста) как носителя смыслов. ЯЛ совершает поступки в том числе и с помощью речи, однако, будучи неявным, этот деятельностный смысл не всегда усматривается в функции речевой формы. Смысл становится явным для ЯЛ, когда текст (или речевой поступок) направлен на воздействие, т.е. в ситуации, когда отношение ЯЛ к действительности должно быть усмотрено другими. Усмотрение прагматической направленности текста является частью лингводидактической практики, т.к. во множестве случаев значение текста заключено именно в его воздействии. Прагматический аспект имеет исключительное значение в обучении подязыку разговорной речи, который используется в ситуациях, когда индивид представляет себя для другого, и речевой поступок является деятельностью.

Готовность к чтению разножанровых текстов и опыт действия с различными подязыками определяет в конечном итоге, что ЯЛ считает эстетически прекрасным и воздейственным в тексте. Интенция, установка, эмоция личности опредмечиваются в очень сложных формальных средствах текста, являющихся «знаковой объективацией значащих переживаний» [Бассин 1972: 120]. Способы символизации значащих переживаний оказываются общими для продуцента и реципиента. Текстовая форма может оцениваться как неявная спрятанная в форме субъективности продуцента. Количество

---

¹ Платонов А. Сокровенный человек. Цит. по Платонов А. Повести и рассказы (1928-1930 годы). М.: Советская Россия, 1990. С. 23–89.

ситуаций, в которых ЯЛ занимается опредмечиванием и распредмечиванием идеальных содержаний неисчислимо. Эти ситуации могут быть сгруппированы в связи с задачами лингводидактики. Первая группа ситуаций: ситуации, в которых проявляются свойства личности (значащие переживания), они опредмечены в характеристиках ЯЛ автора текста. Изучение подъязыка разговорной речи, речи в разных ситуациях коммуникации на данном языке эффективно развивает готовность ЯЛ понимать и действовать не только в аналогичных ситуациях, но и во множестве ситуаций, которые ей ранее не встречались. Вторая группа: опредмечивание идейных содержаний в текстовых формах. Этот тип ситуаций развивает эстетические готовности ЯЛ. Чтение текста является единственным реальным языковым окружением, которое постоянно подкрепляет зрительно использование грамматических и синтаксических структур, лексических единиц (в которых свернуты смыслы).

Перевод связного высказывания с одного языка на другой может выступать в учебных условиях как упражнение в отыскании и выборе средств выражения в пределах того языка, на который делается перевод. Выбор средств выражения происходит при синтезировании, построении речевого произведения; строится же текст перевода, а не оригинала. Это правильно подметил уже К.Д. Ушинский, рекомендовавший в «Родном слове» [Ушинский 1948: 573-574] переводы с иностранного языка на русский в качестве важного средства обучения родному языку.

Достижение высших уровней готовностей ЯЛ приводит к снижению интерферирующего влияния родного языка при выборе средств выражения, поскольку постепенно вместо выбора ограниченных грамматических и лексических форм (в пределах лексико-грамматического минимума) переводящий выбирает между всем фондом того или иного функционального стиля (варианта стиля).

Художественная проза, по сравнению с текстом любого функционального стиля, богаче с точки зрения насыщенности теми элементами, которые содержат при их переводе на другой язык как бы готовые «задания», соответствующие формированию уровня адекватного выбора средств выражения (уровень 4 по Г.И. Богину [Богин 2009]). Хороший художественный текст представляет читателю стилистически обусловленный выбор субституентов, которые в оригинале выступают как лексические, грамматические, стилистические, структурно-композиционные и пр. «потенциальные синонимы», существующие в языке. Принцип универсальной субститутивности [Скребнев 1985] обуславливает необходимость совершать выбор соответствующей формы при переводе на изучаемый язык. Субститутивность отражает диалектику системы выразительных средств: при почти универсальной субститутивности средств выражения ни одно конкретное средство не является полностью синонимичным другому, и поэтому выбор любого средства дает новый семантический результат. Оценку сделанного выбора можно провести только с позиции художественной критики на уровне адекватного синтеза (уровень 5 по Г.И. Богину [Богин 2009]).

Естественность коммуникации достигается в чтении и припоминании контекстов и ситуаций употребления (будь то современные читателю или исторические контексты, поскольку основные смыслы и средства их выражения остаются неизменными). Стилистика разговорной речи на основе текстов позволяет усвоить в определенной системе и взаимосвязи основные элементы свободного («разговорного») стиля. «Второй из основных функциональных стилей современного английского языка, может быть назван “свободным”, именно потому, что он содержит более или менее

существенные отклонения от строгой литературной языковой нормы. Ведущей формой этого стиля является как раз устная форма, обычно диалогического характера» [Кузнец, Скребнев 1960: 131].

Текст в качестве учебного материала в развитии ЯЛ дает пример разговорного стиля, который следует отличать от устной речи. Работы по коллоквиалистике (см. [Скребнев 1985]) убедительно доказывают, что именно владение разговорным стилем является показателем способности развитой ЯЛ осуществлять речевые действия в соответствии с ситуацией общения и своими намерениями.

Развитие ЯЛ как индивида и как представителя коллектива определяет общее и индивидуальное в его языковой способности. Каждая эпоха существования языка характеризуется узнаваемым набором видов речевых произведений, характерный для людей, владеющих данным языком с относительной полнотой. Этот набор произведений называют «видами словесности» [Богин 1997: 12-13]. Такие группировки произведений речи как всего, что может быть сказано и написано на данном языке в данной культуре, продиктованы исторической деятельностью человека. Набор видов словесности меняется от эпохи к эпохе, от языка к языку, и ЯЛ как индивид никогда не сможет овладеть всеми существующими в мире видами словесности.

В исторической перспективе виды словесности изучались как совокупность всех типов речевых произведений человека «от звука до сонета», от артикуляторного акта до церковной службы [Богин 1980: 7].

Ограничения и спецификации степени полноты развития ЯЛ связаны как с различиями наборов текстов, составляющих виды словесности в различных лингвокультурах, так и с различными деятельностными условиями развития ЯЛ: с расхождениями между относительной полнотой развития ЯЛ и возможными целями обучения; достигнутыми или не достигнутыми ЯЛ уровнями; противоречиями в процессе формирования ЯЛ [Богин 1977]. Владение максимально возможным числом видов словесности развивает готовность опознавать жанры в любых речевых произведениях как рецептивно, так и продуктивно, т.е. как в герменевтических, так и в риторических актах.

Целый текст является идеальным форматом для формирования ЯЛ, поскольку максимально полно погружает ЯЛ в содержательность, которая присутствует в нем как предметная содержательность (содержательность отражения действительности, предикативная содержательность); формальная содержательность (рефлектирование формы в содержании) и субъективная содержательность (содержательность личности продуцента, опредмеченная в тексте, смысл). ЯЛ, готовая свободно оперировать целым текстом, переходит к реализации готовности «адекватного синтеза», что предполагает умение нарушать правила, которые предписывались ей на уровне развития, обозначенном как «правильность». Намеренное нарушение норм в форме нарушения среднестатистических норм сочетаемости приводит к актуализации средств выражения, при этом актуализируется не только форма выражения, но и содержательность сообщения.

В качестве примера использования текстов и перевода как деятельности с текстом в развитии вторичной ЯЛ приведем опыт использования двух типов упражнений по переводам с неродного на родной язык и с родного на неродной. Каждый из видов переводов как учебной деятельности выявляет сложности, связанные с недостаточным развитием различных готовностей, и в то же время способствует развитию этих готовностей. В качестве первого текста был выбран текст А. Платонова (повесть «Сокровенный человек») [Платонов 1988], который даже для носителей языка пред-

ставляет собой очень сложный художественный феномен по многим причинам (см., например: [Левин 1998]). При достижении вторичной ЯЛ высокого уровня развития именно такие тексты дают наибольший эффект для формирования высших готовностей. Семантизация лексических единиц, а также структура предложений на русском языке не представляют сложности (при условии освоенности нижележащих уровней правильности, интериоризации и насыщенности). Вместе с тем, в текстах А. Платонова смыслообразование строится вне прямых номинаций, и содержательная сторона текста (предметная и предикативная содержательность) не покрывает всего содержательно-смыслового пространства (см. о типологии понимания и трех типах понимаемых конструкторов – значениях, содержаниях и смыслах [Богин 1982]). Анализ работы над переводами показывает, что предметная содержательность становилась причиной остановки понимания и требовала специальной работы по семантизации слов по ряду причин: 1) наличие слов, характеризующих культурно-исторический период; 2) наличие слов, характеризующих пространственно-временное поле текста (железнодорожные мастерские, военные действия); 3) наличие авторских неологизмов, составляющих часть идиостиля писателя. Сложности возникали и при усмотрении предикаций – понимании содержательных пропозиций текста. Этот тип непонимания возникал в связи с 1) нестандартной когезивной структурой текста, приводящей к нарушению привычной когерентности; 2) использованием подъязыков разных культурных, социальных и профессиональных действительностей, а также подъязыка разговорной речи в ситуациях, незнакомых представителям другой культуры. Наибольшую же трудность представляет третий тип понимаемых конструкторов – смыслы, опредмеченные средствами текста помимо прямой номинации в составе партитурной структуры.

Таблица №1

Образец перевода текста с неродного на родной язык

Текст оригинала (А. Платонов «Сокровенный человек»)	Перевод ЯЛ-1	<i>Перевод ЯЛ-2</i>
От монастыря до мастерских лежала верста. Пухов покрыл ее срочным шагом, не обращая внимания на свирепеющий бой, к которому можно скоро привыкнуть.	From the monastery to the workshops it was about half a mile. Pukhov covered it at an urgent pace, not paying attention to a raging battle, to which it was possible quickly to become accustomed.	From the monastery to the workshops was a distance of about a kilometer. Pukov covered it at an urgent pace, paying no attention to the increasingly savage battle to which one could quickly adjust.
В мастерских он не нашел никого. На вокзальных путях стоял броневой поезд и бил в направлении утренней зари, где был мост.	In the workshops, he found no one. On the station tracks there stood an armored train and it was firing in the direction of the sunrise, where there was a bridge.	He found no one in the workshops. An armored train stood on the railway lines, churning in the direction of the first flush of morning light where there was a bridge.

<p>В проходной стоял комиссар Афонин и еще два человека. Афонин курил, а другие пробовали затворы винтовок и устанавливали их в ряд.</p>	<p>At the entrance stood Commissar Afonin with two other people. Afonin was smoking a cigarette, but the others were testing the bolts of rifles and arranging them in a row.</p>	<p>In the entryway stood Commissar Afonin and two other people. Afonin was smoking and the others were testing bolt assemblies on the rifles and arranging them in a row.</p>
<p>— Пухов, винтовку хочешь? – спросил Афонин. — А то нет! — Бери любую!</p>	<p>“Pukhov, want a rifle?” asked Afonin. “Sure, why not!” «Take one!»</p>	<p>“Pukov, want a rifle?” Afonin asked. “I can’t say no!” “Pick one you like!”</p>
<p>Пухов взял и освидетельствовал исправность механизма.</p>	<p>Pukhov took it and examined the action of the mechanism.</p>	<p>Pukov took one and inspected the operability of the mechanism.</p>
<p>— А масла нет? Туго затвор ходит! — Нет, нету – какое тебе масло тут? – отказал Афонин. — Эх вы, воители! Давай патроны!</p>	<p>“Don’t you have any oil? The bolt’s too tight.” “No, none – what sort of oil have you got here?” Afonin brushed it off. “Some warriors you are! Give me the cartridges!”</p>	<p>“What—no oil? The bolt assembly will seize up! “No, no oil. What kind of oil would you put here?” objected Afonin. “Well, you’re the boss. Let’s have some of that ammo!”</p>
<p>Получив патроны, Пухов спросил ручную гранату: невозможно, говорит, без нее: это бой сухопутный – когда я на Черном море бился, и то там гранаты давали. Ему дали гранату.</p>	<p>Once he got cartridges, Pukhov asked for a hand grenade. “Can’t do it without one,” he says: “This is a land battle —when I was fighting on the Black Sea, even there, they gave us grenades.” They gave him a hand grenade.</p>	<p>Having collected the ammunition, Pukov asked for a hand grenade—it’s impossible, he said, without it. This is a ground battle; when I was in combat at the Black Sea – even there, they gave us grenades. They gave him a grenade.</p>

<p>— Зачем она тебе, их и так у нас мало! – заявил Афонин. — Без нее нельзя. Матросы всегда этого ежика пуцают, когда деться некуда! — Ну, вали, вали! — Куда идти-то? — К мосту, за рошу – там наша цепь.</p>	<p>“What do you need it for, we’ve only got a few of them!”— Afonin pointed out. “Can’t do without it. When they can’t get somewhere, the sailors always set loose this critter! “Well, get on with it!” “Where to?” To the bridge, behind the woods – our hook-up is there.</p>	<p>“Why should you get one when we have so few of them to go around!” declared Afonin. “Can’t do thing without ‘em. The sailors always toss this little hedgehog when you can’t run away! “Well, hit the road, go?” “Where’m I going?” “To the bridge, on the other side of the woods. Our network is there.”</p>
--	--	---

Сложность понимания и перевода состоит не в невозможности увидеть метафору или сравнение, или эллиптические конструкции, или нестандартное предложное управление и т.п., а в том, чтобы максимально полно оценить все охватываемые средствами текста ситуации и контексты, в которых возможно усмотрение смыслов. Представленные в тексте ситуации непонимания разрешались в зависимости от опыта действующего реципиента во всех типах деятельностных ситуаций по типам понимания (см. таблицу сравнительных переводов). Языковые факты как таковые (различия в синтаксической системе, в аспектуальной системе и других грамматических явлениях) выступали только как необходимые и подлежащие освоению / припоминанию, но не препятствующие пониманию, т.к. вызываемые ими трудности легко снимались с помощью словарей, консультаций и обсуждений. В результате перевода получились тексты, удовлетворительно отражающие оригинал с той или иной полнотой охвата содержательно-смыслового контекста. Пример, представленный в таблице №1, показывает опору на субъективный опыт и обращение к разным видам словесности в родном языке при передаче усмотренных в тексте оригинала смыслов. Сравнение двух полученных переводов показывает незначительную вариативность, характерную для субъективного опыта ЯЛ, при этом в выборе лексико-грамматических конструкций преобладает сходство.

Перевод с родного языка на иностранный вызывал сложности другого рода. Партиктурная цепь родного языка при неполном билингвизме не может быть переведена на иностранный язык с достаточной полнотой. При учебном переводе можно, однако, построить тройную систему перевода, сопоставляя усматриваемые смыслы оригинала и способ их выражения в другом языке, что позволяет добиться содержательной точности. Смысловой слой может быть оценен и переведен только при достижении высших уровней развития языковой личности (при снятии сложностей, свойственных уровням правильности и насыщенности). Для перевода выбран текст Дж. Стейнбека «Русский дневник»² [Steinbeck http], речь в котором идет о России глазами американца. Адекватное усмотрение смыслов в родном, английском языке, не всегда грамотно и стилистически уместно выражается на языке перевода. Кроме того, описательные

² Steinbeck J. *A Russian Journal*. Цит. по: https://royallib.com/read/Steinbeck_John/A_Russian_Journal.html#102400

структуры, выбираемые автором, создают эффект «очуждения» явлений советской действительности, который часто не находит адекватного выражения. Однако понимание авторской интенции помогает верно определить модальность высказываний в тексте, написанном от первого лица.

Таблица №2

Образец упражнения по переводу с родного языка на неродной

Текст оригинала (J. Steinbeck «The Russian Journal»)	Первый вариант перевода	Второй вариант перевода
We drove slowly back into town.	Мы возвращались медленно в город.	Мы медленно возвращались в город.
The ditches were full of growing cabbages, and the sides of the road were planted with potatoes.	Везде в рвах взращивают капусту, и на сторонах дороги посадят картофеля.	Везде в придорожных канавах росла капуста, а обочины дороги были засажены картошкой.
What we knew as victory gardens are continued now, and will continue.	Так называются огороды победы теперь продолжают и будут продолжать.	То, что называлось у нас огородами победы, продолжается по сей день, и еще будет продолжаться.
Everyone has his little plot of cabbages and potatoes, and the protection of these plots is ferocious.	У каждого свой участок земли под капустами и картофелями, и эти участки защищают с беспощадностью.	У каждого свой участок земли под капусту и картофель, и эти участки охраняют как зеницу ока.
While we were in Moscow two women were sentenced to ten years of hard labor for stealing three pounds of potatoes from a private garden.	Пока мы были в Москве, за кражу около килограмма картофеля из частного огорода две женщины получили каторжные работы сроком на десять лет.	За то время, что мы были в Москве, за кражу примерно килограмма картошки из частного огорода две женщины получили десять лет каторжных работ.
As we drove back toward Moscow a great black cloud turned over, and the rain began to fall on the city.	Когда мы ехали обратно в Москву, перевернул вверх дном огромная чёрная туча и на город зашёл дождь.	Пока мы ехали обратно в Москву, опрокинулась огромная чёрная туча и на город пошёл дождь.

Результаты деятельности по переводу с родного на неродной язык (т.е. реализация продуктивных готовности вторичной ЯЛ) показывают, что при достаточной практике перевода повышается готовность ЯЛ производить тексты на неродном языке в рамках правильности и стилистической адекватности. Что касается словарного запаса, то его расширение происходит в форме расширения числа контекстов, которые ЯЛ готова семантически определять. Вместе с тем, перевод на неродной язык указывает на

пробелы и неполное достижение определенных параметров низших уровней развития ЯЛ, которые, очевидно, можно развить только при выполнении заданий опережающего типа, каковым является перевод. Кроме того, очевидно, что рецептивные и продуктивные готовности ЯЛ взаимосвязаны и поддерживают друг друга.

Заключение

Прежде всего, определение ЯЛ как личности, производящей и понимающей тексты, подчеркивает диалектизм взаимоотношений языка и текста. Вне производства текстов невозможно оценить уровень развития ЯЛ. Диалектика индивидуального и коллективного в языке яснее всего проявляется в том, что ЯЛ усматривает в тексте социально и культурно значимые смыслы в виде индивидуального усилия. Сложность и неоднозначность отношений языка и текста указывает на 1) важную роль текста в филологическом образовании; 2) возможность оценивания развитости языковой личности по успешности действия с текстами; 3) рефлексивность языковой деятельности.

ЯЛ является тем инструментом, который может использоваться при построении и изучении объекта «иностраный язык».

Литература

Богин Г.И. Противоречия в процессе формирования речевой способности. Калинин, 1977. 84 с.

Богин Г.И. Относительная полнота владения вторым языком. Калинин: КГУ, 1978. 54 с.

Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.

Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 86 с.

Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуализации // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 12–23.

Богин Г.И. Уровневое развитие языковой личности // Обретение способности понимать: работы разных лет. Том 1. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. С. 5–103.

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. №1, 2003. С. 30–34.

Залевская А.А. Актуальные проблемы двуязычия: обзор // Вестник тверского государственного университета. Серия: Филология. №13, 2008. С. 125–145.

Залевская А.А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. №10, 2009. С. 10–17.

Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник томского государственного университета. Филология. №4 (12), 2010. С. 24–32.

Кузнец М.Д., Скрбнев Ю.М. Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. Н.Н. Амосовой. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1960. 175 с.

Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 392–419.

Литвинов В.П. Введение в проблему «теории иностранного языка» // Пути к теории иностранного языка. Сб. науч. тр. / Пятигорск: Пятигорский пединститут иностранных языков, 1990. С. 8–30

Платонов А. Сокровенный человек // Платонов А. Повести и рассказы: (1928–1934). М.: Сов. Россия, 1988. С. 23–89

Пути к теории иностранного языка. Сб. науч. тр. / Пятигорск: Пятигорский пединститут иностранных языков, 1990. 100 с.

Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / под ред. Сиротининой О. Б. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 210 с.

Ушинский К.Д. Родное слово. // Собрание сочинений. Т. 2. М.: изд-во академии педагогических наук, 1948 С. 554–574.

Steinbeck, J. A Russian journal. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/read/Steinbeck_John/A_Russian_Journal.html#102400 (дата обращения 22.04.2019)

ON INSTRUMENTAL VALUE OF THE CONCEPT OF LINGUISTIC INDIVIDUAL

Marina V. Oborina

Associate Professor, Tver State University,
English language department
33 Zheliabov Street, Tver, Russia, 170100
Oborina.MV@tversu.ru; mobor@mail.ru

The paper explores some fundamental categories of linguodidactics, namely, the category of a foreign language as a focus of examination, as well as the categories of primary and secondary linguistic individual and the role of text and translation exercises as means of its study and formation. Linguodidactics places linguistic individual among the components of language, namely – an individual who appropriates the language and for whom it exists as speech. The relations between language and text are reflected in the relations of the two states of human linguistic ability – the linguistic individual as a person and as representative of a collective body. When the study focuses on a foreign language the systemic description of a language is replaced by the examination of a linguistic individual and its activity. Thus, the concept of linguistic individual regards language as a tool of individual and social cognition. While text is necessarily connected with activity of a man, language is often regarded as a separate and separated entity. At the same time, language as linguistic ability belongs to an individual as both social and cultural entity and the one capable of understanding. The interactions of a linguistic individual with the language are not restricted to its communicative function but stretch to its functions of meaning, cognition, and cultural memory. In philological hermeneutics manifestations of a linguistic individual are evaluated from the position of success or failure to produce and understand texts as actions based on conscious or unconscious reflectivity which is shown in the paper on the examples of forward and back translation of fiction by bilingual students.

Keywords: text, linguistic individual, G.I. Bogin, linguodidactics, linguistic individual level development

References

Bogin G.I. Protivorechiia v protsesse formirovaniia rechevoi sposobnosti [Contradictions in the process of human speech ability formation]. Kalinin, 1977. 84 s. (In Russian).

Bogin G.I. Otnositel'naia polnota vladeniia vtorym iazykom [Relative fullness of the second language proficiency]. Kalinin: KGU, 1978. 54 s. (In Russian).

Bogin G.I. Sovremennaia lingvodidaktika [Modern linguodidactics]. Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1980. 61 s. (In Russian).

Bogin G.I. Filologicheskaja germenevtika [Philological hermeneutics]. Kalinin: KGU, 1982. 86 s. (In Russian).

Bogin G.I. Rechevoi zhanr kak sredstvo individualizatsii [Speech genre as a means of individualization] // Zhanry rechi [Speech genres]. Saratov: Kolledzh, 1997. S. 12–23. (In Russian).

Bogin G.I. Urovnevoe razvitie iazykovoi lichnosti [Level development of a linguistic individual] // Obretenie sposobnosti ponimat': raboty raznykh let [The acquisition of an ability to comprehend]. Tom 1. Tver': Tver. Gos. Un-t, 2009. S. 5–103. (In Russian).

Vaisgerber I.L. Rodnoi iazyk i formirovanie dukha: Per. s nem. [Native language and the formation of spirit: transl. from German] 2-e izd., ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 2004. 232 s. (In Russian).

Vinogradov V.V. Izbrannye trudy: O iazyke khudozhestvennoi prozy [Selected works: On the language of fiction]. M.: Nauka, 1980. 360 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Yazykovoie soznanie: voprosy teorii [Linguistic consciousness: issues of theory] // Voprosy psiholingvistiki [Issues of psycholinguistics]. №1, 2003. S. 30–34. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Aktual'nye problemy dvuyazychiya: obzor [Urgent issues of bilingualism] // Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [Herald of Tver State University: Philology Series] S. 125–145. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Voprosy psiholingvisticheskoi teorii dvuyazychiya [Issues of psycholinguistic theory of bilingualism] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics]. №10, 2009. S. 10–17. (In Russian).

Ivantsova E.V. O termine «iazykovaia lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniia [On the term of “linguistic individual”: origins, problems, prospects of usage] // Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Herald of Tomsk State University. Philology]. №4 (12), 2010. S. 24–32. (In Russian).

Kuznets M.D., Skrebnev Iu.M. Stilistika angliiskogo iazyka: Posobie dlia studentov pedagogicheskikh institutov [Stylistics of the English language: Manual for students of pedagogical colleges] / Pod red. N.N. Amosovoi. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniia RSFSR, 1960. 175 s. (In Russian).

Levin Iu.I. Ot sintaksisa k smyslu i dalee («Kotlovan» A. Platonova) [From syntax to idea and further on (“The foundation pit” by A. Platonov)] // Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika [Selected works: Poetics. Semiotics]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1998. S. 392–419. (In Russian).

Litvinov V.P. Vvedenie v problemu «teorii inostrannogo iazyka» [Introduction into the problem of the “theory of a foreign language”] // Puti k teorii inostrannogo iazyka. Sb. nauch.

tr. [Towards the theory of a foreign language. Collection of academic papers] / Piatigorsk: Piatigorskii pedinstitut inostrannykh iazykov, 1990. S. 8–30. (In Russian).

Platonov A. Sokrovennyi chelovek [The innermost man] // Platonov A. Povesti i rasskazy: (1928–1934) [Stories and short stories: (1928–1934)]. M.: Sov. Rossiia, 1988. S. 23–89. (In Russian).

Puti k teorii inostrannogo iazyka. Sb. nauch. tr. [Towards the theory of a foreign language. Collection of academic papers] / Piatigorsk: Piatigorskii pedinstitut inostrannykh iazykov, 1990. 100 s. (In Russian).

Skrebnev Iu.M. Vvedenie v kollokvialistiku [Introduction to colloquial studies] / pod red. Sirotininoi O. B. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. 210 s. (In Russian).

Ushinskii K.D. Rodnoe slovo [Native speech]. // Sobranie sochinenii [Collected works]. T. 2. M.: izd-vo akademii pedagogicheskikh nauk, 1948 S. 554–574. (In Russian).

Steinbeck, J. A Russian journal. URL: https://royallib.com/read/Steinbeck_John/A_Russian_Journal.html#102400 (retrieval date 22.04.2019)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ: НОВИЗНА СЛОВА

Тогоева Светлана Ивановна

Доктор филологических наук,
профессор, Тверской государственный университет
170000, Тверь, ул Желябова, 33
stogoeva@mail.ru

В статье, методологически основанной на психолингвистическом подходе к словам как единицам индивидуального лексикона, обсуждаются вопросы возникновения и восприятия словесных новообразований носителями языка, рассматриваются данные экспериментальных исследований новых единиц языка и речи. В дискуссионном плане охарактеризованы ключевые критерии определения «новизны» слова в традиционной лингвистике и в психолингвистической неологии. Выявлено, что «новизна» лексической единицы для носителя языка является интегративной характеристикой, представляющей собой определенный субъективный статус единицы периферии индивидуального лексикона. Отмечена тенденция ускорения появления новых слов в сферах деятельности и форматах коммуникации, имеющих высокую социальную значимость и частоту использования, определена динамическая связь лексических инноваций с формированием нового «живого» знания.

Ключевые слова: новое слово, новизна лексической единицы, интегративный подход, идентификационные стратегии, «живое» знание, индивидуальный лексикон, периферические единицы лексикона

Введение

Язык – это одновременно базис и надстройка уникальной системы человеческого общения, обладающей открытостью (возникновение новых лексических единиц и исчезновение прежних); механизмами саморазвития (динамически изменяющаяся, имеющая потенциальные и вероятностные тенденции развития); универсальностью (дает основу для понимания человека человеком) и уникальностью (этнокультурными и личностными особенностями); предметностью и метафоричностью; развивающейся исторически как достояние народа и вместе с тем как достояние каждого индивида; функционирующей как одна из форм существования и представления мира.

В научной школе психолингвистики, на протяжении десятилетий возглавляемой Александрой Александровной Залевской, исследуются различные аспекты соотношения языка и мышления, механизмы восприятия и продуцирования речи, открываются новые особенности функционирования «живого слова» и «живого знания». Многочисленные работы А.А. Залевской и ее учеников демонстрируют целостное представление о развитии концепции, основы которой были заложены Александрой Александровной еще в 70-е годы прошлого века. Одним из направлений является изучение слова как единицы ментального лексикона, в том числе особенности появления и восприятия новых слов. Как нам представляется, проблема определения «новизны», «нового» вообще является ключевой в изучении механизмов функционирования «живого» знания.

В процессе коммуникации человек думает об объектах действительности, а не о словах, смысл формируется в сознании человека до появления языка и речи [Жинкин 1982], восприятие новой для индивида вербальной единицы опирается на знакомые для

человека реальные ситуации, на значимые единицы ядра лексикона и сформированные эталоны речемыслительной деятельности [Тогоева 2000; 2014а]. Общий жизненный и речемыслительный опыт позволяют человеку прогнозировать потенциальное развитие реальных ситуаций с включением новых смыслов знакомых и незнакомых слов. Смысловое пространство слова может расширяться за счет нового знания, образов, эмоций путем действия функциональных механизмов речемыслительной деятельности человека, ведь «значение слова – это *изменяющаяся реальность*», подчеркивает А.Н. Леонтьев [Леонтьев 2005: 111]. Новое знание в принципе возникает только потому, что знание всегда – изменяющееся, развивающееся, *живое*, а эта «базовая общенаучная метафора отвечает общим тенденциям развития науки и согласуется с принципиальными характеристиками современной парадигмы» [Залевская 2011: 60]. «Все это позволяет говорить, что любое НОВОЕ (слово, знание, объект, процесс и т.д.) является ключевым признаком развития вообще и обладает социальной значимостью» [Тогоева 2017: 37]. Выполненные научные работы в области психолингвистической неологии позволяют сформулировать важные исследовательские вопросы: какие конкретные механизмы речемыслительной деятельности человека позволяют создавать, творить новые слова, смыслы? Можно ли создать эффективные условия для контролируемых процессов в обучении?

Новые слова как объект исследования

Возникновение в процессе жизнедеятельности людей новых единиц номинации многократно ускорилось, неологизация в языке идет параллельно с лавинообразными изменениями в современном информационном и сетевом сообществе. Новые слова разнообразны по способу появления, словообразования, характеру употребления в речи и усвоения носителями языка; тем более значимым становится изучение текущих тенденций и изменений. Процесс обновления лексического состава национальных языков в эпоху глобализации требует обширного методологического и терминологического инструментария и теоретических подходов, с помощью которых можно было бы сформировать основания и критерии для понимания неологизации. Реализация психолингвистического подхода к изучению понятий «новизна» и «новое слово» представляется чрезвычайно продуктивной.

В современных отечественных неологических исследованиях (см. обзоры в [Ба Юсинь 2016; Гришкина 2017; Попова 2005]) материалом для изучения служат самые разнообразные тексты на различных языках: публицистика, художественные произведения, профессиональные тексты различных сфер деятельности (радиоэлектроника, полиграфия, реклама, досуговая сфера, масс-медиа) и широкий спектр видов коммуникации (в том числе, и Интернет-коммуникация). Многие исследования в данной специализированной отрасли лексикологии имеют, прежде всего, прагматико-лексикографическую направленность (в том числе – создание словарей новых слов в конкретном языке). Основное внимание в таких работах уделяется словообразовательным аспектам развития языка, употреблению лексических инноваций и факторам, влияющим на дальнейшую жизнь нового слова в языковой системе. Зарубежные неологические исследования во многом идут по тем же направлениям (см., например, [Забродина 2014; Пинкер 2016; Metcalf 2002; Quemada 2007]). Теоретические труды в рамках системно-структурной лингвистики дополняют лексикографическое изучение словесных новообразований различного типа рассмотрением функциональных, семантических и дискурсивных аспектов. На сегодняшний день вполне закономерно расширение теоретического спектра современных исследований за счет развития социолингвистическо-

го, психолингвистического и лингвокогнитивного подходов.

Многочисленные исследования лексических инноваций, в которых данный феномен рассматривается через призму различных научных теорий (стилистической, лексикографической, денотативной, структурной, конкретно-исторической и психолингвистической), тем не менее не позволяют на сегодняшний день представить единое, универсальное определение понятия «нового слова». Все указанные подходы, за исключением психолингвистического, характеризуют новую лексическую единицу в рамках ее существования в языковой системе, оставляя «за скобками» самих носителей языка, хотя и делая разграничение между языковыми и речевыми аспектами. С одной стороны, такое внимание к проблемам возникновения и восприятия новых единиц номинации свидетельствует о чрезвычайной актуальности научного поиска в этом направлении, так как, несмотря на большое количество исследований в этой области, многие вопросы до сих пор остаются без ответа. Однако на современном этапе развития наука о языке достигла такого уровня исследования речевой деятельности человека, когда на первый план выходит рассмотрение проблем, связанных с пониманием **реальных** процессов использования языка. Психология, лингвистика и нейрофизиология через междисциплинарное пересечение и взаимодействие в совокупности активно формируют исследовательское пространство, в котором и появляется возможность определить особенности феномена «новизны» слова как единицы индивидуального лексикона.

Во многих работах, посвященных проблеме лексических инноваций, имеет место опора на восприятие носителя языка как для определения обычности/знакомости слова, вошедшего в языковую систему и не являющемуся новым, так и для выявления качества «новизны» единицы. Обращение к человеку – носителю языка, пользователю и одновременно создателю языка в каждодневной коммуникации, тем не менее зачастую ограничивается рефлексией самого исследователя; или же организация и трактовка результатов опроса респондентов происходит в рамках традиционного лингвистического подхода. Реализация психолингвистического подхода к изучению «новизны» и «нового слова» в рамках Тверской психолингвистической школы первоначально фокусировалась на процессах и механизмах идентификации, материалом служили новые вербальные единицы (слова и фразеологические единицы родного и иностранного языка), а в качестве основных экспериментальных методик использовались свободные и направленные ассоциативные эксперименты и субъективные дефиниции [Тогоева 1989; Лачина 1993; Сазонова 1993; Саркисова 2014; Родионова 1994; Шумилина 1997 и др.]. В таких экспериментах респондентам предлагалось отметить знаком «+/-», знакомо ли им слово, заданное в качестве стимула. По итогам исследований был выявлен ассортимент идентификационных стратегий, которые, на наш взгляд, являются ключевым механизмом выявления особенностей феномена новизны лексической единицы в индивидуальном сознании. Было установлено, что идентификационные стратегии (мотивационная, отнесения к категории, словообразовательная, по сходству звукобуквенного состава, опора на ситуацию и т.д.) имеют универсальный характер и используются носителями языка в большей степени автоматически. Это связано с тем, что факторы, влияющие на речевое поведение, в том числе и ассоциативные реакции находятся за пределами сознания человека, в пространстве подсознания, пространстве образов и связанных с ними эмоций. Результаты проведенных исследований позволили разработать основы психолингвистической теории неологии [Тогоева

2000], в дальнейшем появились работы, посвященные выявлению параметра новизны лексической единицы в психологической структуре значения слова [Гришкина 2016, 2017], были широко использованы методы субъективного шкалирования.

В работе [Веккер 1998] отмечается роль слова как «интегратора психических процессов»; А.А. Залевская [Залевская 2007] говорит о слове как средстве доступа к единой информационной базе человека, так как слово как единица ментального лексикона тесно связано со всем богатейшим набором эмоций и образов, которыми обладает носитель языка. Анализ слова как единицы абстрактной языковой системы не всегда позволяет проследить эту связь, а при экспериментальном исследовании слова она эксплицируется лишь частично. Любое новое слово, возникшее в результате словотворчества носителей языка отражает определенное, но трудно выявляемое, соотношение творческого начала и языковых норм. Изучение индивидуального и типового (группового) в речевом поведении и мышлении современного человека, выяснение реального соотношения этих факторов так же сложны, как и исследование сознательного и бессознательного, логического и чувственно-образного в психике и в речемыслительной деятельности человека (см. также: [Залевская, 2014, Келлер, 1997]). Значение любого слова объединяет некую совокупность продуктов разнообразных процессов оперирования человеком знаниями разных типов; при таком подходе новое для индивида слово должно обладать каким-то специфическим качеством, которое и позволяет человеку воспринимать его таковым. В работе Ю.В. Федурко новое слово называется своего рода «информационным импульсом, который интенсифицирует многочисленные связи, отношения между элементами ментального лексикона, вызывает определенные переживания, эмоции, телесные реакции, актуализирует определенный фрагмент опыта» [Федурко 2008: 3]. Эти сложные переживания обобщают совокупность разнообразных процессов, протекающих на различных уровнях осознанности, отражающих объектно-субъектные отношения, вместе со всеми элементами, порожденными социализацией личности: потребностями, ценностями, стереотипами и оценками. Таким образом, слово объединяет в себе множество функций: интегрирующую, стимулирующую и обеспечивающую доступ к информационной базе, знаниям.

Противопоставление индивидуальное/субъективное versus общее/ объективное в качестве фактора, определяющего развитие языка, при изучении процессов производства речи и словопроизводства до сих пор выражается в игнорировании речевой деятельности рядовых членов социума (кроме избранных лингвистов с высокой степенью компетенции). Основой же современных исследований развития языка, возникновения и функционирования новых слов может служить глубокая мысль С.Л. Рубинштейна, что субъективной в общем смысле слова является всякая психическая, всякая познавательная деятельность – в том числе и та, которая раскрывает человеку *объективную* реальность и выражается в *объективной* истине [Рубинштейн 2012], и таким образом речь идет о неправомерности противопоставления субъективности как характеристике любой психической/познавательной деятельности человека и объективности ее содержания и результатов. Подход к слову как единице индивидуального лексикона [Залевская 1990] проясняет, что слово при функционировании выполняет роль, подобную роли лазерного луча в считывании голографического изображения, и таким образом делает для человека доступным определенный фрагмент картины мира индивида, который включает все многообразные связи и отношения, образы, ценности и эмоции. Такая формулировка помогает представить пространственно-временной

континуум индивидуального лексикона, который «дышит» и меняется, позволяя создавать новые единицы и смыслы, порождаемые «живым» знанием человека. Для человека, воспринимающего, познающего некий новый объект/языковой знак, существует только «настоящее» время, время восприятия, а решение об объекте/слове – «было или не было» – принимается человеком исходя из сиюминутного состояния внутреннего лексикона, из «здесь и сейчас», из бытия как времени восприятия [Тогоева 2000: 56], поэтому мы говорим о субъективности и относительности «новизны» слова.

Экспериментальные методики как способ выявления новизны лексической единицы

Проводимые нами с 1989 г. в различных форматах психолингвистические исследования инноваций по результатам анализа всех полученных ассоциативных реакций и субъективных дефиниций испытуемых позволили построить общее поле данных, включающее все опорные элементы и виды связи между словом-стимулом и реакциями/дефинициями. Ассоциативные реакции дали возможность выявить как стратегии идентификации новых для индивида слов, так и очертить границы их семантического потенциала, наметить направления возможного развития их значений. Анализ субъективных дефиниций показал также различные уровни освоенности нового слова, для некоторых слов-стимулов испытуемые не смогли представить субъективные дефиниции при наличии ассоциативных реакций, что показывает определенные сложности формализации смысла нового слова [Тогоева 1989, 2000, 2014б]. В работе [Гришкина 2017] предложено классифицировать сценарии дифференциации человеком слов по уровням: знакомое, квазизнакомое, малознакомое, незнакомое.

Анализ различных исследований проблемы определения «новизны» лексической единицы дает основания говорить об особой природе феномена новизны, его неоднородности.

Таблица №1

Критерии «новизны» слова в традиционных лингвистических подходах

1.	Лексикографический	Наличие в словарях
2.	Структурный	Уникальный звукобуквенный состав
3.	Семантический	Новое значение существующих лексических единиц
4.	Денотативный	Новая реалья/понятие
5.	Пространственно-временной	Время фиксации и возникновение слова в определенных жанрах/сферах употребления
6.	«Ощущение новизны»	Ореол/коннотация/признак/качество/эффект новизны при восприятии слова у всех носителей языка

Часто используемое в лингвистических работах понятие «ощущение новизны» слова, на наш взгляд, возникает в результате актуализации комплекса параметров в психологической структуре значения слова, что, однако, не совпадает с формальными, системно-структурными критериями новизны лексической единицы (Табл.1). Последний в ряду критерий – «ощущение новизны» – признается наиболее противоречивым и неоднозначным в рамках традиционной лингвистики и носит по существу метафорический характер. Системно-структурная неология не смогла предложить общепри-

нятого однозначного определения новизны слова, так как обращение к «ощущениям» носителей языка выходит за границы подхода к слову в качестве единицы языковой системы. Это позволяет нам назвать перечисленные выше критерии как формальные основания для определения соответствия/несоответствия лексической инновации, существующей в конкретный момент времени, языковой системе.

«Ощущение новизны» слова, будучи психофизическим процессом, в основе которого лежит индивидуальное восприятие слова носителем языка, не может трактоваться на основе представлений системно-структурной лингвистики. Попытки же объединить в рамках традиционной лингвистической неологии явлений индивидуальной речевой системы (психофизиологической организации индивида) и языковой системы не аргументированы. Фактически «ощущение новизны» может быть присуще любой лексической единице, а с точки зрения временных периодов развития носителя языка в онтогенезе это аксиоматично. В то же время, лексемы, фиксируемые в качестве неологизмов в словарях, но вошедшие в индивидуальный лексикон конкретного носителя языка, подобного ощущения могут не порождать (например, слова *селфи*, *репост*, *лайкнуть* для современной молодежи).

В наших экспериментах [Тогоева 1989, 2000] «ощущение новизны» возникало у респондентов при предъявлении слов самого широкого спектра: формально относящихся к неологизмам, окказионализмам, псевдословам, узуальным и потенциальным словам, архаизмам и историзмам, профессионализмам и слэнгу, т.е. по существу время или факт фиксации лексической единицы в языковой системе не имеет значения для возникновения/отсутствия «ощущения новизны» у носителя языка. Это позволяет отнести такие группы слов к единицам периферийных слоев индивидуального лексикона, одной из особенностей которых является наличие количественно незначительных и неустойчивых ассоциативных связей. Важно также, что периферийные единицы представляют собой не конкретные лексемы, общие для носителей конкретного языка, а психофизиологические образования индивида, основанные на его личном речемыслительном опыте.

В рамках психолингвистической неологии выявлено, что «новизна» является интегративным параметром психологической структуры значения слова, которая проявляется в корреляции параметров конкретности, эмоциональности, образности, необычности через пересечение ассоциативных связей ментального лексикона при идентификации лексической единицы индивидом, выступая своеобразной когнитивной основой формирования «ощущения новизны» [Тогоева 2015; Гришкина, 2017]. Выдвинутый нами ранее тезис о восприятии нового слова одновременно как целостности и как комбинаторной единицы, построения смысла нового слова носителем языка [Тогоева 2000, 2015] как элемента «образа» мира согласуется с представлением о «живом» слове и интерфейсной теории значения [Залевская 2013]. При этом новизна слова для носителя языка может проявляться в виде временного образования психологической структуры значения слова, спецификой проявления параметров в этом случае будут слабо выраженные, разреженные ассоциативные связи. В дальнейшем восприятие носителем языка нового для него слова послужит основой формирования новых ассоциативных связей, субъективного переживания результата информационного поиска в индивидуальном лексиконе. Слово, ощущаемое человеком как новое, обладает статусом единицы периферийных слоев, а ядерные и приядерные слои лексикона, выступают опорами для идентификации незнакомых или малознакомых слов.

Таблица №2

Критерии «новизны» в психолингвистической неологии

Пространственный	1. Внутренний когнитивный контекст индивида 2. Периферия индивидуального лексикона
Временной	Период вхождения слова в языковой опыт носителя языка и период активного использования слова
Структурный	Специфическое сочетание компонентов психологической структуры значения слова
Ассоциативно-семантический	Немногочисленные и «рыхлые» ассоциативные связи

В исследовании Е.Н. Гришкиной представлены вероятные сценарии дифференциации лексических единиц в индивидуальном лексиконе, при этом объединяются идентификация словоформы и интерпретация значения, а также субъективная оценка «ощущения новизны», по совокупности которых формируется «субъективная новизна» слова индивидом [Гришкина, 2017: 94]. Наличие ряда уровней субъективной новизны лексической единицы особенно ярко проявляется при изучении иностранного языка, когда примером может служить типичный ответ студента: «Слово знаю, но не помню, что оно значит».

Изучение феномена «новизны» в экспериментальных исследованиях приводит нас к предположению, что «новизна» является не абсолютным свойством лексической единицы, но может быть **субъективным «статусом» слова** по совокупности определенных признаков/свойств в соответствии с критериями, заданными конкретным научным направлением. Предшествующий жизненный и речевой опыт позволяет человеку не только идентифицировать значение новой для него лексической инновации и прогнозировать последующее развитие ситуации с включением новых элементов реальности и новых смыслов незнакомых ранее единиц номинации.

Обоснование интегративности как специфического качества «новизны» слова, характеристика новых слов как «живых» образований, связанных с формированием нового знания предложено нами в работе [Тогоева 2017]. Процесс идентификации слова является многоуровневым и динамичным, имеет место взаимодействие стратегий и опор разного характера (языковых и неязыковых), а так как сущностным свойством человеческой психики является ее пластичность, то активное познание изменений внешней среды, а также переживание этих изменений индивидом ведет к динамической перестройке его деятельности, включая речемыслительную. Как следствие, в результате познавательной деятельности человека происходит постоянная перестройка единиц лексикона, изменения периферийных слоев. Таким образом, в психолингвистической неологии мы можем трактовать «новизну» слов, которые ранее не встречались в речевом опыте индивида, как субъективно определяемую новизну периферийной единицы ментального лексикона.

Новое слово в контексте «живого» знания

Исследование индивидуального versus типологического в поведении и мышлении человека, выявление реального соотношения и взаимодействия этих факторов представляется весьма непростым процессом, как и изучение сознательного и бессознательного, логического и чувственно-образного в психике и в речемыслительной деятельности человека (см. [Залевская 2014, Келлер 1997]). Смысловое поле любой лексической единицы может наполняться новым знанием в результате действия функ-

циональных механизмов речемыслительной деятельности человека. Именно поэтому мы говорим, что проблема определения «новизны» является ключевой при исследовании механизмов функционирования языка и тесно связана с формированием и пониманием *динамизма живого знания*. Существование «живого» слова в реальном пространственно-временном континууме для человека, который познает новый объект, новый языковой знак, определяется только временем восприятия. Время восприятия слова – это момент состояния лексикона человека в настоящем, которое не имеет жестких рамок. «Ощущение новизны» фактически личностное психическое переживание, продукт идентификации носителем языка слова, которое не имеет в лексиконе индивида *устойчивых* ассоциативных связей. Поскольку «ощущение новизны» порождается психикой воспринимающего новую лексему человека, оно само пластично и изменчиво, частое использование нового слова приводит к частичной или полной утрате данного качества. Так, имена существительные: *тред, хард, материнка, апгрейд, красавчег, пейн-тян, хипан, десматч; электричкинг, котан, фича, яблофаг*, которые использовались в эксперименте 2014 г. [Тогоева 2015], после однократного предъявления в группе испытуемых в дальнейшем характеризовались как знакомые и частично понятные.

В процессе идентификации значения новой для носителя языка лексической инновации независимо от части речи (имя существительное, глагол, имя прилагательное) одной из ключевых стратегий является стратегия опоры на ситуацию, включение нового слова-стимула в широкий контекст речевого и жизненного опыта индивида. Выбор элемента опоры (словообразовательная модель, звукобуквенный комплекс или все слово целиком) осуществляется человеком произвольно, на основании этого он (вос) создает психологическую структуру значения незнакомого слова, соединяя с ситуацией, имеющейся в его опыте или представляемой как потенциально возможной. Новое слово любого типа (зафиксированное в традиционных лингвистических подходах как неологизм, индивидуально-авторский окказионализм, архаизм, новое слово иностранного языка) может опознаваться человеком как известное, имеющее определенный смысл, обладающее конкретностью, порождающее специфический образ, эмоционально окрашенное. В связи с этим, новое слово, на наш взгляд, является категориальным понятием с широкими границами трактовки в рамках конкретных исследовательских подходов и охватывающим взаимодействие вербального знака и «живого» знания в познавательных и речемыслительных процессах человека. При этом «ощущение новизны» является стимулирующим, в ответах респондентов появляются окказионализмы, ассоциации раскрывают эвристический потенциал слова.

Выводы

Современная психолингвистическая трактовка феномена «новизны» слова формируется в междисциплинарном исследовательском пространстве, формируемом пересечением психологии, лингвистики и нейрофизиологии. Совокупность этих взаимодополняющих возможностей открывает широкие возможности исследования параметра «новизна» в психологической структуре значения слова как единицы индивидуального лексикона.

В ассоциативных реакциях носителей языка выявляются разрозненные «срезы» тех ситуаций, которые при идентификации нового слова попадают в «поле зрения» ментального лексикона, человек интерпретирует и интегрирует новую информацию, заполняет пробелы при ее недостаточности посредством внутреннего когнитивного контекста. Пути освоения потенциального/реального значения, выявление личностного смысла нового слова отражается в субъективных дефинициях и комплексе ассоци-

аций носителей языка. Смысл и субъективный статус новых слов формируется индивидом через их идентификацию и реальные процессы коммуникации. Исследование специфики построения ассоциативных связей в условиях возникновения у носителей языка «ощущения новизны» представляется перспективным направлением дальнейшей работы.

«Препарирование *живого знания и живого смысла нового слова* невозможно так же, как невозможно *«потрогать энергию»*, мы можем лишь изучать этот феномен по его проявлениям» [Тогоева 2017: 40]. Сознание и подсознание человека порождают флуктуацию и взаимодействие процессов конкретизации и категоризации, абстрагирования и метаязыковой деятельности, дифференциации и интеграции, создают *живое новое знание*.

Литература

Ба Юйсинь. Основные достижения и актуальные проблемы неологии // Вестник Калмыцкого университета. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т., 2016. № 2. С. 78–85.

Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psisistr5/407.php (Дата обращения: 10.07.2019).

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы для индивида: определение и специфика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. №2. С. 196–202.

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 20 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 160 с.

Забродина И.К. История развития зарубежной неологии (на примере немецкого, французского, китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Ч. 2. № 4 (34). С. 95–97.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, Воронежский ун-т, 1990. 205 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд. Испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 2007. 560 с.

Залевская А.А. Значение слова сквозь призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2011. 239 с.

Залевская А.А. «Живое» слово и интерфейсная теория значения // Вестник Тверского государственного университета. 2013. №24 (Филология вып.5.). С. 54–61.

Залевская А.А. Значение слова в пространстве мозга, тела и окружения человека // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2014. С. 31–35.

Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Пер. с нем. Самара: СамГПУ, 1997. 312 с.

Лачина И.С. Особенности идентификации прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 16 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., Смысл; Изд. Центр «Академия», 2005. 352 с.

Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу/ Пер. с англ. М., УРСС Либроком, 2016. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/2640601/> (Дата обращения: 15.06.2019).

Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-У-

ПИ, 2005. 96 с.

Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994. 19 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 19 с.

Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 18 с.

Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1989. 16 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2000. 156 с.

Тогоева С.И. «Пространство» для нового слова // Слово и текст: психолингвистический подход. Сб. науч. трудов. Тверь: ТвГУ, 2014а. С. 79–83.

Тогоева С.И. Субъективные дефиниции в идентификации лексических инноваций // Вестник Тверского государственного университета. 2014б. Серия «Филология». № 6. С. 246–240.

Тогоева С.И. Некоторые особенности параметров в психологической структуре значения нового слова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 250–254.

Тогоева С.И. Особенности «живого» нового слова // Вестник Тверского государственного университета. 2017. Серия «Филология». № 4. С. 37–41.

Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 15 с.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. 16 с.

Metcalf A. Predicting new words: The secrets of their success [Electronic source]. URL: <https://epdf.pub/predicting-new-words-the-secrets-of-their-successbad2637d411dba4f983f2859d024298652378.html> (Дата обращения: 15.07.2019).

Quemada B. (2007). Avant-propos // *Neologica*. № 1. P. 6–7.

SPACE-TIME LANDMARKS: NEW WORD

Svetlana I. Togoeva

Doctor of Philology, professor, Head of the Department
of Regional studies Tver State University
33, Zhelyabova str., Tver, 170000

The article is devoted to the problems of creation and identification of new lexical units by language speakers, with the results of some experimental studies being discussed. Using psycholinguistic approach to viewing the phenomenon of new words, the author treats them as mental lexicon units and explores the key criteria for lexical unit “novelty” in the framework of traditional linguistics and psycholinguistic neology. It is revealed that for a native speaker, “novelty” of a lexical unit is an integrative characteristic representing itself certain subjective status of a unit on the periphery of a mental lexicon. Moreover, it is pointed out that there is a strong tendency for new words to appear in the professional spheres and communication formats having high social importance and usage; the dynamic character

of connection between lexical innovations and the formation of new “alive” knowledge is underlined.

Keywords: new word, novelty as a parameter, integrative approach, identification strategies, «alive» knowledge, mental lexicon, peripheral units in lexicon

References

Ba Jujsin'. Osnovnye dostizhenija i aktual'nye problemy neologii [Key achievements and current problems of neology] //Vestnik Kalmyckogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University]. Jelista: Kalmyckij gos. un-t, 2016. № 2. S. 78–85.(in Russian).

Vekker L.M. Psihika i real'nost'. Edinaja teorija psihicheskikh processov [The psyche and reality. Unified theory of mental processes] [Elektronic source]. URL: http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psisr5/407.php (retrieval date: 10.07.2019).(in Russian).

Grishkina E.N. Novizna leksicheskoi edinicy dlja individa: opredelenie i specifika [Novelty of a lexical unit for an individual: definition and specificity] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2016. №2. S. 196–202.(in Russian).

Grishkina E.N. Novizna leksicheskoi edinicy kak integrativnyj parametr psihologicheskoi struktury znachenija slova (na materiale psiholingvisticheskogo jeksperimenta) [Novelty of a lexical unit as an integrative parameter of the psychological structure of the word meaning (based on the material of a psycholinguistic experiment)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 2017. 20s. (in Russian).

Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as a conductor of information]. M.: Nauka, 1982. 160 s. (in Russian).

Zabrodina I.K. Istorija razvitija zarubezhnoj neologii (na primere nemeckogo, francuzskogo, kitajskogo jazykov) [The history of the development of foreign neology (on the example of German, French, Chinese)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2014. Ch. 2. № 4 (34). S. 95–97. (in Russian).

Zalevskaja A.A. Slovo v leksikone cheloveka: Psiholingvisticheskoe issledovanie [Word in the vocabulary of a person: Psycholinguistic research]. Voronezh, Voronezhskij un-t, 1990. 205 s.(in Russian).

Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik [Introduction to Psycholinguistics: A Textbook]. 2-e izd.ispr.i dop. M.: Rossijsk.gos.gumanit. un-t., 2007. 560 s.(in Russian).

Zalevskaja A.A. Znachenie slova skvoz' prizmu jeksperimenta [The meaning of the word through the prism of the experiment]. Tver': Tver. gos. un-t, 2011. 239 s. (in Russian).

Zalevskaja A.A. «Zhivoe» slovo i interfejsnaja teorija znachenija [“Living word” and interface theory of meaning] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tver State University]. 2013. №24 (Filologija vyp.5.). S.54–61.(in Russian).

Zalevskaja A.A. Znachenie slova v prostranstve mozga, tela i okruzenija cheloveka [The meaning of the word in the space of the brain, body and human environment] //Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod [Word and text: psycholinguistic approach]. Tver': Tver. gos. un-t., 2014. S. 31–35.(in Russian).

Keller R. Jazykovye izmenenija. O nevidimoj ruke v jazyke [Language changes. About the invisible hand in language]. Per. s nem. Samara: SamGPU, 1997. 312 s.(in Russian).

Lachina I.S. Osobennosti identifikacii prilagatel'nyh [Identification features of adjectives]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 1993.16 s. (in Russian).

Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality].

2-е изд. М., Smysl; Izd. Centr «Akademija», 2005. 352 s. (in Russian).

Pinker S. Substancija myshlenija: Jazyk kak okno v chelovecheskiju prirodu [Substance of Thinking: Language as a Window into Human Nature] / Per. s angl. М., URSS Librokom, 2016 560 c. [Elektronic source]. URL: <https://www.twirpx.com/file/2640601/> (retrieval date: 15.06.2019). (in Russian).

Popova T.V. Russkaja neologija i neografija [Russian neology and neography]. Ekaterinburg: GOU VPO UGTU-UPI, 2005. 96 s. (in Russian).

Rodionova T.G. Strategii identifikacii neologizmov-glagolov [Identification strategies for verb neologisms]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 1994. 19 s. (in Russian).

Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. SPb.: Piter, 2012. 288 s. (in Russian).

Sazonova T.Ju. Strategii identifikacii novyh slov nositeljami jazyka (na materiale prilagatel'nyh) [Strategies for identifying new words by native speakers (based on adjectives)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 1993. 19 s. (in Russian).

Sarkisova Je.V. Vzaimodejstvie strategij i strukturnyh opor pri identifikacii neznakomogo slova [The interaction of strategies and structural supports in the identification of an unfamiliar word]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 2014. 18 s. (in Russian).

Togoeva S.I. Psiholingvističeskoje issledovanie strategij identifikacii značenija slovesnogo novoobrazovanija [Psycholinguistic study of strategies for identifying the meaning of new words]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 1989. 16 s. (in Russian).

Togoeva S.I. Psiholingvističeskie problemy neologii [Psycholinguistic problems of neology]. Tver': Tver. gos. un-t., 2000. 156 s. (in Russian).

Togoeva S.I. «Prostranstvo» dlja novogo slova [“Space” for a new word] // Slovo i tekst: psiholingvističeskij podhod [Word and text: psycholinguistic approach]. Sb. nauch. trudov. Tver': TvGU, 2014a. S. 79–83. (in Russian).

Togoeva S.I. Sub#ektivnye definicii v identifikacii leksičeskikh innovacij [Subjective definitions in the identification of lexical innovations] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014b. Serija «Filologija». № 6. S. 246–240. (in Russian).

Togoeva S.I. Nekotorye osobennosti parametrov v psihologičeskoj strukture značenija novogo slova [Some features of the parameters in the psychological structure of the meaning of a new word] // Inostrannye jazyki: lingvističeskie i metodičeskie aspekty. Tver': Tver. gos. un-t, 2015. S. 250–254. (in Russian).

Togoeva S.I. Osobennosti «zhivogo» novogo slova [Features of a “living” new word] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. Serija «Filologija». № 4. S. 37–41. (in Russian).

Fedurko Ju.V. Identifikacija neznakomogo slova kak sinergetičeskij process [Identification of an unfamiliar word as a synergistic process]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 2008. 15 s. (in Russian).

Shumilina O.S. Strategii identifikacii inozazyčnyh frazeologičeskikh edinic (na materiale anglijskich glagol'nyh frazeologizmov s somatičeskimi komponentami) [Identification strategies for phraseological units in foreign languages (based on English verbal phraseological units with somatic components)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 1997. 16 s. (in Russian).

Metcalfe A. Predicting new words: The secrets of their success [Electronic source]. URL: <https://epdf.pub/predicting-new-words-the-secrets-of-their-successbad2637d411dba4f983f2859d024298652378.html> (retrieval date: 15.07.2019).

Quemada B. (2007). Avant-propos // Neologica. № 1. P. 6–7.

УДК 81'23–81'25 DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-64-77

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ДОСТОЯНИЕ ИНДИВИДА (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды)

Чугунова Светлана Александровна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теории английского языка и
переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского
Брянск, ул. Бежицкая, 14
chugunovasvetal@rambler.ru

С опорой на психолингвистическую теорию слова как «живого слова» и «живого знания» А.А. Залевской [1992; 2005; 2007; 2011; 2014], исследовались англоязычные неологизмы как достояние индивида – носителя русской лингвокультуры, обладающего определённой компетенцией в английском языке. Теоретическая часть статьи включает исследование неологизмов в соотношении с иными видами языкового творчества, как достояния коллективного и индивидуального знания, а также современные словообразовательные тенденции в английском языке, касающиеся языковых новаций. В качестве основного эмпирического метода исследования использовался психолингвистический эксперимент, в качестве его методики – метод межъязыкового перевода. Эксперимент проводился на материале неологизмов из сферы моды. Цель эксперимента заключалась в проверке гипотезы, что при переводе неологизмов из сферы моды испытуемые чаще всего прибегают к приёмам транскрипции и транслитерации как наименее затратным с точки зрения когнитивной нагрузки. Испытуемые переводили неологизмы в контексте предложений; также неологизмы сопровождалась формулировками их значений на английском языке. В результате, выдвинутая гипотеза нашла подтверждение только в отношении некоторых лексем, что может быть обусловлено условиями эксперимента, которые, таким образом, нуждаются в доработке.

Ключевые слова: языковое творчество, неология, неологизм, коллективное и индивидуальное знание, лексикон, приёмы перевода

Введение

Объектом настоящего исследования являются англоязычные неологизмы как достояние индивида, *предметом* – особенности перевода носителями русской лингвокультуры англоязычных неологизмов из сферы современной моды. *Цель* исследования заключалась в проверке гипотезы, что при переводе неологизмов из сферы моды испытуемые чаще всего прибегают к приёмам транскрипции и транслитерации как наименее затратным с точки зрения когнитивной нагрузки. Поставленная цель предполагала последовательное решение следующих *задач*: 1) соотнести неологизмы с понятием языкового творчества; 2) осветить современное состояние науки о языковых новациях – лингвистической неологии; 2) рассмотреть значение «человеческого фактора» в неологии; 3) оценить степень неологизации современного английского языка и выявить основные словообразовательные модели английских неологизмов; 4) провести эксперимент с использованием метода перевода с целью верификации сформулированной гипотезы исследования; 5) интерпретировать полученные от индивидов ответы и сде-

лать выводы в пользу сформулированной гипотезы или признать её неподтверждённой. В качестве основных *методов* исследования применялись общенаучные методы синтеза, анализа и сравнения, а также узконаучные методы психолингвистического эксперимента, межъязыкового перевода и лингвистического описания экспериментального материала.

Методологической базой проведённого научного изыскания является психолингвистическая теория слова как «живого слова» и «живого знания» А.А. Залевской [1992; 2005; 2007; 2011; 2014]. Так, слово рассматривается как «достояние пользующегося языком человека, как продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения, как средство доступа к образу мира личности, как познавательная единица с двойственной онтологией, обращённая одной своей ипостасью к индивиду, а другой – к социуму/культуре [Залевская 2014: 54].

Неологизмы как один из видов языкового творчества

Общеизвестно, что язык непрерывно реагирует на любые изменения во всех сферах человеческого общества, постоянно пополняясь новыми вербальными единицами и новыми значениями для уже существующих единиц. Творческая природа языка, его пластичность и способность к развитию и адаптации [Black 1968: 65], в отличие от других коммуникативных систем, отмечается многими выдающимися учёными, среди которых: Р. Декарт, В. Гумбольдт, У. Уитни, Ф. де Соссюр, Н. Хомский [Onsman 1984], И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963], А.А. Потебня [Потебня 1892], В.Г. Гак [Гак 1998], А.А. Залевская [Залевская 2015] и другие. Так, Н. Хомский склонен рассматривать ментальный лексикон не как некий словарь, а как совокупность генеративных принципов, обуславливающих изменения и обновления в языке. Он же констатирует, что причина творческой потенции языка так же не ясна сегодня, как и три века назад Декарту, хотя очевидно, что язык отражает творческий характер человеческого мышления [Chomsky 2006: 6–11, 87].

С опорой на ряд лингвистических исследований и прежде всего работ Н. Хомского, посвященных творческой природе языка, Х. Онсман выделяет три вида этой природы: 1) синтаксическую; 2) прагматическую; 3) семантическую. На уровне синтаксиса языковое творчество трактуется с позиции взглядов Н. Хомского, которого больше всего интересует грамматика языка как способность индивида к производству и пониманию неограниченного числа предложений из ограниченного числа элементов по определённым грамматическим правилам (*rule-governed creativity*). На уровне прагматики языковое творчество понимается как способность индивида к производству и пониманию сообщений, релевантных по отношению к определённой речевой ситуации. На уровне семантики языковое творчество рассматривается как способность индивида продуцировать новые сообщения как в плане содержания, так и в плане их несоответствия языковым правилам, включая синтаксические правила (*rule-governed creativity vs. rule-changing creativity*) [Onsman 1984: 58]. Примерами языкового творчества на уровне семантики могут служить неологизмы, составляющие объект настоящего исследования.

Неологизмы на пересечении коллективного и индивидуального знания

Несомненно, весь XX в. и особенно последнее время являются свидетелями так называемого «неологического бума», что привело к возникновению лингвистической неологии – науки о новациях в языке [Гацалова 2005; Тогоева 2000]. При этом сам

термин «неологизм» (греч. *neo* ‘новый’ + *logos* ‘слово’) использовался во французском и английском языках уже в XVIII в. [OED₂ http]. С одной стороны, в связи с ростом информатизации общества и усложнением информационных систем ускоряется историческое время [Фомин 2012], а язык как один из основных источников и носителей информации для человека, как губка, впитывает все изменения, происходящие в человеческом обществе, и, следовательно, темпы языкового творчества в направлении неологизации также объективно увеличиваются. С другой стороны, современная наука (в нашем случае – лингвистическая неология) получила небывалые технические возможности фиксировать возрастающие потоки новообразований с помощью словарей и особенно электронных информационных баз данных в режиме on-line. Например, известный словарь новых слов Дж. Грина [Green 1991], пришедших в английский язык в период с 1960 по 1990гг., насчитывает 2700 единиц, причём редактор был вынужден отказать тысячам новообразований ввиду их принадлежности американскому варианту, а не британскому, или всё ещё сильно ограниченной сферы употребления [Mattiello 2017]. Если взять электронную версию одного Оксфордского словаря, то только за последний год, с июня 2018 г. по июнь 2019 г., словарь обогатился 4649 лексемами, не считая семантических неологизмов – новых значений уже существующих слов [OED₁ http]. При этом обновление языков, в том числе за счёт новых лексем и новых значений, происходит, по всей видимости, не равномерно и постепенно, а скачкообразно, и в критические периоды жизни общества этот процесс особенно обостряется [Залевская 2015].

Здесь встаёт правомерный вопрос о том, всегда ли языковые новации в лексикографическом смысле, т.е. впервые фиксируемые словарями, являются неологизмами в сознании людей, поскольку словари нередко регистрируют новые лексемы с опозданием, и, скорее, лишь часть коллективного знания/переживания как достояния лингвокультурной общности. Разграничение двух форм существования коллективного знания в соотношении с индивидуальным знанием предложено в трудах А.А. Залевской [1992; 2005; 2007; 2014]. В любом случае, ни у кого не вызывает сомнений, что ключевым для понятия неологизма является параметр новизны, который, однако, оказывается трудно уловимым [Тогоева 2000: 41–47; Rodríguez Guerra 2016: 529–530], так как практически невозможно проверить исключительно субъективное «ощущение новизны» у каждого члена лингвокультурной общности и получить нечто вроде среднего арифметического. Единственным способом, позволяющим сделать характер этого ощущения более или менее объективным, представляется проведение психолингвистического эксперимента с привлечением большого числа испытуемых [Тогоева 2000: 44]: «именно на индивидуумах мы можем исследовать некоторые явления в увеличенном виде или гораздо более непосредственно, чем это имеет место при исследовании такой абстракции, как язык племенной или народный» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 228].

Таким образом, новообразования в языке оказываются на пересечении взаимоотношений между тремя видами знания: 1) «неизбежно редуccionистского» коллективного знания в виде текстов, грамматик и словарей, полученного в результате научного анализа (КЗ₂); 2) совокупного коллективного знания/переживания, функционирующего в культуре (КЗ₁); 3) индивидуального знания как психического феномена (ИЗ) [Залевская 2014: 14]. Можно сказать также, что языковые новации являются частью трёх видов лексикона: 1) лексикографического словаря или словарей конкретного языка; 2) всего словарного запаса конкретного языка (*lexis*), который многократно превышает печатные и даже электронные издания; 3) индивидуального ментального

лексикона конкретного носителя языка [Murphy 2010: 4]. При этом особенно актуальным в свете отмечаемого А.А. Залевской перехода на новую общенаучную парадигму, новую глобальную метафору «живое знание» [Залевская 2014: 34, 38–39, 65] становится осознанием необходимости изучения языковых новаций как достояния познающего индивида, который «не только мыслит», но «чувствует и эмоционально-оценочно переживает воспринимаемое и осмысливаемое» [цит. раб.: 36].

Не умаляя роли фиксирующих языковые изменения словарей и вклада логико-рационалистического лингвистического подхода в описание и систематизацию феномена языковой неологизации, не можем не обратить внимание на то, что, продолжая «препарировать» новое слово без учёта «человеческого фактора» [цит. раб.: 65], без охвата поведения неологизмов в речевой деятельности, наука не сумеет ответить на главный вопрос – о природе и причинах обновления человеческого языка, а «объяснение языковых изменений может быть только психологическое» [Бодуэн де Куртене 1963: 224]. В связи с этим, несомненным объяснительным потенциалом в направлении развития неологии с психолингвистических позиций обладает интерфейсная концепция значения слова А.А. Залевской, сформулированная в результате «изучения особенностей естественного семиозиса» и непосредственно связанная с «трактовкой живого мультимодального гипертекста как внутреннего контекста процессов познания и общения» [Залевская 2014: 110].

Неологизмы в английском языке: нарушение правил

Если говорить о неологизмах из категории заимствований, то в разные эпохи в разных странах основными источниками новообразований этого рода становились разные языки. Сегодня пальма первенства в мире, как известно, принадлежит английскому языку, который также переживает рост неологизации, т.е. обогащения словарного состава. При этом появляются образования, которые нарушают существующие правила языка и расшатывают языковую норму не только собственно английского языка, но и других языков, по отношению к которым английский выступает в качестве донора. У одних, особенно компетентных языковедов, всякого рода отклонения от нормы вызывают критику, а иногда и полное отторжение как нечто нелепое, ошибочное, противоестественное, несостоятельное и, следовательно, не заслуживающее изучения. У других, наоборот, подобные явления провоцирует исследовательский интерес «в качестве показателей языкового развития» [Тогоева 2000: 60], языкового творчества, причём имеется в виду не только профессиональное словотворчество – журналистское, литературное, но и речь обычных носителей языка, которой также могут быть свойственны неподражаемость и нестандартность, в которой есть место и языковой игре, и неосознанным «творениям» в виде вариантов нормы и ошибок с точки зрения нормы и узуса, но даже случайные нарушения могут с течением времени войти в норму [цит. раб.: 58–71].

В последнее время в англоязычной лингвистике появляются работы по систематизации новообразований, выходящих за рамки нормативной грамматики (*extragrammatical*) и потому оказавшихся на периферии научных интересов (см., например, [Mattiello 2013]). К таковым следует отнести: сокращения (*clippings*), аббревиацию и акронимы, контаминацию, или слияние (*blends*), редупликацию, регрессивную деривацию (*back-formation*), инфиксацию и некоторые другие. Одной из причин, побуждающих специалистов обратить должное внимание на эти феномены, является их существенный рост в англоязычной среде, хотя это не означает, что подобные явления отсутствовали в речи прошлых поколений: *brekker* вместо *breakfast* (1889), *fathered*

← *father* (1608), *whiteboard* по аналогии с *blackboard* (1883), *trialogue* по аналогии с *dialogue* (1532) [Op. cit.; Mattiello 2017]. Приведём примеры упомянутых выше явлений [Mattiello 2013]:

- сокращения: *natch* вместо *naturally*, *kid-vid* вместо *kid video*, *spk* вместо *speak*;
- аббревиация и акронимы: *LOL* ‘laughing out loud’, *Wysiwyg* ‘what I see is what I get’, *POTUS and FLOTUS* ‘the President and the First Lady of the United States’;
- контаминация: *netizen* ‘internet citizen’, *chunnel* ‘channel + tunnel’, *Kimye* ‘Kim Kardashian and Kanye West’;
- редупликация: *blah-blah*, *Waity Katie* ‘ждушая Кэти (первое прозвище Кейт Миддлтон), *a knock-knock joke*;
- регрессивная деривация: *she ugs in the ugly* (*ug* ← *ugly*), *to create a cell that could ‘selflase’ from inside tissue* (*lase* ← *laser*).
- инфиксация: *kanga-bloody-roos*, *edumacation*.

Методика экспериментального исследования

Итак, предметом проведённого исследования стали особенности перевода носителями русской лингвокультуры англоязычных неологизмов из сферы современной моды как одного из основных «поставщиков» языковых новообразований в человеческом обществе, так как известно, что мода никогда не стоит на месте. Цель исследования заключалась в проверке гипотезы, что при переводе неологизмов из сферы моды индивиды чаще всего прибегают к приёмам транскрипции и транслитерации как наименее затратным с точки зрения когнитивной нагрузки.

Поскольку в качестве методики психолингвистического эксперимента был выбран метод межязыкового перевода, следует сказать несколько слов о новых тенденциях в науке о переводе. Одним из первых в западноевропейской науке, сместивших фокус исследовательского интереса от текста перевода к переводчику и его поведению, считается И. Леви [Lévy 1967]. Затем в разных странах начали появляться отдельные публикации в этом ключе, что наверняка было вызвано влиянием со стороны активно развивающейся психолингвистики и в целом когнитивной парадигмы знания. В конечном итоге, мы наблюдаем становление новой глобальной платформы – Translation Process Research, о чём свидетельствует целый поток изысканий, особенно в последнее время (см., например, [Carl et al. 2015; Ferreira & Schwieter 2015; Göpferich et al. 2009; Schwieter & Ferreira 2017; Shreve & Angelone 2010]). В отечественной науке также всё чаще появляются работы, исследующие процессуальную сторону перевода через непосредственное обращение к индивиду (см., например, [Погосов 2011; Подольская 1998; Чугунова 2018; Яковлев 2015]).

В эксперименте на материале неологизмов из сферы моды, проводившемся в рамках студенческой выпускной квалификационной работы [Юношева 2019], приняли участие 20 испытуемых (далее – ии.) в возрасте от 19 до 24 лет (18 ии. – студенты университетов, 2 ии. – выпускники университетов) обоего пола (4 ии. мужского пола и 16 ии. женского пола), однако гендерный фактор не учитывался. Все ии. являются носителями русского языка, изучающими английский язык в качестве иностранного, начиная со средней школы и затем в университете.

Экспериментальный материал включал 12 оригинальных текстовых отрывков из источников, имеющих непосредственное отношение к сфере моды: “Runway Project” (Season 17) и модного журнала “Vogue”. Каждый отрывок содержал не менее одного новообразования, всего 16 неологизмов: *crop top*, *winklepickers*, *streetwear*, *tie-dye*, *bomber*, *sweat*, *Sac de cou*, *moms*, *romper*, *lookbook*, *swinter*, *mantyhose*, *troulottes*,

jellies, jeggings, bralet/bralette. Данные лексемы образованы по следующим словообразовательным моделям: регрессивная деривация (*crop top* ← *cropped top*, *tie-dye* ← *tie-dyed*, *romper* ← *rompers*), контаминация (*troulottes* ← *trousers* + *culottes*, *jeggings* ‘*jeans* + *leggings*’, *mantyhose* ← *man* + *pantyhose*, *swinter* ← *summer* + *winter*), сокращение (*winklepickers* ← *winklepicker shoes*, *moms* ← *Mom jeans*, *sweat* ← *sweatshirt*, *jellies* ← *jelly shoes*, *streetwear* ← *streetwear style*, *bomber* ← *bomber jacket*), аффиксация (*bralet* ← *bra* + *-let* / *bralette* ← *bra* + *-(l)ette*). Неологизм *Sac de cou* заимствован из французского языка (*Sac de cou*), лексема *bomber* также является семантическим неологизмом. При этом нельзя не отметить, что на самом деле при образовании многих из указанных лексем наблюдается целый комплекс модификаций: лексема *streetwear* является результатом словосложения (*streetwear* ← *street* + *wear*), сокращения и конверсии с переходом от глагола к имени существительному, лексемы *winklepickers*, *jellies* и *moms* – результатом сокращения и аффиксации с использованием флексии множественного числа *-s*: *winklepicker shoes* → *winklepicker* → *winklepicker* + *-s* → *winklepickers*, лексема *bralette* – инфиксации и аффиксации: *bra* → *bra* + *-l-* + *-ette*, лексема *tie-dye* – регрессивной деривации и сокращения: *tied-and-dyed clothes/T-shirt*. Обратим внимание также на то, что в большинстве случаев в авторитетных англоязычных словарях, таких, как “Webster Dictionary”, “Oxford Dictionary”, “Cambridge Dictionary”, “MacMillan Dictionary”, “Longman Dictionary”, отсутствуют словарные статьи об отобранных для эксперимента неологизмах, хотя, как указано выше, словарный состав данных словарей постоянно обновляется. Это ещё раз подтверждает неологический статус отобранных лексем, во всяком случае, в отношении КЗ₂.

Необходимо уточнить, что, поскольку не всегда из содержания отрывков было понятно, к какому именно атрибуту моды (одежда, обувь, стиль и т.д.) относится то или иное новообразование, было решено включить в текстовые отрывки на перевод формулировки значений неологизмов на английском языке (см. ниже). Согласно инструкции, ии. должны были прочитать отрывки и письменно перевести выделенные полужирным курсивом неологизмы. Испытуемым не разрешалось пользоваться какой-либо подсказкой, включая переводные словари.

Ниже приведём анкету для ии. с инструкцией и экспериментальным материалом.

Таблица №1

Анкета с инструкцией и экспериментальным материалом

Уважаемые участники эксперимента! Ознакомьтесь со следующими отрывками и письменно переведите слова, выделенные полужирным курсивом, в правой колонке. Для лучшего понимания значения выделенных лексем указаны рядом в скобках. Убедительная просьба – не пользоваться словарями или другими подсказками!

<p>There are still plenty of sexy clothes out there, because some brands sell sexiness, not trends. But the labels that are about being on-trend rather than on Tinder are having a prim moment. A below-the-knee skirt is key – and what’s more, instead of being offset by a croptop (‘a top (shirt) that a girl (or boy) wears, generally showing off most of the stomach. Many include showing the belly button’), it is worn with a boxy T-shirt, or a wrapover jacket, or a sleeveless coat.</p>	
<p>Backstage after her show, Victoria Beckham singled out the flat winklepickers (shoes with a long pointed toe) as her obsession from the collection.</p>	

<p>Streetwear ('casual, street style of clothing') meets Woodstock in this unusual combination of tie-dye ('printed clothes, usually white T-shirts') used as a print for the bombers ('a jacket, created for pilots; a type of loose jacket'), sweats ('a matching jacket, usually made of nylon') and other streetwear pieces à la Louis Vuitton.</p>	
<p>Bag designs for men are always tricky for designers to approach, but this season, we can rest assured that Givenchy and Fendi are solving the issue. Small bags attached to a neck chain were demonstrated – edgy, stylish and practical. Sac de cou ('neck bag') – we can't ask for more.</p>	
<p>It's worth pointing out that unlike rigid, curve-hugging jeans, moms ('very high jeans with 9 inch zippers that moms wear. sometimes containing elastic waist bands. very narrow at the bottom and big along the hips'), aren't meant to be skintight. Most of the pairs we've highlighted here come in lightweight denim or have a touch of stretch, and a few sit lower on your waist, too—so not only are they chic, but they're actually comfortable, too.</p>	
<p>The world of men's fashion has gotten pretty wild lately, from sheer shirts and harnesses to designer jeans made to look like they were dragged through the mud. Now thanks to a new startup called Romphim, guys can add Nantucket red onesies to the shopping list of experimental trends to try this spring. It is absolutely the right time for the ladies to invest in a chic spring romper ('a one piece garment that is an odd mix between a shirt and a dress. often worn by women').</p>	
<p>We select collections that will be relevant for all seasons, as far as our lookbook (a book/album with all the outfits, looks, clothing features') editors can lag behind the designers. That is our weak point. And the swimter ('all seasons') collection is totally advantageous.</p>	
<p>She also reflects on the contemporary role of mantyhose ('pantyhose for men') on the runway shows of leading designers, and the new trend for men to wear tights and leggings with shorts.</p>	
<p>Troulottes are more forgiving," she says. So how does she pull them off? With a considered sense of balance: "I'm going for an Ali MacGraw seventies vibe," she says of pairing her loose, Zara troulottes ('woman's full trousering culottes cut to resemble a skirt') with a slim-fitting blazer and knee-high boots.</p>	
<p>Tired of bare bones flip-flops? Worried the cork on your Birkenstocks will get soggy on the beach? Maybe jellies ('soft jelly-like beech sandals') feel too young? Kendall Jenner seems to have the perfect antidote for all of those summer footwear woes. Yesterday in Cannes, the model stepped out in a pair of clear Chanel pool slides, stamped with the House's iconic double-C logo.</p>	
<p>Denim came into spring full force, finding itself infused into every facet of fashion. From jumpsuits, blouses, skirts, and boots, denim has also found its way into new category –jeggings. Gucci, Twenty8Twelve, and Rock and Republic sashayed them down the runway, while Kate Moss, Beyoncé, and Halle Berry have fashioned their curves in them. From afar, these leggings look like jeans- with the finish and hardware as denim would have, however, jeggings ('a piece of clothing which is a cross between</p>	

<p>jeans and leggings. Usually made from polyester, cotton and spandex') are an innovative blend of both comfort and ease.</p>	
<p>Consider coveting the perfect linen suit. It's an excellent way to stay comfortable in the office in warmer temperatures, and the ideal look to sit out on a terrace in the afternoon when summer Fridays roll around. We've selected one from Mango that's both affordable and uncompromisingly cool. Pair that with a bralette ('a bra without molded cups or wires that provide a reasonable amount of support for small-breasted females') for a little visible lingerie moment and viola – you are one step away from embodying the Sydney surfer girl look.</p>	

Результаты экспериментального исследования

В силу ограниченного объёма статьи разберём лишь некоторые переводы испытуемых. Заметим, что при анализе использованных участниками эксперимента приёмов перевода мы опирались на типологию переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова [Комиссаров 1990].

1. *A below-the-knee skirt is key – and what's more, instead of being offset by a **crop top**, it is worn with a boxy T-shirt, or a wrapover jacket, or a sleeveless coat.*

Неологизм *crop top* 'A woman's casual sleeveless or short-sleeved garment or undergarment for the upper body, cut short so that it reveals the stomach' [Urban Dictionary http] был переведён следующим образом: 9 ии. перевели с помощью транскрипции/транслитерации – *кроптон*; 8 ии. – с помощью транскрипции/транслитерации и калькирования: *укороченный (короткий /, коротенький) топ*; 1 испытуемый (далее – и.) перевёл с помощью транскрипции/транслитерации и опущения: *топ*; 1 и. – с помощью транскрипции/транслитерации и добавления: *топ, открывающий живот*; 1 и. – с помощью калькирования и лексико-семантической замены: *укороченная толстовка*. Таким образом, в этом случае приём транскрипции/ транслитерации использовали 18 из 20 ии.

2. *Backstage after her show, Victoria Beckham singled out the flat **winklepickers** as her obsession from the collection.*

Неологизм *winklepickers* 'shoes with a long pointed toe' [Urban Dictionary http] был переведён следующим образом: 3 ии. использовали приём транскрипции/транслитерации с грамматическим преобразованием – *винкликеры*; 9 ии. – описательный перевод: *туфли с острым носом*; 8 ии. – лексико-семантические замены, иногда с добавлением и/или генерализацией: *туфли-лодочки / лодочки на низком ходу / туфли-казаки / казаки*; 1 ии. использовал описательный перевод с добавлением: *туфли с длинным острым носом*; 1 ии. – генерализацию: *туфли*. Таким образом, в этом случае приём транскрипции/транслитерации использовали 3 из 20 ии.

3. *Streetwear meets Woodstock in this unusual combination of **tie-dye** used as a print for the **bombers, sweats** and other streetwear pieces à la Louis Vuitton.*

Неологизм *streetwear* 'casual, street style of clothing' [Urban Dictionary http] был переведён следующим образом: 3 ии. использовали приём транскрипции/транслитерации: *стритвир / стритвear*; 1 ии. – транскрипцию с опущением и генерализацией: *стритстайл*; 3 ии. – калькирование и генерализацию, иногда с добавлением: *(свободный) уличный стиль*; 9 ии. – калькирование и конкретизацию: *уличная одежда*; 1 ии.

– калькирование со смысловой заменой и генерализацию: *ежедневный стиль*; 3 ии. – калькирование со смысловой заменой и конкретизацию: *повседневная одежда*. Таким образом, в этом случае приём транскрипции/транслитерации использовали 4 из 20 ии.

Неологизм *tie-dye* ‘A tie-dye is a garment or piece of cloth that has been tie-dyed’ [CED http] был переведён следующим образом: 7 ии. перевели с помощью приёма транскрипции: *тай-дай*; 12 ии. – с помощью конкретизации: *яркая (цветная / разрисованная) футболка, футболка с напечатанным рисунком (принтом / надписью)*; 1 ии. – с помощью лексико-семантической замены (смыслового развития/модуляции): *варёнка*. Таким образом, в этом случае приём транскрипции использовали 7 из 20 ии.

Неологизм *bomber* ‘A short sturdy jacket traditionally made of leather and having a fitted or elastic waist, a zippered front, and often a fleece or pile collar. Also called *flight jacket*’ [Your Dictionary http] был переведён следующим образом: 15 ии. перевели с помощью приёма транслитерации: *бомбер*; 4 ии. – описательного перевода, иногда с элементом смыслового развития: *широкая/свободная куртка, свободный пиджак куртка, куртка-пилот*; 1 ии. – лексико-семантической замены (смыслового развития/модуляции): *кожанка*. Таким образом, в этом случае приём транскрипции использовали 15 из 20 ии.

Неологизм *sweat* ‘a matching jacket, usually made of nylon’ [Urban dictionary http] был переведён следующим образом: 4 ии. перевели с помощью приёма транскрипции/транслитерации, иногда с опущением: *свитиот / свит*; 10 ии. – с помощью лексико-семантической замены (смыслового развития/модуляции), иногда с элементом описательного перевода: *толстовка, водолазка, олимпийка, свитер, (нейлоновая) ветровка, спортивный костюм, треники*; 3 ии. – описательного перевода: *спортивная / нейлоновая куртка*; 3 ии. уклонились от перевода. Таким образом, в этом случае приём транскрипции/транслитерации использовали 4 из 17 ии.

4. *Bag designs for men are always tricky for designers to approach, but this season, we can rest assured that Givenchy and Fendi are solving the issue. Small bags attached to a neck chain were demonstrated – edgy, stylish and practical. Sac de cou – we can't ask for more.*

Неологизм *sac de cou* ‘neck bag’ [Urban Dictionary http], заимствованный английским языком из французского языка, был переведён следующим образом: 6 ии. перевели с помощью приёма транскрипции: *сак де ку*; 12 ии. – с помощью описательного перевода, иногда с лексико-семантической заменой: *сумка на шею / на шею / для шеи, шейная сумка / сумочка / сумка (с ремешком) через плечо / сумка-ярлык*; 1 ии. – с помощью лексико-семантической замены – *платок*; 1 ии. – с помощью генерализации: *сумка*. Таким образом, в этом случае приём транскрипции/транслитерации использовали 6 из 20 ии.

В силу ограниченного объёма статьи продемонстрируем процентное соотношение использованного испытуемыми в своих переводах приёма транскрипции/транслитерации по всем неологизмам (см. таблицу).

Таблица №2

Процент приёма транскрипции/транслитерации по всем неологизмам

№	Неологизм	%	№	Неологизм	%
1	<i>Crop top</i>	90	9	<i>Romper</i>	65
2	<i>Winklepickers</i>	15	10	<i>Lookbook</i>	60
3	<i>Streetwear</i>	20	11	<i>Swinter</i>	15

4	<i>Tie-dye</i>	35	12	<i>Mantyhose</i>	30
5	<i>Bomber</i>	75	13	<i>Troulottes</i>	35
6	<i>Sweat</i>	20	14	<i>Jeggings</i>	75
7	<i>Sac de cou</i>	30	15	<i>Bralette</i>	55
8	<i>Moms</i>	45	16	<i>Jellies</i>	10

Анализ содержания таблицы показывает, что при переводе всех отобранных для эксперимента англоязычных неологизмов из сферы моды использовался приём транслитерации/транскрипции. Однако гипотеза о том, что данный приём должен использоваться в большинстве случаев как наименее затратный с точки зрения когнитивной нагрузки, находит подтверждение только в отношении отдельных лексем: *crop top*, *bomber*, *romper*, *jeggings*, *lookbook* и *bralette*. Одной из причин этого, на наш взгляд, может служить тот факт, что экспериментальный материал сопровождался формулировками значений – потенциально это могло влиять на выбор испытуемых в пользу иных приёмов перевода.

Заключение

Итак, в настоящей статье, с опорой на психолингвистическую теорию слова как «живого слова» и «живого знания» А.А. Залевской [1992; 2005; 2007; 2011; 2014], исследовалось оперирование англоязычными неологизмами из сферы современной моды в процессе их перевода носителями русской лингвокультуры на русский язык. В ходе исследования была сформулирована гипотеза, что при переводе неологизмов из сферы моды испытуемые чаще всего прибегают к приёмам транскрипции и транслитерации как наименее затратным с точки зрения когнитивной нагрузки. Для эксперимента были отобраны 16 неологизмов, в основном имён существительных, из англоязычных изданий, специализирующихся на вопросах моды, причём многие лексемы до сих пор отсутствуют в авторитетных англоязычных словарях, что подтверждает их неологический статус в так называемом общественном англоязычном сознании. В эксперименте приняли участие 20 человек в возрасте от 19 до 24 лет, обладающие определённой компетенцией в английском языке (студенты и выпускники университетов). В результате, выдвинутая гипотеза находит подтверждение только в отношении отдельных лексем, что, на наш взгляд, может быть обусловлено условиями эксперимента. Таким образом, полученный результат следует признать неоднозначным. Это означает, что мы не отказываемся от выдвинутой здесь гипотезы и продолжим работу в направлении уточнения условий эксперимента.

Литература

- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Об общих причинах языковых изменений // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963 С. 222–254.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Гацалова Л.Б.* Неология как наука в общей парадигме: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Нальчик, 2005. 43 с.
- Залевская А.А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 134 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Залевская А.А.. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А.. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Zalevskaya A.A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach. London: LASHE, 2014. 180 p.

Залевская А.А. Роль фактора человека в развитии языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 64–76.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Погосов А.А. Динамика переводческого процесса: критерии лингвокогнитивного описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 18 с.

Подольская Н.И. Проблема описания процесса перевода: метод компьютерного моделирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1998. 25 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1892. 228 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 155 с.

Фомин И.Н. Влияние информации на ускорение развития общества // Технические науки – от теории к практике: сб. ст. по матер. XIV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 164–180.

Чугунова С.А. Функционирование языка в условиях лингвокультурного взаимодействия: деятельностный подход // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 193–214.

Юношева В.С. Стратегии понимания неологизмов в сфере моды и способы их перевода (на материале английского и русского языков): Выпускная квалификационная работа. Брянск: Брянский гос. ун-т, 2019. 76 с.

Яковлев А.А. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 160 с.

Black M. The labyrinth of language. New York: Praeger, 1968. 178 p.

Carl M., Bangalore S. & Schaeffer M. New directions in empirical Translation Process Research: Exploring the CRITT TPR-DB. Springer, 2015. 315 p.

Chomsky N. Language and mind. Cambridge University Press, 2006 (1968). 190 p.

Ferreira A. & Schwieter J.W. Psycholinguistic and cognitive inquiries into translation and interpreting. John Benjamins Publishing Company, 2015. 206 p.

Göpferich S., Jakobsen A.L. & Mees I.M. Behind the mind: Methods, models and results in Translation Process Research. Samfundslitteratur, 2009. 257 p.

Green J. Neologisms: New words since 1960. Bloomsbury, 1991. 339 p.

Levý J. Translation as a decision process // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. 1967. Vol. 2. Pp. 1171–1182. The Hague: Mouton.

Mattiello E. Analogy in word-formation: A study of English neologisms and occasionalisms. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017. 257 p.

Mattiello E. Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2013. 340 p.

Onsman H.J. Creativity and linguistic theory: The study of the creative aspect of language. University of Tasmania, 1984 [Электронный ресурс]. URL: <https://eprints.utas.edu.au/21098/> (дата обращения: 11.07.19).

Rodriguez Guerra A. Dictionaries of neologisms: A review and proposals for its improvement // *Open Linguistics*. 2016. № 2. Pp. 528–556.

Schwietzer J.W. & Ferreira A. *The handbook of translation and cognition*. John Wiley & Sons, 2017. 600 p.

Shreve G.M. & Angelone E. *Translation and cognition*. John Benjamins Publishing, 2010. 381 p.

Источники экспериментального материала и словари

CED – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ (дата обращения: 20.07.19).

OED₁ – Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://public.oed.com/updates/> (дата обращения: 18.07.19).

OED₂ – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=neologism> (дата обращения: 13.07.19).

Project Runway season 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bravotv.com/project-runway> (дата обращения: 05.03.19).

Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 05.03.19).

Vogue UK [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vogue.co.uk/> (дата обращения: 02.03.19).

Your Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.yourdictionary.com/ (дата обращения: 20.07.19).

NEOLOGISMS AS INDIVIDUAL KNOWLEDGE (on the basis of English neologisms in the fashion sphere)

Svetlana A. Chugunova

Professor at the Chair of the English Language Theory and Translation Studies,
the Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky,
14 Bezhitskaya Str., Bryansk, Russia
chugunovasvetal@rambler.ru

This paper is a study of English neologisms as individual knowledge according to the “live word” and “live knowledge” psycholinguistic theory proposed and developed by A.A. Zalevskaya (1992; 2005; 2007; 2011; 2014). The theoretical section of the research includes considering the following issues: neologisms as a kind of language creativity, neologisms as collective and individual knowledge, as well as the modern linguistic trends in the formation of English neologisms. The empirical part of the research is an experimental investigation of the way Russian subjects with foreign language competence in English translate English neologisms in the fashion sphere. We hypothesized that while translating Russian subjects would prefer transcription and transliteration to other translation techniques as the least cognitive-intensive in terms of cognitive load. The neologisms to translate were presented in sentences and were also accompanied by their meanings in English. The hypothesis proved true only for several neologisms, but not for all of them. We find the results as controversial and suggest that they could be affected by some experimental conditions that may need further consideration.

Keywords: linguistic creativity, neology, neologism, collective and individual knowledge, lexicon, translation techniques

References

Boduen de Kurtene I.A. Ob obshchih prichinah yazykovykh izmenenij [On the general principles of language changes] // *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu*. T. 1. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963 S. 222–254. (In Russian).

Chugunova S.A. Funkcionirovanie yazyka v usloviyah lingvokul'turnogo vzaimodejstviya: deyatel'nostnyj podhod [Language performance in the context of linguo-cultural interactions: Activity-oriented approach] // *Funkcionirovanie yazyka v sociume, tekste, individual'nom soznanii: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. A.A. Zalevskoj*. Tver': Tver. gos. un-t, 2018. S. 193–214. (In Russian).

Fomin I.N. Vliyanie informacii na uskorenie razvitiya obshchestva [The impact of information on the acceleration of social development] // *Tekhnicheskie nauki – ot teorii k praktike: sb. st. po mater. XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, 2012. S. 164–180. (In Russian).*

Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya [Linguistic modifications]. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1998. 768 s. (In Russian).

Gacalova L.B. Neologiya kak nauka v obshchej paradigme [Neology as a science in the overall paradigm]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19. Nal'chik, 2005. 43 s. (In Russian).

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 s. (In Russian).

Pogosov A.A. Dinamika perevodcheskogo processa: kriterii lingvokognitivnogo opisaniya [New trends in Translation Studies: the criteria of linguo-cognitive analysis]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2011. 18 s. (In Russian).

Podol'skaya N.I. Problema opisaniya processa perevoda: metod komp'yuternogo modelirovaniya [The problem of translation process description: Computer simulation method]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. M., 1998. 25 s. (In Russian).

Potebnya A.A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. Har'kov: Tipografiya Adol'fa Darre, 1892. 228 s. (In Russian).

Togoeva S.I. Psiholingvisticheskie problemy neologii [Psycholinguistic issues of neology]. Tver': Tver. gos. un-t, 2000. 155 s. (In Russian).

Yunosheva V.S. Strategii ponimaniya neologizmov v sfere mody i sposoby ih perevoda (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [Language comprehension strategies and translation techniques in case of neologisms in the fashion sphere (on the basis of English and Russian units)]: Vypusknaya kvalifikacionnaya rabota. Bryansk: Bryanskij gos. un-t, 2019. 76 s. (In Russian).

Yakovlev A.A. Psiholingvisticheskie aspekty perevoda [Psycholinguistic aspects of translation]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2015. 160 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Individual'noe znanie: specifika i principy funkcionirovaniya [Individual knowledge: specificity and principles of functioning]. Tver': Tver. gos. un-t, 1992. 134 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya [Psycholinguistic research]. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. M.: Gnozis, 2005. 543 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2007. 560 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta [Word meaning in experimental research]. Tver': Tver. gos. un-t, 2011. 240 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Interfejsnaya teoriya znacheniya slova: psiholingvisticheskiy podhod [Interfacial theory of word meaning: A psycholinguistic approach]. Zalevskaya A.A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach. London: LASHE, 2014. 180 p. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Rol' faktora cheloveka v razvitii yazyka [The role of the human factor in the evolution of language] // Voprosy psiholingvistiki. 2015. № 24. S. 64–76. (In Russian).

Black M. (1968). The labyrinth of language. New York: Praeger. 178 p.

Carl M., Bangalore S. & Schaeffer M. (2015). New directions in empirical Translation Process Research: Exploring the CRITT TPR-DB. Springer. 315 p.

Chomsky N. (1968/2006). Language and mind. Cambridge University Press. 190 p.

Ferreira A. & Schwieter J.W. (2015). Psycholinguistic and cognitive inquiries into translation and interpreting. John Benjamins Publishing Company. 206 p.

Göpferich S., Jakobsen A.L. & Mees I.M. (2009). Behind the mind: Methods, models and results in Translation Process Research. Samfundslitteratur. 257 p.

Green J. (1991). Neologisms: New words since 1960. Bloomsbury. 339 p.

Levy J. (1967). Translation as a decision process // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. Vol. 2. Pp. 1171–1182. The Hague: Mouton.

Mattiello E. (2017). Analogy in word-formation: A study of English neologisms and occasionalisms. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 257 p.

Mattiello E. (2013). Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 340 p.

Onsman H.J. Creativity and linguistic theory: The study of the creative aspect of language. University of Tasmania, 1984 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://eprints.utas.edu.au/21098/> retrieval date: 11.07.19).

Rodríguez Guerra A. (2016). Dictionaries of neologisms: A review and proposals for its improvement // Open Linguistics. № 2. Pp. 528–556.

Schwietzer J.W. & Ferreira A. (2017). The handbook of translation and cognition. John Wiley & Sons. 600 p.

Shreve G.M. & Angelone E. (2010). Translation and cognition. John Benjamins Publishing. 381 p.

Sources of experimental material and dictionaries

CED – Collins English Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ (retrieval date: 20.07.19).

OED₁ – Oxford English Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://public.oed.com/updates/> (retrieval date: 18.07.19).

OED₂ – Online Etymology Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=neologism> (retrieval date: 13.07.19).

Project Runway season 17 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bravotv.com/project-runway> (retrieval date: 05.03.19).

Urban Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (retrieval date: 05.03.19).

Vogue UK [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vogue.co.uk/> (retrieval date: 02.03.19).

Your Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: www.yourdictionary.com/ (retrieval date: 20.07.19).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.23

DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-78-92

ОЦЕНОЧНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ НЕМЦЕВ НА НАИМЕНОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Алексеева Екатерина Михайловна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Казанского (Приволжского) федерального университета
420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
ealekseeva@list.ru

Статья посвящена изучению феноменологических особенностей оценочной ассоциативной речевой репрезентации психических состояний. В условиях дефицита времени испытуемым – 33 студентам Хильдесхаймского университета (ФРГ) – необходимо было устно назвать оценочные ассоциации (прилагательные) к наименованиям психических состояний. На основании полученных экспериментальных данных было рассчитано время речевой реакции, проанализированы количественные и качественные характеристики ассоциаций. Среднее время оценочной реакции на понятия состояний, предъявляемые на мониторе компьютера, составило 2418 миллисекунд. Наиболее быстрой оказалась ассоциативная речевая реакция-оценка на стимул *Begeisterung* (восторг) – 1930,7 мсек, самой медленной – на стимул *Traurigkeit* (печаль) – 2847,2 мсек. На понятия 34 психических состояний было зафиксировано 645 оценочных речевых реакций испытуемых, в среднем по 19 ассоциаций на каждое состояние. Наибольшее количество речевых оценочных ассоциаций было дано понятию *Aufgeregtheit* (волнение) – 26 различных ассоциативных прилагательных, наименьшее – к понятиям *Einsamkeit* (одиночество) и *Interessiertheit* (заинтересованность) – по 13 ассоциативных прилагательных. Четко выраженное ядро прослеживается лишь в 10 из 34 оценочных ассоциативных полей понятий психических состояний, в то время как околядерные слои и достаточно плотно заполненная периферия характерны для всех оценочных ассоциативных полей психических состояний. Проведенное исследование задает перспективы сравнительного изучения ассоциативных характеристик репрезентации психических состояний у представителей различных культур.

Ключевые слова: психическое состояние, ассоциативный эксперимент, ассоциативная репрезентация, речевая реакция

Введение

В настоящее время большой научный интерес представляет изучение репрезентации психических явлений (прежде всего, психических состояний, переживаний, эмоций и чувств). В работе [Дружилов, Олещенко 2014] достаточно подробно анализируется современное положение в области изучения психических состояний, их связь с психическими процессами и свойствами личности, приводятся определения психического состояния. Чаще всего психическое состояние определяют по Н.Д. Левитову – как «целостную характеристику психической деятельности за определенный период времени, показывающую своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и свойств личности» [Левитов 1964: 20].

В опубликованных ранее исследованиях поднимался вопрос о структуре организации знаний об эмоциях, развитии этих знаний в ходе онтогенеза [Дорфман 1997], представленности эмоций на различных уровнях сознания [Прусакова, Сергиенко 2002], ментальных репрезентаций психических состояний [Прохоров 2016], их уровневой организации, феноменологических и языковых особенностях [Alexeyeva, Chernov 2015; Chernov, Alekseeva 2016] и др. Ввиду того, что состояния (не только эмоциональные) являются индивидуальным и субъективным феноменом психики, очевидной является необходимость исследования универсальных и специфичных компонентов ассоциативных представлений о психических состояниях. Это позволило бы продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры ассоциативных представлений о внутренней жизни человека.

Ассоциативный метод сам по себе является далеко не новым. Существует традиция его применения в лингвистических, социологических, психологических исследованиях. Ассоциативный эксперимент, в ходе которого респондентам необходимо написать свои ассоциации к тем или иным словам, приобрел наибольшую распространенность [Паутова 2007; Родионова, Привалова 2015; Стернин 2015]. Устные ассоциации, а также устные ассоциации, продуцируемые в ходе психолингвистического (как свободного, так и направленного) эксперимента, проводимого в условиях дефицита времени, изучаются существенно меньше.

В изучении оценочной ассоциативной устной репрезентации психических состояний заключалась цель настоящего исследования. Данная цель определила задачи: во-первых, построить оценочные ассоциативные поля психических состояний и, во-вторых, определить время оценочной ассоциативной речевой реакции на визуально предъявляемые слова-стимулы, в качестве которых выступали названия психических состояний. Новизна эмпирического исследования заключалась в использовании экспериментальной процедуры, которая позволяет с большой точностью замерять время речевой реакции на предъявляемые на мониторе стимулы (в данном случае наименования психических состояний).

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 33 студента Хильдесхаймского университета (ФРГ) – 27 человек женского пола и 6 мужского в возрасте от 20 до 24 лет. Проводился ассоциативный эксперимент, разработанный на основе программы DMDX, позволяющей замерять время речевой реакции с точностью до миллисекунды [Forster & Forster 2003].

Испытуемым на листе бумаги предъявлялась распечатанная инструкция на немецком языке:

„Hallo, liebe(r) Experimentteilnehmende(r)!

Unser Experiment hat einen assoziativen Charakter. Wir beschäftigen uns mit den Assoziationen, die **psychische Zustände** hervorrufen.

Auf dem Bildschirm erscheinen Begriffe **psychischer Zustände**. Ihre Aufgabe besteht darin, **so schnell wie möglich** diesen psychischen Zustand zu bewerten, indem sie die Frage „Wie?“ beantworten, und das **erste Assoziationswort-Adjektiv** zu nennen, das Ihnen einfällt. Es ist wichtig, dass Sie die erste eingefallene Assoziation – ein Adjektiv sagen.

Vor dem Vorzeigen des Begriffes eines psychischen Zustandes erscheint ein Kreuzchen auf dem Bildschirm zur Fixierung Ihrer Aufmerksamkeit. Für Sie ist es ein Zeichen, sich zu konzentrieren.

Reagieren Sie **so schnell wie möglich, überlegen Sie es sich nicht lange**. Orientieren Sie sich an niemanden. Es gibt keine guten und keine schlechten Antworten.

Besten Dank fürs Mitwirken!⁴

Данная инструкция соответствует следующей на русском языке:

«Добрый день, дорогой участник исследования!

Наше исследование носит ассоциативный характер. Мы занимаемся ассоциациями, которые вызывают психические состояния.

На экране монитора Вы увидите названия психических состояний. Ваша задача состоит в том, чтобы дать оценку предъявляемому психическому состоянию, ответив на вопросы «какой?», «какая?», «какое?» и как можно быстрее назвать первую пришедшую в голову ассоциацию в виде **прилагательного**.

Перед предъявлением названия того или иного психического состояния на экране появляется крестик для фиксации Вашего внимания. Для Вас это знак, что необходимо сосредоточиться.

Отвечайте как можно **быстрее, долго не задумывайтесь**. В своих ответах ни на кого не ориентируйтесь. Нет ни хороших, ни плохих ответов. Большое спасибо за содействие!»

Таким образом, испытуемым в ходе эксперимента предлагалось назвать на своем родном (немецком) языке ассоциации в виде прилагательного (именно поэтому нами было введено понятие оценочной ассоциативной реакции), вызываемые предъявляемыми на мониторе компьютера стимулами. Стимулами послужили названия 34 психических состояний: *Nachdenken* (раздумье), *Müdigkeit* (усталость), *Begeisterung* (восторг), *Ruhe* (спокойствие), *Sehnsucht* (тоска), *Freude* (радость), *Unsicherheit* (неуверенность), *Mitleid* (жалость), *Vergnügen* (удовольствие), *Eifersucht* (ревность), *Sympathie* (симпатия), *Erwartung* (ожидание), *Liebe* (любовь), *Erschöpfung* (изнеможение), *Gewissensbisse* (угрызения совести), *Verliebtheit* (влюбленность), *Einsamkeit* (одиночество), *Interessiertheit* (заинтересованность), *Fröhlichkeit* (веселость), *Unentschlossenheit* (нерешительность), *Glück* (счастье), *Mitgefühl* (сочувствие), *Aufgeregtheit* (волнение), *Munterkeit* (бодрость), *Inspiriertheit*¹ (вдохновение), *Erstaunen* (удивление), *Hass* (ненависть), *Bedauern* (сожаление), *Gleichgültigkeit* (равнодушие), *Ärger* (гнев), *Traurigkeit* (печаль), *Stolz* (гордость), *Angst* (страх), *Enttäuschung* (разочарование). Данные состояния были отобраны не случайно, они оказались среди наиболее типичных для жизнедеятельности российских студентов [Алексеева 2016]. Для проведения аналогичного исследования в немецкой группе респондентов были взяты соответствующие немецкие понятия тех же психических состояний.

Затем при помощи программы CheckVocal [Protopapas 2007] ответы респондентов были проанализированы с точки зрения относительно скорости речевой реакции.

Результаты и их обсуждение

Среднее время речевой оценочной реакции немецких испытуемых на названия психических состояний, которые предъявлялись на мониторе компьютера, составило 2418 миллисекунд. На рисунке 1 представлена скорость оценочной реакции на каждое отдельное понятие психического состояния.

---

¹ Нами было выбрана лексема *Inspiriertheit*, а не *Inspiration* ввиду того, что первая больше отражает характеристику психического состояния, а вторая – скорее психический процесс.

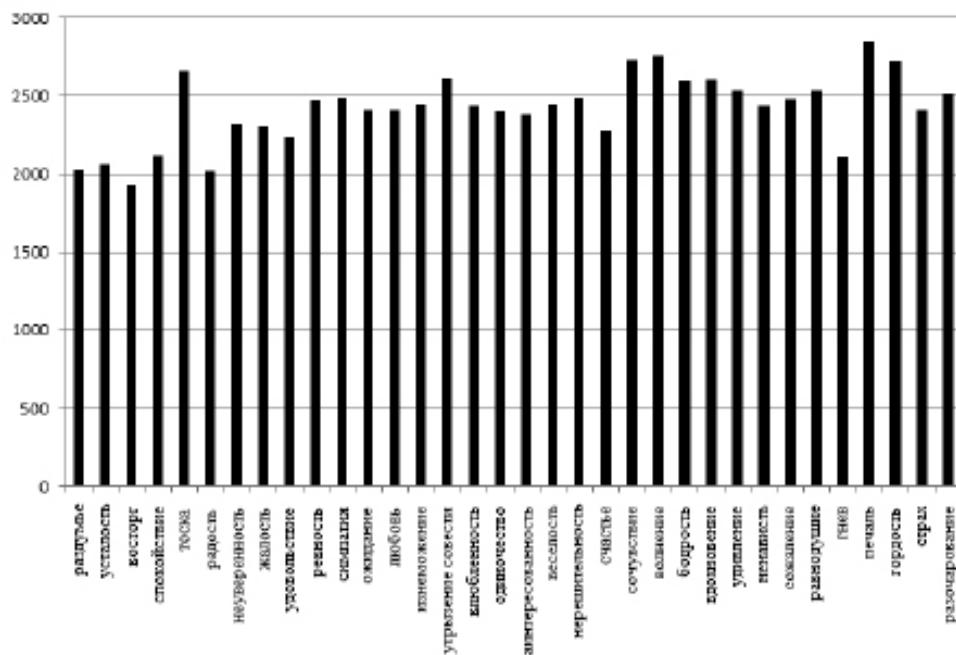

Рис. 1. Среднее время реакции на стимулы – названия психических состояний в немецкой группе испытуемых (в миллисекундах)

Из рисунка 1 следует, что быстрее всего оказалась оценочная ассоциативная речевая реакция на стимулы *Begeisterung* (восторг) – 1930,7 мсек., *Freude* (радость) – 2014,1 мсек., *Nachdenken* (раздумье) – 2024,2 мсек., *Müdigkeit* (усталость) – 2061,3 мсек., *Ärger* (гнев) – 2109,1 мсек., *Ruhe* (спокойствие) – 2112,4 мсек. Речевая реакция на остальные понятия психических состояний заняла по времени более 2,2 секунд. Самая медленная – оценочная речевая реакция на стимулы *Traurigkeit* (печаль) – 2847,2 мсек, *Aufgeregtheit* (волнение) – 2758,8 мсек., *Mitgefühl* (сочувствие) – 2730,7 мсек., *Stolz* (гордость) – 2721,3 мсек.

Оценочные речевые реакции были подвергнуты количественному и качественному анализу. Задача заключалась в реконструкции оценочных ассоциативных полей, изучении их наполненности. Сначала было подсчитано, сколько прилагательных – речевых реакций на названия психических состояний – образовали ядро, околядерные слои и периферию оценочных ассоциативных полей. Наиболее частотные ассоциации (те, которые назвали не менее 30% испытуемых) вошли в ядро оценочных ассоциативных полей психических состояний. Околядерные слои состояли из прилагательных, которые встречались более одного раза. Периферию образовали единичные оценочные речевые реакции немецких респондентов.

Таблица № 1

**Количественные характеристики оценочных ассоциативных реакций
на названия психических состояний**

Психическое состояние	Ядро оценочного ассоциативного поля	Около-ядерные слои оценочного ассоциативного поля	Периферия оценочного ассоциативного поля	ИТОГО
Nachdenken (раздумье)		7	15	22
Müdigkeit (усталость)		8	11	19
Begeisterung (восторг)		6	9	15
Ruhe (спокойствие)		7	7	14
Sehnsucht (тоска)		3	17	20
Freude (радость)		7	12	19
Unsicherheit (неуверенность)		5	19	24
Mitleid (жалость)	1	1	12	14
Vergnügen (удовольствие)		6	12	18
Eifersucht (ревность)		7	16	23
Sympathie (симпатия)		6	12	18
Erwartung (ожидание)		4	19	23
Liebe (любовь)	1	3	16	20
Erschöpfung (изнеможение)	1	1	17	19
Gewissensbisse (угрызение совести)		5	16	21
Verliebtheit (влюбленность)		4	18	22
Einsamkeit (одиночество)	1	3	9	13
Interessiertheit (заинтересованность)		6	7	13
Fröhlichkeit (веселость)		4	16	20
Unentschlossenheit (нерешительность)	1	1	16	18
Glück (счастье)		5	11	16
Mitgefühl (сочувствие)		6	15	21
Aufgeregtheit (волнение)		2	24	26
Munterkeit (бодрость)		6	17	23
Inspiriertheit (вдохновение)		5	16	21
Erstaunen (удивление)		5	13	18

Hass (ненависть)		4	19	23
Bedauern (сожаление)	1		14	15
Gleichgültigkeit (равнодушие)	1	3	11	15
Ärger (гнев)	1	2	13	16
Traurigkeit (печаль)	1	1	16	18
Stolz (гордость)		4	19	23
Angst (страх)		3	17	20
Enttäuschung (разочарование)	1	3	11	15
ИТОГО	645 ассоциаций			

Как следует из приведенных в таблице №1 данных, всего к наименованиям 34 психических состояний немецкими респондентами были даны 645 оценочных ассоциаций – речевых реакций, т.е. в среднем по 19 ассоциаций-прилагательных на каждое понятие психического состояния. Самое большое количество оценочных речевых ассоциаций было названо к наименованиям таких состояний, как *Aufgeregtheit* (волнение) – 26 различных ассоциативных прилагательных, *Unsicherheit* (неуверенность) – 24 ассоциации, *Eifersucht* (ревность), *Erwartung* (ожидание), *Munterkeit* (бодрость), *Hass* (ненависть), *Stolz* (гордость) – по 23 ассоциации, *Nachdenken* (раздумье) и *Verliebtheit* (влюбленность) – по 22 ассоциации. Наименьшее количество оценочных ассоциаций вызвали наименования психических состояний *Einsamkeit* (одиночество), *Interessiertheit* (заинтересованность) – 13 ассоциативных прилагательных, *Mitleid* (жалость), *Ruhe* (спокойствие) – 14 ассоциаций.

Оценочные ассоциативные поля психических состояний *Mitleid* (жалость), *Liebe* (любовь), *Erschöpfung* (изнеможение), *Einsamkeit* (одиночество), *Unentschlossenheit* (нерешительность), *Bedauern* (сожаление), *Gleichgültigkeit* (равнодушие), *Ärger* (гнев), *Traurigkeit* (печаль), *Enttäuschung* (разочарование) обладают наиболее ярко выраженным ядром, в которое входит одно доминирующее прилагательное. Остальные изучаемые психические состояния (а именно большинство) не имеют четкого ядра оценочного ассоциативного поля.

Наиболее заполненными околядерными слоями оценочного ассоциативного поля характеризуются психические состояния *Müdigkeit* (усталость) – 8 прилагательных, *Nachdenken* (раздумье), *Ruhe* (спокойствие), *Eifersucht* (ревность) и *Freude* (радость) – по 7 прилагательных. Наименее заполнены околядерные слои оценочного ассоциативного поля у наименований таких состояний, как *Mitleid* (жалость), *Erschöpfung* (изнеможение), *Unentschlossenheit* (нерешительность) и *Traurigkeit* (печаль) – по одной оценочной ассоциации, *Aufgeregtheit* (волнение), *Ärger* (гнев) – по 2 оценочные ассоциации. Все психические состояния, которые изучались в ходе эмпирического исследования, характеризуются наличием околядерного слоя оценочного ассоциативного поля.

Для оценочных ассоциативных полей психических состояний характерны достаточно плотно заполненные периферийные слои. Наиболее богатую периферию

имеют ассоциативные поля состояний *Aufgeregtheit* (волнение) – 24 оценочные ассоциации, *Unsicherheit* (неуверенность), *Erwartung* (ожидание), *Hass* (ненависть) и *Stolz* (гордость) – 19 ассоциаций, *Verliebtheit* (влюбленность) – 18 ассоциаций. Наименее выражена периферия в ассоциативных полях состояний *Interessiertheit* (заинтересованность) и *Ruhe* (спокойствие) – по 7 оценочных ассоциаций, *Begeisterung* (восторг) и *Einsamkeit* (одиночество) – 9 ассоциаций, *Müdigkeit* (усталость), *Gleichgültigkeit* (равнодушие), *Glück* (счастье) и *Enttäuschung* (разочарование) – по 11 ассоциаций.

Полученные эмпирические данные позволяют сформировать оценочные ассоциативные поля отдельных психических состояний.

Так, в оценочном ассоциативном поле когнитивного психического состояния *Nachdenken* (раздумье) отсутствует ядро, околядерный слой заполняют ассоциации *gut* (хорошее), *nachdenklich* (задумчивое) – по 9% информантов, *anstrengend* (напряженное), *langweilig* (скучное), *schnell* (быстрое), *langsam* (медленное), *grüblerisch* (размышляющее) – по 6%.² Периферия представлена ассоциациями *leicht* (легкое), *unterhaltsam* (занимательное), *lange* (долгое), *schwer* (тяжелое), *schön* (прекрасное), *gedanklich* (мыслительное), *spannend* (увлекательное), *schwierig* (трудное), *angenehm* (приятное), *positiv* (положительное), *traurig* (печальное), *zeitlich* (временное), *möglich* (возможное), *ruhig* (спокойное).

В оценочных речевых реакциях на понятие состояния *Interessiertheit* (заинтересованность), которое характеризуется мотивационной и когнитивной составляющей, были обнаружены следующие особенности: в околядерный слой вошли ассоциации *neugierig* (любопытная) – 25% испытуемых, *interessant* (интересная) – 12%, *interessiert* (заинтересованная), *spannend* (увлекательная), *positiv* (положительный), *aufregend* (волнующая) – по 6%. Периферию оценочного ассоциативного поля заполнили прилагательные *begeistert* (восторженная), *fasziniert* (завороженная), *aufgeregt* (взволнованная), *angenehm* (приятная), *wißbegierig* (любопытная), *erwartungsvoll* (полная ожидания).

Околядерные слои оценочного ассоциативного поля психического состояния *Inspiriertheit* (вдохновение) с эмоциональным и мотивационным компонентами включают ассоциации *kreativ* (креативное) – 21% опрошенных, *inspiert* (вдохновленное) – 9%, *neugierig* (любопытное), *phantasievoll* (с богатым воображением), *positiv* (положительное) – по 6%. Следующие ассоциации к наименованию состояния *Inspiriertheit* (вдохновение) находятся на периферии: *beflügelnd* (окрыляющее), *angenehm* (приятное), *begeistert* (восторженное), *schön* (прекрасное), *voll* (полное), *lesend* (читающее), *motiviert* (мотивированное), *zweifelvoll* (сомнительное), *künstlerisch* (художественное), *malerisch* (живописное), *gut* (хорошее), *angeregt* (побуждаемое), *aufmerksam* (внимательное), *motivierend* (мотивирующее), *fröhlich* (радостное).

Анализ оценочных речевых реакций на понятия психических состояний с доминирующей физиологической составляющей показал, что околядерные слои ассоциативного поля состояния *Müdigkeit* (усталость) образовали ассоциации *schläfrig*

² В немецком языке существует начальная форма прилагательного, лишенная признака рода. Немецкие испытуемые в эксперименте называли именно эту форму. Ввиду отсутствия такой формы в русском языке все прилагательные немецкого языка были переведены в форму прилагательного русского языка в зависимости от рода существительного – названия психического состояния.

(сонная) – у 15% испытуемых, *müde* (уставшая), *träge* (вялая), *traurig* (печальная) – по 9%, *erschöpft* (истощенная), *unangenehm* (неприятная), *negativ* (отрицательная), *oft* (частая) – по 6%. На периферии оценочные ассоциации *stressig* (стрессовая), *verschlafen* (заспанная), *schwierig* (трудная), *langweilig* (скучная), *langsam* (медленная), *warm* (теплая), *deprimierend* (удручающая), *kalt* (холодная), *ruhend* (находящаяся в состоянии покоя), *häufig* (частая), *anstrengend* (напряженная).

Ассоциация *müde* (уставший) как речевая реакция вошла в ядро оценочного ассоциативного поля *Erschöpfung* (изнеможение) – у 32% испытуемых. Околоядерные слои ассоциативного поля данного состояния также образовали оценочные ассоциации *negativ* (отрицательное) – у 6% респондентов. На периферии прилагательные *anhaltend* (длительное), *schläfrig* (сонное), *sehr unangenehm* (очень неприятное), *stressig* (стрессовое), *traurig* (печальное), *einsam* (одинокое), *ermüdend* (утомительное), *schwer* (тяжелое), *ruhig* (спокойное), *angestrengt* (напряженное), *unglücklich* (несчастливое), *schlecht* (плохое), *ermüdet* (утомленное), *anstrengend* (напряженное), *ausgelaugt* (изнуренное), *erschöpft* (истощенное).

Оценочное ассоциативное поле психического состояния *Munterkeit* (бодрость) характеризуется околоядерными словами, образованными прилагательными *aktiv* (активная), *motiviert* (мотивированная) у 9% респондентов и *enthusiastisch* (полная энтузиазма), *aufgeregt* (взволнованная), *freudig* (радостная), *motivierend* (мотивирующая) у 6%. В насыщенную периферию вошли оценочные ассоциации *überschwemmt* (переполненная), *energiegeladen* (заряженная энергией), *unangenehm* (неприятная), *bewundernswert* (удивительная), *positiv* (положительная), *fit* (работоспособная), *anstrengend* (напряженная), *spontan* (спонтанная), *schnell* (быстрая), *lustig* (веселая), *engagiert* (деятельная), *gut* (хорошая), *euphorisch* (эйфоричная), *anregend* (побуждающая), *aufregend* (волнующая), *unruhig* (неспокойная), *willig* (полная готовности).

Были также проанализированы качественные характеристики оценочных ассоциативных полей эмоциональных состояний (Таблица №2).

Таблица №2

Частотность и феноменологические характеристики оценочных ассоциативных реакций на названия эмоциональных состояний

Психическое состояние	Околоядерные слои оценочного ассоциативного поля	Периферия оценочного ассоциативного поля
Begeisterung (восторг)	<i>freudig</i> (радостный)	24%
	<i>fröhlich</i> (веселый)	18%
	<i>schön</i> (прекрасный)	12%
	<i>toll</i> (классный)	6%
	<i>froh</i> (вселяющий радость)	6%
	<i>erfreut</i> (обрадованный)	6%
		<i>erfreulich</i> (отрадный), <i>selten</i> (редкий), <i>positiv</i> (положительный), <i>fliegend</i> (летающий), <i>gut</i> (хороший), <i>euphorisierend</i> (приводящий в эйфорию), <i>hell</i> (светлый), <i>begeistert</i> (восторженный), <i>laut</i> (громкий).

Freude (радость)	<i>fröhlich</i> (веселая)	12%	<i>euphorisch</i> (эйфоричная), <i>sehr angenehm</i> (очень приятная), <i>wünschenswert</i> (желательная), <i>positiv</i> (положительная), <i>lachend</i> (смеющаяся), <i>spräßig</i> (забавная), <i>blumig</i> (цветистая), <i>lustig</i> (веселая), <i>warm</i> (теплая), <i>froh</i> (радостная), <i>freundlich</i> (дружелюбная), <i>großartig</i> (великолепная), <i>überschwänglich</i> (экзальтированная)
	<i>schön</i> (прекрасная)	12%	
	<i>freudig</i> (радостная)	9%	
	<i>glücklich</i> (счастливая)	9%	
	<i>begeistert</i> (восторженная)	6%	
	<i>efreut</i> (обрадованная)	6%	
	<i>warm</i> (теплая)	6%	
Fröhlichkeit (веселость)	<i>freudig</i> (радостная)	21%	<i>lebhaft</i> (живая), <i>angenehm</i> (приятная), <i>erhellend</i> (освещающая), <i>weihnachtlich</i> (рождественская), <i>lachend</i> (смеющаяся), <i>nett</i> (милая), <i>laut</i> (громкая), <i>hell</i> (светлая), <i>lächelnd</i> (улыбающаяся), <i>spräßig</i> (забавная), <i>euphorisch</i> (эйфоричная), <i>heiter</i> (безоблачная), <i>aufgeregt</i> (взволнованная), <i>natürlich</i> (естественная), <i>locker</i> (раскованная), <i>lustig</i> (веселая)
	<i>glücklich</i> (счастливая)	15%	
	<i>schön</i> (прекрасная)	9%	
	<i>fröhlich</i> (веселая)	6%	
Glück (счастье)	<i>fröhlich</i> (веселое)	17%	<i>groß</i> (большое), <i>lebendig</i> (живое), <i>angenehm</i> (приятное), <i>buddhistisch</i> (буддийское), <i>grün</i> (зеленое), <i>warm</i> (теплое), <i>positiv</i> (положительное), <i>erwartungsvoll</i> (полное ожидания), <i>erfüllt</i> (исполненное), <i>aufregend</i> (взволнованное), <i>toll</i> (классное)
	<i>glücklich</i> (счастливое)	13%	
	<i>freudig</i> (радостное)	13%	
	<i>schön</i> (прекрасное)	10%	
	<i>erstrebenswert</i> (желанный)	6%	
Vergnügen (удовольствие)	<i>freudig</i> (радостное)	15%	<i>selten</i> (редкое), <i>positiv</i> (положительное), <i>jauchzend</i> (ликующее), <i>schokoladisch</i> (шоколадное), <i>witzig</i> (прикольное), <i>bunt</i> (яркое), <i>gut</i> (хорошее), <i>hoffnungsvoll</i> (полное надежды), <i>euphorisch</i> (эйфоричное), <i>möglich</i> (возможное), <i>leicht</i> (легкое), <i>vergnügt</i> (довольное)
	<i>fröhlich</i> (веселое)	12%	
	<i>angenehm</i> (приятное)	9%	
	<i>glücklich</i> (счастливое)	9%	
	<i>spräßig</i> (забавное)	9%	
	<i>schön</i> (прекрасное)	6%	

Sympathie (симпатия)	<i>nett</i> (милая)	18%	<i>häufig</i> (частая), <i>beflügelnd</i> (окрыляющая), <i>freundlich</i> (дружелюбная), <i>begeistert</i> (восторженная), <i>sympathisch</i> (симпатичная), <i>interessant</i> (интересная), <i>warm</i> (теплая), <i>herzlich</i> (сердечная), <i>freundschaftlich</i> (дружеская), <i>toll</i> (классная), <i>gern</i> (с удовольствием), <i>fundamental</i> (фундаментальная)
	<i>angenehm</i> (приятная)	9%	
	<i>freudig</i> (радостная)	6%	
	<i>schön</i> (прекрасная)	6%	
	<i>empathisch</i> (эмпатичная)	6%	
	<i>fröhlich</i> (веселая)	6%	

На основании полученных данных можно сделать вывод, что оценочные ассоциативные поля эмоциональных состояний *Begeisterung* (восторг), *Freude* (радость), *Fröhlichkeit* (веселость), *Glück* (счастье), *Vergnügen* (удовольствие), *Sympathie* (симпатия) обнаруживают схожие характеристики – ядро отсутствует, околядерные слои и периферия заполнены преимущественно положительными прилагательными.

Свои особенности имеют оценочные ассоциативные характеристики состояний *Liebe* (любовь) и *Verliebtheit* (влюбленность). Они представлены в Таблице №3.

Таблица № 3

Феноменологические характеристики оценочных ассоциативных реакций на названия состояний *Liebe* (любовь) и *Verliebtheit* (влюбленность)

	<i>Liebe</i> (любовь)		<i>Verliebtheit</i> (влюбленность)	
Количество оценочных ассоциаций – прилагательных	20		22	
Ядро оценочного ассоциативного поля	<i>schön</i> (прекрасная)	33%	---	
Околядерные слои оценочного ассоциативного поля	<i>glücklich</i> (счастливая)	9%	<i>schön</i> (прекрасная)	21%
	<i>gut</i> (хорошая)	6%	<i>glücklich</i> (счастливая)	9%
	<i>erfüllend</i> (преисполняющая)	6%	<i>fröhlich</i> (веселая)	6%
			<i>bunt</i> (яркая)	6%

<p>Периферия оценочного ассоциативного поля</p>	<p><i>leidenschaftlich</i> (страстная), <i>zärtlich</i> (нежная), <i>sehr angenehm</i> (очень приятная), <i>aufgeregt</i> (взволнованная), <i>freudig</i> (радостная), <i>niedlich</i> (милая), <i>rot</i> (красная), <i>liebend</i> (любящая), <i>gefühlvoll</i> (преисполненная чувств), <i>lieblich</i> (прелестная), <i>liebenvoll</i> (преисполненная любви), <i>verliebt</i> (влюбленная), <i>tiefgehend</i> (глубокая), <i>fröhlich</i> (веселая), <i>bunt</i> (яркая)</p>	<p><i>melancholisch</i> (меланхолическая), <i>sehr angenehm</i> (очень приятная), <i>erfüllend</i> (сбывающаяся), <i>gut</i> (хорошая), <i>freudig</i> (радостная), <i>erotisch</i> (эротическая), <i>rosig</i> (радужная), <i>liebend</i> (любящая), <i>froh</i> (вселяющая радость), <i>aufregend</i> (волнующая), <i>sehnsüchtig</i> (тоскующая), <i>verliebt</i> (влюбленная), <i>vertraut</i> (интимная), <i>kribbelig</i> (беспокойная), <i>wundervoll</i> (чудесная), <i>rot</i> (красная)</p>
---	---	---

Всего к понятию *Liebe* (любовь) было дано 20 оценочных ассоциаций, а к понятию *Verliebtheit* (влюбленность) – 22. Состояние *Liebe* (любовь) имеет четко выраженное ядро – оценочное прилагательное *schön* (прекрасная) у 33% респондентов, которое также вошло в ассоциативное поле состояния *Verliebtheit* (влюбленность), а именно в его околядерные слои. Таким образом, для состояний *Liebe* (любовь) и *Verliebtheit* (влюбленность) характерны схожие особенности оценочных ассоциативных полей: они состоят из достаточно четко выраженных околядерных слоев и богато представленной, разнообразной периферии, заполненной эмоционально окрашенными, в основном положительно-оценочными прилагательными.

Определенными оценочными ассоциативными характеристиками отличаются отрицательные состояния низкого уровня психической активности. Так, ассоциативное поле состояния *Sehnsucht* (тоска) обладает следующими характеристиками: в околядерные слои входят прилагательные *traurig* (нечальная) у 25% респондентов, *schwerütig* (унылая) и *sehnsüchtig* (тоскливая) у 7%. Периферию образовали ассоциации *ermüdend* (утомительная), *unangenehm* (неприятная), *verliebt* (влюбленная), *interessant* (интересная), *schön* (прекрасная), *vermissend* (скужающая), *einsam* (одинокая), *verzerrend* (искаженная), *süchtig* (одержимая), *negativ* (отрицательная), *herzerreißend* (разрывающая сердце), *schwer* (тяжелая), *quälend* (мучающая), *furchtbar* (ужасная), *hoffnungsvoll* (полная надежды).

Для состояния *Unsicherheit* (неуверенность) характерно наличие околядерного слоя оценочного ассоциативного поля, которое заполнили прилагательные *unsicher* (неуверенная) у 10% испытуемых, *ängstlich* (боязливая), *schwierig* (трудная), *unangenehm* (неприятная), *ängstigend* (пугающая) у 6%. Периферию образовали ассоциации *seltener* (редкая), *unruhig* (неспокойная), *gefährlich* (опасная), *unwohl* (дискомфортная), *schüchtern* (робкая), *belastend* (обременительная), *schlecht* (плохая), *eingeschüchtert* (запуганная), *ungewiss* (неопределенная), *verunsichert* (смущенная), *depressiv* (депрессивная), *beängstigend* (внушающая опасения), *negativ* (отрицательная), *allein* (в одиночку), *aufgeregt* (взволнованная), *schrecklich* (ужасная), *angespannt* (напряженная), *furchtbar* (страшная).

Схожими характеристиками обладает состояние *Unentschlossenheit* (нерешительность), которое ассоциируется с прилагательными *unsicher* (неуверенная) у 35% респондентов (ядро ассоциативного поля) и *ungewiss* (неопределенная) у 7% (околядерные

слои). Ассоциации-прилагательные *verunsichernd* (вселяющая неуверенность), *unangenehm* (неприятная), *gefährlich* (опасная), *nachdenklich* (задумчивая), *schwer* (тяжелая), *zweifelnd* (сомневающаяся), *grübelnd* (размышляющая), *negativ* (отрицательная), *unglücklich* (несчастливая), *zögerlich* (осторожно-выжидательная), *nervös* (нервная), *verständlich* (понятная), *zerrissen* (разрывающаяся), *hin und her gezogen* (колеблющаяся), *traurig* (печальная), *verwirrend* (сбивающая с толку) заполнили периферию оценочного ассоциативного поля.

В ядро оценочного ассоциативного поля состояния *Einsamkeit* (одиночество) вошли ассоциации *traurig* (*печальное*) у 35% испытуемых. Околоядерные слои образовали прилагательные *allein/alleine* (*в одиночку*) у 19%, *einsam* (*одинокое*) у 12% и *verlassen* (*покинутое*) у 6%. На периферии оказались ассоциации *schmerzhaft* (*болезненное*), *beängstigend* (*внушающее опасения*), *angenehm* (*приятное*), *grau* (*серое*), *negativ* (*отрицательное*), *zerstörerisch* (*разрушительное*), *erdrückend* (*подавляющее*), *isoliert* (*изолированное*).

Выводы

На основании полученных эмпирических данных ассоциативного психолингвистического эксперимента стало возможным изучить оценочные ассоциативные поля отдельных психических состояний, описать их количественные и феноменологические характеристики, рассчитать среднее время устной ассоциативной реакции.

Можно сформулировать следующие выводы:

1. Среднее время речевой оценочной ассоциативной реакции (в виде прилагательного) на названия психических состояний составило 2418 миллисекунд. Это значительно больше, чем время реакции, зафиксированное в различных психолингвистических исследованиях, в которых респондентам необходимо было называть предъявляемые на мониторе компьютера стимулы в виде отдельных слов, связанных словосочетаний или даже целых предложений [Mädebach, Alekseeva, Jescheniak 2011].

2. Всего к понятиям психических состояний в условиях дефицита времени были даны 645 оценочных ассоциаций, т.е. в среднем по 19 ассоциаций-прилагательных на состояние.

3. На основании полученных эмпирических данных ассоциативного психолингвистического эксперимента стало возможным реконструировать оценочные ассоциативные поля отдельных психических состояний, описать их количественные и феноменологические характеристики.

4. Оценочные речевые реакции на названия психических состояний могут входить в ядерные образования с наиболее типичными ассоциациями, околоядерные слои и периферию ассоциативных полей. Четко выраженное ядро обнаруживают лишь 10 из 34 оценочных ассоциативных полей понятий психических состояний, в то время как околоядерные слои и достаточно плотно заполненная периферия характерны для всех оценочных ассоциативных полей психических состояний.

Перспективы исследований заключаются в возможности сравнительного изучения результатов ассоциативных экспериментов, проведенных среди представителей различных культур. Кроме того, не менее интересными были бы исследования ситуационной ассоциативной репрезентации психических состояний, где в качестве речевой ассоциации испытуемым необходимо было бы назвать ситуацию, для которой характерно то или иное состояние.

Благодарность

Автор выражает благодарность профессору университета Хильдесхайма (ФРГ) Кристине Бермайтингер (Prof. Dr. Christina Bermeitinger) и ее коллегам за содействие в проведении эмпирического исследования.

Литература

Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997. 424 с.

Дружилов С.А., Олещенко А.М. Психические состояния человека в труде: теоретический анализ взаимосвязей в системе «свойства личности – состояния – процессы» // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.04.2019).

Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.

Паутова Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математические модели. 2007. № 24. С. 149–168.

Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний: феноменологические и экспериментальные характеристики // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 23–37.

Прусакова О. А., Сергиенко Е. А. Репрезентации эмоций детьми от трех до шести лет // Научный поиск / под ред. А. В. Карпова. Вып. 3. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. С. 51–64.

Родионова Т.В., Привалова И.В. Ассоциативный эксперимент как один из приемов исследования языкового сознания медиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, журналистика. 2015. Т.15. № 2. С. 13–17.

Стернин И.А. Методы описания семантики слова. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 34 с.

Alexeyeva E. M., Chernov A. V. Representation of mental states: Associative level. Social Sciences (Pakistan). 2015. Vol.10, Is.7. pp. 1959–1963.

Forster K. I., Forster J.C. DMDX: A Windows display program with millisecond accuracy. Behavior Research Methods, Instruments, and Computers. 2003. 35 (1). pp. 116–124.

Mädebach A., Alekseeva E., Jescheniak J.D. Word order does not constrain phonological activation in single word production. Journal of Cognitive Psychology. 2011. 23 (7). pp. 837–842.

Protopapas A. Check Vocal: A program to facilitate checking the accuracy and response time of vocal responses from DMDX. Behavior Research Methods. 2007. 39. pp. 859–862.

Chernov A. V., Alekseeva E.M. Estimated characteristics of mental states' representations. Journal of organizational culture, communications and conflict. 2016. Vol. 20. Special Issue 2. pp. 94–99.

EVALUATIVE ASSOCIATIVE REACTIONS OF GERMANS TO NAMES OF MENTAL STATES

Ekaterina M. Alekseeva

Associate professor of Department for translation theory and practice
Kazan (Volga region) federal university
Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan
ealekseeva@list.ru

The article touches upon the issue of the associative representation of mental states. 33 students of the University of Hildesheim (Germany) – 27 females and 6 males aged from 20 up to 24 participated in the research. The experimental procedure was developed within the DMDX program, which allowed to measure the time of speech response to the shown stimuli – names of 34 mental states. Due to the time deficiency, examinees had to speak out estimated associations (adjectives), that were the first to come to mind. The second task included constructing their evaluative associative fields. The average time of an evaluative response to the names of mental states shown on the computer monitor made up 2418 milliseconds. The fastest time of the associative speech response was to the stimulus “Begeisterung” (delight) – 1930,7 ms., the slowest – to the stimulus “Traurigkeit” (sadness) – 2847,2 ms. In total, 648 associations – evaluative speech responses – were given to the names of 34 mental states, i.e. on average 19 association were received to word describing a mental state. The highest number of speech associations was given to the name “Aufgeregtheit” (nervousness) – 26 different associations. The smallest number of associations characterizes the names “Einsamkeit” (loneliness) and Interessiertheit (interest) – each given 13 evaluative associations. The most expressed kernel has been found only in 10 of 34 estimated associative fields of names of mental states while near-kernel layers and a rather densely filled periphery are typical of all estimated associative fields of mental states. Prospects of research lie in the possibility of comparative studying results of the associative experiments conducted with representatives of various cultures and situation-dependent associative representation of mental states.

Keywords: mental state, associative experiment, associative representation, speech reaction

References

Dorfman L.Ya. Jemocii v iskusstve: teoreticheskie podhody i jempiricheskie issledovanija [Emotions in art: theoretical approaches and empirical researches]. Moscow: Smysl. 1997. 424 s. (In Russian).

Druzhilov S.A., Oleshchenko A.M. Psihicheskie sostojanija cheloveka v trude: teoreticheskij analiz vzajmosvjazej v sisteme «svojstva lichnosti – sostojanija – processy» [Human mental states at work: a theoretical analysis of relations in the system “personal features – states – processes”]. Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. V. 7, No. 34. 2014. URL: <http://psystudy.ru> (retrieval date: 26.04.2019).

Levitov N.D. O psihicheskikh sostojanijah cheloveka [About human mental states]. Moscow: Prosveshhenie, 1964. 344 s. (In Russian).

Pautova L.A. Associativnyj jeksperiment: opyt sociologicheskogo primenenija [Associative experiment: experience of sociological application]. Sociologija: metodologija, metody, matematicheskie modeli [Sociology: methodology, methods, mathematical models]. No 24. 2007. S.149–168. (In Russian).

Prokhorov A.O. Mentalnye reprezentacii psichicheskikh sostojanii: fenomenologicheskie i jeksperimentalnye harakteristiki [Mental state representations: phenomenological and experimental characteristics]. *Jeksperimentalnaja psihologija* [Experimental psychology]. V.9. No 2. 2016. S. 23–37. (In Russian).

Prusakova O.A., Sergienko E.A. Reprezentacii jemocij det'mi ot treh do shesti let [Representations of emotions by children from three to six years]. *Nauchnyj poisk* [Scientific search]. Jaroslavl': Jaroslavl' state university. 2002. S. 51-64. (In Russian).

Rodionova T.V., Privalova I.V. Associativnyj jeksperiment kak odin iz priemov issledovanija jazykovogo soznanija medikov [Associative experiment as one of research methods of physicians language consciousness] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija, zhurnalistika.* [News of the Saratov university. New series. Series: Philology, journalism]. V.15. No 2. 2015. S. 13–17. (In Russian).

Sternin I.A. Metody opisanija semantiki slova [Description methods of words semantics]. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2015. 34 s. (In Russian).

Alexeyeva, E. M., Chernov, A. V. (2015). Representation of mental states: Associative level. *Social Sciences (Pakistan)*. Vol.10, Is.7. P.1959–1963.

Forster, K. I., Forster, J. C. (2003). DMDX: A Windows display program with millisecond accuracy. *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers*. 35 (1). P. 116–124.

Mädebach, A., Alekseeva, E., Jescheniak, J. D. (2011). Word order does not constrain phonological activation in single word production. *Journal of Cognitive Psychology*. 23 (7). P. 837–842.

Protopapas, A. (2007). CheckVocal: A program to facilitate checking the accuracy and response time of vocal responses from DMDX. *Behavior Research Methods*. 39. P. 859–862.

Chernov, A. V., Alekseeva, E. M. (2016). Estimated characteristics of mental states' representations. *Journal of organizational culture, communications and conflict*. Vol. 20. Special Issue 2. P. 94–99.

**КОННОТАТИВНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00578
Коннотативные имена собственные как инструмент социальной оценки:
динамический аспект

Врублевская Оксана Валентиновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
Волгоградского государственного социально-
педагогического университета
400066, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27
Gesse-wolf2009@yandex.ru

Статья посвящена экспериментальному исследованию коннотативных имен собственных, которые в постсоветский период изменили или приобрели оценочные значения. Объектом исследования являются антропонимы политического дискурса (имена зарубежных и российских политиков разных периодов). Цель проводимого экспериментального исследования заключается в выявлении коннотативных компонентов значения исследуемых имен, формируемых/ сформировавшихся под влиянием экономических, политических и социокультурных факторов в российском обществе начиная с конца XX века до настоящего времени. Для выявления коннотативного потенциала данных имен был проведен эксперимент, включающий три этапа: свободный ассоциативный эксперимент, метод синонимической замены, методика дополнения высказывания. Результаты эксперимента показали значительный ассоциативный потенциал имен политического дискурса. На базе данных ассоциативных реакций формируются разнообразные коннотации. По степени узнаваемости коннотативных компонентов значения имена исследуемые имена можно разделить на имена с высокой и низкой степенью узнаваемости. По степени воспроизводимости в речи – на имена с устойчивыми и имена с утрачиваемыми коннотациями. Выделяются имена коннотативно-многозначные и имена с одним-двумя значениями. Коннотации исследуемых имен могут быть социально- и эмоционально-оценочными. Данные имена, употребленные в переносном значении, в концентрированном виде передают обобщенные оценочные представления о типичных чертах, характеризующих разные сферы жизни современного российского общества.

Ключевые слова: имя собственное, политический дискурс, эксперимент, коннотация

Введение

В современном российском обществе отмечаются заметные изменения в ценностном отношении носителей русского языка к событиям, реалиям, персоналиям

нашей истории и современности. Это приводит к трансформации коннотативных значений широко известных имен собственных. Говоря о коннотативных именах собственных политического дискурса, имеем в виду имена политиков, которые употребляются не только в денотативном значении, но и для эмоциональной характеристики и социальной оценки объектов и явлений современной действительности. В исследовании опираемся на понимание коннотации, которое дает Ю.Д. Апресян: коннотация – это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян 1995].

Рассматривая коннотацию применительно к именам собственным, И.В. Крюкова отмечает, что «актуализаторами ономастической коннотации выступают, с одной стороны, социальный, культурно-исторический или эмоциональный фон самого онима, безотносительно к его внутренней форме, а с другой – коннотативные компоненты значения слова, положенного в основу онима при его создании» [Крюкова 2011]. Для антропонимов характерны преимущественно актуализаторы первого типа.

Цель данного исследования – выявление коннотативного потенциала разновременных антропонимов политического дискурса, которые изменили или приобрели оценочные значения в период с 1990-х гг. по настоящее время.

Постановка данной цели закономерно определила обращение к экспериментальной методике.

Методология исследования

Традиционно в психолингвистике выделяется три метода сбора языкового материала: метод интроспекции, метод наблюдения и экспериментальный метод, который в настоящее время является основным исследовательским методом психолингвистики [Леонтьев 2003].

К экспериментальным методикам, активно используемым в ономастических исследованиях, относится ассоциативный эксперимент. Еще В.Д. Бондалетов, описывая методы ономастических исследований, анализирует работы, в которых изложены результаты ассоциативных экспериментов по оценке благозвучности как реальных, так и литературных онимов, эксперименты по установлению денотата (путь от имени к обозначаемому), по восприятию текста в зависимости от варьирования в нем имен собственных [Бондалетов 1983: 65-72]. В ономастических исследованиях последних лет ассоциативный эксперимент применяется для выявления ассоциативного потенциала рекламных имен [Крюкова 2003], определения эффективности/неэффективности коммерческих названий [Новичихина 2007], положения имен собственных в языковой картине мира [Неклесова 2013, [http](http://)], при изучении социально-оценочной и экспрессивно-эмоциональной функций антропонимов [Супрун 2000], для определения неосознаваемых и осознаваемых компонентов ономастического сознания современного горожанина [Трапезникова 2010] и др.

Однако другие психолингвистические экспериментальные методики для исследования онимов активно не привлекались. Считаем, что для выявления ономастических коннотаций политических имен следует обратиться к распространенному в психолингвистике экспериментальному методу – методу

дополнения, называемому методом завершения (незаконченного предложения), восстановления речевого высказывания.

Сущность данной методики состоит в преднамеренной деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления. Условием, предоставляющим возможность восстановления «деформированного» высказывания, служит принцип избыточности речевого сообщения, обеспечивающий реципиенту даже при наличии структурно-семантических «помех» (какими являются пропуски элементов текста) более или менее адекватное понимание как устной, так и письменной речи [Белянин 1999].

Кроме того, к экспериментальному исследованию коннотативных имен собственных был привлечен метод синонимических замен, один из методов синонимического перефразирования, используемых в лингвистической стенографии. Лингвистическая стенография скрывает один текст в другом, опираясь на свойства языка и лингвистические ресурсы. Суть метода синонимических замен состоит в замещении отдельных слов текста их синонимами. Абсолютные синонимы используются независимо от контекста, а относительные проверяются на совместимость заменяющего слова с контекстными словосочетаниями [Большаков [http](http://)].

Для выявления коннотативного потенциала имен политического дискурса нами был проведен эксперимент, состоящий из трех этапов. На первом этапе в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента антропонимы политического дискурса исследовались без поддержки контекста для выявления их ассоциативного потенциала. На втором этапе, при использовании метода синонимических замен, исследуемые имена давались с контекстуальной поддержкой для определения степени узнаваемости, т.е. понимания и интерпретации формирующихся/ сформированных коннотативных компонентов значений данных имен. Третий этап эксперимента предполагал выявление степени воспроизводимости коннотативных компонентов значения исследуемых онимов при порождении собственных высказываний, для чего была использована методика дополнения высказывания.

В качестве имен-стимулов использовались имена советских политических лидеров (ЛЕНИН, СТАЛИН, ГОРБАЧЕВ и др.), имена политиков переходного периода (ЧЕРНОМЫРДИН, ЧУБАЙС, ХАКАМАДА и др.), имена современных зарубежных и российских политиков (ГРАМП, МЕРКЕЛЬ, ЖИРИНОВСКИЙ, ЗЮГАНОВ и др.), имена, связанные с политическими скандалами (МОНИКА ЛЕВИНСКИ, ЭДВАРД СНОУДЕН и др.) – всего 37 имен.

В эксперименте принимали участие 120 респондентов- представителей разных профессий из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Калининград, Петрозаводск и др.), для которых русский язык и культура являются родными. Респонденты представлены тремя возрастными группами, смешанными в гендерном отношении: 18-27 лет, 30-47 лет и старше 50 лет.

Первый этап – свободный ассоциативный эксперимент

Свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первичного ответа является одним из самых распространенных типов эксперимента в психолингвистике. Отличительная особенность нашего эксперимента – использование в качестве слов-стимулов имен собственных, основная функция которых называть, идентифициро-

вать, а не обозначать. Цель эксперимента заключалась в выявлении ассоциативного потенциала одновременных имен политического дискурса, эмоциональное отношение к которым неоднозначно в современном российском обществе.

Ассоциации составляют основу для развития коннотации. Как отмечает В.И. Говердовский, «психологической основой коннотации являются ассоциации» [Говердовский 1985: 71]. Это могут быть хоть и несущественные, но устойчивые, то есть многократно повторяющиеся признаки.

Результаты проведенного нами эксперимента выявили несколько ассоциативных рядов: денотативные родовидовые реакции, ориентированные на объект ассоциирования; эмоционально-оценочные реакции; ассоциативные реакции, относящиеся к внешнему облику известного политика; ассоциативные реакции, апеллирующие к определенным событиям, которые связаны с данным именем; индивидуально-личностные ассоциации.

Отметим, что ассоциативный ряд выделялся по частотности реакций определенного тематического ряда с общим значением, внутри ассоциативного ряда могут быть выделены отдельные тематические группы. Например, ассоциативный ряд денотативной отнесенности на имя-стимул МЕРКЕЛЬ/ АНГЕЛА МЕРКЕЛЬ, общее значение данного ряда – политика/ политик Германии, в данном тематическом ряду можно выделить следующие тематические группы: а) руководитель/ лидер Германии, сюда отнесены такие реакции, как канцлер (16), *канцлер* Германии (8), *лидер Германии* (2), *руководитель* (1) и др.; б) женщина-политик, в эту группу отнесены реакции женщина-канцлер (3), *политическая фрау* Германии (1), *женщина-политик* Германии (1) и др. Число в скобках означает процент респондентов, выделивших данный ассоциат.

Рассмотрим полученные ассоциативные ряды в порядке частотной представленности.

1. Денотативные родовидовые реакции, ориентированные на объект ассоциирования. Самые частотные денотативные ассоциации на имя связаны с общими родовыми понятиями (политика, политик, партия, руководитель/ лидер партии и т.д.), либо с объектом, имеющим отношение к этому имени. Например, ДЖ. БУШ – президент (США) (24), ПУТИН – президент (РФ/ России) (31), ХАКАМАДА – политик (18), ЯНУКОВИЧ – Украина (12), КАДЫРОВ – Чечня (32,5), ЛУЖКОВ – Москва (19), ПОРОШЕНКО – Украина (22), конфеты/ фабрика Рошен (12). Интересен тот факт, что денотативные ассоциации большинства имен политического дискурса по численной представленности не совпадают в разных возрастных группах. Так, например, ассоциации на имя ЛЕНИН – мавзолей (29, 23, 11), *революция/ революционер* (14, 23, 11), *вождь пролетариата/ революции* (12, 12, 33), где первое число – процент реакций респондентов возрастной группы 18-27, второе – 30-47, третье – старше 50. Таким образом, у респондентов 18-27 лет имя Ленин в большей степени ассоциируется с мавзолеем, у респондентов 30-47 – в равной степени с мавзолеем и революцией, а для респондентов старше 50 лет Ленин – вождь пролетариата. Это может свидетельствовать об утрате ассоциативной связи данного имени с конкретной личностью и ее социальной ролью в истории государства, что позволяет прогнозировать постепенную утрату ассоциативного потенциала имени и его постепенный переход в пассивный запас.

Следует также отметить, что в анкетах респондентов 18-27 лет часто встречаются отказы или ошибочная денотативная отнесенность: МЕРКЕЛЬ – правительство США, Х. КЛИНТОН – политик Германии, ЗЮГАНОВ – участник партии «Яблоко», ЧЕРНОМЫРДИН – правительство СССР, борьба за власть после Хрущева, «ЯБЛОКО» – ноутбук, экология, 5% яблочный уксус и др., что не отмечается в ответах респондентов двух других возрастных групп.

2. Эмоционально-оценочные реакции. Они могут объединять реакции других ассоциативных рядов, но с дополнением оценочным компонентом. Среди ассоциатов по признаку оценочности выделяются мейоративные и пейоративные реакции на имя, например, ХАКАМАДА – умная (5,5), ЛУЖКОВ – добрый дедуля (3), ОБАМА – не самый худший президент (2), ЖИРИНОВСКИЙ – экспрессивный политик (7), клоун (14), СТАЛИН – хороший стратег (3), страшный тиран (4), ТРАМП – плохой президент (5), ЧЕРНОМЫРДИН – неграмотность/ косноязычие (5), ТЕРЕЗА МЕЙ – *неумелый руководитель* (2). Следует отметить, что пейоративные оценки значительно преобладают и составляют около 90 % всех оценочных реакций. Это можно объяснить не только критичным отношением респондентов к политике, но и общей оценочной асимметрией в языке.

Положительная или отрицательная оценка может быть выражена как эксплицитно, что видно из приведенных выше примеров, так и имплицитно, например, ЯНУКОВИЧ – слуга двух господ/ человек, сидящий на двух стульях (4); ХАКАМАДА – как пришла, так и ушла (1); МЕРКЕЛЬ – своя рубашка ближе к телу (2); ЛУКАШЕНКО – картошку без него перебрать не могут (1); «ЯБЛОКО» – голос в пустыне (1). Встречается оценка через другие имена собственные, например, другие антропонимы: МОНИКА ЛЕВИНСКИ – *Настя Рыбка* (3), МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР – Путин в юбке (2). Для характеристики исследуемых имен респонденты используют также апелляцию к прецедентным ситуациям: ЧУБАЙС – Чикагский «мальчик»/ один из «чикагских» мальчиков (4).

Респонденты старшего возраста в оценочных реакциях прибегают к словотворчеству и языковой игре: КОНДОЛИЗА РАЙС – Скандализа Райс, ЮРИЙ ЛУЖКОВ – Юрий Длиннорукий и др.

У одних имен эмоционально-оценочные реакции превалируют над денотативными. Например, у имени Жириновский 40 денотативных реакций из тематического ряда с общим значением политика, в котором можно выделить следующие тематические группы: 1) политическая деятельность: *политик/ политический деятель* (8), Гос. Дума (1), оппозиция (1), либералы (1), агитация (1), дебаты (1); и 2) ЛДПР: ЛДПР (16), руководитель/ глава/ лидер партии ЛДПР (11); и 78 эмоционально-оценочных реакций из тематического ряда цирк в политике (34), в котором можно выделить следующие тематические группы: 1) клоун: клоун/ клоунада, политический клоун (24); 2) эпатаж: эпатаж (7), скандалы/ скандалист (3); 3) риторика: коммуникативные качества (38) и его подгруппы: а) особенности поведения: крик/ крикун/громко кричит/ ругань и крики/ много шума и крики (8), *экспрессия/ экспрессивный/ эмоциональный, эксцентричный* (5), *параноик* (1), *псих* (1) и др.; б) ораторские особенности: оратор (3), многословие/ болтун (4), демагог (1), брехун (1), много слов, мало дела (1), говорит много и своевременно, но дальше этого не идет (1), *оригинальные* выступления (1), отрывистая неразборчивая речь (1) и др. В отдельную группу

можно выделить реакции, относящиеся к высказываниям В.В. Жириновского, которые стали прецедентными, например, мочить сапоги в Индийском океане (2), Всем бабам по мужику (1), однозначно (1), Не надо шутить с войной (1), Кто пил? Зюганов? Уберите! (1).

У других имен денотативные и эмоционально-оценочные реакции количественно равны, например, реакции на имя Д. Трамп (по 39). Денотативные представлены тематическими рядами президент (Америки) (28) и бизнесмен/ миллиардер (11). Эмоционально-оценочные – красавчик-богач/ американский «золотой мальчик» (7), клоун (12), плохой политик (4) и тематические группы ‘особенности поведения’: невоспитанность (5), неадекватность(5); и ‘коммуникативные качества’: популизм, любит покричать и др. (6). Трампа называют также Жириновский а-ля америкэн (1). Встречаются и апелляции к высказываниям Д. Трампа: *make America great again/ America first* (3).

3. Ассоциативные реакции, относящиеся к внешнему облику известного политика. Данные реакции ориентированы либо на характерную внешнюю черту, например, БРЕЖНЕВ – брови (35), ЧУБАЙС – рыжий (23), ОБАМА – чернокожий (28), либо на манеру одеваться: РАЙСА ГОРБАЧЕВА – костюмы, впечатляющий гардероб (10), ЛУЖКОВ – кепка (17). Реакции респондентов, апеллирующие к внешности, часто коррелируют с эмоционально-оценочными реакциями, например, ЧУБАЙС – рыжая бестия, рыжий обманщик, хитрый рыжий лис, *Трамп – блондин капризный* и др.

У нескольких имен, ассоциации, относящиеся к внешности политика, доминируют над денотативными реакциями. Например, у имени Ю. Тимошенко 57% реакций респондентов связаны с внешностью, из них 53% относятся к ее запоминающейся прическе с косой: коса/ с косой/ косички/ коса на голове/ прическа с косичкой/ ободок из косы/ коса венком (42), и реакции, связанные с косой, но еще коррелирующие с другими видами ассоциативных реакций (11): бублик на голове, баба с бубликом на голове, дама с косой, девушка с косой, девушка с косой в белой накидке, девушка с косой, пытающаяся пролезть в президенты Украины и др.

У имени другого украинского политика А. Яценюка ассоциативные реакции, связанные с внешностью, так же доминируют над другими видами реакций. Большей частью ассоциативные реакции апеллируют к его внешнему сходству с кроликом (18): кролик (10), злой кролик, хитрый кролик и др. (6), кролик из м/ф «Винни-пух» (2). Следует отметить, что подобные ассоциации встречаются у респондентов возрастных групп 30-47 и старше 50, хорошо знакомых с мультфильмом про Винни-Пуха. Респонденты возрастной группы 18-27 не соотносят А. Яценюка с какими-то внешними данными, среди респондентов этой группы 4,5% дали денотативные реакции: Украина, украинский политик, 48% пропустили это имя, остальные реакции единичны и не представляют собой четко классифицируемых тематических групп, что может свидетельствовать о размытом представлении респондентов данной возрастной группе о денотате, стоящем за именем А. Яценюка.

4. Ассоциативные реакции, апеллирующие к определенным событиям, которые связаны с данным именем. Эти ассоциации относятся либо к определенным периодам развития страны: БРЕЖНЕВ – эпоха застоя (15) или отдельным событиям: ХРУЩЕВ – кукуруза (34), либо к кардинальным изменениям в истории страны: ГОРБАЧЕВ – распад СССР (21), либо к политическим скандалам: КЛИНТОН – скандал, измена (14).

Так 23% реакций респондентов на имя И. Сталина связано с Великой отечественной войной и победой в ней, в то время как с репрессиями 17%.

40% ассоциативных реакций на имя Моника Левински относят к секс-скандалу вокруг 42-го президента Америки Б. Клинтона, остальные 35% реакций – это эмоционально-оценочные реакции. 25% респондентов, из которых 22% возрастной группы 18-27 лет, пропустили данное имя. Примечательно, что денотативные ассоциации – секретарша, стажер в Белом доме – единичны.

Имя Эдварда Сноудена связано со скандалом об утечке информации спецслужб США о слежке за гражданами разных государств через различные коммуникационные сети (34): утечка информации (7), предатель (3,5) и др.

5. Индивидуально-оценочные реакции. Это, как правило, единичные реакции респондентов разных возрастных групп, соотносящих определенный период своей жизни с временем правления какого-нибудь политика, например, ассоциативные реакции респондентов старше 50: БРЕЖНЕВ – школьные годы, счастливое детство; респондентов, рожденных в 1990-х: ЕЛЬЦИН – детство.

Результаты эксперимента показали значительный ассоциативный потенциал имен политического дискурса. На базе данных ассоциативных реакций формируются разнообразные коннотации. Степень узнаваемости и закрепленности коннотаций в языковом сознании носителей русского языка исследовались на втором и третьем этапах, для чего были отобраны имена с наибольшим числом ассоциативных реакций, полученных на первом этапе (95-150 реакций).

Второй этап эксперимента – метод синонимических замен

Метод синонимических замен предполагает, как отмечено выше, замену отдельных слов в тексте их синонимами. Материалом нашего исследования являются имена собственные, которым не свойственна синонимия. У имен собственных могут быть только контекстуальные синонимы, поэтому в ходе эксперимента испытуемым было дано задание, заменить в предлагаемых контекстах имена собственные, употребленные в переносном значении, на апеллятивы или апеллятивные словосочетания таким образом, чтобы максимально сохранился смысл высказывания. Эти имена были зафиксированы в переносном значении в многочисленных контекстах постсоветского периода. Контексты для данного этапа эксперимента были отобраны из средств массовой информации за последние 10-15 лет.

Цель второго этапа эксперимента – проанализировать, как респонденты понимают и интерпретируют переносное значение исследуемых имен, погруженных в контекст, и определить коннотации данных имен.

Эквивалентные замены, предлагаемые респондентами, объединялись по принципу синонимической группы с общим гиперонимом, реализующим определенную коннотацию имени. Например, при замене имени Моника Левински в контексте «Вторая Моника Левински обвиняет Клинтон в краже компромата на семью 42-го президента США (Новости.tyt, 07.09.2007)» респонденты предложили следующие варианты замены: любовница (13): *любовница, очередная любовница, бывшая любовница, жрица любви, куртизанка* и др.; аферистка (13): *аферистка, интриганка, шантажистка, очередная мошенница* и др.; секретарша-стажерка (7): *секретарша, стажерка, скандально известный/ ая стажер/ секретарша, экс-секретарь Белого дома*

и др.; распущенная женщина (4): непорядочная женщина, распущенная женщина, девушка, не обремененная социальной ответственностью и др.; жертва харассмента (3): *жертва харассмента, жертва домогательств, очередная «жертва харассмента»* и др. Число в скобках – процент респондентов, предложивших эквиваленты одной синонимической группы. Интересен тот факт, что 58% респондентов возрастной группы 18-27 лет пропустили контекст с именем Моники Левински. Это может говорить о том, что данное имя утрачивает свои коннотации.

Результаты эксперимента показали, что рассматриваемые имена различаются по степени узнаваемости в переносном значении. Можно выделить имена с высокой степенью узнаваемости коннотативных компонентов значения и имена с низкой степенью узнаваемости. Так, при выполнении заданий на втором этапе эксперимента имя Жириновский пропустили 16% респондентов, в то время как употребление имени Янукович в переносном значении не смогла интерпретировать почти половина респондентов. Имя Жириновский в контексте «Обычно перед выборами всякие Жириновские ходят посмотреть, как живет народ. Всё остальное время это их не волнует (N. Miney, Владивосток, twitter.com, 27.01.2018)» респонденты предложили заменить на: кандидат (16), депутат (14), политик (9), клоун/ политический клоун (8), популист (5), крикун (3). Напомним, что среди ассоциативных реакций на предыдущем этапе, были выделены следующие тематические группы: политик (8), клоун/ политический клоун (24), крики/ крикун (8). Это подтверждает положение о том, что ассоциации являются базой для развития коннотаций. Та половина респондентов, которая смогла интерпретировать имя Янукович в контексте «Это вам не Янукович: Порошенко власть просто так не отдаст (Новостное агентство Харьков, 07.10.2017)» заменили его лексемами трус (10), беглец (6), что пересекается с эмоционально-оценочными ассоциациями тематических групп беглец (15), трус (5,5) на первом этапе эксперимента.

Кроме того, можно отметить имена со средней степенью узнаваемости; к ним были отнесены те онимы, понять и интерпретировать которые смогли более 50-55%, но менее 70-75% респондентов. Например, в контексте «В Тверской области появился русский Обама (Вестник К, 29.07.2010)» переносное значение имени Обама не смогли истолковать 30% респондентов. Большая часть остальных участников эксперимента соотнесли это имя со следующими коннотациями: чернокожий политик (20), русский афроамериканец/ темнокожий житель (12), черный/ негр (9). По результатам ассоциативного эксперимента 23% денотативных ассоциаций – это чернокожий президент, и 13% – это чернокожий/ негр.

Выявленные на данном этапе коннотативные компоненты значений исследуемых имен можно разделить на коннотации социально-оценочные, используемые для социальной характеристики кого-/ чего-либо, и эмоционально-оценочные, используемые для выражения эмоциональной оценки кого-/ чего-либо. Например, при замене имени Чубайс в контексте «Местный Чубайс оставил жителей Подгорного без света (Вести Воронеж, 24.05.2004)» коннотации электрик/ главный электрик/ главный энергетик (17,5), чиновник (14) можно отнести к социально-оценочным, а коннотацию мошенник (10) – к эмоционально-оценочным. В контексте «Забайкальские сноудены рассказали, как сливали ЦРУ вымышленные военные секреты (INFPOL.RU, 21.09.2016)» произведенные замены хакер/ айтишник (24), информатор (3), (спец)агент/ разведчик (9) привносят социально-оценочные коннотации, а шпион (19), предатель (3,5) –

эмоционально-оценочные и т.д.

Следует отметить, что чаще других выполнить задание второго этапа не могли респонденты возрастной группы 18-27 лет. Это можно объяснить тем, что у некоторых из них либо нет денотативных представлений по отдельным исследуемым именам, либо они расплывчаты, либо, как отмечалось в выводах по результатам ассоциативного эксперимента, эти представления ошибочны.

В целом, результаты второго этапа эксперимента, направленного на изучение восприятия коннотаций имен политического дискурса, показали, что исследуемые имена политического дискурса, употребляемые в переносном значении, легко узнаваемы и служат эффективным целенаправленным средством речевого воздействия, в концентрированном виде передавая оценочные представления о типичных чертах, характеризующих разные сферы жизни современного общества. По степени узнаваемости можно выделить имена с высокой степенью узнаваемости (*Жириновский, Путин, Сталин, Сноуден*), средней (*Обама, Чубайс*) и низкой (*Янукович, Моника Левински*).

Третий этап эксперимента – методика дополнения высказывания

Процедура методики дополнения высказывания подразумевает пропуск каждого энного слова в определенном тексте, который испытуемые в ходе эксперимента должны восстановить, вставляя на место пробелов пропущенные слова. Следует оговорить, что проведенный нами психолингвистический эксперимент имел несколько модифицированный вид, отличающий его от эталонной методики дополнения. В данном случае респондентам предлагалось вместо вписывания пропущенных слов, дополнить высказывания, в которых имена собственные употреблялись бы для характеристики кого-/чего-либо. Испытуемые могли варьировать длину вставляемого ими дополнения по своему усмотрению, главное, чтобы предложение было закончено по смыслу.

Цель третьего этапа экспериментального исследования – выявить закрепленные коннотации исследуемых антропонимов, анализируя коннотативные компоненты значения, возникающие в языковом сознании респондентов при порождении собственных высказываний на основе антропонимов, употребленных в переносном значении.

Ответы респондентов объединялись, как и при анализе результатов второго этапа эксперимента, по принципу синонимической группы с общим гиперонимом, реализующим коннотативный компонент значения антропонима.

Анализ результатов третьего этапа эксперимента показал, что по степени воспроизводимости в речи переносных значений онимов, исследуемые имена можно разделить на имена с устойчивыми коннотациями и имена с утрачиваемыми коннотациями. Так, например, к именам с устойчивыми коннотациями можно отнести антропонимы, которые на втором этапе были отмечены, как имена с высокой степенью узнаваемости (*Жириновский, Сталин, Сноуден* и др.), а к именам с утрачиваемыми коннотациями – антропонимы, которые на втором этапе вошли в группу имен с низкой степенью узнаваемости (*Янукович, Моника Левински* и др.). Так, например, имя Трамп пропустил 21% респондентов, Сталин – 23%, в то время как создание собственного контекста с именем Порошенко вызвало трудности у половины респондентов, с именем Моника Левински – у более 40% испытуемых.

Например, высказывание, построенное на сравнении, «... как Трамп» респонденты дополнили следующим образом: Такой же богатч/ Денежный мешок/ Чудит/ Безрассудный/ Заявил, потом передумал/ Много обещает и др. Таким образом, у имени Д. Трампа на третьем этапе отмечены следующие коннотации: богатый человек (15), непредсказуемый/ сумасшедший (7), непостоянный (5), некомпетентный (5), дает громкие обещания (3), клоун (2). Это коррелирует с коннотациями, выявленными на втором этапе, и позволяет отнести к устойчивым коннотациям имени Трамп: богатый человек/ миллиардер и непредсказуемый/ сумасшедший политик.

Для высказывания «Возмнил себя Сталиным и ...» респонденты предложили следующие дополнения: пошел всех «косить»/ *давай рубить направо и налево/ готов репрессировать/ устроил 37 год/ начал диктовать свои порядки/ командует тут всеми/ уволил половину сотрудников/ применяет наказания/ держит всех в страхе* и др., что коррелирует с коннотациями, выделенными на втором этапе: тиран (15), диктатор (18), вождь (14).

Высказывание «... Но нам мешают всякие Порошенко» было дополнено следующим образом: Стараемся/ Строим новое общество/ Мы можем многое/ Мы бы навели порядок/ Можем восстановить страну; Жили бы хорошо/ Можно было бы жить лучше/ Страна должна была развиваться/ Мы могли бы продвинуться вперед в политике; *Можно жить в мире и согласии/ Жили бы дружно, как раньше/ Можно было бы жить спокойно и др.* Данные дополнения позволяют выделить следующие компоненты коннотативного значения имени Порошенко: человек, который мешает стране развиваться (22), человек, который не дает жить в мире и согласии/ дружить с соседями (15).

Кроме того, анализ выявил имена, которые по количеству коннотаций можно назвать многозначными, и имена, за которыми, как показал третий этап экспериментального исследования, закрепилось одно-два значения. Имя Жириновский, например, относится к многозначным. Высказывание «... . Просто Жириновский какой-то!» респонденты дополнили следующими высказываниями: Болтает без умолку/ Много говоришь не по делу/ Хватит нести околесицу!/ Как раскричался-то/ Вечно со всеми ругается и спорит/ Ну и клоун/ Постоянно перебивает собеседников/ Он скандалит со всеми/ Импульсивный человек/ Ругается, полез в драку, спорит и др., что говорит о реализации в данном контексте следующих коннотаций: болтун (16), человек, который кричит/ орет/ резко высказывается (14), клоун (12), невоспитанный и грубый (8), скандалист (5), эмоциональный и несдержанный (4). А если учесть тот факт, что имя Жириновский, по результатам второго этапа, отнесено к именам с высокой степенью узнаваемости, и коннотации, выявленные на втором этапе, коррелируют с коннотациями на третьем этапе, то к закрепленным/ устойчивым эмоционально-оценочным коннотациям данного имени можно отнести: клоун/ политический клоун; болтун/ популист; человек, который кричит/ резко высказывается; эмоциональный, грубый, скандалист.

У имени Путин в контексте, построенном на антитезе, «... . Я тебе не Путин» выявлена одна коннотация: человек, который решает/ может решить все проблемы, что можно проиллюстрировать следующими ответами респондентов: Я не могу решить все твои проблемы/ Я не могу решить этот вопрос/ Ничем не могу помочь тебе/ Не жалуйся мне на это/ Хватит просить у меня денег/ Это не в моей компетенции и др.

Если соотнести данные коннотации с результатами второго этапа эксперимента, то к устойчивым коннотациям антропонима Путин можно отнести: начальник, лидер; человек, который может решить все проблемы.

Это не исключает существование и появление других коннотаций у данных имен, равно как утрату имеющихся коннотаций. Кроме того, возможно, что количество и варианты коннотаций одних и тех же имен у представителей разных возрастных и социальных групп будет отличаться, что в свою очередь может привести к непониманию при общении представителей разных групп. Например, по результатам второго и третьего этапов эксперимента у имени Чубайс в группе респондентов 18-27 лет выявлены коннотации рыжий, богатый, *электрик/ энергетик*; у респондентов 30-47 лет и старше 50 – рыжий, мошенник, *электрик/ энергетик*, реформатор.

Эксперимент показал, что у исследуемых имен политического дискурса сформировались определенные коннотации. Это позволяет употреблять данные имена в переносном значении для характеристики разных объектов и явлений окружающей действительности.

Однако, как показывают результаты эксперимента, формирование коннотаций происходит неравномерно у представителей разных поколений. Так, в среднем половина респондентов 18-27 лет не справились с заданием третьего этапа эксперимента, как и с заданием второго этапа, поскольку у данных респондентов, вероятно, нет денотативных представлений об следуемых именах, либо они расплывчаты или ошибочны, как отмечалось выше. По степени воспроизводимости в речи переносных значений онимов имена можно разделить на имена с устойчивыми коннотациями (*Трамп, Сталин, Жириновский*) и имена с утрачиваемыми коннотациями (*Моника Левински, Янукович*).

Выводы

Исследование антропонимов политического дискурса, которые закрепились в современной русской лингвокультуре и знакомы большинству ее носителей, показало, что они обладают значительным коннотативным потенциалом, неоднородно представленным в языковом сознании респондентов разных поколений и изменчивым во времени. Одни имена, меняя и/ или приобретая новые коннотации, задерживаются в языке и культуре надолго. Такие антропонимы, как показывают результаты проведенного экспериментального исследования, относятся к именам с высокой степенью узнаваемости и воспроизводимости в речи в переносном значении. Как правило, они многозначны.

Другие антропонимы постепенно начинают утрачивать коннотации, и в дальнейшем могут выйти из активного употребления. Однако, отличаясь повышенной частотностью в определенный период, они тоже представляют интерес для исследователя, так как характеризуют речь носителей русского языка определенного периода. Однако стремительные изменения семантической структуры имени собственного может привести к барьерам в общении между представителями разных поколений или разных культур.

Коннотации и тех, и других антропонимов, являясь социально- или эмоционально-оценочной характеристикой разных сфер жизни современного общества, делает данные онимы эффективным средством речевого воздействия.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 757 с.
- Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. М.: ЧеРо, 1999. 123 с.
- Большаков И.А.* Два метода синонимического перефразирования в лингвистической стенографии [Электронный ресурс]. URL: <http://masters.donntu.org/2009/fvti/larionova/library/article13.htm> (дата обращения: 02.05.2019).
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Говердовский В.И.* Диалектика коннотации и денотации // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71–79.
- Крюкова И.В.* Типы ассоциативных реакций при восприятии коммерческих номенов // Методы современной коммуникации. М., 2003. Вып. I. С. 119–127.
- Крюкова И.В.* Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Известия ВГПУ. 2011. № 8. С. 139–142.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2003. 287 с.
- Неклесова В.Ю.* Прототипическое дублирование в ономастическом ассоциативном эксперименте [Электронный ресурс]. URL: <http://scaspee.com/6/post/2013/07> (дата обращения: 25.06.2015).
- Новичихина М.Е.* Из опыта экспериментального исследования коммерческих названий // Вопросы ономастики. 2007. № 5. С. 81–88.
- Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
- Трапезникова А.А.* Ономастическое сознание современного горожанина: дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 213 с.

CONNOTATIVE ANTHROPNYMS OF POLITICAL DISCOURSE IN PERCEPTION OF RUSSIAN SPEAKERS: EXPERIMENTAL RESEARCH

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00578
Connotative proper names as a tool of social assessment: dynamic aspect

Oxana V. Vrublevskaya

Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics
Volograd State Social Pedagogical University
400066, Russia, Volgograd, Lenin av., 27
Gesse-wolf2009@yandex.ru

The article outlines the experimental research of connotative proper names which changed or obtained evaluative connotations in the post-Soviet period. The object of the

study are anthroponyms of political discourse (names of foreign and Russian politicians in different periods). The aim of the undertaken experimental research was to find out connotative components within the meanings of the names under scrutiny which have taken shape under the influence of economic, political, and socio-cultural factors in the Russian society from the end of the XX century until now. To evaluate the connotative potential of the names, we carried out an experiment which consisted of three phases: a free associative experiment, the method of synonymic replacement and the method of completed statements. The results of the experiment showed a significant associative potential in political discourse names. Various connotations are formed on the data basis of associative reactions. In terms of recognition of connotative components within the meaning of an onym, the names under investigation can be divided into easily recognized and barely recognized names. The parameter of reoccurrence in the speech enables to distinguish names with stable connotations and names with weakening connotations. In addition, there are names with multiple connotations and names bearing only one or a few meanings. Connotations of the studied names can be socially evaluative and emotionally evaluative. These names, when used in the figurative meaning, introduce generalized evaluative concepts about typical features which characterize different life spheres of the modern Russian society.

Keywords: proper name, political discourse, experiment, connotation

References

Apresyan Yu.D. Konnotatsiya kak chast' pragmatiki slova [Connotation as part of the pragmatics of the word]. // *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Vol. II. Integral'noe opisaniye i sistemnaya leksikografiya [Integral Description and Systemic Lexicography]. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. 757 s. (In Russian).

Belyanin V.P. Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. M.: CheRo, 1999. 123 s. (In Russian).

Bol'shakov I.A. Dva metoda sinonimicheskogo perefrazirovaniya v lingvisticheskoy stenografii [Two methods of the synonymic rephrasing in linguistic stenography] [Elektronnyy resurs]. URL: <http://masters.donntu.org/2009/fvti/larionova/library/article13.htm> (access date: 02.05.2019). (In Russian).

Bondaletov V.D. Russkaya onomastika [Russian onomastics]. M.: Prosveshchenie, 1983. 224 s. (In Russian).

Goverdovskiy V.I. Dialektika konnotatsii i denotatsii [Dialectics of connotation and denotation]. // *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 1985. No. 2. s. 71–79. (In Russian).

Kryukova I.V. Tipy assotsiativnykh reaktsiy pri vospriyatii kommercheskikh nomenov [Types of associative reactions in the perception of commercial nouns]. // *Metody sovremennoy kommunikatsii* [Methods of Modern Communication]. 2003. Iss.1. s. 119–127. (In Russian).

Kryukova I.V. Pragmatika onima: napravleniya issledovaniy i metodika analiza [Pragmatics of onim: research directions and methods of analysis]. // *Izvestiya VGPU* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2011. No. 8. s. 139–142. (In Russian).

Leont'ev A.A. Osnovy psikholingvistiki [Foundations of Psycholinguistics]. M.: Smysl, 2003. 287 s. (In Russian).

Neklesova V.Yu. Prototipicheskoe dublirovaniye v onomasticheskom assotsiativnom eksperimente [Prototypical duplication in the onomastic associative experiment] [Elektronnyy resurs]. URL: <http://scaspee.com/6/post/2013/07> (access date: 25.06.2015). (In Russian).

Novichikhina M.E. Iz opyta eksperimental'nogo issledovaniya kommercheskikh nazvaniy [From experience of the experimental research of commercial names]. // Voprosy onomastiki [Problems of Onomastics]. 2007. No. 5. s. 81–88. (In Russian).

Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial [Onomastic field of Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd: Peremena, 2000. 172 s. (In Russian).

Trapeznikova A.A. Onomasticheskoe soznanie sovremennogo gorozhanina [Onomastic consciousness of modern townsman]: diss. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2010. 213 s. (In Russian).

КАРТИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ЗОН МОЗГА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00634 (18-00-00575, 18-00-00513)

Журавлев Игнатий Владимирович

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института языкознания РАН
125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
zhuravlev@iling-ran.ru

Нистратов Александр Алексеевич

научный сотрудник
факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 119009, г. Москва, Моховая ул., д. 11
a.nistratov@mail.ru

Поликарпов Михаил Алексеевич

Доктор физико-математических наук, заместитель руководителя отдела Фото-
ники и аддитивных технологий Национального исследовательского центра
«Курчатовский институт»
123182, Москва, пл. Академика Курчатова, 1
Polikarpov_MA@nrcki.ru

Тарасов Евгений Федорович

Доктор филологических наук, заведующий отделом психолингвистики
Института языкознания РАН
125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
eft35@mail.ru

Статья посвящена анализу онтологических предпосылок проблемы функционального картирования областей мозга, связанных с обработкой языковой информации. Теоретическим обоснованием экспериментальных верификаций является противоречие между позициями узкого локализационизма (жесткая связь между мозговыми процессами и психическими функциями) и антилокализационизма (отсутствие жесткой привязки функции к области мозга). Данное противоречие снимается в созданной А.Р. Лурией теории системной и динамической локализации, которая представляет функцию как систему, включающую разные звенья и опирающуюся на совместную работу целого ряда участков мозга.

На современном этапе развития науки противопоставление позиций локализационизма и антилокализационизма сохраняется в научных спорах о модулярности сознания и модульном принципе работы мозга, хотя отмечаются попытки минимизировать это противопоставление в подчеркивании важности взаимодействия различных отделов мозга, объединяемых в подсистемы в зависимости от условий решаемой задачи.

Феноменология речевых процессов показывает сложную картину взаимодействия речевых и неречевых каналов общения и, следовательно, соупотребления языковых и неязыковых знаков, в том числе знаков, значение которых в социуме транслируется генетически.

Ключевые слова: функциональное картирование речевых зон мозга, локализация, системная и динамическая локализация, психическая феноменология речевых процессов

Введение

Целью нашей статьи является попытка показать, что проблема функционального картирования речевых зон мозга – это сложная задача, решение которой возможно только в рамках комплексного подхода, объединяющего в себе не только приборное картирование, но и анализ психической феноменологии языкового и неязыкового сознания и учитывающего многоканальность и полисенсорность человеческого общения.

Статья содержит метатеоретический анализ исследований функционального картирования речевых зон головного мозга человека, теоретический анализ проблемы многоканальности и полисенсорности человеческого общения.

К проблеме функционального картирования речевых зон мозга

Проблеме функционального картирования речевых зон мозга и визуализации мозговых процессов, связанных с обработкой языковой информации, посвящено огромное количество исследований. Современная наука использует для решения этой проблемы ряд методов, включая электроэнцефалографию, магнитоэнцефалографию, функциональную магнитно-ядерную томографию. Однако исследователи, применяющие новейшие методы визуализации мозговых процессов, во многом остаются заложниками идей и концепций, сформулированных еще в XIX и XX веках. Ключевым противоречием в формировании представлений о связи между мозговыми процессами и психическими функциями (в т. ч. речью) является противоречие между двумя позициями. Позиция узкого локализационизма предполагает возможность обнаружения областей коры головного мозга, отвечающих за ту или иную «способность». Позиция антилокализационизма подразумевает отсутствие жесткой привязки функции к структуре (области мозга). Теория системной и динамической локализации высших психических функций, разработанная в середине XX в. А.Р. Лурией на основе научных концепций Л.С. Выготского и П.К. Анохина, снимала данное противоречие, представляя функцию не как изолированную «способность», а как систему, включающую разные звенья и опирающуюся на совместную работу целого ряда участков мозга. Рассмотрим функцию письма, которую когда-то локализовали в средних отделах премоторной зоны левого полушария («центр Экснера»). Если обратиться к психологии письма, то оно предстает как сложная деятельность: человек пишет по какой-то причине, он должен знать, о чем он пишет, кому и для чего. В ходе письма задействуется ряд процессов, связанных с порождением речи. Нужно понимать звуко-буквенные соответствия и уметь перекодировать программу артикуляций в программу движений, необходимых для написания букв. При всех этих процессах задействуются зрительный, акустический и пространственный гнозис, оперативная память, механизмы произвольной регуляции деятельности, а значит, функция письма не реализуется каким-либо отдельным мозговым «центром».

Примером сохранения контрверзы «локализационизм – антилокализационизм» в современной науке являются споры между сторонниками и противниками концепции модулярности сознания (и модульного принципа работы мозга) [Fodor 1983; Barrett, Kurzban 2006 и мн. др.]. Хотя разногласия между исследователями сохраняются, в це-

лом отмечается перенос фокуса внимания «от структуры к функции» [Friederici 2011] и подчеркивание важности взаимодействия различных отделов мозга, объединяемых в подсистемы в ходе решения той или иной речевой задачи [Marslen-Wilson, Tyler 2005 и др.]. Например, не вполне корректно искать мозговую «локализацию» существительных или глаголов, поскольку она меняется в зависимости от условий решаемой задачи. Так, в относительно недавнем фМРТ-исследовании показано, что извлечение существительных по парадигматическим связям происходит с преимущественной опорой на теменно-височно-затылочную область, а их извлечение по синтагматическим связям – с опорой на лобно-височные отделы мозга доминантного по речи полушария. Извлечение глаголов, как по парадигматическим, так и по синтагматическим связям, происходит с преимущественной опорой на лобные отделы, однако в случае их извлечения по парадигматическим связям отмечается отчетливое подключение фронтоталамической системы, задействуемой в акте произвольного внимания [Власова и соавт. 2012]. Подобные данные демонстрируют правомерность представления любой психической функции (в т. ч. речи) как функциональной системы с динамической мозговой локализацией, развиваемые в школе Л.С. Выготского.

Классические нейропсихологические данные о мозговой организации речевых процессов во многом были основаны на материале патологии – исследованиях нарушений речи при локальных поражениях мозга, изучении феномена «расщепленного мозга» и др. [Gazzaniga 1970; Лурия 1975; Цветкова 2002; Ахутина 2014; Черниговская, Деглин 1986 и мн. др.]. Большой объем данных получен в ходе проведения нейропсихологических экспериментов на материале нормы [Ахутина 2014 и мн. др.]. В настоящее время наука располагает рядом неинвазивных методов, позволяющих визуализировать мозговые процессы, сопряженные с функцией речи. Обзор наиболее распространенных инвазивных и неинвазивных методов исследования мозговой организации речи в норме и в условиях патологии представлен в работе канадских эпилептологов [Pelletier et al. 2007].

Рассмотрим основные неинвазивные инструментальные методы исследования речевой функции.

Метод электроэнцефалографии (ЭЭГ) позволяет исследовать функциональное состояние мозга посредством регистрации его биоэлектрической активности. Отметим несколько установленных при помощи данного метода фактов, способствующих пониманию мозговых процессов, обеспечивающих функцию речи. О формировании функциональной связи между отделами мозга можно судить по синхронизации их электрической активности [Weiss, Rappelsberger 1998; Черкасова 2015]. Отмечены различные паттерны активации мозговых структур при обработке разных видов языковой информации; в частности, показано, что распознавание слов облегчается при снижении левополушарной альфа-активности и затрудняется при ее повышении [Zaide et al. 2008; Weemsetal 2004]. Обработка разных категорий слов характеризуется разной степенью синхронизации электрической активности между теми или иными областями мозга. Например, при чтении конкретных существительных по сравнению с абстрактными возрастает синхронизация активности на частоте 13-18 Гц между левыми передними и правыми задними областями мозга, а при обработке легко визуализируемых глаголов в отличие от трудно визуализируемых возрастает межполушарное взаимодействие на частоте 11-31 Гц [Weiss, Mueller 2003]. Обработка существительных связана с большей гамма-активностью в зрительных областях, а глаголов – в моторных областях коры [Pulvermüller 1999; Черкасова 2015].

Магнитно-резонансная томография (МРТ) – метод визуализации структуры тканей, основанный на измерении электромагнитного отклика атомных ядер (обычно ядер атомов водорода). Позволяет выявлять структурные аномалии и изменение объема различных областей мозга. Модификации данного метода используются для структурно-функционального картирования речевых зон мозга. Диффузионно-тензорная МРТ, основанная на измерении диффузии молекул воды в ткани, позволяет реконструировать проводящие пути в мозге (метод также называется трактографией) [Richards, Berninger 2013]. Например, отмечена связь между микроструктурой проводящих путей и навыками чтения [Deutchetal 2005; Niogi, McCandliss 2006]. Функциональная магнитно-ядерная томография (фМРТ) – метод, основанный на измерении показателей кровотока, отражающих нейронную активность в тех или иных структурах мозга. При помощи фМРТ демонстрируется латерализация функции речи, активация различных областей мозга в ходе обработки разных видов языковой информации и др. [Indefrey et al. 2004; Seghier et al. 2002; Vigneau et al. 2006; и мн. др.]. Данные, полученные с помощью фМРТ, позволяют уточнить локализацию различных отделов речевой сети, оценить их взаимодействие в норме и при локальных поражениях мозга [Белопасова и соавт. 2013].

Позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ) – метод визуализации распределения в ткани биологически активных соединений, меченных позитрон-излучающими радиоизотопами. Как и фМРТ, позволяет определить, в каких областях мозга отмечается наибольшая активность при решении тех или иных задач, в т. ч. связанных с обработкой языковой информации. Хотя оба метода обладают достаточно большим пространственным разрешением, их временное разрешение на несколько порядков ниже скорости реальных нейронных процессов [Шестакова и соавт. 2012].

Магнитоэнцефалография (МЭГ) – метод измерения и визуализации магнитных полей, возникающих вследствие биоэлектрической активности мозга. Как и ЭЭГ, магнитоэнцефалография обеспечивает возможность непосредственной регистрации нейронной активности. Но, в отличие от ЭЭГ, метод МЭГ чувствителен к активности в глубоких структурах мозга [Коршаков и соавт. 2014] и обладает большим пространственным разрешением [Шестакова и соавт. 2012]. Использование МЭГ позволило современным исследователям говорить о скоростной (в течение 100–200 мс или даже меньше) и параллельной обработке информации разных типов (фонологической, лексической, семантической, синтаксической) [Shtyrov, Pulvermüller 2007; Буторина и соавт. 2012; Шестакова и соавт. 2012 и др.].

В целом, по данным современных методов визуализации мозговой активности, различные области мозга в левом и правом полушариях отвечают за определенные звенья в процессах восприятия и порождения речи. Нейронные сети в височной коре и нижней лобной коре преимущественно левого полушария обеспечивают синтаксическую обработку, в то время как менее латерализованные височно-лобные нейронные сети участвуют в семантической обработке. Супрасегментная просодическая информация обрабатывается преимущественно в височно-лобной нейронной сети правого полушария. Задние участки мозолистого тела играют главную роль в интеграции синтаксической и просодической информации [см. обзор: Friederici 2011].

Получаемые данные во многом согласуются с представлениями о мозговой локализации речи, сформированными на материале патологии (афазиологии). Именно данные афазиологии позволили исследователям описать процессы порождения и восприятия речи и связать эти процессы с различными зонами мозга. Так, модель по-

рождения речи Т.В. Аухтиной и А.А. Леонтьева предполагает, что в ходе порождения высказывания человеку необходимо сформировать образ потребного будущего (речевую интенцию), построить внутреннюю программу высказывания и реализовать ее во внешней речи. На уровне внутренней программы строится схема высказывания во внутренней речи, происходит отбор слов по их смыслу, т. е. значению для самого говорящего. Этот механизм страдает при динамической афазии. На следующем уровне происходит семантическое структурирование: необходимо отобрать те или иные слова из сетки языковых значений. Этот механизм нарушается при семантической афазии. Далее нужно построить грамматическую структуру предложения и отобрать слова по их звуковой форме. Первый процесс первично страдает при эфферентной моторной афазии, второй – при сенсорной и акустико-мнестической афазии. Наконец, необходимо построить программу речевых движений и подобрать нужные артикуляции для произнесения звуков. Первый процесс нарушается при эфферентной моторной афазии, второй – при афферентной моторной афазии (выбор артикуляций по кинестетическим признакам) и сенсорной афазии (выбор звуков по фонетическим признакам). Кроме того, речевая деятельность должна сопровождаться слуховым контролем, который нарушается при сенсорной афазии. Каждый вид афазии имеет свою мозговую локализацию. В данном случае мы говорим только о порождении речи, но уже этот пример указывает на необходимость представлять речь как функциональную систему, включающую разные звенья и имеющую динамическую мозговую локализацию. Хотя многие вопросы, связанные с мозговым обеспечением функции речи, у современных ученых по-прежнему вызывают разногласия, в целом современные данные подтверждают обоснованность подхода к изучению речи, сформированного в школе Л.С. Выготского и А.Р. Лурии.

Многоканальность и полисенсорность речевого общения

Задача этого раздела – показать феноменологическую сложность речевого общения и обосновать неизбежную необходимость рефлексии над психологическими процессами, обеспечивающими речевое общение.

Нельзя не согласиться с мыслью, что существующие попытки картирования мозга с целью локализации участков коры, ответственных за речевые процессы, едва ли можно признать адекватными.

Дело в том, что все усилия по решению проблемы картирования опираются на неоправданно упрощенное представление о том, что вербальный канал речевого общения функционирует в изоляции от других каналов общения, в первую очередь, от каналов, где используются невербальные средства общения, более древние, чем человеческий язык.

Редуцируя поликанальное общение до одного, речевого, канала, лингвисты стремятся избежать трудно решаемых проблем, связанных с фактором одновременного функционирования нескольких каналов (вербального и невербального), допускающих одновременное использование языковых и неязыковых знаков, взаимовлияние которых еще мало изучено.

Анализом невербальных средств человеческого общения закономерно занимались не лингвисты, а психологи и физиологи, изучающие человеческий голос. Многолетнюю серию работ по исследованию невербальных средств общения провел В. П. Морозов с сотрудниками. Он сформулировал экспериментально обоснованную концепцию невербального экстралингвистического общения, функционирующего наряду с вербальным (речевым) общением. Анализ невербального общения, проделан-

ный В. П. Морозовым в ходе многолетних исследований, позволил показать чрезвычайно сложный характер человеческого общения, редуцированный лингвистами до вербального общения. В основе концепции В. П. Морозова о невербальном общении лежит идея полисенсорной природы невербального человеческого общения, согласно которой это общение осуществляется при помощи одновременного использования разных сенсорных систем: зрения, слуха, кожно-тактильного чувства, хеморецепции (обоняние, вкус), терморецепции, создающей чувство тепла–холода [Морозов 2011: 29]. Для нашего дальнейшего изложения важно учесть естественный вывод, который он делает, что воздействия внешней среды, воспринятых реципиентами при функционировании соответствующих частей головного мозга, преобразуются в зрительные, слуховые, кожно-тактильные, обонятельные, тепловые раздражители. Далее он делает важный вывод: «Центральные области или центры разных сенсорных систем размещены в разных областях мозга (коры головного мозга и подкорки), т. е. пространственно разделены (слуховые – в височной области, зрительные – в затылочной и т. п.)» [Морозов 2011: 29].

Исходя из вывода, который делается, мы приходим к мысли, что для решения проблемы картирования мозга при вербальном общении целесообразно учитывать то обстоятельство, что вербальные процессы протекают в норме одновременно с функционированием других сенсорных систем, для которого, естественно, необходима работа головного мозга коммуникантов.

Воспользуемся поводом и попытаемся указать на те характеристики голосов коммуникантов (тембр, высота, сила, скорость), которые часто лингвистами неоправданно приписываются языковым знакам.

Особенности звучания голоса говорящего позволяют вскрыть следующие характеристики коммуникантов [Морозов 2011: 28]:

- эмоциональное состояние (радость, горе, страх, гнев и т.д.);
- эстетическая оценка голоса говорящего (высокий–низкий, звонкий–глухой, приятный–неприятный);
- индивидуально-личностная (Иванов, Петров и т.д.);
- биофизическая (пол, возраст, рост, вес);
- социально-групповая принадлежность (национальность, социальный статус и т.п.);
- психологическая (воля, темперамент, самооценка и т.п.);
- пространственная (расстояние, азимут, удаление, приближение и т.п.);
- медицинская (общее состояние здоровья, логопедическая, фониатрическая и т.п.).

Таким образом, характеристики голоса говорящего служат средством ориентировки в нем (опасен–не опасен, полезен–не полезен, может быть сексуальным объектом или нет и т. д.) и передаются генетическим путем. Но генетические характеристики человеческого голоса осваиваются современными людьми и психологически в процессе присвоения культуры: обладатель сильного и низкого голоса в европейской культуре ассоциируется с силой, жестокостью и властью, например, одна из характеристик обладателя власти в армейской среде – наличие командного голоса.

Кроме акустического канала коммуниканты используют зрительный (визуальный) канал для демонстрации невербальных знаков, создаваемых как при помощи самих тел общающихся, так и при помощи культурных предметов, располагаемых на теле коммуникантов: одежда и все аксессуары – так называемая «социальная кожа» человека.

Среди важнейших невербальных каналов общения В. П. Морозов указывает на обоняние и вкус (хеморецепция), в связи с тем, что посредством феромоназального органа осуществляется настолько мощное невербальное межполовое воздействие, что В. П. Морозов, вслед за Г. Шустером [Шустер 1996], считает феромоназальный орган третьим по важности органом чувств после слуха и зрения.

Опираясь на работы других исследователей В. П. Морозов делает вывод об эволюционно-исторической древности невербального общения и, следовательно, о подкорковой, более древней локализации в структурах мозга.

Анализ результатов исследований функциональной асимметрии головного мозга дал возможность сделать вывод о независимости невербального общения от семантики речи, что проявляется, например, в возможности опознания личности говорящего, его эмоционального состояния, пола, возраста вне зависимости от семантического значения слов произносимой речи и в расхождении семантики слова и значения невербальных средств [Морозов 2011: 30].

Анализируя связь вербальных и невербальных средств общения, исследователи обнаруживают произвольность и подсознательность употребления невербальных средств общения, что проявляется в рассогласовании содержания вербальных и невербальных средств общения в одновременном акте употребления [Морозов 2011: 32].

О древнем происхождении невербальных средств общения свидетельствует их межкультурная и межъязыковая универсальность.

В качестве промежуточного можно сделать вывод вслед за В. П. Морозовым и Г. Шустером о целесообразности исходить из утверждения о преимущественно трехканальности, непосредственности человеческого общения: звуковом, зрительном и феромоназальном, хотя нельзя упускать из виду и сенсорно-осязательный канал при контактном общении коммуникантов.

В связи с вопросом поликанальности неизбежно проблематизируется идея множественности средств общения, транслируемых одновременно по нескольким каналам, в первую очередь, естественно, по звуковому и зрительному, т. к. использование феромоназального и сенсорно-осязательного канала предполагает непосредственное и даже контактное общение.

Что касается анализа знаков, используемых людьми для общения, то он обычно завершается утверждением, что эти знаки делятся на языковые и неязыковые, хотя такая лапидарность выводов не до конца проясняет проблему.

Знаки действительно делятся на языковые и неязыковые. Языковые знаки – это культурные предметы, изготовленные людьми и предъявляемые коммуникантами друг другу для восприятия по двум каналам: по звуковому (акустическому) в виде речевой цепи, состоящей из звуков конкретного этнического языка, и при помощи речевой цепи, состоящей из графем как письменной формы звукового языка. По звуковому каналу транслируются наряду со звуками языковых знаков также и звуки неязыковых знаков – звуки голосов коммуникантов, характеризующиеся тембром, высотой, силой, скоростью. Если звуки языковых знаков производятся намеренно (интенционально) и несут семантическую нагрузку, то звуки неязыковых знаков производятся ненамеренно и отображают характеристики говорящего, понимание которых позволяет существенно дополнять содержание вербального сообщения, т. к. знание об отношении говорящего к содержанию сообщения и/или к реципиенту может быть важнее, чем содержание самого речевого сообщения.

Письменный текст также кроме языкового содержания несет сведения о времени или месте составления сообщения (идеографическое, силлабическое, буквенное, клинописное, иероглифическое письмо), о принадлежности к определенной религии (квадратный шрифт – иудаизм, арабское письмо – ислам, арамейская скоропись – несторианство, манихейство) и к этнической культуре [Дьяконов 1987: 578].

Трактуя знаковые характеристики голоса коммуникантов как древнее доязыковое средство человеческого общения, мы обязаны указать на цвет объектов реальной действительности (становящихся содержанием речевого сообщения), который также является знаком: телом, означающим этого знака есть цвет, а значением является физиологическая реакция на него. П. В. Яньшин, создатель теоретической и экспериментально обоснованной концепции цвета, названной им «Психосемантика цвета», полагает, что цвет предметов, обозначаемый как его натуральное значение, опирается на более древнее палеозначение цвета, фигурирующее в человеческой практике в качестве архетипа [Яньшин 2006].

Из этого следует, что образ цвета и физиологическая реакция на него передается генетическим путем подобно образу голосовых характеристик личности говорящего, на которые реципиент реагирует так же эмоционально, как и на цвет, т. е. в форме физиологической реакции. П. В. Яньшин не случайно пишет по этому поводу о реакциях человека на цвет: «На неосознаваемом уровне цвет есть символ своего воздействия на человека. <...> В ходе культурно-исторического развития человек научился использовать это свойство цветов в качестве внешнего (и внутреннего) орудия произвольной регуляции своего физиологического и психического состояния. <...> Для того, чтобы изменить свое состояние, мы либо окрашиваем окружающие нас предметы (стены, мебель, одежду), либо представляем цвета во внутреннем плане сознания. Семантика цветов в этом случае описывается закономерностями субъектной установки восприятия цвета» [Яньшин 2006: 307].

П. В. Яньшин, в конечном итоге, полагает, что цвета воспринимаются современным человеком при наличии двух установок: объектной, когда восприятие цвета результируется в форме физиологической реакции на него, и субъектной, когда реципиент отвечает психической реакцией, сформированной в своей этнической культуре и появляющейся в виде ассоциирования цветов и эмоций, цветов и окрасок культурных и природных предметов [Яньшин 2006: 309].

Исходя из предположения, что характеристики образа человеческого голоса так же, как и характеристики образа цвета объектов реальной действительности передаются генетическим путем, целесообразно описывать человеческий голос и цвет предметов при помощи единого понятийного аппарата: объектная и субъектная установка восприятия, тело знака, физиологическая и психологическая реакция реципиента (как значения голоса и цвета).

Теперь мы переходим к анализу некоторых факторов, обуславливающих процессы производства и восприятия речи.

Человеческая речь, в своем бытовании отображающая многообразие способов и форм конструирования знаний о реальной субъективной (сознание) действительности, чрезвычайно вариативна как в следствии влияния многих внешних, так и внутренних факторов, обуславливающих ход и результат общения членов этноса.

Так, голос говорящего вариативен по критерию тембра, высоты, силы и скорости, а языковые единицы варьируют в своих признаковых качествах в зависимости

от принадлежности к одной (или многим) из форм общенационального языка (нормированный литературный язык с его функциональными стилями, территориальные диалекты, профессиональные жаргоны, аргю).

На вариативность отбора языковых единиц влияет степень общности знаний коммуникантов, относящихся к теме речевого общения, наличие / отсутствие такой близости заметно при общении двух специалистов в конкретной профессиональной области или при общении профессионала и профана.

На результативность взаимопонимания коммуникантов влияют шумы и наличие/отсутствие времени для толкования и додумывания конструируемого реципиентом содержания и смысла полученного сообщения.

Для нейтрализации вариативности человеческой речи и оптимизации процесса взаимопонимания члены этноса прибегают к такому явлению, обычно игнорируемому учеными лингвистами, как политекстуальность, когда одно и то же содержание передается неоднократно, формально варьируясь в своих парадигматических и синтагматических связях. Политекстуальность опирается на уникальное качество языка, которое в лингвистике называется метаязыковой функцией языка, реализующейся не только в форме научных языков описания естественного языка, но и за пределами языка науки, когда, например, родитель при помощи слов, известных его ребенку, многократно объясняет значение нового слова. Политекстовость в качестве обыденной формы речи интересует нас, прежде всего, как проблема вербального множественного обозначения одного и того же объекта реальной действительности при помощи разных слов – идеографических, стилистических и речевых синонимов, функционирующих как замещение или уточнение другого слова.

Для проблемы картирования мозга возможность множественного вербального обозначения одного объекта оборачивается необходимостью определения корреляции между очагами возбуждения в коре головного мозга, соответствующими слову (или словам) и обозначенному этим словом (или словами) образу объекта.

Необходимость учета при картировании всех достаточно сложных феноменов, происходящих при восприятии языковых знаков, вытекает из понимания всех аспектов восприятия человеком вербальных знаков.

При восприятии письменного или устного слова, например, «лицо», глаза или уши реципиента в ответ на воздействие графемы или звукового комплекса «лицо» формируют сенсорный отклик (чувственный образ), который опознается как слово «лицо» при помощи образа воспоминания «лицо» в качестве перцептивного эталона, хранящегося в памяти реципиента.

Графема «лицо», опознанное как письменный знак при помощи перцептивного эталона «лицо», а также при помощи образов других слов и визуальных образов, формирующих так называемую психическую модель-репрезентацию. С. Э. Поляков вводит понятие психической модели-репрезентации, которым он обозначает образы воспоминания и представления, хранящиеся в сознании субъекта восприятия в форме образа целостного предмета или явления на фоне сопряженных с ним полимодальных образов других предметов и явлений. «Полимодальность модели-репрезентации – это не просто механическое соединение разных по модальности образов объекта и ощущений. Это их своеобразный сплав, т. к. модели разной модальности взаимно влияют друг на друга, меняя друг друга» [Поляков 2011: 267]. Далее С. Э. Поляков поясняет суть понятия модели-репрезентации: «<...> модель-репрезентация предмета – это не

что-то статичное вроде совокупности картинок, а текущее полимодальное множество репрезентаций, представляющее в сознании не просто объект, но объект, меняющийся в процессе своего взаимодействия с телом человека, и меняющееся в процессе этого взаимодействия тело человека, т. е. она включает в себя (или по крайней мере тесно ассоциирована) модель-репрезентацию самого человека, имеющего опыт взаимодействия с данным объектом. Модель-репрезентация предмета содержит в себе знание не только о процессе взаимодействия человека и данного предмета, но и о результате этого взаимодействия» [Поляков 2011: 269].

Модель-репрезентация для слова «лицо», хранящаяся в сознании современного носителя русского языка, предположительно, должна состоять из некоторой части реакций ассоциативного поля стимула, например, «лицо» по данным «Русского ассоциативного словаря» [Караулов и соавт. 2002]. Первый том «Русского ассоциативного словаря» показывает следующие слова, которые потенциально могут входить в модель-репрезентацию «лицо» любого современного носителя русского языка: красивое, круглое, человека, глаза, друга, знакомое, человек, морда, умное, голова, физиономия, милое, нос, рожа и т. д. – всего 276 различных реакций на стимул «лицо».

Второй том этого же словаря, содержит в модели-репрезентации «лицо» следующие слова: физиономия, лик, рожа, морда, нос, скулы, подбородок, гримаса, зеркало, рыло, бледный, губа, морщины, Моська, накрашенный и т. д. – всего 194.

Если мы обратимся к модели-репрезентации устной формы слова «лицо», то легко сделать вывод, что в эту модель кроме вербального окружения входят характеристики голоса говорящего (тембр, скорость, высота, сила), отображающие отношение говорящего к содержанию речевого сообщения и реципиенту.

С чувственным образом слова «лицо» и образом воспоминания языкового знака «лицо», интегрированного в модель-репрезентацию, о содержании которой можно судить по данным «Русского ассоциативного словаря», связан образ сознания – визуальный обобщенный образ «лицо», представляющий предметное значение слова «лицо».

Подводя некоторый итог нашим попыткам описать психическую феноменологию процесса восприятия слова «лицо», данного в вербальном контексте, нужно сделать неизбежный вывод, что он имеет сложное строение (что не является неожиданным), включающее в себя 1) чувственный образ восприятия, верифицируемый при помощи 2) образа воспоминания, интегрированного в 3) модель-репрезентацию, 4) визуальный образ воспоминания объекта «лицо», 5) вербальное значение слова «лицо» с возможной актуализацией 6) вербальной модели, описывающей значение слова «лицо».

Заключение

Проведенный метатеоретический анализ проблем картирования речевых зон мозга и теоретический анализ проблем многоканальности и полисенсорности речевого общения позволяет сделать вывод, что решение проблем картирования, по всей вероятности, лежит на пути утилизации теории А.Р. Лурии о системной и динамической локализации высших психических функций, обеспечивающей учет отображения полисенсорности речевого общения в коре головного мозга.

Литература

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.

Белопасова А.В., Кадыков А.С., Коновалов Р.Н., Кремнева Е.И. Организация нейрональной речевой системы у здоровых лиц и ее реорганизация у пациентов с постинсультной афазией // *Анналы неврологии*. 2013. Т. 7. №1. С. 25–30.

Буторина А.В., Шестакова А.Н., Николаева А.Ю., Строганова Т.А., Штыров Ю.Ю. Функциональное картирование речевых зон мозга человека: перспективы использования метода магнитоэнцефалографии (МЭГ) // *Современная зарубежная психология*. 2012. №1. С. 103–114.

Власова Р.М., Печенкова Е.В., Ахутина Т.В., Сеницын В.Е. Структурно-функциональная организация использования глаголов и существительных в зависимости от стратегии их актуализации // *Вопросы психологии*. 2012. №4. С. 128–137.

Дьяконов И.М. Письменность // *Литературный энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия», 1987. – 752 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Черкасова Т.А., Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь. В 2-ух т. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. 1774 с.

Коршаков А.В., Поликарпов М.А., Устинин М.Н., Сычев В.В., Рыкунов С.Д., Нурзаков С.П., Гребенкин А.П., Панченко В.Я. Регистрация и анализ точных частотных ЭЭГ/МЭГ откликов аудиторной коры головного мозга человека в ответ на монауральную стимуляцию звуком с фиксированными частотными составляющими // *Математическая биология и биоинформатика*. 2014. Т. 9. № 1. С. 296–308.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Издательство Московского университета, 1975. 253 с.

Морозов В.П. Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования / В.П. Морозов; Российская акад. наук, Институт психологии. М.: Институт психологии РАН, 2011. 526 с. (Достижения в психологии).

Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011. 682 с.

Цветкова Л.С. Афазиология: современные проблемы и пути их решения. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 640 с.

Черкасова А.С. Неинвазивные методы исследования вербальной функции // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Медико-биологически науки»*. 2015. № 1. С. 58–67.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // *Семантика пространства и пространство семантики / Труды по знаковым системам*. Вып. 19. Тарту, 1986.

Шестакова А.Н., Буторина А.В., Осадчий А.Е., Штыров Ю.Ю. Магнитоэнцефалография – новейший метод функционального картирования мозга человека // *Экспериментальная психология*. 2012. Т. 5. № 2. С. 119–134.

Шустер Г. Летучие посланцы любви // *За рубежом*. 1996. № 24.

Яньшин П.В. Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368с.

Barrett H.C., Kurzban R. Modularity in cognition: Framing the debate // *Psychological Review*. 2006. Vol. 113. P. 628–647.

Deutsch G.K., Dougherty R.F., Bammer R., Siok W.T., Gabrieli J.D., Wandell B. Children's reading performance is correlated with white matter structure measured by diffusion tensor imaging // *Cortex*. 2005. Vol. 41. P. 354–363.

Fodor J.A. Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1983.

Friederici A.D. The brain basis of language processing: from structure to function // *Physiological reviews*. 2011. Vol. 91. P. 1357–1392.

Gazzaniga M.S. The bisected brain. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970.

Indefrey P., Levelt W.J.M. The Spatial and Temporal Signatures of Word Production Components // *Cognition*. 2004. Vol. 92. № 1–2. P. 101–144.

Marslen-Wilson W. D., Tyler L.K. The lexicon, grammar, and the past tense: dissociation revisited // *Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of E. Bates*. –Mahwah, New Jersey, 2005. P. 263–279.

Niogi S.N., McCandliss B.D. Left lateralized white matter microstructure accounts for individual differences in reading ability and disability // *Neuropsychologia*. 2006. Vol. 44. P. 2178–2188.

Pelletier I., Sauerwein H.C., Lepore F., Saint-Amour D., Lassonde M. Non-invasive alternatives to the Wada test in the presurgical evaluation of language and memory functions in epilepsy patients // *Epileptic disorders*. 2007. Vol. 9. № 2. P. 111–126.

Pulvermüller F. Words in the Brain's Language // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. Vol. 22. P. 253–336.

Richards T.L., Berninger V.W. Brain mapping of language processing using functional MRI connectivity and diffusion tensor imaging // F. Signorelli and D. Chirchiglia (Eds.). *Brain mapping, and the endeavor to understand the working brain*. Intech-Open, 2013. P. 77–93.

Seghier M.L., Lazeyras F., Annami J.M., Khateb A. Inter-individual variability of fMRI activations in phonologic and semantic judgment tasks // *International Journal of Psychophysiology*. 2002. Vol. 45. P. 121.

Shtyrov Y., Pulvermüller F. Early MEG activation dynamics in the left temporal and inferior frontal cortex reflect semantic context integration // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2007. Vol. 19. P. 1633–1642.

Vigneau M., Beaucousin V., Hervé P.Y., Duffau H., Crivello F., Houdé O., Mazoyer B., Tzourio-Mazoyer N. Meta-Analyzing Left Hemisphere Language Areas: Phonology, Semantics, and Sentence Processing // *NeuroImage*. 2006. Vol. 30. № 4. P. 1414–1432.

Weems S., Zaidel E., Berman S., Mandelkern M.A. Asymmetry in Alpha Power Predicts Accuracy in Hemispheric Lexical Decision // *Clinical Neurophysiology*. 2004. Vol. 115. № 7. P. 1575–1582.

Weiss S., Mueller H.M. The Contribution of EEG Coherence to the Investigation of Language // *Brain and Language*. 2003. Vol. 85. № 2. P. 325–343.

Weiss S., Rappelsberger P. Left Frontal EEG Coherence Reflects Modality Independent Language Processes // *Brain Topography*. 1998. Vol. 11. № 1. P. 33–42.

Zaidel E., Hill A., Weems S. EEG Correlates of Hemispheric Word Recognition. *Brain Research in Language // Literacy Studies*. 2008. Vol. 1. P. 225–245.

MAPPING OF SPEECH AREAS OF THE BRAIN AS A SCIENTIFIC PROBLEM

Ignaty V. Zhuravlev

Senior researcher

Sector of psycholinguistics

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislowskiy per., Moscow, Russia, 125009

zhuravlev@iling-ran.ru

Alexandr A. Nistratov

Researcher

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

Mokhovayaul., Moscow, Russia, 119009

a.nistratov@mail.ru

Mikhail A. Polikarpov

Deputy Head of Department of Photonics and Additive Technologies of National

Research Center “Kurchatov Institute”

1, AkademikaKurchatova pl., Moscow, Russia, 123182

Polikarpov_MA@nrcki.ru

Evgeniy F. Tarasov

Doctor of Philology, Head of Psycholinguistics Department

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russia, 125009

eft35@mail.ru

The article is devoted to the analysis of ontological prerequisites of functional mapping of speech areas of the brain associated with language processing. Theoretical substantiation of experimental verifications is the contradiction between narrow localizationism (rigid connection between brain processes and mental functions) and anti-localizationism (absence of rigid binding of function to the brain area). This contradiction is removed in A. R. Luria’s theory of system and dynamic localization, which represents the function as a system that includes different components and relies on the joint work of several brain regions.

At the present stage of science, the opposition between the positions of localizationism and antilocalizationism is preserved in scientific disputes on the modularity of consciousness and the modular principle of brain function, although there are attempts to minimize this opposition in emphasizing the importance of interaction between different parts of the brain, united in subsystems depending on task conditions.

Phenomenology of speech processes shows a complex picture of the interaction of speech and non-speech communication channels and, consequently, the consumption of linguistic and non-linguistic signs, including signs, the meaning of which is transmitted genetically in society.

Keywords: functional mapping of speech areas of the brain, localization, system and dynamic localization, mental phenomenology of speech processes

References

Ahutina T.V. Nejrolingvisticheskij analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics, and pragmatics]. M.: Jazyki slavjanskoj kul’tury, 2014. 424 s. (In Russian).

Belopasova A.V., Kadykov A.S., Kononov R.N., Kremneva E.I. Organizacija nejronal’noj rechevoj sistemy u zdorovyh lic i eje reorganizacija u pacientov s postinsul’tnoj afaziej [Organization of language network in healthy subjects and its reorganization in patients with poststroke aphasia] // Annaly nevrologii. 2013. T. 7. №1. S. 25–30. (In Russian).

Butorina A.V., Shestakova A.N., Nikolaeva A.Ju., Stroganova T.A., Shtyrov Ju.Ju. Funkcional’noe kartirovanie rechevyh zon mozga cheloveka: perspektivy ispol’zovanija metoda magnitocencefalografii (MEG) [Functional mapping of speech areas of the human

brain: prospects of using the method of magnetoencephalography (MEG)] // *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*. 2012. №1. S. 103–114. (In Russian).

Vlasova R.M., Pechenkova E.V., Ahutina T.V., Sinicyn V.E. Strukturno-funkcional'naja organizacija ispol'zovanija glagolov i sushhestvitel'nyh v zavisimosti ot strategii ih aktualizacii [Structural-functional organization of the use of verbs and nouns, depending on the strategy of their actualization] // *Voprosy psihologii*. 2012. №4. S. 128–137. (In Russian).

Djakonov I.M., Pis'mennost' [Writing] // *Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'*. M.: «Sovetskaja jenciklopedija», 1987. 752 s. (In Russian).

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Cherkasova T.A., Ufimceva N.V. Russkij asociativnyj slovar'. V 2-uh t. [Russian associative dictionary. In 2 Vols.]. M.: OOO «Izd-vo Astrel'»; OOO «Izd-vo AST», 2002. 1774 s. (In Russian).

Korshakov A.V., Polikarpov M.A., Ustinin M.N., Sychev V.V., Rykunov S.D., Naurzakov S.P., Grebenkin A.P., Panchenko V.Ja. Registracija I analiz tochnyh chastotnyh EEG/MEG otklikov auditornoj kory golovnogogo mozga cheloveka v otvet na monaural'nuju stimuljaciju zvukom s fiksirovannymi chastotnymi sostavljajushhimi [Registration and analysis of precise frequency EEG/MEG responses of auditory cortex of the human brain in response to monaural sound stimulation with fixed frequency components] // *Matematicheskaja biologija i bioinformatika*. 2014. T. 9. № 1. S. 296–308. (In Russian).

Luria A.R. Osnovnye problem nejrolingvistiki [Basic problems of neurolinguistics]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1975. 253 s. (In Russian).

Morozov V.P. Neverbal'naja kommunikacija: jeksperimental'no-psihologicheskie issledovanija [Nonverbal communication: experimental psychological research] / V.P. Morozov; Rossijskaja akad. nauk, In-t psihologii. M.: In-t psihologii RAN, 2011. 526 s. (Dostizhenija v psihologii). (In Russian).

Polyakov S.E. Fenomenologija psihicheskikh reprezentacij [Phenomenology of mental representations]. SPb.: Piter, 2011. 682 s. (In Russian).

Cvetkova L.S. Afaziologija: sovremennye problem i puti ih hreshenija [Aphasiology: modern problems and the ways of their solution]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: NPO «MODJeK», 2002. 640 s. (In Russian).

Cherkasova A.S. Neinvazivnye metody issledovanija verbal'noj funkcii [Non-invasive methods of verbal function research] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Serija «Mediko-biologicheskie nauki». 2015. № 1. S. 58 – 67. (In Russian).

Chernigovskaja T.V., Deglin V.L. Metaforicheskoe i sillogisticheskoe myshlenie kak projavlenie funkcional'noj asimmetrii mozga [Metaphorical and syllogistic thinking as a manifestation of functional asymmetry of the brain] // *Semantika prostranstva i prostranstvo semantiki / Trudy poznavkovysistemam*. Vyp. 19. Tartu, 1986. (In Russian).

Shestakova A.N., Butorina A.V., Osadchij A.E., Shtyrov Ju. Ju. Magnitojencefalografija – novejsij metod funkcional'nogo kartirovanija mozga cheloveka [Magnetoencephalography – the newest method of functional brain mapping] // *Jeksperimental'naja psihologija*. 2012. T. 5. № 2. S. 119–134. (In Russian).

Shuster G. Letuchie poslancy ljubvi [Flying messengers of love] // *Zarubezhom*. 1996. № 24. (In Russian).

Jan'shin P.V. Psihosemantika cveta [Psychosemantics of color]. SPb.: Rech', 2006. 368 s. (In Russian).

Barrett H.C., Kurzban R. (2006). Modularity in cognition: Framing the debate // *Psychological Review*. Vol. 113. P. 628–647.

Deutsch G.K., Doug herty R.F., Bammer R., Siok W.T., Gabrieli J.D., Wandell B.

(2005). Children's reading performance is correlated with white matter structure measured by diffusion tensor imaging // *Cortex*. Vol. 41. P. 354–363.

Fodor J.A. (1983). *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

Friederici A.D. (2011). The brain basis of language processing: from structure to function // *Physiological reviews*. Vol. 91. P. 1357–1392.

Gazzaniga M.S. (1970). *The bisected brain*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Indefrey P., Levelt W.J.M. (2004). The Spatial and Temporal Signatures of Word Production Components // *Cognition*. Vol. 92. № 1–2. P. 101–144.

Marslen-Wilson W.D., Tyler L.K. (2005). The lexicon, grammar, and the past tense: dissociation revisited // *Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of E. Bates*. –Mahwah, New Jersey. P. 263–279.

Niogi S.N., McCandliss B.D. (2006). Left lateralized white matter microstructure accounts for individual differences in reading ability and disability // *Neuropsychologia*. Vol. 44. P. 2178–2188.

Pelletier I., Sauerwein H.C., Lepore F., Saint-Amour D., Lassonde M. (2007). Non-invasive alternatives to the Wada test in the presurgical evaluation of language and memory functions in epilepsy patients // *Epileptic disorders*. Vol. 9. № 2. P. 111–126.

Pulvermüller F. (1999). Words in the Brain's Language // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 22. P. 253–336.

Richards T.L., Berninger V.W. (2013). Brain mapping of language processing using functional MRI connectivity and diffusion tensor imaging // F. Signorelli and D. Chirchiglia (Eds.). *Brain mapping, and the endeavor to understand the working brain*. Intech-Open. P. 77–93.

Seghier M.L., Lazeyras F., Annami J.M., Khateb A. (2002). Inter-individual variability of fMRI activations in phonologic and semantic judgment tasks // *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 45. P. 121.

Shtyrov Y., Pulvermüller F. (2007). Early MEG activation dynamics in the left temporal and inferior frontal cortex reflect semantic context integration // *Journal of Cognitive Neuroscience*. Vol. 19. P. 1633–1642.

Vigneau M., Beaucousin V., Hervé P.Y., Duffau H., Crivello F., Houdé O., Mazoyer B., Tzourio-Mazoyer N. (2006). Meta-Analyzing Left Hemisphere Language Areas: Phonology, Semantics, and Sentence Processing // *NeuroImage*. Vol. 30. № 4. P. 1414–1432.

Weems S., Zaidel E., Berman S., Mandelkern M.A. (2004). Asymmetry in Alpha Power Predicts Accuracy in Hemispheric Lexical Decision // *Clinical Neurophysiology*. Vol. 115. № 7. P. 1575–1582.

Weiss S., Mueller H.M. (2003). The Contribution of EEG Coherence to the Investigation of Language // *Brain and Language*. Vol. 85. № 2. P. 325–343.

Weiss S., Rappelsberger P. (1998). Left Frontal EEG Coherence Reflects Modality Independent Language Processes // *Brain Topography*. Vol. 11. № 1. P. 33–42.

Zaidel E., Hill A., Weems S. (2008). EEG Correlates of Hemispheric Word Recognition. *Brain Research in Language // Literacy Studies*. Vol. 1. P. 225–245.

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Кузьмина Мария Александровна

Кандидат филологических наук

Институт филологии СО РАН

630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
кафедра Общего и русского языкознания

Гуманитарного института

Новосибирского государственного университета,

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

mash_room@mail.ru

В статье обсуждается важность аксиологического подхода к человеческому сознанию как объекту психолингвистики. Человек характеризуется набором не только биосоциальных и культурных черт, но и качеством, отличающим его от прочего мира живой природы, – осознанием себя, своего места в этом мире и цели своего существования. Этническая самоидентификация индивида не выводит его автоматически на уровень национального самосознания, формирующегося вместе с пониманием ответственности, смысла деятельности и ценностей, которыми человек руководствуется в жизни. Междисциплинарность психолингвистического подхода проявляется в выборе методологии психологической науки в лингвистических исследованиях. В статье рассматривается путь психологии как науки с точки зрения становления её объекта, а также анализируются эвристичные для психолингвистической методологии подходы – экзистенциальный анализ В. Франкла и христианская, или «нравственная», психология.

Ключевые слова: аксиологическая психолингвистика, научное мировоззрение, национальное самосознание, нравственная психология, религиозное мировоззрение, христианская психология, ценности, экзистенциальный анализ, этническая самоидентификация

Введение

Научное исследование начинается с вопрошания, как философия – с удивления. Источником как удивления, так и вопрошания служит многообразие способов существования прекрасного мира вокруг нас. На передний план современной научной «арены» выходит вопрошающий субъект – то самое субъективное начало, которое стало в последние десятилетия центральным объектом исследования гуманитарных наук, объединившихся ради общей цели и открывших междисциплинарный диалог (полилог). Во главу угла ставится предмет исследований – человек во множественности своих проявлений: *Homo loquens*, *Homo creans*, *Homo sentiens*¹, не говоря уже о *Homo ludens* (Й. Хейзинга) и даже *Homo piger* (И. Левонтина). Поэтому видится уместным начать статью с личного (субъективного!) воспоминания, которое, надеемся, не будет выглядеть инородным элементом в исследовании, посвящённом проблемам психолингвистики, а наоборот, возможно, дополнит указанный ряд ещё одним «субъектом» – *Homo peregrinator* (Человек путешествующий).

¹ См. [Зыкова 2017].

Со времени нашего семейного путешествия по «Золотому кольцу» в мае 2018 года не изгладилось из памяти одно поразительное впечатление – это дикая, близкая к варварству «мерзость запустения», которая обнаружилась в одном святом месте Древней Руси – Успенском соборе Ростовского кремля. Грандиозность и в то же время трогательность любовно украшенных фасадов невольно рождали мысль о том, какое, должно быть, неизгладимое впечатление этот собор-богатырь производил на древнерусского крестьянина. Вероятно, тот крестьянин, стянув шапку, так и застывал перед священной громадой... Нов наше время, в эпоху центрального отопления и прочих цивилизационных достижений, внутри собора царит пробирающий до костей холод (не отапливаемый храм вымораживается зимой, а потом весной и летом «отдаёт» холод), а перед глазами – зияющие отверстия на облупленном иконостасе вместо икон, как в заброшенном доме, где уже давно никто не живёт.

Закономерно возникает вопрос, требующий не только общественного обсуждения, но и научного осмысления, как вопрос крайне важный: те люди, которые строили этот собор, украшали его и благодарили ему, и те, кто разрушил его внутреннюю жизнь и кто сейчас равнодушно смотрит на прозябание народной святыни, – это один и тот же народ? Если да, то как в сознании одного народа могут уместиться такие взаимоисключающие доминанты – культурная, храмостроительство, и какая-то «внекультурная» (или «антикультурная», как некий «антимир») – равнодушие к великим артефактам своей страны? Поскольку если «культура – это святыни народа» (Д.С. Лихачёв), то отсутствие святынь свидетельствует о том, что чего-то в культурном ядре явно недостаёт. Или же здесь речь о «парадоксах национального самосознания», как их называл И.Л. Волгин, говоря о русском народе²?

Именно такие и подобные им вопросы являются предметом исследования в рамках психолингвистического подхода. За последние десятилетия очевидных успехов в изучении связки «сознание – язык – культура» добились исследователи в рамках Московской психолингвистической школы, чьи подходы базируются на крепком фундаменте достижений и мысли отечественной психологии, в частности, на теории речевой деятельности (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский и др.). В русле психолингвистического подхода рассматривается деятельностная модель человека, в которой его социальные качества оказывают решающее влияние на индивидуальные свойства, и, определяя своеобразие коммуникативных, интеллектуальных и других психологических черт, формируют индивидуальный образ мира. Такая модель позволяет увидеть целостный образ мира человека, определяемый, с одной стороны, воздействием социума, с другой, – степенью свободы самой индивидуальности [Бубнова 2017: 107–108]. Психолингвистический подход направлен, таким образом, на решение комплексной проблемы содержания образа мира личности и национального образа мира, которое эксплицировано в языковом сознании (овнешнённой форме сознания).

Этническая самоидентификация vs. национальное самосознание

«Образ мира (или этническая картина мира) является, по мнению этнологов, основной компонентой культуры и содержит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого её члена к окружающей природной и социальной среде» [Уфимцева 2012: 131]. Вырастая на почве своей культуры, человек «присваивает» себе заложенные в ней доминанты разных уровней

² См. [Волгин 2004].

– начиная с бытовой организации жизни и вплоть до ценностных установок. Идентичность «формируется в онтогенезе на фоне предъявления ребенку в готовом виде образов родной культуры и их вербальных знаков с последующим их творческим освоением и интериоризацией» [Шапошникова 2015: 124], таким образом, ребёнок с детства усваивает, «что такое хорошо и что такое плохо», но, что важно: все ценности ребёнок получает готовыми, и они формируют его самоидентификацию. Но жизнь такова, что на почве русской культуры или лингвокультуры, в основе которых – признание того, что «духовные ценности несопоставимы с материальными благами, коллективное стоит выше личного, а будущее важнее настоящего» [Бубнова 2017: 167], вырастают такие плоды «социокода³ постмодерна» (М.К. Петров, А.И. Субботин), как «рефлексивное самозамыкание интеллектуальной деятельности на себя, которое затем нормативизируется и становится культурной нормой для определённых типов массового сознания»; такое «самозамыкание» сопровождается также отрицанием культурно-ценностных оснований и в целом характеризуется нарушениями основных черт нормальной коммуникации [Субботин 2008: 110–111].

По сути, на ту же проблему избирательности в следовании (или не следовании) ценностным установкам указывает и знаменитый педагог С. Соловейчик: «Отчего одни люди, и в руках не державшие Уголовный кодекс, не нарушают закона, а другие, вызубрив все статьи кодекса наизусть, то и дело попадают за решётку?». В пример Соловейчик приводит известного персонажа: «У одного литературного героя с детства висела перед глазами пропись: “Не лги, послушествоуй старшим и носи добродетель в сердце”. А вырос Чичиков» [Соловейчик 2017: 72]. Выбор педагога-гуманиста – в пользу нравственности, а не культуры: «Нравственный человек никогда не будет ниже своей среды по культурному уровню» [Соловейчик 2017: 54].

Отмеченная проблема встаёт в полный рост при изучении образа мира – как национального, так и индивидуального. Впечатляющих результатов в указанной области достигли исследователи «ассоциативно-вербальной сети», построенной по материалам «Русского ассоциативного словаря» ([Караулов и др. 1994–1998] и [Караулов и др. 2002]) (подробнее см. [Уфимцева 2017]). Таким образом, сегодня нам известно действительно многое о русском языковом сознании, во многом благодаря трудам отечественных когнитивистов и психолингвистов⁴.

Становится очевидным, что без обращения к ценностным доминантам национального сознания невозможно отвечать на вызовы современной языковой и культурной ситуации. Закономерным представляется поиск ответов на эти вызовы в традиционных для русского общества ценностях. «Православие как идеологическая нравственная основа для построения проекта общественного устройства в её содержательной части сохраняет свою жизнестойкость, а значит, человек верующий может стать продуцентом социально сберегающих решений там, где не хватает научно-обоснованных знаний» [Шапошникова 2016: 304]. Таким образом, православное сознание наделяется способностью создавать «смыслы», которые могут стать опорой как устойчивого социального строительства, так и для формирования национальной идеи.

³ Социокод – «основная знаковая реальность культуры, удерживающая в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчленённый на интерьеры мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [Петров 1991; цит. по: Субботин 2008: 107].

⁴ См., например, работы И.А. Бубновой, А.А. Залевской, И.В. Зыковой, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, М.В. Пименовой, Е.Ф. Тарасова, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцевой, И.В. Шапошниковой и мн. др.

В настоящее время поиски «национальной идеи» идут как «сверху», так и «снизу». В работах, посвящённых самопредставлениям русских, отмечается, что «в число самых типичных черт характера входила доброта, и по данным “Русского ассоциативного словаря” человек – прежде всего хороший и добрый» [Уфимцева 2017: 51]. Именно о милосердии как о главной черте русских в своём традиционном обращении к народу в канун 2019 года упомянул В.В. Путин [Путин 2018 [http](#)]. Однако, несмотря на то, что «православие является тем системообразующим фактором, который определял и определяет внутреннюю суть русской культуры... и менталитета русских» [Уфимцева 2017: 63], в языковом сознании современных русских, по данным ассоциативных словарей и согласно исследованию [Вендина 2002], настоящей лакуной, «по сравнению с языковым сознанием носителя старославянского языка, является отношение к Богу» [Уфимцева 2017: 62].

Если проанализировать глубже данный парадокс отечественного «формального православия», то можно увидеть, что есть разница между тем, чтобы идентифицировать себя с определённой культурой, и тем, чтобы доказывать своей жизнью, своими поступками принадлежность к ней. «Можно ли сказать, что большая часть населения России имеет сформированное религиозное самосознание, сообразное православной картине мира с богатым и неповторимым набором ценностей? Ответ очевиден – нет. Ведь чтобы пройти путь от самоидентификации до самосознания, необходимо преодолеть рубежи признания ценностей и их практического усвоения» [Цыплаков, Пынтиков 2012: 146]. Этническая принадлежность человека, его идентификация с определённой культурой ещё не делает его носителем соответствующего типа сознания; этническая принадлежность определяется главным образом языком, а национальное самосознание предполагает нечто большее – «осознание общности исторической и политической судьбы с обществом и государством» [Там же: 144], и ключевое значение здесь имеет «практическое усвоение», т. е. реальная деятельность человека, соответствующий образ жизни. Ведь именно социальная деятельность формирует культурно-значимые смыслы, как установлено в ходе разработки теории речевой деятельности. Итак, «национальное самосознание может быть определено как принадлежность к данной общности через признание её языка родным, через единство культуры, через осознание общности интересов и приверженность к определенным разделяемым в этой общности ценностям» [Там же: 143], причём главная ценностная роль всегда отводилась – и до сих пор отводится – религиозному фактору.

Итак, мы убедились в том, что самоидентификация – это «пассивная» форма сознания, а самосознание – активная его форма, где важен субъект не только как реципиент, но и как «продуцент» смыслов в той ценностной области культуры, с которой он себя соотносит. Поэтому, когда в формировании личности «что-то идёт не так», мы вопрошаем не культуру, а ответственное лицо – саму личность, поскольку «объективное не может быть обязующим субъективно (для субъекта)», поэтому «даже поиски самых что ни на есть универсальных принципов, установление каких бы то ни было космических законов ничего не решают в этических вопросах поведения» [Франкл 2017: 66]. Этический выбор субъект делает лично сам. И здесь уместно будет расширить термин «идентичность», или «самоидентификация» и признать необходимость другого, предполагающего ответственность за «идентичность», а именно – «самосознание».

Человеческое сознание и самосознание традиционно является предметом изучения психологии – науки, методы которой активно заимствуются психолингвистикой.

Далее мы рассмотрим, как развивалась психология с позиций фактора религиозности и исследуем влияние религиозной составляющей научного мировоззрения на становление психологического знания.

Психология на стыке наук и мировоззрений

История психологии настолько нелинейна и противоречива, что представляется целесообразным рассмотреть некоторые аспекты её формирования, которые не могли не сказаться и на формировании психолингвистического подхода.

Мы знаем, что филология – это наука, которая «признаётся» в любви слову, её главному объекту; мы ожидаем нечто похожее и от психологии, «учения о душе», но оказывается, что на протяжении всей истории развития этой области знаний душа, её основной объект, практически не упоминается. Со времён Аристотеля и его трактата «О душе» психология была частью философии и медицины. Начиная со второй половины XIX века методы естественно-научных дисциплин оказывают на психологию довлеющее влияние, и это связано с отказом от философских оснований психологии в пользу естественно-научных. Психология, отделившись от философского основания, стала возрастать как ветвь физиологии и «постдарвиновской биологии» (Дж. Лакофф).

Поставленная на «естественно-научные рельсы», мировая и отечественная психология больше не черпала методологическое вдохновение в философии: во-первых, кризис философии привёл к невозможности предложить самостоятельную концепцию науке о душе, во-вторых, в научном сообществе СССР выразитель иной методологии, кроме диалектического материализма, был объявлен *persona non grata*.

В советское время господствовало представление о человеке как о биологическом и социальном существе, и эти два аспекта – онтогенез человека в результате эволюции материи и социогенез под влиянием исторических формаций – исчерпывали подходы, которые были разрешены «к употреблению» в психологии. Произошло то, что В. Франкл называл «тотальностью» или «идеологизаторством» в науке: «Как только появляется притязание на тотальность, биология превращается в биологизаторство, психология – в психологизаторство и социология – в социологизаторство. Иными словами, в этот момент наука превращается в идеологию» [Франкл 2018а: 32].

Другим препятствием для обогащения психологии методологией смежных гуманитарных наук стало отмеченное выше полное отмежевание психологии от тех областей знания, предметом которых изначально был человек: философии, этики, религии. Так, например, «на развитие петербургской психологической школы сильно повлияли не философы и тем более не богословы, которые читали лекции по психологии, а учёные-естественники» [Логинова 2006: 48].

До сих пор распространено мнение о том, что научное мировоззрение не совместимо с религиозным, философским и др. Но мы знаем, что и в советское время трудились учёные, которые не боялись напоминать о возможности (и даже о необходимости) совмещения различных мировоззрений в одном сознании. Об этом, в частности, пишет великий учёный-естествоиспытатель XX века академик В.В. Вернадский, когда объясняет, что невозможно разъединить различные проявления человеческой жизни: «Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке» [Вернадский 2016: 209]. Учёный, наблюдая за развитием и ростом науки, отмечает, что «все сто-

роны человеческой души необходимы для её (науки – М.К.) развития, являются той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы, той атмосферой, в которой идёт научная деятельность» [Там же]. С ним согласен и прославленный физиолог, творивший в то же время, что и Вернадский, – А.А. Ухтомский: «Относительно религии надо сказать, что ею улавливается одна из сторон действительности, недоступных до сих пор научному настроению» [Цит. по: Ломов [http](#)]. Открытый Ухтомским принцип доминанты приобрёл междисциплинарное значение и стал применяться во всех науках о человеке.

Научное мировоззрение, считает Вернадский, «не есть научно истинное представление о Вселенной – его мы не имеем. Оно состоит из отдельных известных нам научных истин, из воззрений, выведенных логическим путём... из извне вошедших в науку концепций религии, философии, жизни, искусства, – концепций, обработанных научным методом» [Вернадский 2016: 232]. Смена научных мировоззрений – это естественное состояние развивающейся науки.

Т. В. Черниговская отмечает, что о деятельности человеческого мозга накоплено в настоящее время столько фактов, что можно сказать, «что каждая из ветвей общего дерева научного знания о мозге и языке обладает своей собственной правдой» [Черниговская 2013: 59]. Субъективная реальность ускользает от исследователей, как улыбка Чеширского кота: «исследование нейрофизиологических механизмов таких сложных процессов, как метапрезентация и субъективная реальность, пока не представляется адекватным и интерпретируемым» [Там же: 37]. Стремительно развивающиеся науки о человеке – физиология, нейронауки и т.д. – действуя вне взаимодействия с «ненаучными» мировоззрениями, рискуют оказаться – и на деле оказываются – в тупике: «...остановить науку невозможно, но стоит помнить, что чем глубже мы погружаемся в океан знаний о мире, тем опаснее становится это путешествие и тем больше ответственность за звёздное небо у нас над головой и нравственный закон внутри нас» [Там же: 18].

XX век с его гуманитарными катастрофами, на фоне необычайных успехов в науке и технике, примерами пренебрежения к человеческому достоинству и личности поставил вопросы, на которые психологи должны были ответить. Учёный-психолог Петербургско-ленинградской школы Б.Г. Ананьев писал: «Выдвижение проблемы человека в качестве общей для всей современной науки коренным образом изменяет положение психологии в системе наук, поскольку именно психология становится орудием связи между всеми областями познания человека, средством объединения различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании» [Ананьев [http](#)]. Учёный указывал на развитие психолингвистики как науки, которая «объединяет психологию речи и общения с общей теорией языка» [Там же]. И действительно, антропологическая психология Б.Г. Ананьева стала одной из методологических предпосылок психолингвистики, на которые опираются многие современные исследователи (см., например, [Бубнова2017], [Красных, Бубнова 2015] и др.).

Поворот наук к изучению *Homo loquens* на основе естественно-научных принципов выразился в бурном развитии когнитивных наук одновременно с радикальным отказом от объективизма в науке: «реальность, как мы её понимаем, структурирована нашими концептуальными схемами» [Лакофф 2004: 341], при этом концептуальные системы признаются главным источником предрассудков, и наши предрассудки – это, в общем-то, всё, что мы знаем о реальности. Истина провозглашена относительной, а понимание – абсолютным [Там же: 382]. Мы видим, как привычные способы познания

окружающего мира сменяются плюралистическим многообразием подходов, которые возводятся к телесным, более древним, чем построение абстрактных категорий, способам познания. «Иные, кроме классических, логики, метафорические инструменты описания, синкретизм – не прошлое развития культуры, а всё более активно захватывающая интеллектуальное пространство сила» [Черниговская 2013: 26]. В когнитивных науках признанным стал афоризм: «Мозг находится в мире, и мир – в мозгу» [Там же: 46].

Когнитивный подход к значению демонстрирует Шалтай-Болтай в сказке известного любителя нонсенса Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». «Когда я беру слово, оно означает то, что хочу я, не больше и не меньше», – говорит Алисе Шалтай, на что Алиса разумно замечает: «Вопрос в том, сумеете ли вы заставить его означать столько всего разом». Ответ Шалтая приводит к полному поражению Алисиного здравого смысла: «Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай, – и только» [Кэрролл 2019: 86]. Но если для Кэрролла подобный взгляд – это весёлое времяпровождение, когда «у его разума бывали каникулы» [Честертон 2013: 87], то Лакофф серьёзным образом критикует объективистскую парадигму, в том числе, за следование Аристотелевой философии «отражения» действительности: по мнению учёного, изучаемые нами объекты не существуют вне наших концептуальных систем [Лакофф 2004: 341].

Отечественные когнитивные и психолингвистические направления признают объективный фактор среды и «свидетельствуют о детерминированности субъективного опыта объективными средовыми факторами, среди которых основное место занимает предметная специфика деятельности» [Шапошникова 2015: 125]. Если же мы встанем на позицию радикального когнитивизма, провозглашающего телесный опыт основой всего (отдавая ему должное как объяснительной силе многих «ускользающих» от системного анализа явлений, таких, например, как метафора), то мы должны вообще отказаться от независимого от нас образа реальности. Однако «признание реальности объекта заведомо предполагает, что я признаю его реальность независимо от того, имел ли я или вообще кто-то фактическую возможность его познать» [Франкл 2017: 69].

Проблемой когнитивных наук является ответ на вопрос: почему при сходной телесной организации, при всех общих характеристиках человека, связанных с его биолого-видовыми свойствами и культурно-социальным опытом, – при всём единстве того, кого мы можем назвать «человек», – нам не ясна природа таких глобальных отличий в субъективной реальности, внутреннем мире?

Б.Г. Ананьев видел основу общей теории человека в философии, «для которой человек – великая, вечная и универсальная проблема» [Ананьев [http](http://)]. Решение этой великой проблемы учёный видит в рамках материалистического антропологизма, а выход на новый уровень изучения человека связывается с возникновением всё более совершенных инструментов и приборов, которые обеспечивают исследователей всё возрастающим многообразием разрозненных фактов о психической деятельности человека. Но, как отмечает основатель третьей Венской школы психотерапии, автор методики экзистенциального анализа и логотерапии, профессор В. Франкл, «вопрос в том, как получить, как удержать и как восстанавливать единую концепцию человека перед лицом разрозненных данных, фактов и открытий, поставляемых разделёнными науками о человеке» [Франкл 2018а: 31].

Пути объединения этих данных у разных учёных расходятся: если одни исследователи представляют человека как проекцию естественного и общественного, то

Франкл выступает против всякого рода проекций, называя такой подход «редукционизмом»: «Согласно первому закону многомерной онтологии, проекция феномена в различные измерения более низкого уровня приводит к противоречиям, а согласно второму закону, проекция различных феноменов в более низкое измерение приводит к изоморфизму», т. е. неоднозначному толкованию [Там же: 35]. При этом Франкл признаёт, что «многомерная онтология отнюдь не решает психофизиологическую проблему, но она объясняет, почему эта проблема не может быть решена»: «единство человека... нельзя отыскать в биологическом или психологическом измерении, следует обратиться к ноологическому измерению⁵, из которого человек и проецируется на все остальные» [Там же: 36]. Главную задачу и главный мотив жизни человека Франкл видит не в естественном – стремлении к удовольствию (З. Фрейд), не в социальном – воле к власти (А. Адлер), которые суть «всего лишь производные основной заботы человека, его воли к смыслу... То, что я именую волей к смыслу, можно определить как базовое стремление человека найти и осуществить смысл и цель» [Там же: 47–48].

Согласно данным «Русского ассоциативного словаря» [Караулов и др. 1994–1998], у русских «доминанта культуры – поиск смысла жизни – отражается и в структуре ассоциаций, ибо на стимул жизнь одна из самых распространённых реакций – это смысл» [Уфимцева 2017: 51]. Как показывают более поздние, близкие к современности, исследования, «у жизни практически пропали смысл... и цель» [Там же: 75]. Потеря такой культурной доминанты заставляет более пристально присмотреться к этому узловому пункту, поэтому в нашем исследовательском приключении мы переходим к его заключительной части: установлению ценностного, смыслового измерения как ключевого уровня самосознания личности.

Аксиологическое измерение самосознания: «экзистенциальный анализ» Франкла и «нравственная» психология

Подобно тому, как Ф. М. Достоевский ввёл в литературу реализм изображения не «социальных типов», не «голос автора», а настоящих, «живых» людей, дав им возможность высказаться даже до исповедального предела [Бахтин 2017], так и Франкл вернул психологии душу. Главным методом его работы с душой человека стала логотерапия, образцом для которой Франкл считает великую историческую модель «духовной коммуникации», сократовский диалог [Франкл 2018: 92]. «Диалогичность» данного метода демонстрирует принципиальный поворот к душе человека, к «человеку в человеке», по слову Достоевского. Один из его трудов так и называется: «Доктор и душа» [Франкл 2017]. «Поворот к человеку» (или, как иногда говорят, «коперниковский поворот») в принципе характерен для науки XX века, но для нас важна основа этого поворота: центральной темой становится жизнь души человека.

Ключевым моментом учения Франкла можно считать утверждение о том, что смысл жизни человека находится за пределами жизни человека. Он приводит аналогию с самолётом: «Человек чем-то похож на самолёт. Самолёт может ездить по земле, но чтобы доказать, что он – самолёт, он должен подняться в воздух. Так же и мы: если не поднимемся над собой, никто и не догадается, что мы можем полететь» [Франкл 2018: 25].

---

⁵ Понятие «ноологическое измерение» берёт начало в учении В.В. Вернадского о ноосфере: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу» [Вернадский 2016а: 253].

Смысл, по Франклу, осуществляется в деле, которому предан человек, таким образом, учение Франкла смыкается со взглядами отечественных исследователей, работающих в русле теории речевой деятельности. Преданность делу – это первый вид ценностей (деятельности). Франкл выделяет три уровня ценностей: ценности деятельности, переживания и позиции. Ценности переживания реализуются в восприятии человеком окружающего мира, его гармонии и красоты, в наслаждении тем, что ему дорого. Но бывают такие ситуации, когда человеку недоступны первые два вида ценностей... Доктор Франкл прошёл четыре концлагеря, в которых погибла вся его семья, так что ему есть чем понимать положение, когда у человека отнимается всё самое дорогое, кроме ценности самой жизни. И тут выступает на сцену третий вид: ценности позиции, и это – наивысшие ценности. «Возможность воплощать такого рода ценности возникает там, где человек вынужден противостоять судьбе, но противостоять ей может лишь в той мере, в какой он принимает на себя бремя этой судьбы, несёт свой крест» [Франкл 2017: 77]. Пока есть «со-знание», есть и «со-весь», а значит – ответственность. На такую нравственную высоту поднимает Франкл науку о душе – совесть становится предметом психологии.

В отечественной науке наибольшую близость к экзистенциальному анализу В. Франкла обнаруживает новое и достаточно сенсационное для нашей секулярной науки направление – христианская, или «нравственная», психология. Этот подход продолжает традиции Московской психологической школы профессоров Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, В.И. Слободчикова и др. и развивается в рамках Московской школы христианской психологии. Согласно данному подходу, личность проявляет себя «не в действиях как таковых, а в поступках, то есть действиях, соотносённых с ценностями и идеалами, с определёнными уровнями нравственного сознания, действиях, требующих морального выбора» [Братусь 2019: 248]. Таким образом, христианская психология, как и «общая психология», исходит из деятельностного подхода к человеку, но вводит дополнительное, аксиологическое измерение в смысловое поле личности.

Продолжая идеи школы Л.С. Выготского, – школы культурно-исторической психологии, для которой противопоставление материального и идеального по сути есть нелепость, – христианская («нравственная») психология говорит скорее о противопоставлении добра и зла, в этом и есть ценностное зерно, которое должно прорасти в науках о человеке.

Согласно позиции христианской психологии, связь психологического и вышележащих уровней не является чем-то «надуманным, привнесённым, лишь метафизически умопостигаемым – она может быть обнаружена на примере любого психологического процесса: взятый как таковой, он сам по себе, по сути, бессмыслен и смысл свой (тем более его полноту) обретает лишь в соотношении с другой, более общей (смыслопорождающей) сферой [Братусь 2017: 221]. Для «нравственной психологии» важно то, что памяти самой по себе не надо запоминать, это надо человеку; как и мышлению не надо самому мыслить – мысль нужна человеку. Часто такой семиотической областью, средой, в которой человек осуществляет свою деятельность и которая задаёт смысловые доминанты и «универсальные» ценности его сознанию, называют культуру. Но мы не можем понять «сверхсмысл», оставаясь лишь на уровне культуры. Очевидно, что «новое поколение в раздражающем противоречии с принципом универсальности выбирает для усвоения, “интериоризации” из доступного ему культурно-исторического мира одни сегменты и игнорирует другие. Ссылка же на объективную определяемость

этого выбора тем же культурно-историческим фоном означает полный фатализм» [Братусь 2017: 242]. Поэтому культуру никак нельзя считать «перводвигателем», запускающим смыслопорождение индивидуального сознания. Далее мы рассмотрим основные принципы нравственной психологии, эвристичные для разработки аксиологического направления психолингвистики.

1. Личностный подход к человеку

«Смерть субъекта познания» на рубеже XX века привела к тому, что было объявлено: «Бог умер!», «последующий столетний период расчеловечивания человека привёл к печальной констатации, что и “Человек умер!”, по крайней мере, в европейском варианте модели человека» [Слободчиков 2017: 157]. Появилось множество разных «моделей», которые приписывали человеку то одни, то другие характеристики; личность как она есть, сама по себе, оставалась без внимания науки. Христианская психология считает мерой возрастания личности следование евангельской вести о спасении, так что истина воплощена в Христе, она – личностна и вступает во взаимоотношения с другими личностями.

2. Ценность личности в том, что неопределимо

Человек не может быть до конца, до самых глубин «исчерпан» какими бы то ни было видами знания, даже научного, потому что он «во всей потенциальной полноте своего бытия открыт только своему Создателю» [Слободчиков 2017: 163]. «То, что является для нас самым дорогим в человеке, то, что делает его “им самим”, – неопределимо, потому что в его природе нет ничего такого, что относилось бы собственно к личности, всегда единственной, несравнимой и “беспрецедентной» [Слободчиков 2017: 177].

3. Ценностный подход в науке: не «как есть», а «как должно быть»

«Психологическая антропология должна быть не о том, что есть, – как любая наука о природе, а о том, как должно (или может) быть. Иными словами, исходным основанием для неё является не учение об истинности и объективности того, что есть, а о ценности и смысле самого бытия человека» [Слободчиков 2017: 167], поэтому любая деятельность признаётся аксиологически окрашенной, и на вопрос о «возможности мусульманской, буддийской и иных психологий можно решительно и навсегда ответить утвердительно» [Кричевец 2017: 194].

4. Нравственность vs. утилитарность

С. Соловейчик считал нравственным то, в чём нет посягательства на человека [Соловейчик 2017: 51], но с бурным развитием науки человек из цели (как это было у Канта) превращается в средство – это утилитарный подход. «Строгое научное знание о глубинных психических явлениях и состояниях человека оказалось замечательным средством внешнего программирования и кодирования личности. На базе этих знаний разработаны способы оккупации сознания другого и сценирования чужой жизни в собственных целях» [Слободчиков 2017: 159]. Об этой же опасности свидетельствует И.А. Бубнова, отмечая, что главным источником наполнения языкового сознания в последнее время становится «не свободная творческая активность личности, направленная на познание реальности, а организованная извне и транслируемая через различные виды дискурсивных практик информация, которая и определяет содержание индивидуального значения и, таким образом, содержание образа мира человека» [Бубнова 2017: 106]. Как было верно подмечено одним известным музыкантом и искусствоведом, современный человек «и не заметит, что давно перестал принадлежать са-

мому себе. Сегодня, когда можно увидеть по телевизору одновременное уничтожение тысяч людей, а затем переключить программу и понаблюдать весёлое шоу, становится страшно за человека» [Казиник 2018: 155]. Если встать на позицию, утверждающую, что «моральные нормы возникли и сложились после того, как люди осознали утилитарные нормы» [Карасик 2002: 29], то что же тогда обеспечит переход от утилитаризма к «моральным нормам»? Культура без учёта аксиологии не может ответить на этот вопрос. Как отмечает И.В. Шапошникова, игнорирование ценностно-субъективного фактора приведёт к тому, что наука «может оказаться нечувствительной к разрушающим жизнестойкость этноса манипулятивным технологиям носителей определенных ценностных предпочтений» [Шапошникова 2016: 303]. «Эпистемологический анархизм» (Л.Г. Малиновский⁶), или, иными словами, «промывка мозгов» могут осуществляться разными способами: «распредмечивание и протезирование сознания», «софистика и демагогия», «психологическая дрессура под видом психотренингов» и многое другое (В.И. Слободчиков).

5. Цельность «типа знания»

Главным профессиональным приобретением христианская психология признаёт не овладение навыком, а обладание особым – психологическим – типом знания, который имеет самоценность как отличный от других, непсихологических типов знания. «В отличие от навыка, тип знания незаменим. Так, психологический тип знания нельзя подменить физиологией, медициной, этикой или правом» [Братусь 2017: 215]. Особое знание, которое открывается в христианской психологии, заключается в том, что она «делает заявку на самую возможность приведения устремлений, предельных целей и задач своей науки в соответствие с христианским образом и идеалом человека. Но это стремление не исключает, а предполагает соотнесение с другими образами и идеалами, которые иногда прямо, а чаще скрыто, имплицитно присутствуют, стоят за любой психологической концепцией» [Братусь 2017: 229]. У христианской психологии как особого типа знания есть ответы на современные вызовы.

Заключение

Истина, ставшая банальностью, – тот факт, что ежедневно мы окружены нескончаемым потоком информации, причём даже с настроенными «фильтрами» нечто несанкционированное, недопущенное индивидом всё-таки просачивается в сознание: неуправляемое развитие научной мысли приводит к тому, что человек перестаёт контролировать создаваемую им артефактную реальность – ноосферу со знаком «минус». Потеря контроля ведёт к панике и нарастающей зависимости от «входящих сообщений».

На этом фоне всё с большей силой людей притягивает то, что сохраняет ценность даже в информационном обществе, а именно – сама личность, которая стоит за сообщениями, её авторитет и ценность «офлайн». Как невозможно «назначить» праведника – народ сам выбирает, высвечивает его в потоке людей и тянется к такому человеку, – так нельзя и назначить «национальную идею»: она сама должна прорасти как ответ на вопросы, которые задаёт жизнь. Христианская психология выступает за то, что «научный подход вовсе не исключает религиозного, а включает его в себя» [Васильюк 2017: 283], так что в нём должны соединиться два элемента: аксиологические предпосылки и собственно научно-исследовательские элементы.

---

⁶ См. [Шапошникова 2016].

Таким образом, мы можем утверждать, что ценностная парадигма религиозного сознания находится в отношении дополнительности к широко принятому научному методу «общей психологии». Психолингвистику, воспринявшую «нравственную» психологию в качестве методологической базы, можно назвать аксиологической психолингвистикой⁷.

Литература

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания [Электронный ресурс]. URL: http://www.dou4sun.ru/files/File/biblioteka_ananiev-man-reflection.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

Артамонова Л.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского и «периферийные» жанры русской литературы // Вестник СамГУ. 2012. № 8/1 (99). С. 153–156.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.

Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Никая, 2019. 912 с.

Братусь Б.С. Оппонентные круги христианской психологии // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 196–249.

Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.

Василюк Ф.Е. Опыт методологической разметки пространства христианской психологии // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 250–286.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Вернадский В.В. Научная мысль как планетное явление // Биосфера и ноосфера. М.: Книга по требованию, 2016. С. 242–413.

Вернадский В.В. О научном мировоззрении // Биосфера и ноосфера. М.: Книга по требованию, 2016а. С. 184–241.

Волгин И.Л. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М.: Грантъ, 2004. 768 с.

Зыкова И.В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 262–342.

Казиник М.С. Тайны гениев. М.: Изд-во АСТ, 2018. 320 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Т. 1–6. М.: «Помовский и партнёры», ИРЯ РАН, 1994–1998.

---

⁷ Ср., например, с термином аксиологическая этнопсихолингвистика, о котором пишет И.В. Шапошникова ([Шапошникова 2016]).

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1, 2. М.: АСТ–Астрель, 2002.

Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 168–174.

Кричевец А.И. О месте христианской психологии в системе наук // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 183–195.

Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии научного познания // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 42–51.

Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье, или Сквозь зеркало и что там увидела Алиса. М.: Лабиринт Пресс, 2019. 137 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Логонова Н.А. О Петербургской-ленинградской психологической школе // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Т. 3. № 4. С. 47–56.

Ломов В. Доминанта Ухтомского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2014/06/21/1030> (дата обращения: 28.03.2019).

Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. 392 с.

Путин В.В. Новогоднее обращение к гражданам России. 31 декабря 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59629> (дата обращения: 28.03.2019).

Слободчиков В.И. Христианская психология как методологическая возможность // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 155–171.

Соловейчик С. Основы и принципы воспитательного процесса. Теория и практика в обучении (по трудам С. Соловейчика); [Сост.: А. С. Русаков]. М.: Амрита, ИД Шалвы Амонашвили, 2017. 224 с.

Субботин А.И. Схемы, кодификации в современной науке о языке // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей, посвященный 30-летнему юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 106–111.

Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №2(28). С. 129–132.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.

Франкл В. Быть человеком означает найти смысл. 100 главных слов. / Сост. Элизабет Лукас. М.: Никая, 2018. 176 с.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018а. 228 с.

Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.

Цыплаков Д.А., Пынтиков А.П. Секуляризация в России и национальное самосознание: аксиологический аспект // Идеи и идеалы. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/sekulyarizatsiya-v-rossii-i-natsionalnoe-samosoznanie-aksiologicheskij-aspekt (дата обращения: 03.04.2019).

Черниговская Т.В.. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки Славянской Культуры, 2013. 448 с.

Честертон Г.К. Льюис Кэрролл // Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск, СПб., 2013. С. 83–89.

Шапошникова И.В. «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 120–133.

Шапошникова И.В. Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихолингвистика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 303–323.

REVISITING AXIOLOGICAL ASPECT OF PSYCHOLINGUISTIC METHODOLOGY

Maria A. Kuzmina

Department of General and Russian linguistics,
Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University
Novosibirsk, Pirogova str. 1
mash_room@mail.ru

The axiological approach to the human consciousness as an object of psycholinguistics enables to distinguish a human being not only as a biosocial and cultural organism, but also as someone radically different from the whole living world. These distinguishing features are based on the way the human understands himself, reflects on his place in this world and the purpose of his existence. Culture itself forms a semiotic frame within which a human realizes himself as a part of an ethnic group. However, ethnic self-identification of the individual does not automatically lead to the level of national consciousness, the latter being formed together with the understanding of responsibility, sense of activity and values that guide a person in life choices. Interdisciplinary psycholinguistic approach gains a wider scientific perspective from methodology of psychological science. The article considers the way of psychology as a science from the point of view of its object formation and analyzes the heuristic approaches for psycholinguistic methodology – existential analysis by V. Frankl and Christian, or «moral» psychology.

Keywords: axiological psycholinguistics, scientific worldview, national self-knowledge, moral psychology, religious worldview, Christian psychology, values, existential analysis, ethnic self-identification

References

Anan'ev B.G. Chelovekkakpredmetpoznanija [Man as a subject of cognition] [Elektronik source]. URL: http://www.dou4sun.ru/files/File/biblioteka_ananiev-man-reflection.pdf (retrieval date: 20.04.2019). (In Russian).

Artamonova L.A. «Dnevnik pisatelja» F.M. Dostoevskogoi «periferijnye» zhanry russkoj literatury [«Writer's Diary» by F.M. Dostoevsky and «peripheral» genres of Russian literature]. Vestnik SamGU, 2012. No. 8/1 (99). P. 153–156. (In Russian).

Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 416 p. (In Russian).

Bratus B.S. (1990). Anomalies of Personality: From the Deviant to the Norm / Boris S. Bratus, Hugh Davis. Orlando: Paul M. Deusch Press, Inc.

Bratus' B.S. Opponentnye krugi hristianskoj psihologii [Opposing circles of Christian psychology]. Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B.S. [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / under the editorship of Prof. Bratus' B.S.]. Moscow: Nikeja, 2017, P. 196–249. (In Russian).

Bubnova I.A. Neopsiholingvistika, ili psiholingvistika lichnosti: novoe napravlenie psiholingvisticheskih issledovanij [Neo-psycholinguistics, or psycholinguistics of personality: a new direction of psycholinguistic research]. (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologija: novy nauki o chelovekegovorjashhem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: a new science about the person speaking]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. Moscow: Gnozis, 2017, P. 97–179. (In Russian).

Carroll L. (1996). Through the Looking Glass, and What Alice Found There / With fifty illustrations of Sir John Tenniel. The Complete Illustrated Works of Lewis Carroll. London, Chancellor Press. P. 115–233.

Chernigovskaja T.D. Cheshirskaja ulybka kota Shrdjodjeringera: jazyk i soznanie [Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and consciousness]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. 448p. (In Russian).

Chesterton, G.K. (1953). A Handful of Authors: Essays on Books and Writers. New York: Sheed & Ward.

Cyplakov D.A., Pyntikov A.P. Sekuljarizacija v Rossii i nacional'noje samosoznanie: aksiologicheskij aspekt [Secularization in Russia and national consciousness: axiological aspect]. Idei i idealy [Ideas and Ideals]. 2012. №3. [Elektronik source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekulyarizatsiya-v-rossii-i-natsionalnoe-samosoznanie-aksiologicheskij-aspekt> (retrieval date: 03.04.2019). (In Russian).

Frankl V.E. (2005). Ärztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse. Wien: Deuticke-Verlag. 352p.

Frankl V.E. (2018) Byt' chelovekom oznachaet najti smysl. 100 glavnyh slov. / Sost. Jelizabet Lukas [To be human is to find meaning. 100 main words. / Comp. Elizabeth Lucas]. Moscow: Nikeja, 176 p. (In Russian).

Frankl V.E. (2014). The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy. Expanded Edition. Penguin Publishing Group. 176 p.

Kazinik M.S. Tajny geniev [Secrets of geniuses]. Moscow: Izd-vo AST, 2018. 320 p. (In Russian).

Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russian).

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkij asociativnyj slovar'. Asociativnyj tezaurus sovremennogo russkogo jazyka [Russian associative dictionary. Associative thesaurus of the modern Russian language.]. Vol. 1–6. Moscow: «Pomovskij I partnjory», IRJA RAN, 1994–1998. (In Russian).

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary]. Vol. 1, 2. Moscow: AST – Astrel', 2002. (In Russian).

Krasnyh V.V., Bubnova I.A. Nekotorye bazovye ponjatija i osnovnye kategorii psiholingvokul'turologii [Some of the basic concepts and main categories of psycholinguistic culturology]. Journal of psiholingvistik [Issues of Psycholinguistics]. 2015. No. 25, P. 168–174. (In Russian).

Krichevec A.I. O meste hristianskoj psihologii v sisteme nauk [On the place of Christian psychology in the system of Sciences]. Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B.S. [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / Under the editorship of Prof. Bratus' B.S.]. Moscow: Nikeja, 2017, P. 183–195. (In Russian).

Kuz'mina M.A. Metafora kak element metodologii nauchnogo poznanija [Metaphor as an element of scientific knowledge methodology]. Sociologičeskije issledovanija [Sociological research]. 2006. No. 2. P. 42–51. (In Russian).

Lakoff J. (1987). Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago; L. 632 p.

Loginova N.A. O peterburgskoj-leningradskoj psihologičeskoj shkole [About Petersburg-Leningrad psychological school]. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2006. Vol. 3. No. 4, P. 47–56. (In Russian).

Lomov V. Dominanta Uhtomskogo [Elektronik source]. URL: <https://www.proza.ru/2014/06/21/1030> (retrieval date: 28.03.2019). (In Russian).

Putin V.V. Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii. 31 dekabnja 2018 goda [New year's address to the citizens of Russia. 31 December 2018] [Elektronik source]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59629> (retrieval date: 28.03.2019). (In Russian).

Slobodchikov V.I. Hristianskaja psihologija kak metodologičeskaja vozmožnost' [Christian psychology as a methodological possibility]. Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B. S. [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / Under the editorship of Professor Bratus' B. S.]. Moscow: Nikeja, 2017, P. 155–171. (In Russian).

Solovejchik S. Osnovy i principy vospitatel'nogo processa. Teorija i praktika v obuchenii (po trudam S.Solovejchika) (Sost.: A.S. Rusakov) [Fundamentals and principles of the educational process. Theory and practice in training (on the works of S. Solovejchik) (Comp. A.S.Rusakov)]. Moscow: Amrita, ID Shalvy Amonashvili, 2017. 224p. (In Russian).

Subbotin A.I. Shemy, kodifikacii v sovremennoj nauke o jazyke [Schemes of codification in the modern science of language]. Trudy po kognitivnoj lingvistike: sbornik nauchnyh statej, posvjashhjonnyj 30-letnemu jubileju kafedry obshhego jazykoznanija i slavjanskih jazykov Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings on cognitive linguistics: collection of scientific articles dedicated to the 30th anniversary of the Department of General linguistics and Slavic languages of Kemerovo state University. Kemerovo]. Kemerovo: KemGU, 2008. P. 106-111. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. «Gosudarstvennost' bol'shogostilja» i «gosudarstvennyj minimalizm»: aktual'nye smysly v structure russkogo jazykovogosoznanija? [Maximised and minimised statism: on some current semantic changes in the Russian language consciousness]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2015. No. 2 (24). P. 120–133. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. Pravoslavnaja kul'tura v nauke: aksiologičeskaja etnopsiholingvistika [Orthodox culture in science: axiological ethnopsycholinguistics]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 2016. № 2 (28). P. 303–323. (In Russian).

Ufimceva N.V. Jetnicheskij jazyk v uslovijah kul'turnoj i jazykovoj polifonii [Ethnic language in the conditions of cultural and linguistic polyphony]. *Filologija i kul'tura. Philology and culture*. 2012. No. 2 (28). P. 129–132. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Etnopsiholingvistika kak razdel teorii rečevoj dejatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a section of the theory of speech activity]. (Neo)psiholingvistikai (psiho)lingvokul'turologija: novye nauki o čeloveke govorjashhem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: a new science about the person speaking]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. Moscow: Gnozis, 2017, P. 21–96. (In Russian).

Vasiljuk F.E. Opyt metodologičeskoj razmetki prostranstva hristianskoj psihologii [Experience of methodological sectoring of the Christian psychology]. *Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B.S.* [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / Under the editorship of Professor Bratus' B.S.]. Moscow: Nikeja, 2017. P. 250–286. (In Russian).

Vendina T.I. Srednevekovyj čelovek v zerkale staroslavjanskogo jazyka [Medieval man in the mirror of the old Slavic language]. Moscow: Indrik, 2002. 336 p. (In Russian).

Vernadskij V.V. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Kniga po trebovaniju, 2016. P. 242–413. (In Russian).

Vernadskij V.V. O nauchnom mirovozzrenii [About a scientific worldview]. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Kniga po trebovaniju, 2016. P. 184–241. (In Russian).

Volgin I.L. Vozvrashhenie bileta. Paradoksy nacional'nogo samosoznanija [The return of the ticket. Paradoxes of national consciousness]. Moscow: Grant, 2004. 768p. (In Russian).

Zykova I.V. Percepcija i frazeologičeskij znak v svete (psiho) lingvokul'turologičeskogo podhoda [Perception and phraseological sign in the light of (psycho) linguoculturological approach]. (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologija: novye nauki o čeloveke govorjashhem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: a new science about the person speaking]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. Moscow: Gnozis, 2017. P. 262–342. (In Russian).

РЕЧЕВОЙ МОНИТОРИНГ И МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕСУРСНЫХ СОСТОЯНИЙ ПОЛИГЛОТА В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА

Дина Борисовна Никуличева

Доктор филологических наук, ИЯз РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер, 1/12
Профессор переводческого факультета МГЛУ
119034, Москва, Остоженка 38
nikoulitcheva@yandex.ru

Цель статьи заключается в том, чтобы сравнить речевое поведение полиглота в двух контрастных эмоциональных состояниях: 1) когда наиболее высока неудовлетворенность процессом и результатом занятия, и 2) когда занятие приносит максимум удовольствия и результативности. Методика исследования состоит в анализе видеозаписи и транскрипта ежедневных занятий ивритом известного американского полиглота Александра Аргуэльеса с целью выявления типичных вербальных и невербальных маркеров ресурсного и нересурсного речевого поведения. К числу признаков нересурсного поведения полиглота можно отнести: комментарии с негативными оценочными предикатами, высказывания с отрицаниями, замечания в сослагательной форме, иронические реплики, жалобы и оправдания своего негативного состояния. Состоянию ресурсности сопутствует нарастание темпа движения и речи, возникает особый ритм, приближающийся к одному ударному слогу в секунду, появляются позитивные предикаты и динамические метафоры, жестикуляция усиливается, а интонации становятся более экспрессивными и точнее имитируют гендерные особенности речи. Поставленная цель служит важной практической задаче: смоделировать стратегии полиглота по переходу из нересурсного в ресурсное состояние и применить их к общей практике изучения иностранных языков.

Ключевые слова: изучение языков, стратегии полиглота, ресурсное и нересурсное речевое поведение, вербальные и невербальные маркеры коммуникативной ресурсности

Введение

Под речевым мониторингом полиглота понимается экспериментальный процесс, в ходе которого регистрируется речевое поведение испытуемого в ходе изучения им нового языка. Исследование феномена полиглотии в целях использования в теории и практике лингводидактики сейчас активно обсуждается на международных конгрессах, посвященных проблемам мультилингвизма. Так, недавняя Конференция полиглотов в Любляне «показала, что тема полиглотии обладает большим потенциалом практического применения и широко востребована в образовательной сфере, что за рубежом растет интерес к российским исследованиям в этой области» [Казаков 2018: 231].

В нашем случае речь идет о более чем трех месяцах ежедневного наблюдения за известным американским полиглотом Александром Аргуэльесом в ходе изучения им иврита, его 46-го иностранного языка. В статьях, опубликованных ранее по результатам эксперимента, было описано, как изменяется концептуальная метафора изучения

языка в сознании полиглота по ходу его языковых занятий. [Никуличева 2015, Nikulicheva 2016]. В частности, была отслежена эмоциональная кривая, характеризующаяся нарастанием эмоционального подъема в первой трети (день 1-39), эмоциональным спадом во второй трети (день 40-78) и достижением ровного эмоционального состояния в последней трети овладения языком (день 79- 113) до достижения испытуемым порогового уровня [Никуличева 2015].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы сравнить и проанализировать речевое поведение полиглота в двух контрастных эмоциональных состояниях: 1) когда наиболее высока неудовлетворенность процессом и результатом занятия, и 2) когда занятие приносит максимум удовольствия и результативности. Поставленная цель служит важной практической задаче: выявить вербальные и когнитивные состояния нересурсного лингводидактического поведения, возможного, как мы убедились, даже у сверхуспешного в изучении языков человека, а затем, противопоставив им параметры ресурсного поведения, смоделировать стратегии полиглота по переходу из нересурсного в ресурсное состояние¹.

Для этой цели, прежде всего, были проанализированы полные транскрипты дней **71** <http://youtu.be/QkFjuqqjss> (12.03.2014 – 59:00) и **72** <http://youtu.be/kChSwQOgXcQ> (13.03.2014 – 59:10), в которые отмечался максимум негативных реплик испытуемого. В анализ включались также ответы Аргуэльеса на наши уточняющие вопросы, которые задавались ему в режиме off-line в ходе мониторинга.

Мониторинг ситуаций нересурсного речевого поведения полиглота

Вербальным сигналом вхождения испытуемого в нересурсное состояние было изменение его комментирующих высказываний. Если в ходе продуктивных занятий типичные комментарии носили позитивный, как правило, метафорический характер, например, *знания накапливаются, как снежный ком: “It’s like a snowball, you get momentum. It’s a great feeling”* (День 15) или *я чувствую себя садовником, посадившим семя языка, которое начинает прорасти: “I planted a seed and now it started growing.”* (День 21) [Никуличева 2015: 139–140], то в нересурсных состояниях метафорические комментарии исчезали, уступая место предикатам негативной оценки. Например, День 71 (12-03-14) <http://youtu.be/QkFjuqqjss>: “*The vocabulary building book <Assimil 2> disappointed because of the lack of intellectual cultural information... Is kibuts their cultural life? Where is literature? I am demotivated*” или День 72 (13-03-14) <http://youtu.be/kChSwQOgXcQ>: “*They don’t introduce anything from the present day!*” “*Ruins, Biblical stuff... ”* “*I want to read an audio book, but I found only a translation into Hebrew*” ... “*The problem is the narrator*” ... “*Hebrew cursive... I don’t want to do that*” ... “*Good morning! – that’s what they call a lesson today! That is not enough for one lesson!*” Ironically: “*Wasn’t that a challenge!*” “*That’s ridiculous!*” ... “*I wish I learned Hebrew when I was younger! Dots for vowels are awfully small. Very hard to see!*” “*Review is important, but without an input it is not fun!*”

Помимо предикатов негативной семантики: *I am demotivated, the book disappointed; that’s ridiculous;* ... характерными вербальными сигналами речевой нересурсности служат многочисленные предложения с негацией: *They don’t introduce;*

¹ Мысль о ценности изучения нересурсных и ресурсных состояний в образовательном процессе с целью достижения более высоких результатов впервые была высказана авторами книги Neuro Linguistic Programming .The Study of the Structure of Subjective Experience [Dilts et al. 1980] в главе 4.411 Anchoring and Reinforcement in Education.

I don't want; That is not enough; It is not fun, а также **негативные определения**: *awfully small; hard to see*. Испытуемый неосознанно начинает искать оправдания своих коммуникативных неудач: *the problem is the narrator; Dots for vowels are awfully small. Very hard to see! ... "I wish I learned Hebrew when I was younger!* – И “диктор плохой”, и “шрифт мелкий”, и возраст не тот: “вот если бы я был помоложе”... И в то же время невольно занимает агрессивную позицию по отношению к языковому материалу, что выражается в **иронических вопросах**: *Is kibutz their cultural life?* ‘Что, кибуц – это их культурная жизнь?’ “*Good morning*” – *that's what they call a lesson today! That is not enough for one lesson. ‘Доброе утро*» – *и это они сейчас называют уроком! Этого не достаточно для одного урока’. Wasn't that a challenge! ‘Ну, чем не испытание!’.*

Констатация проблемы, отрицательные эмоции, фокусировка на том, что не получается и чего не хочешь делать, поиск виноватого и оправдание своей неудачи – все это представляет собой классический спектр вербальных сигналов стратегии коммуникативной неудачи [Никуличева 2009: 39–41]. Да и сам по себе многословный критический комментарий на родном языке, буквально «выдергивающий» говорящего из коммуникации на изучаемом языке, также является типичным сигналом коммуникативной нересурсности².

Одним из невербальных проявлений недостаточной концентрации оказались нетипичные для Александра **краткие прерывания занятия** – чтобы погладить кота или выпить воды – 3-4 раза за часовое занятие вместо обычного одного прерывания. Другим, важнейшим сигналом оказалось **изменение темпа движения** в процессе занятия. Этот аспект заслуживает особого комментария.

Особенность языковых занятий Александра Аргуэльеса состоит в том, что для него важнейшую роль в усвоении языкового материала играет сенсорика. В статье [Никуличева 2018: 78–79] было продемонстрировано, насколько активно для запоминания лексики Аргуэльес, сам того не замечая, использует *мелкую моторику*, связывающую движения пальцев и ладоней со значением слова или со значением грамматической формы в единый образ сознания. Осознанно же к процессу усвоения нового и повторения предшествующего языкового материала Аргуэльес всегда подключает ритмическую *ходьбу* и обязательное *проговаривание вслух* с намеренным *ускорением темпа*.

Наблюдая за темпом ходьбы Аргуэльеса в разные дни занятий, я обратила внимание, что нересурсное речевое состояние в процессе изучения языка всегда отражалось в **замедлении темпа движения**. Так, если даже на начальном этапе усвоения иврита средний темп составлял 100 шагов в минуту, то в те дни, когда усвоение материала давалось с большим трудом и сопровождалось вербальными сигналами нересурсности, темп движения неизменно падал, замедляясь до 90 шагов в минуту.

Объективной причиной неудовлетворенности в описываемые дни для Аргуэльеса была обыкновенная скука. В соответствии с избранной им методикой, он многократно возвращался к уже пройденному материалу или повторял начальную ступень по другим учебникам, что вызывало отторжение из-за отсутствия новизны. Ему хотелось найти интересную художественную литературу для чтения на иврите, что в тот момент не получалось. Будучи человеком волевым и очень организованным,

² Следует оговориться, что для целей мониторинга я специально просила Александра Аргуэльеса комментировать свои действия вслух. Вместе с тем характер этих комментариев в ситуациях ресурсного и нересурсного обучения оказывался принципиально различным.

он заставлял себя неукоснительно выполнять запланированные действия, что привело к усилению негативного отношения во всех описанных выше вербальных и невербальных проявлениях. К их числу, как мы отметили, относятся: возникновение в речи негативных оценочных предикатов и атрибутов, высказываний с отрицаниями, замечаний в сослагательной форме, иронических реплик, жалоб и оправданий своего негативного состояния. При этом вербальное проявление нересурсности неизменно сопровождалось замедлением обычного темпа движения, менее выраженной крупной и мелкой моторикой, большим количеством мелких прерываний занятия.

Мониторинг ситуаций ресурсного речевого поведения полиглота

Дальнейшая задача нашего исследования состояла в том, чтобы подобрать контрастные ситуации лингводидактической ресурсности. Мы сознательно не остановили выбор на эмоциональном пике начального этапа – **день 33** <http://youtu.be/vHyC9zAbfUg> (02.02.2014). Эйфория начала знакома многим изучающим новый иностранный язык, однако практическая задача наших наблюдений состоит в том, чтобы ответить на вопрос: *как полиглот учит себя возвращаться в состояние ресурсности уже после того, как возникает тот или иной негативный лингводидактический опыт.*

Поэтому в качестве контрастных ситуаций были избраны три дня: **День 79** <http://www.youtube.com/watch?v=RpWuNXcafu0> (20.03.14 – 1:00:12), **День 80** <http://www.youtube.com/watch?v=3fJxId6gSWc> (21.03.14 – 1:00:08), **День 81** <http://www.youtube.com/watch?v=gC00ZGdTxXw> (22.03.14 – 1:00:08), в течение которых Аргуэльес радикально изменил негативные настроения предыдущей недели на устойчивый позитивный подход.

Объективным толчком к возвращению устойчивого ресурсного состояния был переход к новой форме работы, позволяющей активно использовать все приобретенные к этому моменту знания. Сам Аргуэльес определил это состояние как *«I began slipping into translation mode»* – букв. *‘Я начал соскальзывать в режим перевода’*. Обратим внимание на использование в комментарии **метафорического предиката** *began slipping*, указывающего на ощущение естественности и легкости перехода к активной речевой деятельности. С этого дня Аргуэльес начал громко читать тексты и упражнения учебника по-французски (курс Assimil, который он использовал, написан на этом языке) и громко вслух переводить их на иврит.

При этом очевидной была разница в темпе движения, отличающая ресурсное и нересурсное речевое поведение. Быстрота движения при переводе на иврит составляла уже от 100-104 шагов в минуту в день 79 до 110 шагов в минуту в день 81. Особо следует подчеркнуть появление четкого собственного (не зависящего от темпа речи собеседников при повторении звучащих текстов на иврите) **ритма речи**. Он был на удивление постоянным и составлял **4 ударных слога за 6 секунд**, то есть один ударный слог за полторы секунды. Когда в последующей переписке я спросила Александра об этом темпе, он ответил, что раньше никогда об этом не задумывается, однако когда проверил свои ощущения от говорения в таком темпе, то почувствовал, что получает удовольствие от процесса. Очевидно, что быстрая ритмическая речь бессознательно связывалась у него с состоянием коммуникативной ресурсности.

Новейшие психолингвистические исследования, посвященные формированию «психосенсомоторного речевого стереотипа» детской речи, подчеркивают значимость ритма речи как необходимого фактора становления ее плавности: «Ритм является тем организационным стержнем речевой функциональной системы, который

объединяет все подструктуры в систему и выстраивает их во времени и пространстве для достижения нужного результата действия – производства устной речи. То есть производство устной речи тесно связано с формированием такой материальной структуры, как психосенсомоторный речевой стереотип» [Белякова, Филатова 2016: 34]. Показательно также, что «любое нарушение речи обязательно сопровождается нарушением ее ритмической организации [Там же: с. 35, см. также Белякова, Филатова 2012].

Любопытно, что на начальном этапе перевода Александр повторял свои фразы дважды, так чтобы второе проговаривание (если первое звучало медленнее) попасть в свой ресурсный ровный темп речи.

По мере продвижения в процессе перевода этот ровный темп даже несколько увеличился. Так, в день 81 он, оставаясь таким же ровным, составлял уже 1 ударный слог в секунду.

Другой важнейшей характеристикой ресурсного речевого поведения оказалось **усиление интонирования речи**, что особенно интересно в связи с тем, что «в режиме перевода» Александр уже не слышал интонирования дикторов, а сам задавал яркий интонационный рисунок. Например, он нарочито ярко маркировал интонационно экспрессивные речевые клише. При этом обращал на себя внимание **варьирующийся тембр речи**. Было совершенно очевидно, что реплики дикторов-женщин он произносил более высоким голосом, а реплики мужчин – более низким. Это особенно важно отметить, поскольку вся грамматическая система иврита основана на противопоставлении окончаний мужского и женского рода. Например, фразы с глаголом в форме женского рода, типа: *Ani lomedet latinil!* ‘Я изучаю (f. sg.) латынь’, Александр произносил нарочито женским голосом. Тем самым создавались дополнительные акустические «якоря» для автоматизации правильного грамматического употребления форм рода.

Следует отметить, что подстройка под гендерные особенности речи – отмечалась исследователями для самых ранних стадий речевого онтогенеза. Так, изменение частоты основного тона «в зависимости от модельной ситуации» выявлялось в гулении младенцев в возрасте двух месяцев. При этом частота основного тона голоса младенца в ситуации «лицом к лицу» с матерью демонстрировала показатели, приближенные к показателям частоты спокойного голоса матери (170-200 Гц), а в ситуации «лицом к лицу» с отцом – показатели, приближенные к частоте основного тона эмоционально окрашенного голоса отца (200-500 Гц) [Белякова, Филатова 2016: 33]³.

Еще одним важным показателем речевой ресурсности стала активизация жестикуляции, сопровождающей говорение. Так, ритмической ходьбе сопутствовали ритмические (спиральные или рубящие) движения правой руки, а речевые клише, типа *Lehitrajot!* ‘До свидания’, сопровождался соответствующими жестами. Жестикуляция также использовалась при исправлении ошибок. Например, употребив неправильную форму *Ma aten rotzev**, Аргуэльес тут же проговаривал правильный вариант: *Ma aten rotzot?* ‘Чего вы (f.pl.) хомуме?’ с особым ударением, усиленным резким движением ладони, на правильном окончании глагола.

---

3 Эта способность рассматривается исследователями как подтверждение наличия в определенных структурах мозга так называемых «зеркальных нейронов», недавно открытых нейрофизиологами [Рицолатти, Синигалья 2012].

По сравнению с состоянием нересурсности, **вербальные комментарии** использовались значительно реже, что, само по себе, свидетельствует о высокой концентрации внимания собственно на процессе речи на иврите. Если же комментарии встречались, то были более краткими и часто носили **метафорический характер**. Так, сравнивая свое нынешнее состояние с состоянием предыдущих дней, Александр в **день 81** замечает: *“Lately it became a little **mechanic**. But in the last two days I felt: that is what I am going to do! I started not as much reading, but translating!”* Говоря о себе самом в недавнем нересурсном состоянии «Я стал немного механическим», Аргуэльес тем самым дает емкое метафорическое обобщение собственных сенсорных показателей нересурсности: замедления, отсутствия жестикуляции, ритма, мелодического, гендерного и эмоционального интонирования и пр. И в этот же день чуть позже дает контрастную метафору ресурсного состояния: *“I found translations very **refreshing!**”* «Я нахожу процесс перевода очень **освежающим**».

Все параметры этого «освежающего» состояния связываются Аргуэльесом с одной краткой речевой формулой на родном языке, которая, очевидно, служит для него автоматическим вербальным сигналом речевой ресурсности: *“That’s **fun!**”* *“Lots of **fun!**”* Она неоднократно возникает в проанализированные ресурсные дни. А отвечая на мои вопросы после занятия в день 80, Александр пишет: *“I had a lot of **fun** today toward the end when I began translating rather than reading, so I hope this is particularly **fun** (and insightful) for you to watch as well”*.

Выводы

Таким образом, состояние ресурсности запускается изменением формы работы – переходом к устному переводу на иврит. Проговаривание вслух и движение происходит в нарастающем темпе, при этом возникает особый ритм, появляются позитивные предикаты и динамические метафоры, жестикуляция усиливается, а интонации становятся более экспрессивными и точнее имитируют гендерные особенности речи.

Важно отметить, что когда достигнуто устойчивое ресурсное состояние, то внезапное ухудшение физического состояния (простуда в **дни 84-86**), не оказывается для полиглота деморализующим фактором. Наоборот, четко наблюдается, что вхождение в ресурсный лингводидактический режим, снимает все наблюдаемые в начале занятия симптомы.

Закономерности, отмеченные нами в ходе моделирования ресурсного речевого поведения полиглотов, позволили разработать систему упражнений, направленных на то, чтобы помочь людям, изучающим иностранные языки, научиться, с одной стороны, определять свои ведущие параметры речевой нересурсности, а с другой стороны, научиться сознательно вводить себя в состояние ресурсного общения на изучаемом языке. Эти упражнения системно излагаются в главе 3 «Моделирование ресурсного речевого поведения» книги о лингвистических и психологических стратегиях полиглотов [Никуличева 2009: 65–94] и построены так, чтобы учащиеся разных перцептивных и коммуникативных типов научились использовать параметры собственной коммуникативной ресурсности для достижения наилучших лингводидактических результатов.

Литература

Белякова Л.И., Филатова Ю.О. Ритм речевых и неречевых процессов у детей в норме и при речевой патологии // Вопросы психолингвистики. М., 2012, № 2 (16). С. 84–91.

Белякова Л.И., Филатова Ю.О. Психофизиологический инструментарий в пространстве изучения речи ребенка // Вопросы психолингвистики. М., 2016, № 4 (30). С. 30–38.

Казаков Г.А. Конференция полиглотов 2018 в Любляне. Хроника. Вопросы психолингвистики. М., 2018, № 4 (38). С. 228–231.

Никуличева Д.Б. Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учебно-методическое пособие. (Монография по гранту РГНФ 08-04-938-04/к) / Д.Б. Никуличева. М.: Флинта: Наука, 2009. 304 с.

Никуличева Д.Б. Моделирование языкового сознания полиглота: динамика концептуальной метафоры в процессе изучения языка // Вопросы психолингвистики. М., 2015, № 4 (26) . С. 136–143.

Никуличева Д.Б. Изучение лингводидактических стратегий полиглотов – к разработке теории полиглотии и практике ее применения // Вопросы психолингвистики. М., 2018, №2 (36). С. 70–83.

Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 222 с.

Dilts R., Grinder J., Bandler R, Bandler L.C., Delozier J. Neuro Linguistic Programming. Volume 1. The Study of the Structure of Subjective Experience. Meta Publications P.O.: Cupertino, California. 1980. 284 p.

Nikulicheva D. Conscious and Unconscious Time-Management in Language Learning: Monitoring Polyglot Alexander Arguelles. // The American Society of Geolinguistics. International Conference on Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery. (Baruch College of the City University of New-York. September 6-7, 2013) / Ed. by Wayne H. Finkey and Leonard R. Ashley. NY: The American Society of Geolinguistics, 2016. Pp. 153–158.

SPEECH MONITORING AND MODELING RESOURCEFUL STATES OF A POLYGLOT IN LANGUAGE LEARNING

Dina B. Nikulicheva

Chief researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

Professor MSLU

Ostozhenka, 38 Moscow, Russian Federation, 119034

The article compares the polyglot's speech behavior in two contrasting emotional states: 1) at peak dissatisfaction with the process and the result of studying, and 2) at maximum pleasure and effectiveness periods. The research methodology consists in analyzing video sequences and transcripts of daily Hebrew lessons of the American polyglot Alexander Arguelles in order to identify typical verbal and non-verbal markers of resourceful and non-resourceful speech behavior. The non-resourceful behavior of the polyglot usually includes comments with negative evaluative predicates, statements with negatives, comments

in the subjunctive form, ironic remarks, complaints and justifications for poor results. The resourceful state is accompanied by an increased pace of movement and speech, rhythmic patterns, positive predicates and dynamic metaphors, increased gesticulation, expressive intonations and timbre that accurately imitates the gender features of speech. This article pursues an important practical task: to simulate polyglot strategies for transition from non-resourceful to resourceful state and apply them to the general practice of language learning.

Keywords: language learning, polyglot strategies, resourceful and non-resourceful speech behavior, verbal and non-verbal markers of communicative resourcefulness

References

Belyakova L.I., Filatova Yu.O. Ritm rechevykh i nerechevykh protsessov u detey v norme i pri rechevoy patologii [The rhythm of speech and non-speech processes in children is normal and in speech pathology] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. M., 2012. № 2 (16). S. 84–91. (In Russian).

Belyakova L.I., Filatova Yu.O. Psikhofiziologicheskiy instrumentariy v prostranstve izucheniya rechi rebenka [Psychophysiological tools in the space of studying the child's speech] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. M., 2016. № 4 (30). S. 30–38. (In Russian).

Kazakov G.A. Konferentsiya poliglotov 2018 v Lyublyane. Khronika [2018 polyglot conference in Ljubljana. Chronicle]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. M., 2018. № 4 (38). S. 228–231. (In Russian).

Nikulicheva D.B. Kak nayti svoe put' k inostrannym yazykam. Lingvisticheskiye i psikhologicheskiye strategii poliglotov: uchebno-metodicheskoye posobiye [How to find your way to foreign languages. Linguistic and psychological strategies of polyglots]. (Monografiya po grantu RGNF 08-04-938-04/k) / D.B. Nikulicheva. M.: Flinta: Nauka. 2009. 304 s. (In Russian).

Nikulicheva D.B. Modelirovaniye yazykovogo soznaniya poliglota: dinamika kontseptualnoy metafory v protsesse izucheniya yazyka [Modeling of polyglot language consciousness: dynamics of conceptual metaphor in the process of language learning]. // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. M., 2015. № 4 (26). S. 136–143. (In Russian).

Nikulicheva D.B. Izucheniye lingvodidakticheskikh strategiy poliglotov – k razrabotke teorii poliglotii i praktike ee primeneniya [Modeling of polyglot language consciousness: dynamics of conceptual metaphor in the process of language learning]. // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. M., 2018. №2 (36). S. 70–83. (In Russian).

Ritsolatti Dzh., Sinigalia K. Zerkala v mozge. O mekhanizmaxh sovmestnogo deystviya i soperezhivaniya [Mirrors in the brain. On the mechanisms of joint action, and empathy]. M.: Yazyki slavyanskikh kultur. 2012. 222 s. (In Russian).

Dilts R., Grinder J., Bandler R., Bandler L.C., Delozier J. (1980). *Neuro Linguistic Programming. Volume 1. The Study of the Structure of Subjective Experience.* Meta Publications P.O.: Cupertino, California. 284 p.

Nikulicheva D. (2016). Conscious and Unconscious Time-Management in Language Learning: Monitoring Polyglot Alexander Arguelles. // *The American Society of Geolinguistics. International Conference on Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery.* (Baruch College of the City University of New-York. September 6-7, 2013) / Ed. by Wayne H. Finkey and Leonard R. Ashley. NY: The American Society of Geolinguistics, Pp. 153–158.

CROSS-LEXICAL INTERACTIONS (CLI) IN RELATION TO METALINGUISTIC AWARENESS AND MULTILINGUAL PROFICIENCY IN RUSSIAN AS L3

Marina Jajić Novogradec

Teaching Assistant at the Department of Russian Language
Faculty of Humanities and Social Sciences of the University of Zagreb
Ivana Lučića 3, Zagreb
mjnovo@ffzg.hr

The aim of the study was to investigate the role of metalinguistic awareness and multilingual proficiency in English and Russian lexical interactions by Croatian students acquiring English as L2 and Russian as L3. A synonym provision task was used as the main instrument to measure the instances of CLI in the written Russian language production. Language proficiency was measured by students' self-assessment in all the three languages and their grade in language courses at the university. The results showed that, apart from students' high level of proficiency in Croatian and English and their metalinguistic awareness, there are other factors, like exposure to languages, psychotypology and recency, that should be taken into consideration while dealing with cross-linguistic studies in multilingual language acquisition.

Keywords: cross-lexical interactions, metalinguistic awareness, multilingual proficiency, English as L2, Russian as L3

1. Introduction

The term crosslinguistic influence is often referred to as the influence of one language (usually the first language of an individual) on another (an individual's second or foreign language). Jarvis & Pavlenko [2008:3-4] point out that some scholars have suggested that *crosslinguistic influence*, earlier defined as a theory-neutral term by Kellerman and Sharwood Smith in the mid 1980s, may be an inappropriate term to refer to the phenomenon, given that the influence of one language on another in an individual's mind may be more an outcome of an integrated multicompetence than of the existence of two (or more) completely separate language competences in the mind.

Nowadays, it is very common to talk about *crosslinguistic interaction*, a new concept proposed by Herdina & Jessner [2002]. The authors describe crosslinguistic interaction (CLIN) not only as a transfer, interference, code-switching or borrowing phenomenon, which results from the interaction of two or more language systems, but it is also intended to cover another set of phenomena as non-predictable dynamic effects which determine the development of the systems themselves and are particularly observable in multilingualism [Herdina & Jessner 2002: 29].

Our study aims at analysing the most explored area of CLIN and that is the area of lexis. According to De Angelis [2007] non-native linguistic influence is particularly visible in the area of lexis, where traces of non-target information are mostly overt and therefore easily recognizable. Multilingual learners' lexical production is affected by numerous factors. Hall & Ecke [2003:73] divide factors conditioning cross-lexical influence into those with regard to learners (psychotypology and metalinguistic awareness, motivation, attitude, age, learning style and strategy use, degree of anxiety), learning (language proficiency, L2 status, recency of exposure and use, exposure to languages and use of languages), language (typological distance, historical distance, degree of contact (borrowing), type of writing systems), event (language mode, task, style, language control) and word (degree of formal similarity with competitors, content vs. function word status, frequency).

The two factors we have given most attention to in the study are metalinguistic awareness and language proficiency, which we analyse in the context of cross-lexical interactions in multilingual students' mental lexicon.

2. Previous studies of cross-lexical interactions

Studies of cross-lexical interactions have been increasing recently, as the lexis is considered the key language subsystem that should be acquired by students. In other words, the lexis serves as the basis for building up the other language subsystems, such as morphology and syntax. Therefore, multilingual lexical acquisition seems to be crucial, but still underexplored phenomenon in recent psycholinguistic studies. For the purpose of our study we will review several studies dealing with cross-linguistic influence in lexical production.

Gabrys-Barker [2006] studied cross-linguistic influence in L3 German by students whose L1 was Portuguese, L2 English and L3 German. One group of students was to translate a text from L1 into L3, while the other group from L2 into L3. The results showed that students used more a word-for-word translation from L1 into L3, and as explained by the author, the performance focused on either automatic solutions to individual words offered or a very limited search on individual lexical items, focusing on their semantic equivalence [Gabrys-Barker 2006:162]. In the text translation from L2 into L3 students did not rely on individual items of the words, but they tried to process the text. More influence could be seen from students' L1 than L2.

Another study worth mentioning is that of Ó Laoire & Singleton [2009] who examined the learning of French as an L3 by Anglophone students of French, whose L2 was Irish and by balanced bilinguals of Irish and English. The synonym/antonym provision task was used, and the results showed more lexical influence from students L1 English on the word production in L3 French. According to the authors this might be explained by the lexical closeness of English and French, therefore psychotypological factor has played a crucial role in this case.

On the other hand, Lindquist's study [2009] investigated the influence of learners' L1s (Swedish, Spanish, English) and L2s (English, Swedish, German, Finnish, Irish) on L3 French in the oral production. Firstly, a group of 30 Swedish learners was analysed according to their previous exposure to French. The analysis showed that the crosslinguistic lexemes were highly produced by the least advanced learners, whereas more background languages were intertwined. In the second part of the study six case studies of learners with different L1s and L2s were examined. Swedish as L1 or L2, and English as L1 were mostly used by learners as instrumental languages in eliciting metalinguistic functions and in restructuring the utterance, which can be explained by the common access to the languages and learner's knowledge about interlocutor's linguistic competence [Lindquist 2009:293-294].

Leticia Krevelj [2014] examined the effect of prior languages, L1 Croatian/Italian and L2 Italian/Croatian on the use of lexis in L3 English, using synonym provision task. The author concentrated on the role of psychotypology and L2 status, which were not completely confirmed. Nevertheless, the study came out with the results that we should distinguish the role of psychotypology at the language system level and psychotypology at the level of individual lexical item.

The studies reveal different roles of all the languages included in one's mind and confirm the significance of many individual factors. Sometimes one factor being examined can be dependent of another factor in the analysis, and there is always a constant interaction between them. That is why studies of cross-linguistic interactions demand a careful methodology to be used along with different languages acquired by learners. In foreign language production, whether written or spoken, languages will show different roles, particularly affected by learner-based and learning-based factors.

3. Metalinguistic awareness as a learner-based factor and language proficiency as a learning-based factor

Studies that take into consideration metalinguistic awareness and its possible effect on multiple language acquisition have been increasing [Lasagabaster 1998a; Lasagabaster 1998b; Gibson & Hufeisen 2003; Jessner 2003; Jessner 2006], and it is always the positive role of metalinguistic awareness that has been confirmed. The metalinguistically aware multilingual learner explores and analyzes points of commonality between her or his language systems to obtain the target language item [Jessner 2006].

Nowadays, the concept of metalinguistic awareness is very essential in foreign language education, both for teachers and students. Although metalinguistic awareness is considered a learner-based factor, as it depends more on learners' inner processes in their mental lexicon, it can be partly regarded as a learning-based factor, especially in formal environments.

García [2008] puts an emphasis on Wright's [2002] two distinctions of the roles of language awareness. The first role encompasses the development of the teachers' sensitivity to language, and according to the second role, language awareness serves as a method, a task or activity type students work with authentic language data [García 2008: 386]. Based on Wright's view, metalinguistic awareness includes not only the individual's analyses of the languages in the mind, but the whole learning process, too.

Since individual plurilingualism has become more and more popular in the European formal context, which means that many learners have the opportunity to learn two or more foreign languages in their compulsory education, the importance of multilingual awareness among teachers and learners can lead to learners' higher proficiency in foreign language learning. The relationship between metalinguistic awareness and language proficiency in multilingual language acquisition has been discussed by Tkachenko [2011], whose study revealed that presentation of a word in one language automatically activated words from all the other languages in parallel, but the strength of links which were activated was different and it depended on the proficiency of the languages known by the students.

Language proficiency is also often investigated and discussed in combination with other individual factors, such as length of exposure to languages [Tremblay 2006], recency [Angelovska & Hahn 2012; Jajić Novogradec 2017], order of languages being learned [Jessner 2008a], psychotypology [Leticia Krevelj 2014], school grade [Navés et al. 2005]. It is important to point out Jessner's [2008b] view that in the dynamic model of multilingualism [Herdina & Jessner 2002] multilingual proficiency is defined as the dynamic interaction among the various psycholinguistic systems (LS_1, LS_2, LS_3, LS_n), in which the individual languages (L_1, L_2, L_3, L_n) are embedded, crosslinguistic interaction, and multilingualism factor. The author suggested that in order to understand the complex interrelationships among variables involved in multiple language learning over time, future studies of multilingualism should consider applying a dynamic systems theory approach, as well as future tests of language proficiency should take into account a holistic approach to examining the proficiency, which means testing the metalinguistic awareness [Jessner 2008b]. Therefore, the focus of our study was to examine the role of multilingual proficiency and metalinguistic awareness in the context of cross-lexical interactions.

4. The Study

The aim of the study was to identify instances of cross-lexical interactions from two background languages and examine the role metalinguistic awareness and students' multilingual proficiency might have on the choice of lexis in the L3 production. We put forward several research questions and hypotheses:

Research question 1:

1. Will the knowledge of Croatian as the first language be linked with the appearance of cross-lexical transfer in the Russian language?

Hypotheses 1 and 2:

H1: The knowledge of Croatian will be closely linked with cross-lexical transfer in Russian L3 production since Croatian and Russian are more formally similar as Slavic languages than it is the case with English and Russian.

H2: Croatian will have more hindering than facilitating effect in L3 Russian.

Research question 2:

2. Will the knowledge of English as the second language be linked with the appearance of cross-lexical transfer in the Russian language?

Hypotheses 3 and 4:

H3: The knowledge of English will be slightly linked with cross-lexical transfer in Russian L3 production.

H4: English will have more facilitating than hindering effect in L3 Russian.

Research question 3:

3. How will cross-lexical transfer in L3 Russian be connected with metalinguistic awareness with respect to students' proficiency in L3?

Hypotheses 5 and 6:

H5: Students with low level of L3 proficiency will show weaker metalinguistic awareness of the possible facilitation or constraint of prior languages and will do poorly on synonym provision task and there will be more L1 effect hindering the production of L3 lexis.

H6: Students with high level of L3 proficiency will show stronger metalinguistic awareness of the possible facilitation or constraint of prior languages and will do better on synonym provision task and there will be more facilitating effect of L2 on L3.

4.1 Participant sample

The sample consisted of 30 students, majoring in English and Russian (N=10), and majoring in Russian and other courses (N=20) at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the University of Zagreb. Other courses students were engaged in included Linguistics (N=2), German (N=2), Spanish (N=1), Portuguese (N=1), Pedagogy (N=2), Information Science (N=1), Phonetics (N=1), Italian (N=3), Comparative Literature (N=2) and Turkish (N=1). In data analysis we did not divide the two groups, since the years of learning English as the first foreign language for the second subsample (those students who were majoring in Russian and other courses) did not show any deviations from the first subsample (students who were majoring in English and Russian).

Mean participant age was 20. They were at the 1st, 2nd, 3rd or 4th year of the study at the university. For all students the first language was Croatian (L1). The first foreign language or the second language was English (L2) for most of the students. Only two students stated their second language was German, and their third language was English. However, students' self-assessment of language knowledge showed students' better knowledge in English than in German, and the years of learning the two languages did not differ. That is why we decided not to exclude these two students from the analysis, as in our methodology we dealt with English, Croatian and Russian cognates. Not for all students Russian was the third or second foreign language (L3) regarding the order of language acquisition, but we characterised it as an L3, since the third or additional language is often referred to as an L3, regardless of whether it is a third, fourth or sixth language [De Angelis 2007:10]. The average years of learning English varied from 12 to 15 years, and the years of learning Russian varied from 1 to 3 years. Most of

the students started learning Russian as a foreign language at the university. Therefore, all the students were beginners in learning Russian as L3.

4.2 Instruments

The language proficiency in Croatian, English and Russian was measured by students' self-assessment and the grade in English and Russian language courses. Although these measures seem to have certain limitations due to their subjectivity, they are still considered to be valuable measures of language proficiency. In order to measure cross-lexical interactions, the synonym provision task was used. The students were asked to read 15 sentences in Russian in which one word was underlined and to supply a synonym in Russian for the underlined word in each sentence. We had in mind students' various proficiency in the Russian language, so we provided sentences and synonyms in line with their Russian proficiency. Lexical items in the sentences were slightly beyond the subjects' proficiency in L3.

The task was based on a synonym/antonym provision task used by Ó Laoire & Singleton [2009] and synonym provision task used by Letica Krevelj [2014]. As it was proved by previous research [Ó Laoire & Singleton 2009; Letica Krevelj 2014], it was expected that the task would trigger either a conscious or an unconscious cross-lexical search in the process of retrieving an L3 lexical item that corresponds to the concept conveyed by the L3 item underlined in the sentence. Each underlined word had a translation equivalent in either Croatian or English that was only formally or both formally and semantically similar to the word in the Russian language.

The words were mostly true cognates in Croatian, English and Russian, words with formal similarity and the same meaning (e.g. Russ. *akkuratno* – Cro. *točno* – Eng. *reguliarno* (regularly); Russ. *polnost'iu* – Cro. *sovsem* – Eng. *absolutno* (absolutely); Russ. *svedeniia* – Cro. *informacii* – Eng. *dannye* (data); Russ. *uiutnyi* – Cro. *udobnyi* – Eng. *komfortnyi* (comfortable); Russ. *skrytaia prichina* – Cro. *taina* – Eng. *sekret* (secret); Russ. *beglo* – Cro. *svobodno* – Eng. *fluentno* (fluently); Russ. *medicinskoe uchrezhdenie* – Cro. *bol'nica* – Eng. *gospital'* (hospital); Russ. *tochka zreniia* – Cro. *storona* – Eng. *aspect* (aspect); Russ. *sil'nyi* – Cro. *krepkii* – Eng. *intensivnyi* (intensive)), some were false cognates in English and Russian (e.g. Russ. *broshiury* – Eng. *prospekty* (prospects); Russ. *sovremennyi* – Eng. *aktual'nyi* (actual); Russ. *vkusno* – Eng. *delikatno* (delicate); Russ. *publika* – Eng. *auditoriiia* (audience); Russ. *zavod* – Eng. *fabrika* (fabric)), and there was one false cognate in Croatian and Russian (e.g. Russ. *vozmozhnost'* – Cro. *sluchainost'* (eng. possibility)), words with formal similarity, but different meaning.

The words were taken from the Russian National Corpus of spoken and written language. Students' metalinguistic awareness was examined by a retrospective task in which students were asked to write which language facilitated their choice of lexical item and which distracted it. The students were also asked to write additionally the recall of lexical item, if it happened that there was no facilitating or hindering effect of the languages. Language background questionnaire also included students' age, courses studied and order of foreign languages learning, informal exposure to English and Russian, item on psychotypology at language system level and questionnaire on metalinguistic awareness including 13 sentence items. For metalinguistic awareness questionnaire students had to decide on the Likert scale from 1: *I strongly disagree* to 5: *I strongly agree* which of the given statements referred to them.

5. Results

Considering students' proficiency in the three languages, which was measured by their self-assessment, all students were highly proficient in Croatian and English, having in mind

that Croatian was students' first language and English the second language. According to students' self-assessment, the knowledge of Russian was graded as an average, which can be justified by the fact that students considered themselves to be at the beginning of Russian language learning, and thus less proficient in Russian than in the prior foreign language.

Furthermore, respective to students' grade in Russian Language course, students were slightly more proficient in Russian, with an average grade of 3,7 that equals "very good" in the Croatian education system. We identified cross-lexical interactions of background languages in L3 production on the basis of previously defined cognates and lemmas of the output word, as well as the retrospective method, according to which we could clearly confirm transfer and students' metalinguistic awareness in L3 production.

According to the analysis of students' output words, overall results showed the Croatian language to be the main source of transfer and the language that mostly facilitated the L3 production (33,6%), while English showed slight influence (13,5%). It means that the first hypothesis (H1) was confirmed, but the second hypothesis (H2) was not. Croatian had more facilitating than hindering effect in L3 item production, especially for the following words: *polnost'iu* (Cro. *sasvim*; Eng. *absolutely*; Russ. *sovsem*; *absolutno*) (53.3.%); *uiutnyi* (Cro. *udoban*; Eng. *comfortable*; Russ. *udobnyi*; *komfortnyi*) (83.3. %); *skrytaia prichina* (Cro. *tajna*; Eng. *secret*; Russ. *taina*; *sekret*) (26.7. %); *medicinskoe uchrezhdenie* (Cro. *bolnica*; Eng. *hospital*; Russ. *bol'nica*; *gospital'*) (50.0 %).

We could also find some hindering effect of the language, but it was not as significant as it was the facilitating effect. The third hypothesis (H3) was confirmed, since English was slightly linked with the appearance of cross-lexical transfer. The fourth hypothesis (H4) was also confirmed because it had a more facilitating effect. The facilitating influence of English was significant for the following words: *akkuratno* (Cro. *tochno*; Eng. *regularly*, *punctually*; Russ. *tochno*; *reguliarno*; *punktual'no*) (23.3. % for *reguliarno*; 10 % for *punktual'no*) *skrytaia prichina* (Cro. *tajna*; Eng. *secret*; Russ. *taina*; *sekret*) (30 %); *zavod* (Cro. *tvornica*; Eng. *factory*; Russ. *fabrika*) (23.3. % for *fabrika*; 6.7 % for *faktor*).

The fifth hypothesis (H5) and the sixth hypothesis (H6) were partly confirmed, since there was a strong metalinguistic awareness recorded for each item, and a more facilitating effect of L1 and L2 on L3 item production in high proficiency students of Russian, with a significant effect of L1 on L3. There was also a strong metalinguistic awareness recorded for each item and a more facilitating effect of L1 and L2 on L3 item production in low proficiency students of Russian, with a significant effect of L1 on L3. The high and low proficiency students did not show any difference in correct and incorrect answers in the synonym provision task.

Irrespective of evident cross-lexical interactions from both languages, there were several compensatory strategies in L3 synonym production, as well as non written items. Croatian-based compensatory strategies consisted of the words, such as: *letki*, *sovershenno*, *real'nyi*, *bystro*, *gledateli*, *gosti*, *posetiteli*, *poliklinika*, *bol'shoi*. English-based compensatory strategies included the words: *advertismenty*, *bukstor*, *visitori*, *medpunkt*, *posibilitet*. The non written items may occur because of students' lack of the item knowledge or the context, as it was explained by the students in the retrospective task. According to the analysis of exposure to Russian and English, students' reports showed that there was a low use of Russian in everyday situations through four language skills – listening, reading, speaking, and writing, as opposed to a considerable use of Russian aimed at learning for Russian Language courses at the university. Therefore, the low exposure to Russian might have resulted in compensatory strategies and non-written items, which can also be the result of students' low proficiency.

According to the general questionnaire results on metalinguistic awareness, it was

found out that students were highly metalinguistically aware of the languages they were learning. The mean value was significant for 9 statements out of 13 included in the questionnaire. The significant statements of metalinguistic awareness were as follows: *I can easily recognize similarities and differences between Russian and other languages I learn* (M = 4.07; SD = .71); *I easily recognize errors in my first language* (M = 4.2; SD = .85); *I can easily notice errors in a foreign language* (M = 3.71; SD = .85); *I try to connect grammatical knowledge in Russian with my first and other foreign languages I know* (M = 3.92; SD = .97); *I try to connect similar words in first and other languages* (M = 4.46; SD = .74); *I try to find out the meaning of an unknown word in Russian with the help of all the language knowledge* (M = 4.21; SD = .95); *In the classroom I notice similarities and differences between Russian and other languages* (M = 4.21; SD = .78); *I realize what errors I make in Russian and learn from them* (M = 4.28; SD = .80); *During my regular Russian Language courses teacher points at similarities and differences between languages I know* (M = 3.78; SD = 1.13).

6. Conclusion

Our study revealed significant correlation between metalinguistic awareness and additional language learning regardless students' proficiency in L3 (Russian). Students' cross-lexical interactions were visible both in students with high proficiency in L3, and those with low proficiency. What we should consider while examining cross-lexical interactions, especially in relation to metalinguistic awareness, is metalinguistic awareness at the level of individual lexical item, which was in our case examined by the retrospective task, and metalinguistic awareness at the language systems' level, examined by the general questionnaire on metalinguistic awareness.

Students are usually aware of the similarities and differences between various subgroups of languages, but when they use the languages, whether formally or informally, their metalinguistic awareness is somewhat weaker or distracted due to the activation of all the languages in their mind. Having lexical transfer more evident from the Croatian language than from English can be justified by the role of another learner factor, and that is psychotypology, which has shown significant correlation with cross-lexical transfer from Croatian, since many students find Russian and Croatian languages (as both belonging to the Slavic subgroup of languages) similar at the language system level. Interestingly, one student pointed out the similarity between Russian and Croatian Kajkavian dialect.

Moreover, a high informal use of English contributed to the English language facilitating effect for some words. It is important to highlight that the facilitating effect was more significant for true cognates, while the hindering effect was more significant for false cognates. Future studies should examine more factors interacting in L3 Russian lexical production, like psychotypology, exposure to languages, recency of use. Multidirectional transfer is another matter the studies on cross-lexical interactions in multiple language acquisition should pay attention to (L2 → L3; L3 → L2; L1 → L3; L3 → L1).

As far as glottodidactic implications are concerned, the role of teachers in the foreign language classroom is inevitable: teachers should know what languages students have been learning; present language materials with true, partial and false cognates as much as possible; enhance students' awareness of similarities and differences between the languages they are learning, and provide both receptive and productive use of lexis in the classroom. The authors of coursebooks and other language materials should also have another essential role: to adapt language presentation in the coursebooks to learners' experience in foreign language learning, having in mind the knowledge of learners' other languages, both L1 and L2.

References

- Angelovska, T., & Hahn, A.* (2012). Written L3 (English): Transfer Phenomena of L2 (German) Lexical and Syntactic Properties. In Gabryś-Barker, D. (Ed.), *Cross-linguistic Influences in Multilingual Language Acquisition*. Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer, pp. 23-40.
- De Angelis, G.* (2007). *Third or additional language acquisition*. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters.
- Gabryś-Barker, D.* (2006). The Interaction of Languages in the Lexical Search of Multilingual Language Users. In Arabski, J. (Ed.), *Cross-linguistic Influences in the Second Language Lexicon*. Clevedon, Buffalo, Toronto: MultilingualMatters Ltd., pp. 144-166.
- García, O.* (2008). Multilingual language awareness and teacher education. In Cenoz, J., & Hornberger, N. H. (Eds.), *Encyclopedia of Language and Education*, 2nd Edition, Volume 6: Knowledge about Language. Springer Science+BusinessMedia LLC., pp. 385-400.
- Gibson, M., & Hufeisen, B.* (2003). Investigating the role of prior foreign language knowledge. In: Cenoz, J., Hufeisen, B., & Jessner, U. (Eds.), *The Multilingual Lexicon*. New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow: Kluwer Academic Publishers, pp. 87-102.
- Hall, C.J., & Ecke, P.* (2003). Parasitism as a default mechanism in L3 vocabulary acquisition. In: Cenoz, J., Hufeisen, B., & Jessner, U. (Eds.), *The Multilingual Lexicon*. New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow: Kluwer Academic Publishers, pp. 71-86.
- Herdina, P., & Jessner, U.* (2002). *A Dynamic Model of Multilingualism*. Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters Ltd.
- Jajić Novogradec, M.* (2017). *Međujezični utjecaji u ovladavanju engleskim leksikom –uloga skorašnjosti i jezičnoga znanja (Cross-linguistic influence in English vocabulary acquisition – the role of recency and language proficiency)*. Unpublished doctoral thesis. University of Zagreb, Zagreb.
- Jarvis, S., & Pavlenko, A.* (2008). *Crosslinguistic Influence in Language and Cognition*. New York, London: Routledge Taylor & Francis Group.
- Jessner, U.* (2003). The nature of cross linguistic interaction in the multilingual system. In Cenoz, J., Hufeisen, B., & Jessner, U. (Eds.), *The Multilingual Lexicon*. New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow: Kluwer Academic Publishers, pp. 45-55.
- Jessner, U.* (2006). *Linguistic Awareness in Multilinguals. English as a Third Language*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Jessner, U.* (2008a). A DST Model of Multilingualism and the Role of Metalinguistic Awareness. *The Modern Language Journal*, Vol. 92, No. 2, 270-283.
- Jessner, U.* (2008b). Teaching third languages: Findings, trends and challenges. *Language Teaching*, Vol. 41, No. 1, 15-56.
- Lasagabaster H. D.* (1998a). Metalinguistic awareness and the learning of English as an L3. *ATLANTIS*, Vol. XX, No. 2, 69-79.
- Lasagabaster D.* (1998b). The threshold hypothesis applied to three languages in contact at school. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, Vol. 1, No. 2, 119-133.
- Letica Krevelj, S.* (2014). *Cross-linguistic interaction in acquiring English as L3: Role of psychotypology and L2 status*. Unpublished doctoral thesis. University of Zagreb, Zagreb.
- Lindquist, C.* (2009). The use of the L1 and the L2 in French L3: examining crosslinguistic lexemes in multilingual learners' oral production. *International Journal of Multilingualism*, Vol. 6, No. 3, 281-297.
- Navés, T., Miralpeix, I., & Celaya, M. L.* (2005). *Who Transfers More...and What?*

Cross-linguistic Influence in Relation to School Grade and Language Dominance in EFL. *International Journal of Multilingualism*, Vol. 2, No. 2, 113-134.

Ó Laoire, M., & Singleton, D. (2009). The role of prior knowledge in L3 learning and use. In: Aronin, L., & Hufeisen, B. (Eds.), *The Exploration of Multilingualism*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 79-102.

Tkachenko, N. (2011). The relative influence of English (L2) vs. Russian (L1) on the translation from Swedish (L3) into Russian depending on proficiency in L3. Centre for languages and literature, General linguistics, Master's Thesis [Electronic source]. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=2545119&fileId=25459> (retrieval date: 09.09.2012)

Tremblay, M-C. (2006). Cross-linguistic influence in third language acquisition: The role of L2 proficiency and L2 exposure. *CLO/OPL*, No. 34, 109-119.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПОЛИЛИНГВИЗМА (ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО)

Марина Яйич Новиградец

Преподаватель кафедры русского языка

Факультет социально-гуманитарных наук, Университет Загреб

Ул. Ивана Люича, 3, Загреб, Республика Хорватия

В статье рассматривается проблема межъязыковых лексических переносов и поддерживающего влияния нескольких языков, которыми владеет один и тот же человек. В качестве факторов, влияющих на этот процесс, автор рассматривает наличие металингвистических знаний и уровень владения данными языками. Респондентами выступила группа хорватских студентов, имеющих высокий уровень владения английским языком как первым иностранным и в разной степени владеющих русским языком как вторым иностранным. Уровень владения этими языками оценивался, исходя из субъективных оценок самих учащихся, а также опираясь на их академические оценки по соответствующим предметам. Испытуемым предъявлялись фрагменты текстов на русском языке, содержащие выделенную малоизвестную для них лексику, и предлагалось подобрать подходящие, по их мнению, русскоязычные синонимы. При этом выделенные единицы были подобраны таким образом, что каждая из них имела практически полное (формальное и семантическое) или частичное (только формальное) соответствие в хорватском и английском языках. Предполагалось, что такая постановка задачи будет способствовать сознательной или неосознанной активации лексических связей между языками, которыми владеет индивидуум.

Исследование выявило, что к факторам, влияющим на становление многоязычной компетенции у изучающих иностранные языки студентов, следует отнести не только уровень владения ими соответствующих языков и наличие у них метаязыковых знаний, но и ряд других факторов, таких как частота использования изучаемых языков, психотип учащихся, новизна предъявляемого материала и др.

Ключевые слова: межъязыковое лексическое взаимодействие, металингвистическое знание, владение несколькими иностранными языками, английский как первый иностранный язык, русский как второй иностранный язык

Шапошникова Ирина Владимировна

Главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Доктор филологических наук, профессор, профессор

гуманитарного института НГУ

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

i.shaposhnickowa@yandex.ru

«Психология – не наука о человеческой душе и даже не наука о человеке. Это наука о человеке в мире, о многообразии его связей и отношений с этим миром, проявляющихся – да и формирующихся – в его активной, творческой деятельности. Наука о том, как исторически развивался мир человека и вместе с ним сам человек. Как ребенок, входя в мир, как бы опрокидывает его в себя и становится человеком. Как, повзрослев, он отдаёт себя другим людям и становится строителем человеческого мира. Пусть в этом колоссальном строении им лично положен только один небольшой камень – это уже оправдывает его существование на Земле» [Леонтьев 1984: 125].

Статья посвящена содержанию и значимости теории (речевой) деятельности [далее: Т(Р)Д] как научному и культурно-историческому достоянию отечественной мысли. Рассматриваются фундаментальные положения этого научного направления, сохранившие свою актуальность и прикладную значимость в качестве основ теории человекообразования. Т(Р)Д имеет ряд тематических разделов, где активировались новые междисциплинарные дискуссии в зарубежной и отечественной науке в контексте новых вызовов настоящего времени. Практика показывает, что понятийно-категориальный аппарат Т(Р)Д успешно используется как система операторов при постановке и поиске решения новых проблем. Актуальность данного направления в науке связывается автором статьи с характером задач, которые решали его основатели, с эмпирическим поясом Т(Р)Д. Автор рассматривает базовые положения этой теории о движении значений в процессе смыслообразования и описывает экспертное обучающее приложение к СИБАС – Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток), которое предназначено для обработки ассоциативно-вербального материала при исследовании движения значений. Приложение дает пользователю возможность в полуавтоматическом режиме проводить статистическую обработку и анализ смысловых акцентуаций ассоциативных полей (АП) с выявлением психоглосс разных видов. Выявление и описание психоглосс интенсивности и экстенсивности в качестве единиц анализа языкового сознания позволяет судить о доминантных социо-коммуникативных установках на использование вербальных единиц. Автор предполагает, что изменение этих установок в актуальной диахронии (в пределах трех-четырёх поколений) может приводить к вариативности языковых единиц и языковым изменениям. Исследование движения лингвистических значений в аспекте актуальной диахронии с помощью лексико-грамматических психоглосс может осуществляться более гибко и эффективно с использованием компьютерных технологий обработки данных в экспертном приложении к СИБАС с опорой на лингвистическую разметку ассоциативно-вербального материала.

Ключевые слова: теория (речевой) деятельности; психоглоссы; единицы анализа языкового сознания; движение значений в Т(Р)Д; оптимизация ассоциативно-вербальных ресурсов; экспертное обучающее приложение; компьютерная обработка ассоциативных полей; социо-коммуникативные установки русской языковой личности

Введение: к постановке проблем в изучении субъективного фактора

В своей книге «Consciousness and Computational Mind» Рэй Джекендофф рассуждает о теории вычисляющего разума, которая усматривает аналогию мыслительной способности человека с компьютером, устройством для вычисления и обработки информации. Автор упоминает и более ранние аналогии, где мозг в разное время уподоблялся то гидравлическому механизму, то паровому двигателю, то телефонному коммутатору (станции) [Jackendoff 1989: 15]. Наконец, появилась компьютерная метафора. В ней сознание (разум) выступает по отношению к мозгу как программный контент к железной оболочке (то есть аппаратуре как таковой, набору системно связанных друг с другом физических объектов) [Jackendoff 1989: 16]. Рассуждения такого рода как в приведенном примере свидетельствуют о том, что процесс смыслообразования (формирования модели мира, куда вживлен человек, и где он осуществляет свою деятельность) подчиняется определенным закономерностям и сильно зависит от предметно-содержательной стороны доминирующих деятельностей, от параметров объективной реальности, от перцептивных эталонов, порожденных природной и антропогенной средой. Развитие исследовательских парадигм, в терминах и представлениях которых описывается мир в научной сфере, включая жизнедеятельность самого человека с его сознанием, не является исключением.

Компьютерная аналогия в определенном смысле разводит сознание и мозг по разным нишам. Между тем многие современные исследователи, как, например, К.В.Анохин, считают, что новый век стал веком сближения, нового синтеза наук о мозге и о разуме, их превращения в единую науку о мозге и разуме, призванную дать объективные основания для всей интеллектуальной деятельности человека, включая язык и культуру [Анохин <http>]. Грань между мозгом и разумом, телесной субстанцией и душой стирается, по крайней мере, в интерпретации явлений в рамках такого подхода. Подобно тому, как в разные эпохи менялись воззрения на мозг и разум, по-разному трактуется и язык (языковая способность человека) в истории лингвистической науки. Одним из проявлений сближения наук о мозге и разуме в лингвистическом плане является *сетевая модель языка* (язык в человеке), которая соотносима с гиперсетью нейронных связей, что также отражает стремление сблизить материальный субстрат с воплощенной в его ткани смысловой реальностью сознания.

Опыт нескольких десятилетий господства компьютерных технологий, дошедших до создания мозго-компьютерных интерфейсов, уже заставляет ученых и педагогов задуматься о возможных последствиях постановки нашего сознания (и его конкретных носителей) в позицию *формируемого* «контента» в *виртуальном* пространстве. Новые формы цивилизованного варварства «человека досуга» (термин А.С.Панарина [2014: 765]), который располагает совершенствующимся с компьютерной скоростью арсеналом технических средств уничтожения себе подобных, заново ставит перед нами вопрос о природе человека, о жизнеспособности, о *человекообразовании*. Это вопрос о субъективном факторе, получивший сегодня новые ракурсы рассмотрения и, в определенной степени, новые технологические возможности для проникновения в механизмы его воплощенности.

Фундаментальные положения и эмпирический пояс Т(Р)Д в свете новых дискуссий

Многие из тех вопросов, которые с 80-х годов XX века подпали под рассмотрение в когнитивной лингвистике, а ещё ранее – когнитивной психологии, изучались и описывались в отечественной психологии с 20-х гг. прошлого века на основе фундаментальной разработки теории деятельности (ТД). Поставленная перед советскими исследователями задача создать материалистическую (объективную) теорию психики была успешно решена. Психологическая теория деятельности, создание которой возводят к сотворчеству, сотрудничеству и содружеству классиков нашей науки Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др. отечественных ученых, стала методологической основой для теории речевой деятельности.

Будучи материалистической по своей сути, ТД дает представление о границах понятия «субъективный фактор», определяя его как *психические явления и процессы*. Психические процессы, в свою очередь, рассматриваются как отражение независимо существующей действительности (реальности), отражение того, что существует независимо от самого факта отражения [Леонтьев 2005: 8]. Такая постановка вопроса всегда была очень важна, так как она не только задала границы исходных понятий-операторов, но и показала *принципиальную познаваемость объекта* через *поиск путей формирования субъективности*. Важно, что фундаментальные положения Т(Р)Д позволяют исследователю изначально разделить психический процесс (мышление и сознание), то есть работу разума, и содержание того, что является продуктом его функционирования (применения) у субъекта, то есть «ставшую» смысловую, относительно устойчивую когнитивную структуру (собственно, знание). Таким образом, сознание не сводится к когнитивным структурам, хотя при этом постулируется и обосновывается определенная производность образа (какого-либо действия), то есть свернутость его структуры в соответствующем ему образе сознания и в овнешняющем его носителе значения – языковом знаке. Таким образом, когнитивные, а вслед за ними и вербальные структуры как таковые (продукты процесса смыслообразования и его овнешнения) в значительной степени зависят от предметно-содержательного наполнения жизнедеятельности человека, но само мышление (сознание) никак не сводимо к содержанию этих структур.

Следующее не менее фундаментальное для гуманитарных наук положение заключается в том, что *субъективный образ мира* у живого существа есть опосредствующая его ориентировку в предметном мире и обретенная им в опыте данность [Леонтьев 2005: 8-11]. Это решение вопроса о *функции образа мира* (у человека и у животных). Психические процессы современного человека, и в частности сознание, есть не только продукт его непосредственной биологической вживленности в биосферу, но и, прежде всего, как подчеркивал А.Н.Леонтьев, «продукт развития и порождения *человеческой жизни в человеческом обществе*» [Леонтьев 2005: 11]. Речевые же процессы представляют собой только часть психических процессов человека. Ср. с современными постулатами зарубежных и отечественных когнитивистов о характере соотношения когнитивного и языкового начал, о единой основе для когнитивных и языковых процессов. Эти и другие фундаментальные положения, известные и развиваемые в трудах основателей Т(Р)Д, переоткрываются для новых дискуссий сегодня в новом терминологическом обрамлении, в контексте новых задач и на новом эмпирическом материале.

Это можно наблюдать, например, в фактологической части некоторых, свидетельствующих, как нам думается, о попытках «нового синтеза науки о мозге и науки о разуме», дискуссий о так называемой *телесной воплощенности*. В этих дискуссиях проясняются и уточняются при обобщении эмпирических данных, полученных разными методами с преобладанием экспериментальных, такие понятия, как воплощенная когниция (*embodied cognition*), воплощенное общение/взаимодействие (*embodied interaction*), воплощенная имитация (*embodied simulation*), воплощенная интенциональность (*embodied intentionality*), воплощенность (*embodiment*) как феномен. ([Foundations of Embodied Cognition 2016; Gallese, Caruana 2016; Gallese 2013; Bonini, Ferrari, Fogassi 2013; Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? 2013; Gallese, Sinigaglia 2012; Gallese, Sinigaglia 2011a, b; Gallese 2009; Goldman, de Vignemont 2009; Mirror neurons and the evolution of brain and language 2002; Thill, Padó, Ziemke 2014] и мн. др. См. также работы нейролога [Damasio 1989; 1997], где телесный материализм проявлен в ключевом для представленной концепции термине *the minded brain* [Damasio 1997]). Одной из центральных гипотез при построении моделей воплощенной когниции и языка служит широко обсуждаемая гипотеза о зеркальных нейронах. Открытие «зеркальных нейронов», которое связывают с именами Дж.Риццолатти, Л.Фадига, В.Галиса, Л.Фогасси, М.Арбиба, наряду с другими подходами, оживило и наполнило новым содержанием дискуссии о (телесной) воплощенности, поскольку оно дает новые основания для поиска *нейрофункционального субстрата* речевых, а также когнитивных и коммуникативных способностей человека, в конечном итоге, и *субстрата идентичности*.

В ходе этих дискуссий были акцентированы и подкреплены экспериментальными данными положения об адаптации нейронных механизмов (в том числе и «зеркальных систем»), предназначенных изначально для сенсорно-моторных функций, к созданию нейрофункциональной «архитектуры» мыслительных и языковых процессов при сохранении за этими нейронными механизмами их прежних функций ([Gallese 2008; Риццолатти, Синигалья 2012; Arbib 2017] и др.). В контексте восприятия речи и происхождения языковой способности человека особенно информативны, как нам думается, работы М.А.Арбиба [Arbib 1982 a,b; 2005; 2006; 2012; 2017]. В них, как и в трудах российских психо- и нейролингвистов подчеркивается, что значение и смысл действий человека формируются в его включенности в бытие, в процессе его личного опыта взаимодействия с окружающей средой.

Независимо от судьбы новых гипотез, фактологическая часть дискуссий последних десятилетий, как нам представляется, дает дополнительное, в том числе нейролингвистическое, подкрепление высказанным ранее Московской психологической и психолингвистической школой идеям, легшим в основу системы лингвистических знаний о речевой деятельности, о структуре сознания, его другоцентричности и функционировании в процессе овладения родным и иностранными языками. Примечательно, что в поле зрения зарубежных исследователей попадает и нейрофункциональная архитектура *двусторонней коммуникации*, которая фиксирует внимание на нейронных механизмах и их процессуальной динамике в условиях влияния действий двух субъектов друг на друга [Arbib 2017:146]. Особого внимания заслуживает режим очередности субъектов в компьютерных моделях воплощенного взаимодействия, как инструмент

появления согласованности групповых стратегий [там же]¹. Следует заметить, что в этих работах упомянуты только некоторые из факторов, которые, как мы предполагаем, влияют на формирование социо-коммуникативных установок у взаимодействующих субъектов вербальной коммуникации и могут проявить себя во флуктуациях на модели ассоциативно-вербальной сети (АВС) в актуальной диахронии.

ТД очень оптимистична по своей сути, так как показывает объективные пути и работающие методы исследования и объяснения субъективного фактора, психики человека в многообразии её проявлений. Основу для оптимистичности такого рода заложил ещё Л.С.Выготский, который видел человека не как пассивно адаптирующегося к среде, подобно большинству животных, а в качестве активно овладевающего действительностью через общественную практику. ТД как методологическая и фундаментальная основа для ТРД – это теория об обращении внешнего, его преобразовании во внутреннее состояние (интериоризации), с последующим творческим процессом овнешнения этого состояния с помощью языка. В международных дискуссиях о роли социо-коммуникативных процессов и совместной деятельности в когнитивном развитии человека как вида исследователи снова обращаются к его трудам и оперируют его положениями (например: [Moll, Tomasello 2006; Томаселло 2011] и др.).

Человеческое общество сопровождает разнообразные виды своей предметно-содержательной (трудовой в широком смысле) деятельности речевой деятельностью. Здесь формируется социо-коммуникативная среда, то есть некая гиперсеть активных коммуникативных процессов вокруг актуальных предметно-содержательных деятельностей в конкретном внутриэтническом диалоге, происходит смыслообразование, формируется содержание идентификационных процессов в изменяющейся реальности. Таким образом, идентификация представляет собой процесс рождения образа мира в опыте новой реальности (это и есть ориентировка в ней). При этом использование тел языковых знаков ребенком в онтогенезе (и человеком в филогенезе) рассматривается как новый способ оперирования объектами внешнего мира. Емкость полученных человеком в жизненном опыте смысловых структур, стоящих за словом в нашем сознании, не является каким-то абсолютно новым знанием в науке. Это явление открыто давно и в разные эпохи описывалось в разных терминах и аспектах. Для развития такого подхода в СССР, где отечественные разработки давали внятное представление о формировании и взаимодействии сигнальных систем у человека, были все необходимые предпосылки. Вопрос о природе языкового знака в отечественной науке благодаря деятельности отечественных психолингвистов всегда решался на основе достижений физиологии и позднее – нейрофизиологии с осознанием роли психического фактора.

Будучи последовательно использована в системе образования, в частности, в практике преподавания как родного так и иностранных языков, Т(Р)Д дает стройную систему, в которой есть разделы и эмпирические данные по филогенезу и по онтогенезу, по формированию образа мира, природе языковой деятельности и её взаимоотношениям с когнитивной деятельностью как таковой, а также многие другие разделы. Это *глобальная теория человекообразования* во всех его основных аспектах.

---

¹ Более подробно об упомянутых дискуссиях в связи с историей развития отечественных подходов см. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК (в печати), а также: Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социо-коммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. №3 (в печати).

Никакая научная теория не может уподобляться «Символу веры» и требовать от своих адептов безусловного следования её постулатам во все времена. Мир изменился. Перед учеными стоят новые задачи. Сила Т(Р)Д, позволяющая этому направлению отечественной науки сохранять актуальность, заключается в том, что она создаёт общую теоретическую платформу, базисный фактологический арсенал, исходные знания, которые позволяют нам по-новому ставить проблемы. Она даёт современному исследователю *базовый понятийно-категориальный аппарат*, отталкиваясь от которого и используя который *в качестве системы операторов*, он может осмысливать новые фактологические данные, добывать и интерпретировать *новые знания*. Таким образом, Т(Р)Д *сохранила свое культурно-историческое значение как научное достояние в современных условиях*.

А современные условия таковы, что человек, овладевающий плодами информационно-технологической революции, может оперировать несопоставимо большими блоками информации, чем в период становления ТД. Открытия в области археологии и генетики позволяют проникнуть в тайны приматологии, генома человека и шимпанзе, выносить новые, порой очень далекие от первоначальных, суждения о времени и характере возникновения языка у эволюционных предшественников современного человека (подробнее об этих и других междисциплинарных аспектах инноваций и их возможном влиянии на лингвистику см. [Черниговская 2013]). Новые гипотезы и фактические данные накоплены практически во всех разделах, которые мы можем отнести к тематическим блокам Т(Р)Д. При этом общий теоретический каркас и его основное содержательное наполнение остаются актуальными, как нам представляется, в своих базовых положениях.

Органичная общефилософская концепция для ТД, хорошо разработанная доказательная и методическая база подкреплялись мощным эмпирическим поясом. Накапливалась и использовалась эмпирическая информация в жестких условиях, требовавших решения конкретных и очень сложных задач. Фундаментальность работающих по сей день основных положений Т(Р)Д идет, в значительной степени, от дерзновенности целей и задач, которые ставили перед собой её основатели, от сложности того материала, с которым приходилось работать этим ученым. Сложность определялась необходимостью найти решение таких проблем, которые требуют знаний реальных закономерностей, аналогичных, например, базовым физическим законам (не одолеешь силу тяжести – не полетишь). В военное и послевоенное время такие задачи могли остро стоять на повестке дня: только открытие закономерностей психических процессов, определяющих связь человеческого организма с реальностью, может, например, вернуть минеру, потерявшему руки и зрение, чувство связи с реальным миром, а значит, сохранить ему жизнь. Открытия совершались в практике поиска таких решений и поверялись ею. А.Р.Лурия и А.Н.Леонтьев сыграли особую роль в решении таких задач и изучении последствий военных травм, дававших большой и трудный (исходный в контексте нынешних возможностей) эмпирический материал для осмысления. Все это сделало Т(Р)Д устойчивой и востребованной по сей день в своих базовых положениях, на основе которых можно развивать новые отрасли и которые можно корректировать, осмысляя новые факты и интерпретации. Опровергнуть интегративную теорию человекообразования трудно. Для этого нужно было бы не только собрать внушительный эмпирический материал, доказательно интерпретировать его как опровергающий отдельные положения Т(Р)Д по разным её разделам, но и создать *не менее стройную и*

системную теорию, которая, будучи использована, например, в системе образования, могла бы *лучше, более достоверно объяснить мир с учетом его изменчивости, сориентировать в нем и помочь молодому человеку лучше воплотиться в этом изменяющемся мире*. Рождению теории человекообразования способствовала вера молодой советской цивилизации в человека, в его способность к социальным свершениям и обретению через них светлого будущего, в котором хочется жить. Конечно, насыщенная духом минимизации социальной ответственности, разочарования в человеке и социальной справедливости современность бросает ТД вызов мотивационного плана, что, впрочем, никак не отменяет достижений этого научного направления.

«Движение значений»: постановка проблемы в Т(Р)Д

Рассмотрим одну из ключевых для лингвистики проблем, попавшую в рассмотрение Т(Р)Д, – проблему соотношения значения и смысла, «движения значений» (в постановке А.Н.Леонтьева). Фундаментальные аспекты «движения значений»: *воплощенность* значений в чувственной ткани и личностных смыслах; психофизиологичность и актуальность смысла; абстрактность (не психофизиологичность, наиндивидуальность) значений, отражающих уже ушедший предметно-содержательный мир культурных феноменов [Леонтьев 2005: 100-103].

Положения о «движении» значений связаны с материалистической основой Т(Р)Д. Действия со словами уподобляются в ней действиям с другими орудиями. По всей видимости, *значения в этом плане интериоризируются, как и тела языковых знаков*. Поэтому значения представляют собой *операторы* мыслительных операций, форму существования понятия для сознания. Эти *радикальные* положения Л.С.Выготского, по мнению А.Н.Леонтьева, положили начало научному изучению сознания, они были развиты позднее в трудах его последователей. Примечательно в этой связи высказывание А.Н.Леонтьева «Язык не демиург значений», поскольку в значениях преобразована и свернута в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрываемых совокупной общественной практикой [2005: 100]. А.Н.Леонтьев выделяет движение значений как *лингвистических объектов*, то есть допускает их объективное движение в системе языка. Он также пишет о значениях в *психологии*, об их движении *в процессах деятельности и познания конкретных индивидов*. Это ведет к возвращению абстракций значения к той реальной действительности (через чувственную ткань, через чувственно-предметную соотнесенность), от которой в свое время значение было отвлечено, отторгнуто и начало свое самостоятельное движение в истории языка, общества, культуры, науки. Если *внешняя чувственность в сознании субъекта связывает значения с объективной реальностью, то личностный смысл – с реальностью жизни субъекта в этом мире, её мотивами* [Леонтьев 2005: 100-104].

Остановимся на теоретическом основании исследования социо-коммуникативных установок, которое дают нам вышеизложенные фундаментальные положения о движении значений в Т(Р)Д. Анализ социо-коммуникативных установок может иметь прикладную значимость. Как, например, оценить последствия рыночных реформ с точки зрения актуализованной ими смысловой направленности установочных процессов, какие явления можно спрогнозировать на этой основе? В ходе наших адаптаций к жизни в новой реальности сложились определенные ориентационные установки, проявляющие себя в социо-коммуникативной среде. Они не явлены исследователю непосредственно в значениях слов, которые, тем не менее, с учетом их соотношения

со смыслом, рассматривались Л.С.Выготским, как уже упоминалось выше, в качестве *единиц анализа разных функций речемыслительных процессов*. «Значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла» [Выготский 2008:476]. Итак, *значение* суть *оператор мыслительных операций*, а не сама эта операция. Мыслительная операция, по всей видимости, вместе с её установочной базой развертывается и сворачивается в смыслы, отталкиваясь от значения.

Единицы анализа в исследовании движения значений

Как формализовать, измерить и интерпретировать процесс движения значений и зачем это нужно лингвисту? Выявление социо-коммуникативных установок со статистической обработкой зафиксированных данных может проводиться на модели ABC с использованием соответствующих корпусов (баз экспериментально полученных данных). В рамках оптимизации ресурса СИБАС начата разработка экспертных приложений, позволяющих в полуавтоматическом режиме провести анализ на микроуровне ABC, то есть на материале конкретного АП. Объектом анализа здесь становятся АП слов, единицами анализа – *смысловые акцентуации*, которые отражают социо-коммуникативные установки как явления, обладающие доминантностью, а потому становящиеся маркерами смыслообразования. *Смысловые акцентуации* представляют собой актуальные для испытуемых смысловые грани образа, который представлен в ассоциативном поле анализируемого слова. Актуальность конкретных смысловых акцентов в ассоциативно-вербальной сети зависит от укоренённости в сознании испытуемых соответствующего этим смысловым образованиям опыта коммуникативно-познавательной деятельности, поэтому актуальные в настоящее время смысловые акцентуации могут сохраняться в течение довольно длительного времени, например, в течение нескольких лет или даже десятилетий; вместе с тем, они могут в большом количестве случаев модифицироваться и исчезать совсем, уступая место новым акцентам, соответствующим вновь обретенному социо-коммуникативному опыту.

Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу, что социо-коммуникативные установки в доступном исследователю на модели ABC формате должны опираться на приемы выявления *смысловых акцентуаций*, которые свернуто отражают доминантность целеполагания в социо-коммуникативной среде, направленность деятельности, её структуру. Установки формируются у конкретных личностей. Экспериментально доказанная возможность получить доступ к *усредненной языковой личности* и фундаментальные положения о её природе, выработанные в отечественной школе на русском материале [Караулов 1987-2010], оправдывают использование ассоциативно-вербальных методик и показывают их эффективность. Следует иметь в виду, что социо-коммуникативные установки становятся доступными нам в виде *установок на использование тех или иных вербальных единиц* в тех или иных характерных отношениях и связях, выработавшихся в ходе социо-коммуникативных практик, которые сложились в рассматриваемый период. Центральным термином в описании движения значений в связи с процессом актуального смыслообразования (или смыслоуtratности), с нашей точки зрения, может стать термин *психоглосса*, который уже введен как однопорядковый по своей структуре хроноглоссам и изоглоссам и упоминается у Ю.Н.Караулова как подходящий для выделения *единиц анализа* при описании *языкового сознания* на разных уровнях *языковой личности* [Караулов 1987: 157-158]. В аспекте интересующей нас задачи психоглоссы целесообразно рассматривать как статистически выводимые на

вербальной модели АП маркеры смысловых акцентуаций. Статистика позволяет измерить *направленность смысловых акцентуаций* в структуре АП. В сложносоставном термине «*психоглосса*» элемент «*психо-*» указывает на психическую природу смысловой акцентуации, которая представляет собой часть смысловой структуры образа мира языковой личности испытуемых, «*-глосса*» – показывает вербальный характер рассматриваемого смысла, его явленность носителю языка в виде языковой единицы [Шапошникова 2018].

Психоглоссы представляют внешние, доступные наблюдению параметры акцентуаций. Чтобы увидеть динамику трансформаций связей и отношений, направленность этих трансформаций потребуются сравнение материалов разных лет. Статистика высвечивает внешние параметры иерархии словообразования. Границы объекта задаются здесь наличным составом ассоциатов в АП (более подробно о приемах выведения психоглоссы на конкретных примерах в актуальном синхронно-диахронном плане см. [Шапошникова 2018]).

Принципы и алгоритм работы с экспертным обучающим приложением к СИБАС

В 2019 году в НГУ начали создаваться экспертные обучающие приложения к ресурсу СИБАС. Приложения задумывались как инструментарий, который позволит исследователю самостоятельно (с помощью компьютерной программы) получить первично обработанный эмпирический материал для решения конкретной задачи на материале АВС. Таким первичным материалом являются психоглоссы на уровне запрашиваемого АП, как в прямом, так и в обратном словаре СИБАС, фиксирующем данные на начало 2014 года. В настоящее время первое приложение [авторы: И.В.Шапошникова и Н.Ю.Зятыков (техническое сопровождение)] открыто пользователю для работы с основным корпусом СИБАС и с подкорпусом ассоциаций военных. Загрузить эту программу можно по специальной ссылке с главной страницы, дающей информацию о проекте СИБАС. При необходимости другие базы ассоциативных данных могут быть загружены в нашу систему, чтобы потом использоваться в приложении для выявления психоглоссы.

Чтобы идентифицировать психоглоссы, нужно провести *зонирование* АП с помощью приложения к СИБАС. В структуре АП можно выделить несколько зон, в которых концентрируются вербальные единицы, способные представлять (акцентировать) те или иные смыслы. Каждая из зон отражает какую-то одну, как правило, смысловую грань образа, стоящего за словом. Распределение ассоциатов по разным зонам может осуществляться на основе представленных ими смыслов. При этом один и тот же ассоциат в некоторых случаях может ассоциироваться с несколькими разными смысловыми зонами. Смысловые зоны дают возможность выявить *когнитивные психоглоссы* и *мотивационные*, объективирующие соответствующие *социо-коммуникативные установки* русской языковой личности. Предложенный Ю.Н.Карауловым метод семантического гештальта, отражающий природу единиц внутреннего лексикона как гештальтных образований, также может реализовываться через соответствующее зонирование АП в приложении СИБАС. Кроме того, распределение по зонам можно проводить и по формальным (лингвистическим) признакам для выявления *грамматических* и *лексико-грамматических психоглоссы*, маркирующих формальные субстантно-структурные предпочтения в системе использования языковых средств русской языковой личностью. Например, ассоциаты делятся на группы по формальным признакам (наличие

или отсутствие какого-то форманта, как-то: суффикса, приставки и т.п.; наличие или отсутствие формального согласования со словом-стимулом; частеречная принадлежность слов-реакций и т.п.). Принцип выделения *таких* психоглосс, с процедурной точкой зрения, тот же самый. Решение задач разметки ассоциативных баз данных в перспективе может существенно облегчить работу с приложением в процессе выявления собственно грамматических и лексико-грамматических психоглосс.

Какая именно информация может быть получена при анализе АП с помощью экспертного приложения СИБАС? Она соответствует этапам выявления психоглосс. Поскольку мы уже имели возможность подробно описать эти этапы и их содержание в наших более ранних работах [Шапошникова 2018], перечислим их здесь тезисно.

Автоматическое измерение общей структуры и наполняемости ассоциативного поля – статистика структуры и наполняемости АП в прямом словаре включает в себя: общее количество реакций, полученных на данный словесный стимул в эксперименте; из них: количество разных реакций (разными вербальными единицами, включая разные словоформы одной и той же лексемы); количество отказов, когда испытуемые никак не отреагировали на предъявленное слово; количество единичных реакций и количество устойчивых. Например, для АП «Президент» это 498, 137, 4, 95, 399 соответственно.

Полуавтоматическое зонирование АП с помощью алгоритма, заложенного в программу приложения. Исследователь идентифицирует зоны, присваивает им наименования, распределяя все ассоциаты по зонам, при этом в текущем режиме автоматически осуществляется подсчет и выведение на экран показателей *устойчивости смысловых акцентов, эксплицируемых разными зонами внутри АП в заданной пользователем конфигурации*. Используется показатель интенсивности как способа представления смыслов в структуре АП, при котором преобладают именно *повторяющиеся* (устойчивые) реакции. Измерение интенсивности показывает устойчивость выявленных при зонировании смысловых акцентов. Если проводить подсчет с использованием нескольких корпусов экспериментальных материалов в пределах актуальной диахронии, можно получить сравнительные данные в процентном выражении, позволяющие сопоставлять иерархическую организацию смысловой структуры образа в разных по наполняемости и времени создания ассоциативных ресурсах, включая и иноязычные при совместимости исходного программного обеспечения².

Например, в таблице №1 показана статистика интенсивности семантических зон АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)³.

---

² В настоящее время, на момент подготовки материалов статьи, приложение СИБАС работает в режиме апробации только с основным корпусом и подкорпусом военных ассоциаций СИБАС. Поэтому данные РАС и ЕВРАС, представленные в таблице 2, подготовлены вручную. Мы приводим их как наглядные свидетельства о самом факте смены содержания смысловых акцентов в актуальной диахронии и их маркированности на модели АВС.

³ Данные по ядру каждой зоны показаны **полужирным** начертанием, периферии – курсивом. После статистических данных по каждой зоне даются примеры вошедших в неё ассоциатов. Полный список ассоциатов каждой зоны здесь не приводится. Подробный анализ АП «президент» с интерпретацией каждой зоны и общей структуры АП в актуальной диахронии читатель найдет в приложении к авторской монографии: Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК (в печати).

Таблица №1

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)
Зона 1. Персоналии		
35,18% Ельцин 17 2,1% Клинтон	39,59% Путин 87 13,68% Абама; Володя	34,86% Путин 106 9,57% ВВП, Вова, Медведя
Зона 2. Локации и принадлежность		
53,7% страны 9; США 8; России 6 25,5% банка, Белый дом, в Сочи	28,32% России 46; страны 22 14,73% дума; Исландии; кабинет	37,15% России 63; страны 34; 18% Америки, в России, езде
Зона 3. Номинации		
3,7% глава 2; 34% предатель, продажная шкура, пьяница	19% глава 41; лидер; 4; авторитет; молодец; царь 2; 31,57% Вождь; раб на галерах; хозяин; хорошая профессия	12,8% глава 29; главнокомандующий, царь 2; 32,97% вождь, глава нации, молодец, раб, шейх
Зона 4. Символика, включая внешние признаки		
3,7% телевизор 2 4,25% с родимым пятном	2,25% Медведь 5; костюм; 2; 4,2% галстук; мишка	2% Медведь 7; кукла 2; 3,19% имидж, парад; статус
Зона 5. Действия (президента и над ним)		
0% 10,6% выжил; вышел; подписал; рад; уехал	0,5% правление 2; 5,26% вещает, государство, управление; учит	0,9% ответственность, управление 2; 5,3% избирать, импичмент, инаугурация, управлять
Зона 6. Качества		
0% 19,1% дурной, лживый, первый, плохой; толстый, тормоз, умный	4,76% главный 13; умный 4; 10,5% достойный; крутой; лучший; новый; ответственный; справедливый	3,66% главный 7; умный 4; мудрый 2; 13,8% избранный, самый главный, строгий, честный
Зона 7. При президенте: социальные институции, чиновники, поле ответственности		
0% 10,63% власть, и вице- президент, конгресс, министр, политика	6,26% власть 10; государство 3; правление; уважение 2; 18,9% депутат; дума; закон; министерство; охрана; партия	8,25% власть 16; государство 6; правительство 4; премьер-министр 3; 10,6% выбор, демократия, зам

Зона 8. Иное		
0% 0%	0,75% сыр 3; 8,42% и что?; клуба	нет 7,44% сыр, формы

На следующем этапе система показывает статистику интенсивности зон АП и выводит психоглоссы интенсивности (порядок убывания интенсивности зон). Психоглоссы интенсивности в ядре и на периферии АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС показаны в таблице №2.

Таблица №2⁴

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)
Ядро АП «президент»		
Зона 2 → Зона 1 → Зона 3 = Зона 4	Зона 1 → Зона 2 → Зона 3 → Зона 7 → Зона 6 → Зона 4 → Зона 5 →	Зона 2 → Зона 1 → Зона 3 → Зона 7 → Зона 6 → Зона 4 → Зона 5 →
<i>Периферия АП «президент»</i>		
Зона 3 → Зона 2 → Зона 6 → Зона 7 = зона 5 → Зона 4 → Зона 1	Зона 3 → Зона 7 → Зона 2 → Зона 1 → Зона 6 → Зона 5 → Зона 4	Зона 3 → Зона 2 → Зона 6 → Зона 7 → Зона 1 → Зона 5 → Зона 4

Система также позволяет измерить укорененность смысловых акцентов в разнообразии связей. Вводится показатель экстенсивности как способ представления смыслов в структуре АП, при котором преобладают единичные реакции, а среди повторяющихся реакций также наблюдается много разных слов с невысоким частотным показателем. В зависимости от конкретного наполнения и общей структуры АП экстенсивность может показать как специфическую укорененность смысловых акцентов в разнообразии связей, так и их недостаточную сформированность. На основе статистики экстенсивности зон рассматриваемого АП система выводит психоглоссы экстенсивности в нем (см. таблицу №3, где приводятся экстенсивные показатели по АП «президент»).

Таблица №3⁵

Психоглоссы экстенсивности смысловых зон АП «президент»

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)
Зона 2 = зона 3 → зона 6 → зона 5 зона 7 → зона 1 = зона 4	Зона 3 → зона 7 → зона 2 → зона 1 → зона 6 → зона 4 → зона 5	Зона 3 → зона 2 → зона 6 = зона 7 → зона 1 → зона 5 → зона 4

⁴ Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак равенства маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены жирным начертанием (не менее 10% от общего числа устойчивых реакций).

⁵ Самые насыщенные разнообразием (свыше 20% от общего количества разных реакций в АП) выделены жирным начертанием, менее экстенсивные (до 20%, но не менее 10%) – жирным курсивом, остальные содержат менее 10% разных вербальных единиц.

В процессе работы с экспертным приложением у пользователя есть возможность обратиться к справочным материалам, где не только пошагово описывается алгоритм взаимодействия с программой приложения, но и толкуются все термины, которыми оперирует система.

Заключение

Полученные с помощью приложения к СИБАС общие результаты измерения соотношений структуры и смысловой организации АП рассматриваемой вербальной единицы представляют собой первичный эмпирический материал, который поддается интерпретации на фоне имеющейся и зафиксированной в толковых словарях информации об этом слове. Сравнение позволит не только сопоставить лексикографически зафиксированное значение (лингвистическое значение) с развившимися на его основе психически актуальными смыслами, но и определить направленность смысловых акцентов, их соответствие или несоответствие отмеченной семантической структуре лексемы (её культурно устоявшемуся в прошлом значению). Однако для более глубокого анализа с фиксацией движения значений, отражающего лингвистически значимые для изменения лексикографической практики описания слова параметры, потребуется анализ смысловых акцентуаций в пределах актуальной диахронии с привлечением ассоциативных данных от трех-четырёх поколений носителей языка. Количество и качество экспериментального материала здесь имеет прямую связь с глубиной проникновения в объект, каковым являются социо-коммуникативные установки на использование вербальных единиц (способы оперирования телами языковых знаков). Очевидно, что динамика социо-коммуникативных установок, когда таковая фиксируется и поддается измерению в АВС, может указывать на создавшиеся условия для появления вариативности и изменения значений вербальных единиц. Таким образом, движение значений представляет собой реальность, которую можно измерить и описать на динамической модели АВС, а применение и развитие компьютерных технологий для анализа АП позволяет ускорить получение лингвистически значимых результатов в этой области.

Литература

Анохин К.В. Мозг и разум // Academia. Лекции на канале Культура https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156199/video_id/156199/ (дата обращения: 05.07.2019).

Выготский Л.С. Мышление и речь: Сборник ст. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 668с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Леонтьев А.А. Мир человека и мир языка: Научно-худож. лит-ра/ Рис. Т.Лоскутовой. М.: Изд-во «Детская литература», 1984. 127с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ, 2005. 511 с.

Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248с.

Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О.А.Кураковой, М.В.Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.

Томаселло М. Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В.Фаликман, Е.В.Печенковой, М.В.Синицыной, Анны А. Кибрик, А.И.Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с. (Разумное поведение и язык: Language and Reasoning).

Шапошникова И.В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. №3. С. 255-273. DOI 10.17223/18137083/64/23.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянских культур (в печати).

Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социо-коммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. №3. 2019 (в печати).

Arbib M. A. From Artificial Intelligence to Neurolinguistics // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics.* Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press, 1982a. P.77-94.

Arbib M. A. Perceptual-Motor Processes and the Neural Basis of Language // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics.* Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press, 1982b. P.531-551.

Arbib M. A. From Monkey-like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // *Behavioral and Brain Sciences.* 2005. 28. P. 105 167.

Arbib M. A. The Mirror System Hypothesis on the linkage of action and languages // *Action to Language via the Mirror Neuron System / ed. Michael A. Arbib.* Cambridge University Press, 2006. P. 3-47.

Arbib M. A. How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press, 2012.

Arbib M. A. Toward the Language-Ready Brain: Biological Evolution and Primate Comparisons // *Psychon Bull Rev.* 2017. 24. P.142-150. DOI 10.3758/s13423-016-1098-2

Bonini L., Ferrari P. F., Fogassi L. Neurophysiological bases underlying the organization of intentional actions and the understanding of others' intention // *Consciousness and Cognition.* 2013. <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2013.03.001>.

Damasio A. R. Concepts in the brain // *Mind and Language.* 1989. Vol. 4. No.1- 2. P. 24-28.

Damasio A. R. Exploring the Minded Brain // *The Tanner Lectures on Human Values.* Delivered at University of Michigan. November 14, 1997. P. 169-188.

Foundations of Embodied Cognition. Volume 2. Conceptual and Interactive Embodiment / edited by Martin H. Fischer and Yann Soello. London and New York: Routledge, 2016. 304 p.

Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // *Social Neuroscience.* 2008. Volume 3. Issue 3-4. P. 317-333.

Gallese V. Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives.* 2009. 19:5. P. 519-536.

Gallese V. Mirror neurons, embodied simulation and a second-person approach to mindreading // *Cortex.* 2013. No. 49. P.2954- 2956.

Gallese V., Caruana F. Embodied Simulation: Beyond the Expression / Experience Dualism of Emotions // Trends in Cognitive Sciences. 2016. Vol. 20. No. 6. P. 397-398.

Gallese V., Sinigaglia C. What is so special about embodied simulation? // Trends in Cognitive Sciences. 2011a. Vol. 15. No. 11. P.512-519.

Gallese V., Sinigaglia C. How the Body in Action Shapes the Self // Journal of Consciousness Studies. 2011b.18. No. 7-8. P. 117-143.

Gallese V., Sinigaglia C. Response to de Bruin and Gallagher: embodied simulation as reuse is a productive explanation of a basic form of mind-reading // Trends in Cognitive Sciences. 2012. Vol. 16. No. 2. P.99-100.

Goldman A., de Vignemont F. Is social cognition embodied? // Trends in Cognitive Sciences. 2009. Vol. 13. No. 4. P.154-159.

Jackendoff Ray S. Consciousness and the Computational Mind (Explorations in cognitive science; 3). 2d ed. London: "A Bradford Book", 1989. 356 p.

Mirror neurons and the evolution of brain and language / edited by Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese. Advances in Consciousness Research; v. 42. Selected contributions to the symposium on "Mirror neurons and the evolution of brain and language" held on July 5-8, 2000 in Delmenhorst, Germany. 2002 John Benjamins B.V. 392 p.

Moll H., Tomasello M. Cooperation and Human Cognition: the Vygotskian Intelligence Hypothesis // Philosophical Transactions of the Royal Society. B. 2006. doi:10.1098/rstb.2006. P.1-10. Published online.

Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? / Ed.by Paolo B. Pascolo // Progress in Neuroscience. 2013. 1 (1-4). P. 25-82.

Thill S., Padó S., Ziemke T. On the Importance of a Rich Embodiment in the Grounding of Concepts: Perspectives from Embodied Cognitive Science and Computational Linguistics // Topics in Cognitive Science. 2014. 6. P. 545-558.

РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н.Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Т. 1-2. М., 1994- 1998.URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 03.05.2019).

СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных – Сибирь и Дальний Восток (авторы-составители: Шапошникова И.В., Романенко А.А.). Режим доступа: URL:<http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 03.05.2019).

ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС.URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 03.05.2019).

THE THEORY IS VALID AS LONG AS IT WORKS

Irina V. Shaposhnikova

Chief researcher, Institute of Philology SB RAS

8 Nikolayev str., Novosibirsk, 630090

Doctor of Philology, Professor

Novosibirsk State University

2 Pirogov str., Novosibirsk, 630090

i.shaposhnickowa@yandex.ru

The article is devoted to the content and significance of the psychological theory of (speech) activity [hereinafter: T(S)A] as a part of Russian national scientific and cultural

heritage. The author shows that the methodology proposed by the T(S)A and its fundamental principles still retain their relevance and validity as a theory of human formation. The T(S)A has a number of thematic domains where new interdisciplinary discussions in foreign and domestic science have been activated in the context of new current challenges. It is shown that the conceptual and methodological apparatus of the T(S)A are successfully used as a system of operators in the formulation and search for solutions to new problems. The relevance of the T(S)A is associated with the nature of the problems solved by its founders, with the validity of their empirical evidence and profundity of interpretations. The author considers the basic provisions of this theory about the circulation of meanings in the process of sense formation and describes the expert training application to the Russian regional associative database (Siberia and the Far East – SIBAS), which allows processing associative verbal materials to study the circulation of meanings. The application allows semi-automated statistical processing and analysis of semantic accentuations in associative fields (AF) via the identification of different types of psychoglosses. The identification and description of psychoglosses as units to analyze the language consciousness, marking intensity and extensity of sense representation, provides empirical data indicating the dominant socio-communicative attitudes in the use of verbal units. The author suggests that the change in attitudes in the current diachrony (within three to four generations) can lead to a variability of language units and ultimately – to language changes. So, the study of the circulation of linguistic meanings in the aspect of actual diachrony with the help of lexical and grammatical psychoglosses can be carried out more flexibly and effectively with the use of computer technologies of data processing in the application to the SIBAS after the completion of the linguistic tagging of associative-verbal material.

Keywords: theory of (speech) activity; psychoglosses; the unit of analysis of language consciousness; circulation of meanings; optimization of the associative-verbal resources; expert training application; computer processing of associative fields; socio-communicative attitudes of the Russian language personality

References

Anoxin K.V. Mozg i razum [Brain and Mind] // Academia. Lekcii na kanale kul'tura [Lectures on the culture channel] https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156199/video_id/156199/ (retrieval date: 05.07.2019). (In Russian).

*Vy`gotskij L.S.* (2008). My`shlenie i rech' [Thinking and Speech]: Sbornik. M.: AST: AST MOSKVA: XSPANTEL. 668 s. (In Russian).

Karaulov Yu.N. (1984-2010). Russkij yazy`k i yazy`kovaya lichnost` [The Russian Language and Language Personality]. M.: Nauka, 1987; Izd.7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s. (In Russian).

*Leont`ev A.A.* (1984). Mir cheloveka i mir yazy`ka [The Human World and the World of Language]: Nauchno-xudozh. lit-ra/ Ris. T.Loskutovoj. M.: Izd-vo «Detskaya literatura». 127 s. (In Russian).

*Leont`ev A.N.* (2005). Lekcii po obshhej psixologii [Lectures on General Psychology]. M.: Smy`sl; KDU. 511 s. (In Russian).

Panarin A.S. (2014). Pravoslavnaya civilizaciya [Orthodox Civilization]. M.: Institut russoj civilizacii. 1248 s. (In Russian).

Riczcolatti Dzhakomo, Sinigal`ya Korrado (2012). Zerkala v mozge: O mexanizmax sovmestnogo dejstviya i soperezhivaniya [Mirrors in the brain: mechanisms of joint action

and empathy] / Per. s angl. O.A.Kurakovoj, M.V.Falikman. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur. 208 s. (In Russian).

Tomasello M. (2011). Istoki chelovecheskogo obshheniya [Origins of Human Communication] / Per. s angl. M.V.Falikman, E.V.Pechenkovej, M.V.Sinicynoj, Anny` A. Kibrik, A.I.Karpuxinoj. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur. 328 s. (In Russian).

Chernigovskaya T.V. (2013). Cheshirskaya uly`bka kota Shryodingera: yazy`k i soznanie [Cheshire smile of schrödinger's cat: language and consciousness]. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. 448 s. (Razumnoe povedenie i yazy`k: [Language and Reasoning]). (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (2018). Psixoglossy`, markiruyushhie civilizacionnyu identifikaciju rossijskix studentov (po materialam massovy`x asociativny`x e`ksperimentov) [Psychoglosses of the civilizational identity of Russian students (based on large-scale associative experiments)] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. №3. P. 255–273. DOI 10.17223/18137083/64/23. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (In print). Modusy` identifikacii russoj yazy`kovoj lichnosti v e`poxu peremen [Modes of identification of the Russian language personality in the epoch of changes]. M.: YaSK (v pechati). (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (2019, in print). Dinamicheskie modeli v sociolingvistike i socio-kommunikativny`e ustanovki russoj yazy`kovoj lichnosti v postsovetiskij period [Dynamic Models in Sociolinguistics and Socio-communicative Attitudes of the Russian Language Personality in the Post-Soviet Period] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Seriya 2: Yazy`koznanie. №3 (v pechati). (In Russian).

Arbib M.A. (1982a). From Artificial Intelligence to Neurolinguistics // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics*. Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press. P.77–94.

Arbib M.A. (1982b) Perceptual–Motor Processes and the Neural Basis of Language // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics*. Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press. P.531–551.

Arbib M.A. (2005). From Monkey–like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // *Behavioral and Brain Sciences*. 28. P. 105–167.

Arbib M. A. (2006). The Mirror System Hypothesis on the linkage of action and languages // *Action to Language via the Mirror Neuron System / ed. Michael A. Arbib*. Cambridge University Press. P. 3–47.

Arbib M. A. (2012). How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press.

Arbib M. A. (2017). Toward the Language–Ready Brain: Biological Evolution and Primate Comparisons // *Psychon Bull Rev*. 24. P.142–150.

Bonini L., Ferrari P. F., Fogassi L. (2013). Neurophysiological bases underlying the organization of intentional actions and the understanding of others' intention // *Consciousness and Cognition*.

Damasio A. R. (1989). Concepts in the brain // *Mind and Language*. Vol. 4. No.1–2. P. 24–28.

Damasio A. R. (1997). Exploring the Minded Brain // *The Tanner Lectures on Human Values*. Delivered at University of Michigan. November 14. P. 169–188.

Foundations of Embodied Cognition. (2016). Volume 2. Conceptual and Interactive Embodiment / edited by Martin H. Fischer and Yann Soello. London and New York: Routledge. 304 p.

Gallese V. (2008). Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // *Social Neuroscience*. Volume 3. Issue 3–4. P. 317–333.

Gallese V. (2009). Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*. 19:5. P. 519–536.

Gallese V. (2013). Mirror neurons, embodied simulation and a second–person approach to mindreading // *Cortex*. No. 49. P.2954– 2956.

Gallese V., Caruana F. Embodied Simulation: Beyond the Expression / Experience Dualism of Emotions // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Vol. 20. No. 6. P. 397–398.

Gallese V., Sinigaglia C. (2011a). What is so special about embodied simulation? // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 15. No. 11. P.512–519.

Gallese V., Sinigaglia C. (2011b). How the Body in Action Shapes the Self // *Journal of Consciousness Studies*. 18. No. 7–8. P. 117–143.

Gallese V., Sinigaglia C. (2012). Response to de Bruin and Gallagher: embodied simulation as reuse is a productive explanation of a basic form of mind–reading // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 16. No. 2. P.99–100.

Goldman A., de Vignemont F. (2009). Is social cognition embodied? // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 13. No. 4. P.154–159.

Jackendoff Ray S. (1989). *Consciousness and the Computational Mind* (Explorations in cognitive science; 3). 2d ed. London: “A Bradford Book”, 356 p.

Mirror neurons and the evolution of brain and language / edited by *Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese.* (2002). *Advances in Consciousness Research*; v. 42. Selected contributions to the symposium on “Mirror neurons and the evolution of brain and language” held on July 5–8, 2000 in Delmenhorst, Germany. John Benjamins B.V. 392 p.

Moll H., Tomasello M. (2006). Cooperation and Human Cognition: the Vygotskian Intelligence Hypothesis // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. B. 2006. doi:10.1098/rstb. P.1–10. Published online.

Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? / Ed.by Paolo B. Pascolo // *Progress in Neuroscience*. 2013. 1 (1–4). P. 25–82.

Thill S., Padó S., Ziemke T. (2014). On the Importance of a Rich Embodiment in the Grounding of Concepts: Perspectives from Embodied Cognitive Science and Computational Linguistics // *Topics in Cognitive Science*. 6. P. 545–558.

RAS – Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary], 1994–1998. / Sost. Ju.N. Karaulov, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva, G.A. Cherkasova. T. 1–2. [In 2 vols]. M. Available at: URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (retrieval date: 3 May 2019). (In Russian).

SIBAS – Russkaja regional'naja asociativnaja baza dannyh. Sibir' i Dal'nij Vostok [Russian regional associative database (Siberia and Far East)], 2008–2018. Avtory–sostaviteli I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko. Available at: URL: <http://adictru.nsu.ru> (retrieval date: 3 May 2019). (In Russian).

EVRAS – Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., 2014. Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'–tezaurus EVRAS [Russian associative dictionary–thesaurus EVRAS]. Available at: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 3 May 2019). (In Russian).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81:008:316

DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-174-185

МИФ И ИСХОДНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЕГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Ставицкий Андрей Владимирович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе,
299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 7.
stavis@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению исходных параметров структурирования мифа с учетом критики структуры мифов, предложенной К. Леви-Стросом в «Структурной антропологии», и является её продолжением. Данная критика исходит из главной методологической ошибки К. Леви-Строса в вопросе поиска структуры мифа, которая строится на установке, что миф является лингвистическим объектом. Однако, не оспаривая эту посылку в принципе, правильнее исходить из того, что миф все-таки не столько лингвистический объект, сколько универсалия культуры. А значит, данный вопрос не может быть решен силами структурной лингвистики без использования опыта других отраслей знания, включая философию, культурологию, антропологию.

В свою очередь, в качестве исходной матричной основы для структурирования мифа целесообразнее взять не мельчайший мифический элемент, типа «фразы», «высказывания», а всё мифологическое пространство как единое целое во всем его бесконечном многообразии.

Связано это с тем, что поразительная способность мифа к трансформации распространяется и на его структуру, где одна часть мифа при ином подходе может не только выступать как целое, но и включать в себя в качестве части то целое, частью которого при другом подходе являлась сама. Данное обстоятельство делает поиск структуры мифа бессмысленным, если одно слово в своём мифологическом значении может вбирать в себя целые миры и выстраивать самые разнообразные отношения в рамках мифологического универсума, подобно капле, вбирающей в себя океан. Поэтому в силу своей пластичности миф обретает структуру того, что мифологизирует, предлагая лишь варианты структуры мифа как понятия, где многообразие подходов и определений системы порождает разнообразие форм её структуры, которые рассматриваются в статье.

Ключевые слова: миф, структура мифа, К. Леви-Строс, универсалия культуры

Введение

Когда темой исследования становится структура мифа, обойти теоретические построения К. Леви-Строса не представляется возможным. Ведь в общенаучных представлениях именно его «Структура мифов» является самым знаковым вкладом в изучение мифа великого французского антрополога [Леви-Строс 2001: 213-242]. Однако более полувека его идеи не подвергались сомнению. И напрасно. Причиной тому был довольно банальный для науки сюжет, когда, увлечшись частностями, исследователи не рассмотрели исходных посылок, заложенных в основу его гипотезы, согласно которым миф им тогда рассматривался не как универсалия культуры, но как лингвисти-

ческий объект. Тем самым он лишь подтвердил известную сентенцию, что о величии мыслителя можно судить не только по тому, насколько он продвинул науку, но и по тому, насколько он её задержал. В предыдущей публикации нам удалось показать, в чём именно ошибался К. Леви-Строс [Ставицкий 2018]. Но этого мало. Нужно двигаться дальше. Ведь если структурная лингвистика не в состоянии решить проблему структурирования мифа как целого, для её решения требуются усилия других наук с исходной установкой на то, что миф в первую очередь не «лингвистический объект», а универсалия культуры [Ставицкий 2012: 543]. И, значит, настала пора рассмотреть исходные параметры структурирования мифа как культурной универсалии. А помочь в этом может великий русский исследователь мифа А.Ф. Лосев.

Размышления А.Ф. Лосева о структуре мифа как понятия

Когда среди специалистов в области мифологии обсуждается структура мифа, А.Ф. Лосев, как правило, не фигурирует. На него не ссылаются. А если и говорят о нём, его вклад в изучение мифа, то большей частью о чём-то другом. Вместе с тем, о структуре мифа А.Ф. Лосев писал много и со вкусом, посвящая ей десятки страниц. И поэтому игнорировать его мнение будет неправильным. Однако, поскольку структура данной работы не позволяет развернуть его позицию в полной мере, мы ограничимся по ней лишь ключевыми соображениями, которые смогут помочь нам в дальнейшем.

К чему же в первую очередь мы хотели бы привлечь внимание? На наш взгляд, исходная методология мифа по А.Ф. Лосеву, может основываться на названии его ключевой работы по данной тематике «Диалектика мифа», которую в итоге своего исследования он представляет как «развернутое магическое имя» [Лосев 1999: 387].

Иначе говоря, взяв за основу исследования мифа принципы диалектики, А.Ф. Лосев уже тем самым определил, в каком ключе он собирается миф структурировать. Ведь диалектическую структуру триады (тезис – антитезис – синтез) уже можно воспринимать как основу структуры мифа, не отягощая её частными деталями. Причём, основу не догматическую, а живую, пребывающую в развитии и открытую всему, что может её насытить, усложнить, обогатить. Об этом сам А.Ф. Лосев написал так: «Если мы не заткнём диалектику в самом же начале, а дадим ей развиться до конца, то она найдёт нам и тот синтез, который совместит в едином и нераздельном бытии и стихию субъекта, и стихию объекта. Это будет, конечно, личность, о которой всякий здравомыслящий скажет, что она есть обязательно и субъект, и объект» [Лосев 1999: 393]. Другими словами, диалектика предлагает не только основу структуры, но и исходный для её развития метод. Причём, максимально универсальные. И это, безусловно, правильно, ведь миф – универсалия культуры, которую следует трактовать и рассматривать максимально расширительно [Ставицкий 2012: 192].

Что касается собственно структуры, сам А.Ф. Лосев об этом написал следующее: «В мифе ... наблюдается своя собственная, специфическая разделенность и диалектическое противоречие», т.к. «миф ... доступен триадическому делению». Развивая свою мысль далее, А.Ф. Лосев подчёркивает: «Личность, история и слово [здесь и далее: курсив А.Л.] – диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это – диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа. Вот почему всякая реальная мифология содержит в себе 1) учение о первозданном светлом бытии, или просто о первозданной сущности, 2) теогонический и вообще исторический процесс и, наконец, 3) дошедшую до степени самосознания себя в инобытии первозданную сущность» [Лосев 1999: 382-383].

Однако по ходу своих рассуждений к трём уже заявленным компонентам А.Ф. Лосев добавляет ещё одно: «чудо», без которого он не может сформулировать окончательное определение. В результате в его «формуле» оказалось «четыре члена: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово» [Лосев 1999: 382-385], – которую можно было бы представить как структуру мифа, что исследователи творчества А.Ф. Лосева, как правило, и делают, если бы не одно важное обстоятельство. И оно заключается в том, что в данном случае речь идёт не о мифе вообще, а о мифе как понятии. О чём он и написал далее: «На этом придется мне и закончить свое феноменолого-диалектическое раскрытие понятия мифа» [Лосев 1999: 387]. Немного ниже А.Ф. Лосев ещё раз подчеркнул: «То, что мы исследовали, можно назвать исследованием понятия мифа. Мы фиксировали самые основные и примитивные моменты, без которых миф невозможен как миф. Но этим, разумеется, еще ничего не сделано для реального анализа реальных типов мифологии. Миф не есть понятие мифа. Из тех смысловых установок, которые мы нашли в понятии мифа, вернее, из их различной комбинации, мы должны получить диалектическую классификацию сначала основных типов мифологии вообще, а потом и диалектическую структуру отдельных мифов. Этим занимается следующий выпуск моего общемифологического труда» [Лосев 1999: 387].

Кстати, с учётом того, что в определении мифа А.Ф. Лосев исходил из понятия «имя» («миф есть имя»), можно ещё привести пример его некоторой структуризации: «Имя есть собственное слово личности, то слово, которое только она одна может дать и выявить о себе. В имени – диалектический синтез личности и ее выраженности, ее осмысленности, ее словесности» [Лосев 1999: 385]. Однако, на наш взгляд, это лишь ещё один пример того, как можно структурировать понятие мифа с учётом его структурной универсальности.

Итак, как видим, А.Ф. Лосев явно не был намерен ограничиваться только выявлением структуры понятия 'миф'. И хотя анонсированное им произведение так и не было написано, его варианты структурирования мифа структурой понятия не ограничились.

Так, в частности он писал: «Все эти мифологические идеи – индийская, египетская, греческая, православно-христианская, католическая, протестантская, атеистическая и пр. – в свою очередь складываются в одну общую синтетически-воплощаемую во всемирно-историческом процессе Идею, и возникает, таким образом, единая всемирно-человеческая мифология, лежащая в основе отдельных народов и их мировоззрений и постепенно осуществляемая путем смены одной религиозно-мифологической и, следовательно, исторической системы – другою» [Лосев 1999: 384]. И этот текст даёт нам основание полагать, что в будущем А.Ф. Лосев планировал данную модель развернуть в более конкретных исследованиях.

Впрочем, и того, что диалектика позволяет заложить в основу изучения мифа, как структуру, так и метод её развёртывания, нам вполне достаточно. Хотя этим, разумеется, анализ структуры мифа явно не исчерпывается. Ведь и само итоговое определение мифа, которое он даёт, как «развернутое магическое имя» [Лосев 1999: 386], содержит в себе структуру. Хотя не всем может быть понятно, в чём она.

Чтобы позиция А.Ф. Лосева была по данному вопросу яснее, нам придётся обратиться к ещё двум работам выдающегося российского философа. Первой из них является написанная примерно в то же время, что и «Диалектика мифа», «Философия имени», где им были развёрнуты «до-предметная структура имени» [Лосев 1999: 46-

92] и «предметная структура имени» [Лосев 1999: 93-139]. Того «имени», что и есть миф. Имени, которое, по его словам, «победило мир» [Лосев 1999: 153].

В итоге рассмотрения двух «структур имени» А.Ф. Лосев составил «таблицу 67 моментов в имени», которую можно представить как его структуру или один из её вариантов [Лосев 1999: 147-149].

Причём, помимо этого, у А.Ф. Лосева есть ещё небольшая, но важная работа, подводящая итог предыдущим исследованиям, под названием «Миф – развернутое магическое имя» [Лосев 1999: 405], где он сначала рассматривает миф «троично», а затем выясняет «иерархическую природу имени» [Лосев 1999: 420].

Однако разбирать данные структуры мы не будем, ограничившись лишь констатацией того, что даже упоминание предложенных А.Ф. Лосевым моделей структур даёт значительно больше оснований для вариантов структурирования мифа, чем мы можем найти у К. Леви-Строса [Леви-Строс 2001]. Ведь в данном вопросе А.Ф. Лосев ничем себя не ограничивает, трактуя миф не как «лингвистический объект», а как культурную универсалию [Ставицкий 2012]. Но, видимо, основная его мысль, что миф «наиболее яркая и самая подлинная действительность, ... совершенно необходимая категория мысли и жизни» [Лосев 1999: 210], оказалась для исследователей его творчества настолько довлеющей, что описание им мифологических структур они как-то проглядели. А жаль.

И в заключении нам остаётся добавить, что само понятие «слово», которое мы рассматриваем как поименование всего, что нас окружает, следует понимать как диалектический феномен, не очень понятный нам, если мы не вспомним о том, что у древних (эллинов) «слово» могло обозначаться двумя понятиями: «мифом» и «логосом», где первый ассоциировался с чем-то тёмным, непонятным, алогичным, хаотичным, вне-правильным, а второй – с правильным, упорядоченным, структурирующим, устойчивым началом. И между ними была существенная разница, соотносимая с разницей между «порядком» и «хаосом».

В своё время, начиная с Ксенофана, Платона и Аристотеля, мыслители стали отдавать предпочтение «логосу», а «миф» ассоциировать с чем-то ложным, иллюзорным, отжившим. И эта позиция сохранилась в науке до сих пор [Ставицкий 2012: 192]. Она, разумеется, очень удобна. Однако современный подход к мифу, который был заложен ещё А.Ф. Лосевым, требует эти начала уравнивать. Так структура мифа обретает свою динамически проявляемую устойчивость и цельность, которая показывает, что в ней заложена одна из ключевых тайн мифа [Ставицкий 2012: 238].

Кстати, поскольку написанная в 1923 г. «Философия мифа» была опубликована лишь через 4 года, А.Ф. Лосев в предисловии к ней делает одно довольно любопытное признание: «Я ... до чрезвычайности жалею, что не напечатал эту книжку тогда же, в 1923 году. Дело в том, что тогда бы я за нее отвечал целиком. Тогда мне было все ясно, о чем я писал. Теперь же похвалиться в полной мере этим не могу» [Лосев 1999: 31]. Это признание дорогого стоит, показывая, что даже для великого исследователя мифа А.Ф. Лосева он таил достаточно загадок, многие из которых не открыты до сих пор.

Методологическая ограниченность структурной лингвистики при выявлении структуры мифа

Хотя в трудах К. Леви-Строса миф предстаёт как результат «величайшей степени организованности на первый взгляд произвольных продуктов человеческого духа» [Леви-Строс 2001: 752], определить характер и структуру его организации К.

Леви-Стросу фактически не удалось. И вряд ли удастся его последователям. В самом деле, как быть со структурой мифа, построенной на «фразе», как исходной «единице» мифа-высказывания, когда одна буква алфавита может вмещать в себя символику космогонии, коды таинств смерти и возрождения, скрытые сакральные смыслы вещей [Генон 2002], которые так упоительно описывал сам К. Леви-Строс? Понятно, что данная мифическая структура в силу своей искусственности без множества оговорок, допущений и условностей просто не работоспособна. Но что в результате их остаётся в этой структуре от самого мифа? В какую клетку его пытаются этим загнать? В какую ловушку поймать? Каким прибором измерить? Каким инструментом вычерпать или обезоружить? Ясно, что, подобно воде в решете, миф для данной структуры неуловим. Неуловим, как целое. Но в качестве своеобразного утешительного приза миф способен подарить сторонникам предложенного К. Леви-Стросом варианта структурирования свою оригинальную мифологию, с помощью которой они будут ещё многие годы оправдываться в духе тех, кто ищет серую кошку в тёмной комнате, не зная, что её там нет, всячески скрывая её исходную бесплодность и тупиковость.

Ведь, положив в основу структуры мифа высказывание, К. Леви-Строс выстроил её таким образом, что все остальные элементы мифа стали рассматриваться как внесистемные, исключив полноту значений, без которых миф просто не существует, проявляясь разом во всём на всех возможных для него уровнях. Однако насколько это было в ходе исследования оправдано? Ведь в данном случае произошла невольная подмена качественных показателей количественными. Многомерная динамика заменена односторонней линейностью. Многообразие исходных установок заменено моноличным единообразием. Значит, процесс исследования мифологических структур в его варианте определялся уже не логикой мифа, а соображениями удобства понимания применительно к тому, что уже было известно и наработано в рамках структурной лингвистики. Но структурной лингвистикой анализ мифа не исчерпывается и не будет исчерпан никогда.

К сожалению, соблазн свести миф к совокупности связанных друг с другом по смыслу слов и предложений, вписав их в понятие «высказывание», поскольку смысл любого слова выражается в совокупности других слов, связанных по смыслу в предложения, для К. Леви-Строса оказался слишком сильным. Ещё удобнее считать предложения исходными элементами логической структуры, так как выражаемая ими мысль обычно более определённа по сравнению с мыслью, выраженной отдельными словами. Так за основу структуры ложится структурная единица «фраза». Но фраза делится на слова, а слова имеют своё значение и усвоение их смысла предшествует соединению их в предложения. И если ошибочны исходные посылы, каков будет общий результат? В любом случае, он всегда будет разным.

Особенности мифа в контексте его структурирования

Однако, если структурная лингвистика не в состоянии решить проблему структурирования мифа как целого, для её решения требуются усилия других наук с исходной установкой на то, что миф в первую очередь не «лингвистический объект», а универсалия культуры.

При этом следует учесть, что согласно общим принципам и подходам структурного описания мифологических систем, требующим выявлять множество элементов и отношения между ними в рамках мифа как целого, вряд ли будет успешным такой вариант, где целое подменено самой малой частностью. Ведь частность не даёт

возможности раскрыть строение системы как целого. А при учёте целого, это вполне возможно.

К тому же, ставка на мифическое «высказывание» не обеспечивает необходимое для успешного функционирования разнообразие множеств на основе структурного и функционального подобия и не может учесть мифологической, семиотической и языковой неоднородности. Тогда как грамотный учёт этих данных в рамках мифа как целого в совокупности создаёт состоящую из двух и более интегрированных структур единую инвариантную биполярную модель, включающую в себя весь комплекс составляющих – от «право-» и «левополушарного» мышления до разноязычных субтекстов текста, построенных на принципиальном полиглотизме культуры.

Впрочем, предыдущие соображения не означают, что путь, заложенный исследованием К. Леви-Строса, себя полностью исчерпал. Ведь знаковая, или синтаксическая, структура является наиболее доступным показателем аспектом структуры научного знания. В свою очередь семантический анализ даёт различные интерпретации структуры мифа, укладывающейся в схему «знак – значение». Она в свою очередь может выстраиваться в соотношениях: знаки – чувственно воспринимаемые предметы, знаки – образы или изображения, знаки – операции и т.п. А это значит, что данная структура может усложняться за счёт дальнейшего анализа значений. Но очевидно также, что у подобной структуры должно быть чётко проявленное «ядро», и «высказывание» им быть не может.

Как видим, общее направление подобных исследований вполне допустимо, но исходные подходы в нём придётся существенно корректировать. И мы попробуем это сделать. Ведь критика сделанного К. Леви-Стросом мало чего стоит без конструктивных идей и мер. И нам необходимо предложить и обосновать такие подходы и варианты структурирования, которые позволят исследователям идти дальше, основываясь на том, что структура мифологических сюжетов или структура мифа как речевого высказывания структурой собственно мифа в рамках всего мифологического пространства быть не может. Ведь миф во всей своей многообразной полноте и целостности к ним не сводится. Следовательно, то, что предлагалось К. Леви-Стросом в качестве структуры мифа, есть лишь структура его зафиксированного в определённой последовательности повествования. Возможно, одна из многих. По крайней мере, в зависимости от того, будет ли это высказывание выстроено парадигматически (ассоциативно) или синтагматически (линейно), а также насколько грамотно переведено, сам миф как играющая смыслами целостность для этого высказывания будет неуловим.

К тому же не ясно, как быть с тем, что миф одновременно может быть представлен как целостный знак, как последовательность знаков и как их структурная иерархия? Ведь текст мифа может как распаться на знаки, так и выступать Знаком иного уровня сам. И эти черты его смысловой проявленности могут отражаться и в одном символически окрашенном слове, и во фразе, и в мифологическом сюжете, и во всём имеющем сложную иерархическую структуру мифологическом пространстве, воспринимаемом как единый целостно проявленный миф [Осаченко 1997].

Известно, что одно слово в своём мифологическом значении может вбирать в себя целые миры и выстраивать самые разнообразные отношения в рамках мифологического универсума, подобно капле, вбирающей в себя океан. Но включённое в ту или иную структуру (фразу, мифологический сюжет или социальную мифологему), оно будет всего лишь минимальной структурной единицей [Руберт, Шишова 2001]. В

подтверждение этого можно сослаться хотя бы на довольно известную работу выдающихся семиологов Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского «Миф – имя – культура» [Лотман 2004: 525-543], где мифологический семиозис раскрывается как процесс номинации, поскольку «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени» [Лотман 2004: 527].

Таким образом, в связи с поставленной ранее проблемой поиска более конструктивных вариантов структурирования мифа, перед нами встаёт ряд методологических вопросов, которые закладывают исходные императивы последующего познания. Что при определении структуры мифа положить в её основу? Как нам рассматривать структуру мифа: как некую закрытую и абстрагированную от общего, вырванную из смыслового контекста частность или речь идёт обо всём мифологическом пространстве? Из чего нужно исходить для выработки подходов в рассмотрении структуры мифа – из мифа как целого или из максимально малых его частей?

В связи с этим, исследователям мифа необходимо учитывать следующее:

1) Поскольку миф универсально пластичен и повторяет структуру того объекта, который подвергает мифологизации, по всей видимости, поиски единой для всех мифов универсальной структуры не будут плодотворными. Ведь проблема определения мифологической структуры – не поиск атомарной разновидности того или иного частного акта мифотворения, а системное моделирование интеллектуального инварианта как такового. Это значит, что исходной точкой исследования должен быть не конкретный единичный миф, а всё мифологическое пространство, наполненное определённой символически освящённой, знаково неоднородной и обладающей определённой степенью непредсказуемости информацией, способное хранить, генерировать, создавать, трансформировать и транслировать её. И в этом оно аналогично семиотическому пространству.

2) Мифологическое пространство заполнено множеством находящихся в самых разных отношениях друг с другом разнородных элементов, которые, взаимодействуя и сталкиваясь разными смыслами, колеблются между полной тождественностью и абсолютным несовпадением. «Эти разноязычные тексты одновременно включают в себя обе возможности, то есть один и тот же текст может быть по отношению к некоему смысловому ряду в состоянии непересечения, а к другому – тождества. Это разнообразие возможных связей между смысловыми элементами создает объемный смысл, который постигается в полной мере только из отношения всех элементов между собой и каждого к целому. Кроме того, следует иметь в виду, что система обладает памятью о своих прошедших состояниях и потенциальным «предчувствием» будущего» [Лотман 2004: 146].

3) При формировании структуры мифа в первую очередь следует исходить из того, что многообразие подходов и определений системы порождает разнообразие форм её структуры. К тому же миф не существует сам по себе. Он наделяет смыслом и значимостью то, что нас окружает и, пропитывая их своим мифическим содержанием, сам копирует их в том числе и с точки зрения структуры. Поэтому, чтобы понять структуру конкретного мифа, надо выяснить, какой именно элемент мифического пространства мы структурируем. И из этого исходить.

Миф как пространство в рамках соотношения частного и целого

При анализе возможных вариантов структуры мифа особое внимание привлекает удивительная способность мифа к трансформации, которая в свою очередь требует учесть следующее:

1) Благодаря ей, миф может разворачивать и подавать любую свою часть, как целое, соотнося её с чем-то, что напрямую с данным мифом может и не соотноситься. «Любая часть, отдельная структура исчерпывающе репрезентирует целое, всю систему, ибо её структуры эквивалентны» [Шоркин 1996: 39], – не без оснований заключает по этому поводу А.Д. Шоркин. И мы не будем против данного вывода возражать. Но уточним, что способность мифа к трансформации распространяется и на его структуру.

2) Пластичность мифологических структур настолько поразительна, что одна часть мифа при другом подходе может не только выступать как целое, но и включать в себя в качестве части то целое, частью которого при другом подходе являлась сама. Следовательно, исходные узлы и уровни мифологической структуры будут меняться в зависимости от того, что положено в её основу в качестве «ядра».

3) Процесс структурирования происходит в определённых рамках. И они должны быть, хотя бы в самых общих чертах определены. Значит, занимающемуся изучением структур мифа исследователю необходимо учитывать, что в самом широком смысле структура представляется, как обобщённая характеристика специфических системных свойств, фиксирующая в абстрактной форме элементы, отношения, связи системы между частями целого, их упорядоченность и внутреннюю организацию.

Отсюда следует, что для того чтобы разобраться в структуре мифа, надо рассматривать его как целое в максимально выраженном для него объёме. То есть как цельную и самодостаточную мифосистему. Значит, у мифа нет какой-то одной структуры, так как она выстраивается вокруг определённых исходных установок. И поэтому сводить миф к какой-то пусть и наиболее важной частности, в данном случае – к повествованию, высказыванию, к сюжету про Эдипа [Леви-Строс 2001: 221-226] или «беременного мальчика» [Леви-Строс 2001: 243], как это делал К. Леви-Строс, по сути, означает упрощать его для удобства собственного понимания, выстраивая миф под себя.

4) Анализ мифа и социокультурного мифотворчества выстраивается в рамках двух исходных полярных, но ключевых контекстов – личности и социума, индивидуального сознания и среды, в которой эта личность формируется и реализуется. Выступая своеобразными точками отсчёта, они в свою очередь формируют своё мифологическое пространство, в котором и личность, и общество будут жить, развиваться и выживать.

5) В свою очередь для анализа мифического наиболее целесообразным, на наш взгляд, следует выделить три основных аспекта: антропологический, культурный и социальный. И в рамках этого стягивающего смыслов треугольника будет разворачиваться мифическая структура бытия. Эта структура формирует «образ» пространства мифа и в силу разности его основных взаимодействующих элементов этот образ постоянно меняется.

6) Пространственная структура мифа организована неравномерно. Она имеет одно и более узловых (ядерных) образований и размещённую между узлами структуры периферию. «Центр» и «периферия» противостоят друг другу и активно друг с другом взаимодействуют. При этом:

- ядра составляют свои относительно самостоятельные подсистемы, взаимодействующие и друг другу противостоящие в рамках целого;

- в силу постоянных внутренних изменений «периферия» и «центр» могут периферически меняться местами или становиться частью чего-то третьего.

7) В связи со сказанным особо следует оговорить, что потенциально, таким

«центром» (смысловым ядром) в мифе может стать любой элемент. Всё, что угодно. И это означает, что общепринятой структуры и у мифа нет, а точнее он является и не является структурой одновременно, сохраняя некий роевой, сетевой принцип.

8) Кроме того, в рамках общего пребывающего в динамике мифического пространства мы не можем исключить наличие структурных узлов и «поля» своеобразной «дезорганизации». Они обеспечивают способность мифов к регенерации. То есть, самовосстановлению через преобразование внешних возмущений в факторы внутренней структурной организации. Таким образом, в мифе механизм самоорганизации сочетается с механизмом самодезорганизации. То, что окостеневает, подлежит разложению. Что разложилось, готово к новой самоорганизации. Благодаря этой динамике все структуры мифа отвечают реальности его системного существования.

9) Активное взаимодействие центра и периферии, а также различных центров между собой обеспечивает структурную динамику мифологического пространства, в основе которой лежит механизм трансформации, приводящий к активному вовлечению новых структур и периодическому взаимоперемещению ядра и периферии. Механизм структурной динамики обеспечивает динамическое состояние системы через взаимные перемещения, смену актуальности и полюсов внутреннего напряжения.

В основе трансформации лежит смена главного и второстепенного, центра и периферии, однозначного и амбивалентного, существующего и «несуществующего», системного и внесистемного, ценного и лишённого ценности, описываемого и не подлежащего описанию. Более гибкая структура периферии является естественным накопителем тех структурных форм, которые на следующем этапе развития системы могут оказаться доминирующими и из периферии переместиться в центр.

10) Для понимания внутренней динамики мифологических структур важно также учесть своеобразную неравномерность его пространства. Структурно мифологическое пространство строится на основе выделения в нём элементов системы и связей, сохраняющих свою неизменность при любых изменениях и преобразованиях. Эти элементы составляют структуру системы и являются для неё существенными. То, что признаётся при этом маловажным и несущественным, может не приниматься в расчёт.

Именно с подобными неизменными структурами «работает» наука, в той или иной степени абстрагируясь от остального и выводя его из системы, делая внесистемным. Понятно, что пренебрегать маловажными изменениями ради удобства понимания приходится, чтобы понять главное. Но мифология – слишком подвижная система для этого [Миф в истории, политике, культуре 2018: 62-66, 84-87, 105-110, 299-304]. Она постоянно меняется и преобразуется в соответствии с отражаемой ею реальностью. И её подвижность обеспечивается теми «маловажными» изменчивыми элементами, которыми исследователь может и, как правило, считает возможным пренебречь. Именно поэтому, в зависимости от исходных исследовательских подходов, мифическая структура может быть вариативной. И число этих вариантов, по всей видимости, ничем не ограничено, кроме нашей фантазии.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, в качестве исходной матричной основы целесообразнее взять не мельчайший мифический элемент, типа «фразы», «высказывания», а всё мифологическое пространство как единое целое во всём его бесконечном многообразии. Ведь для мифа приоритет «целостности» является определяющим, но единство его выстраивается из многообразия динамично взаимодействующих между собой множеств, где структуру предлагает не сам миф, но то, что он мифологизирует.

Литература

- Генон Р.* Тайны буквы «нун» // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 174–179.
- Леви-Строс К.* Мифологики. В 4-х тт. Т.4. Человек голый. М., 2007. 784 с.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. (Серия «Психология без границ»).
- Лосев А.Ф.* Самое само: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2004. 704 с.
- Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 592 с.
- Осаченко Ю.С.* Философский миф в структуре философского знания // II Копнинские чтения. Томск, 1997. С. 128–132.
- Руберт И.Б., Шишова Ю.Л.* Мифологема как единица семиотики культуры // Молодежная культура и ценности будущего. СПб., 2001. С. 9–14.
- Ставицкий А.В.* Наука и миф: проблема соотношения // Философия хозяйства. №2. 2014. С. 167–176.
- Ставицкий А.В.* Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
- Ставицкий А.В.* Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
- Ставицкий А.В.* Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
- Ставицкий А.В.* Структура мифа по К. Леви-Стросу: опыт несостоятельного // Вопросы психолингвистики, 2018, № 1(35). С. 126–140.
- Шоркин А.Д.* Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии. Симферополь. 1996. 216 с.

MYTH AND INITIAL PARAMETERS OF ITS STRUCTURING

Andrey V. Stavitsky

Associate Professor of the Department of History and International Relations
Branch of MV Lomonosov Moscow State University in Sevastopol,
299001, Sevastopol, str. Heroes of Sevastopol, 7
stavis@rambler.ru

The article considers the initial parameters of the myth structuring while taking into account the criticism of the myths structure proposed by K. Levi-Strauss in “Structural Anthropology” and the followed works. This criticism comes from the main methodological error of K. Levi-Strauss in the search for the structure of the myth, which is based on the attitude that the myth is a linguistic object. However, without disputing this premise in principle, it is more correct to proceed from the fact that the myth is still not so much a linguistic object as the universal of culture. This means that this issue cannot be resolved by

structural linguistics without using the experience of other branches of knowledge, including philosophy, cultural studies, and anthropology.

In turn, as an initial matrix basis for structuring a myth, it is more expedient not to take the smallest mythical element, such as “phrases”, “utterances”, but the entire mythological space as a single whole in all its infinite diversity. This is due to the fact that the striking ability of the myth to transform extends to its structure, where one part of the myth with a different approach can not only act as a whole, but also include as a part the whole, of which the other was a part. This circumstance makes the search for the structure of a myth meaningless if one word in its mythological meaning can absorb whole worlds and build a wide variety of relationships within a mythological universe, like a drop that absorbs the ocean. Therefore, by virtue of its plasticity, myth acquires the structure of what it mythologizes, offering only variants of the structure of myth as a concept, where the diversity of approaches and definitions of a myth-system generates a variety of forms of its structure, which are considered in the article.

Keywords: myth, structure of myth, K. Levi-Strauss, universal of culture

References

Genon R. Tayny bukvy «nun» [Secrets of the letter «Nun»] // Genon R. Simvoly svyashchennoy nauki [Sacred milestones of science]. M.: Belovodye. 2002. S. 174–179. (In Russian).

Levi-Stros K. Mifologiki [Myth-logics]. V 4-kh tt. T.4. Chelovek golyy [The man is naked]. M., 2007. 784 s. (In Russian).

Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology] / Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. M.: EKSMO-Press, 2001. 512 s. (Seriya «Psikhologiya bez granits»). (In Russian).

Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. SPb.: Iskusstvo–SPB. 2004. 704 s. (In Russian).

Losev A.F. Samoeye samo: Sochineniya [The most very: Writings]. M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 1999. 1024 s. (In Russian).

Mif v istorii, politike, kulture [Myth in History, Politics, Culture]: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdistsiplinarnoy zaochnoy konferentsii (noyabr 2017 goda. g. Sevastopol) [Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol)] / Pod redaktsiyey O. A. Gabriyelyana. A. V. Stavitskogo. V. V. Khapayeva. Sevastopol: Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole. 2018. 592 s. (In Russian).

Osachenko Yu.S. Filosofskiy mif v strukture filosofskogo znaniya [Philosophical myth in the structure of philosophical knowledge] // II Kopninskiye chteniya [II Kopninsky reading]. Tomsk. 1997. S. 128–132. (In Russian).

Rubert I.B. Shishova Yu.L. Mifologema kak edinita semiotiki kultury [Mythologem as a unit of semiotics culture] // Molodezhnaya kultura i tsennosti budushchego [Youth culture and values of future]. SPb., 2001. S. 9–14. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Nauka i mif: problema sootnosheniya [Science and myth: the problem of correlation] // *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of economy]. № 2. 2014. S. 167–176. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of the modern myth]. Sevastopol: Ribest. 2012. 543 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnyye funktsii [The modern myth and its main functions]. Sevastopol: Ribest. 2012. 238 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Sovremennaya mifologika: opyt postizheniya Inogo [Modern mythology: the experience of comprehending of Other]. Sevastopol: Ribest. 2012. 192 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Struktura mifa po K. Levi-Strosu: opyt nesostoyatel'nogo [The structure of the myth of K. Levi-Strauss: the experience of the insolvent] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. M., 2018. № 1(35). S. 126–140. (In Russian).

Shorkin A.D. Skhemy universumov v istorii kultury. Opyt strukturnoy kulturologii [Schemes of universes in the history of culture. The experience of structural culturology]. Simferopol. 1996. 216 s. (In Russian).

Трибуна молодых ученых

УДК 81.23   DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-186-199

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТА В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОРОЛИКОВ С ЗАПРЕТОМ ВЕДЕНИЯ ВИДЕОСЪЕМКИ)

Верещака Наталья Юрьевна

аспирант кафедры общей теории словесности
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
119234, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 51
naveresh@gmail.com

Статья посвящена изучению особенностей речевого поведения лиц, находящихся на своем рабочем месте в момент возникновения конфликтной ситуации. Материал для анализа включает в себя 11 видеозаписей, размещенных на сайте YouTube. В данных видеороликах одни лица (представители некоей организации, некоего объекта) запрещают другим лицам (videоблогерам, правозащитникам) снимать окружающую обстановку на видеокамеру. С целью выявления ряда речевых тактик и стратегий ведения конфликтной коммуникации описываются различные особенности речи конфликтующих сторон. В статье также рассматривается профессиональное самопозиционирование отдельных коммуникантов, в том числе с точки зрения соблюдения или несоблюдения ими предписанных правил и норм. В результате проведенного анализа делаются выводы о том, что: 1) коммуниканты могут как противопоставлять себя оппоненту, так и пытаться устранить различия между собой и собеседником; 2) с помощью различных языковых средств конфликтующие, с одной стороны, могут демонстрировать свою подвластность обстоятельствам, с другой – намеренно преувеличивать свои служебные полномочия с целью демонстрации своего превосходства; 3) в отдельных случаях представители различных организаций могут «выходить из роли» служащего и нарушать принятые в обществе нормы ведения коммуникации.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная коммуникация, речевое поведение, профессиональное самопозиционирование, речевой этикет

Введение

Конфликтные ситуации являются предметом изучения различных гуманитарных дисциплин. С учетом разнообразия и вариативности подходов к рассмотрению данного явления единое определение для понятия «конфликт» в современной науке отсутствует. Для лингвистики, согласно М.Ю. Сейранян, конфликт интересен с точки зрения особенностей его вербального выражения под влиянием внешних факторов [Сейранян 2010: 37]. В настоящий момент в лингвистической науке существуют различные подходы к изучению конфликта: социолингвистический, психолингвистический, коммуникативно-прагматический, когнитивный, а также исследования в рамках критического анализа дискурса [Полканова 2010: 201]. В рамках всех перечисленных подходов конфликтная коммуникация обычно рассматривается с учетом позиции коммуникантов (адресата и адресанта), а также существующих между ними противоречий [Третьякова 2000: 112].

Таким образом, лингвистическое понимание конфликта сводится к тому, что конфликт есть противостояние двух и более коммуникантов, реализуемое в рамках конкретного коммуникативного акта и являющееся результатом возникшего под влиянием внешних обстоятельств столкновения интересов, мотивов и целей участников коммуникации.

В рамках настоящей статьи нас будет интересовать речевое поведение коммуникантов, находящихся на своем рабочем месте во время возникновения конфликтной ситуации. Будучи сотрудником определенного объекта (магазина, торгового центра, избирательного участка), человек является представителем определенной корпоративной культуры. Он начинает действовать согласно правилам, установленным вышестоящими лицами, отождествлять свои интересы с интересами своей организации, работодателя, владельца объекта, на территории которого находится его рабочее место. К речевой культуре людей, выполняющих свои служебные обязанности, в обществе предъявляются определенные требования: проявление внимания к собеседнику, вежливое обращение, соблюдение правил речевого этикета и речевых норм. Однако данные требования не всегда выполнимы в ситуации сильного эмоционального напряжения, которое является следствием участия в конфликте. В связи с этим коммуникант может либо в той или иной степени выходить за границы формально предписанных правил и норм, либо же пытаться оставаться в рамках своей социальной роли, подразаемающей под собой «свод прав и обязанностей, сопряженных с данным статусом» [Гофман 2000: 48], и играть ее до конца.

В настоящей статье мы проследим, каким образом коммуниканты стремятся не выйти за границы норм речевого поведения, всегда ли им это удается и как говорящие могут апеллировать к своему служебному положению в рамках достижения конечной цели – капитуляции оппонента.

Видеозаписи с запретом ведения видеосъемки как материал для исследования

Конфликты, возникшие на почве запрета ведения видеосъемки в общественных местах, являются ярким примером ситуации, когда перед человеком стоит выбор: сохранить свою профессиональную «маску» или, поддавшись эмоциям, сбросить ее.

В последнее время видеоролики, в которых одно лицо запрещает другому снимать на камеру окружающую обстановку, стали достаточно популярными у зрителей интернет-платформы YouTube. Отметим при этом, что данные видео могут быть получены их авторами как вследствие случайного стечения обстоятельств (например, ситуации, когда видеоблогер делает видеобзор товаров из магазина для собственного видеоблога), так и в результате спланированного желания заснять конфликт на видео (видеоролики от правозащитников и блогеров, ведущих видеосъемку с такими целями, как видеофиксация конфликта для возможных жалоб в различные инстанции; демонстрация широкой аудитории своей правоты¹ в споре). Таким образом, следует учитывать, что анализируемый материал заведомо предполагает наличие некоторой субъективности и возможного редактирования структуры видео человеком, разместившим запись конфликта на видеохостинге YouTube. Тем не менее, мы считаем, что подобные видеоролики максимально приближены к ситуации спонтанного, «живого» общения.

---

¹ Отметим, что в законодательстве РФ нет запрета на ведение видеосъемки в общественных местах, о чем обычно заранее осведомлены участники коммуникации, снимающие происходящее вокруг на камеру.

В процессе отбора к видеороликам предъявлялись следующие требования:

- 1) коммуникантам должно быть более 16-ти лет;
- 2) видеоролик снят на территории Российской Федерации, оба коммуниканта свободно изъясняются на русском языке;
- 3) процент неразборчивой речи – не более 20%;
- 4) инициатором конфликта всегда является лицо, работающее в месте, где ведется видеосъемка.

В итоге нами было отобрано 11 видеороликов для более детального анализа.

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей речевого поведения коммуникантов в ситуациях конфликтов на их рабочем месте.

Лингвистические средства демонстрации своего профессионального статуса

В первую очередь, обратим внимание на то, что, поскольку речь идет о наличии-отсутствии запрета на видеосъемку, все участники коммуникации стараются продемонстрировать знание правового поля в данной области. В связи с этим в речи и блогеров/правозащитников, и сотрудников различных учреждений возникает лексика, характерная для официально-делового стиля (*на основании закона, согласно Конституции Российской Федерации, на основании чего, по какому праву, частная собственность* и т.д.). Отметим, что вопрос об особенностях функционирования апелляций коммуникантов к правовому полю требует отдельного изучения.

В рамках нашего анализа необходимо учитывать, что в момент возникновения конфликта участники коммуникации находятся на своем рабочем месте, в связи с чем они активно демонстрируют оппоненту свой статус лица-представителя организации. Об этом говорит большое количество форм инклюзивного местоимения **мы** и форм глаголов 1-го лица множественного числа, встречающихся в речи говорящих.

Данные лингвистические средства могут использоваться в следующих контекстах и обозначать:

– угрозу: *«Мы еще раз вызовем охрану»* («Анонс. Жестокий запрет фотосъемки ЕВРОСЕТИ. Толи еще будет. Красноярск²»: <https://www.youtube.com/watch?v=0SBCSmlqOtQ>);

– демонстрацию обязанностей сотрудников (мы используется в сочетании с глаголами со значениями долженствования и предписания): *«Мы должны реагировать на все подозрительные...Вы для меня, например, подозрительны»* («Террористы в ТЦ Аврора. Запрет съемки»: <https://www.youtube.com/watch?v=lgp4YBkQp3g>);

– акцентирование внимания собеседника на соблюдении определенных правил (конструкция **у нас** в значении ‘на данном объекте’ в сочетании с результатами в безличных предложениях: *Молодой человек, у нас витрину вообще-то запрещено фотографировать. И в комплексе фотографировать запрещено* («Анонс. Жестокий запрет фотосъемки ЕВРОСЕТИ. Толи еще будет. Красноярск»: <https://www.youtube.com/watch?v=0SBCSmlqOtQ>); *Обратите внимание: висит знак, что съемка у нас запрещено* («МЦК: запрет съёмки, полиция, служба безопасности»: <https://www.youtube.com/watch?v=S6Oc5Aw8wEQ>).

Таким образом, говорящий показывает партнеру по коммуникации свою причастность к определенному коллективу, включенность в пространство своего рабочего

---

² Здесь и далее в названиях видеороликов сохранена авторская орфография и пунктуация.

места, стремление к выполнению своих должностных обязанностей.

В своей речи коммуниканты, находящиеся на своем рабочем месте, также используют и формы личного местоимения я. Отметим, что данное местоимение крайне редко употребляется на начальной стадии конфликта. Исключение – случаи, когда коммуниканту необходимо представиться или назвать свою должность. Впрочем, подобный акт называния своего имени или своей должности обычно является либо ответом на вопрос блогера/правозащитника «Вы кто?», либо же одной из первых фраз в начале диалога с новым участником коммуникации, но не в начальной стадии самого конфликта. Оппонент видеоблогера/правозащитника, который является инициатором конфликтной ситуации, представляется крайне редко. Коммуникация обычно начинается с обращения к ведущему видеосъемку.

На вопрос человека с видеокамерой о том, кем является инициатор коммуникации, могут следовать следующие ответы:

Б³: Вы кто?

Д: Я (пауза) руководитель этого здания (пауза) сейчас, на сегодняшний день.

(«Мини Фото Запрет Выборы в Москве»:

<https://www.youtube.com/watch?v=Z-GgZsMhzPc&t=5s>)

Б: А Вы кто?

Д₁: Я (пауза) председатель участковой (пауза) избирательной (пауза) комиссии.

(«Выборы 2018. «Щенок! Иди отсюда!» – председатель

УИК выгоняет с участка №901, оскорбляет и врёт»: <https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU>)

Следует отметить, что в подобных конструкциях четко выражена паузация. Таким образом, говорящий акцентирует внимание адресанта на личном местоимении я и своем служебном положении, придавая своим словам больше значимости.

Интересным примером является подмена ответа на вопрос о цели обращения к ведущим съемку упоминанием своего служебного положения:

ПЗ₂: С какой целью интересуетесь?

О₃: Я начальник охраны комплекса.

ПЗ₂: Отлично. Охраняйте.

(«Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»: <https://www.youtube.com/watch?v=9axuyvajAfE>)

Таким образом, коммуникант предполагает, что в данном контексте подобная формулировка объясняет его мотивацию и передает следующую пропозицию: начальник охраны комплекса имеет право знать цель, с которой ведется видеосъемка. С учетом того, что данный фрагмент коммуникации представлен на стадии эскалации конфликта, в момент открытой конфронтации, собеседник замечает подмену ответа на вопрос и, видя в сказанном нарушение постулата релевантности информации и постулата способа [Грайс 1985: 217–237], иронически замечает в ответ – «*Отлично. Охраняйте*».

---

³ Здесь и далее в примерах диалогов использованы следующие обозначения: Б – блогер, ПЗ – правозащитник, О – охранник, А – администратор, П – продавец, Д – должностное лицо на избирательном участке, М – сотрудник МЦК, К – кондуктор. В индексе указывается порядковый номер коммуниканта, если в конфликте участвует более 2-х лиц одной и той же профессиональной принадлежности.

Говоря об употреблении местоимений, следует отметить, что в речи коммуникантов (и сотрудников учреждений, и блогеров) очень часто встречаются конструкции с сочетанием местоимения 1-го лица и перформативных глаголов. В речи сотрудников, в первую очередь, это глагол *запрещать*.

В ходе конфликта коммуникант может также оспаривать свои действия, ввиду чего будет использоваться сочетание личного местоимения и глаголов (которые уже использовались ранее другим говорящим или которые опровергают сказанное другим человеком) с отрицательной частицей *не*:

Б: Я и снимаю. Вы мне щас запрещаете.

О₂: Я не запрещаю. Я просьбу. Вам просьбу. Вы ее отклонили.

(«Террористы в ТЦ Аврора. Запрет съемки»: <https://www.youtube.com/watch?v=lgp4YBkQp3g>)

В приведенном выше примере использована достаточно нестандартная конструкция с употреблением личного местоимения 1-го лица в сочетании с существительным в форме винительного падежа (*Я просьбу. Вам просьбу*). В своем высказывании коммуникант акцентирует внимание оппонента на неверной трактовке своих слов. Двукратный повтор лексемы *просьба* в противовес лексеме *запрещаю* в сочетании с удлинением первого слога в словоформе *просьбу* наряду с использованием фразовых ударений на формах местоимения 2-го лица множественного числа делает речь более эмоциональной.

Конструкция со значением просьбы при использовании глагола *запрещать* с частицей *не* встречается и в другом видеоролике:

Д: Я не запрещаю, я прошу Вас предоставить мне хотя бы свои данные.

(«Выборы 2018. Человек с камерой – УГРОЗА «честным выборам» на избирательном участке. СНИМАТЬ НЕЛЬЗЯ!»: <https://www.youtube.com/watch?v=sWNqRtRvuAw>)

Еще один случай использования лексемы *я* в сочетании с перформативными глаголами представлен в примерах с употреблением данного местоимения с глаголами с модальной семантикой возможности и долженствования (таким образом, говорящий дает понять, что служебное положение накладывает на него определенные обязательства):

О₁: Я не могу Вас пустить, Вы понимаете?

(«Террористы в ТЦ Аврора. Запрет съемки»: <https://www.youtube.com/watch?v=lgp4YBkQp3g>)

О₁: Ну какая фирма? Там...это? Я должен запросить...

(«Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»: <https://www.youtube.com/watch?v=9axuvaijAfE>)

Формулировка *Я должен запросить...* в последнем примере подразумевает, что коммуникант запрашивает данную информацию у собеседников, показывая при этом, что возможный конфликт инициирован не по его собственной воле, а в силу его служебного положения.

Отметим, что демонстрация того, что данный коммуникант действует согласно инструкции сверху, а не по своему желанию, присутствует и в конце диалога, когда к людям с видеокамерой должен подойти администратор комплекса: *Вы сами понимаете... я простой...* («Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»: <https://www.youtube.com/watch?v=9axuvaijAfE>). Лексема *простой* в данном случае обладает семантикой отсут-

ствия принадлежности участника коммуникации к какой-либо привилегированной группе (ср.: *простой человек*).

В речи коммуниканта O_1 из видеоролика «Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ» также присутствует достаточно интересная реплика, которую необходимо рассмотреть при учете общего контекста: после непродолжительной беседы с людьми, ведущими видеосъемку, O_1 (в присутствии других коммуникантов) связывается по рации со своим начальством, которое требует запросить разрешение. По окончании связи с начальством возникает следующий диалог:

$PЗ_1$: <...> *Слушаем Вас внимательно.*

O_1 : *Я прошу Вас (пауза) прекратить съемку.*

$PЗ_1$: *Мы Вас услышали. Мы Вам отказываем в Вашей просьбе.*

(«Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»): <https://www.youtube.com/watch?v=9axyvajAfE>

Высказывание O_1 , произнесено с восходящим движением интонационного тона, что лишает сказанное категоричности. Использование формы глагола *просить* также придает сказанному оттенок просьбы, а не запрета или приказа, что демонстрирует необязательность к выполнению. Впрочем, по сути, данное высказывание имеет перформативный характер и звучит лишь для того, чтобы засвидетельствовать в речи сам факт произнесения данной фразы уполномоченным на это лицом.

Говоря о коммуникативном поведении O_1 , следует отметить, что оно характеризуется отсутствием стремления к эскалации конфликта, а также отсутствием желания дистанцироваться от собеседника (предыдущий пример с использованием лексики *простой*). В процессе общения данный коммуникант демонстрирует, что сам по себе данный коммуникативный акт – часть его работы.

Апелляция к тому, что запрещающий вести видеосъемку – в первую очередь человек, а уже только потом – сотрудник определенной организации, встречается и в других видеороликах, где говорящий выбирает коммуникативную стратегию просьбы:

D_1 : <...> *Павел, хочу немножко прояснить нашу позицию: то есть такого закона, прям впрямую запрещающего, нет. Но я вот как человек. Думаю, Вы меня поймете. Представьте. Вы работаете. Тут приходит кто-то, не спросив там, и начинает Вас снимать. Как Вы работаете. Ну? Как считаете? Вам бы понравилось?*

(«Выборы 2018. «Щенок! Иди отсюда!» – председатель УИК выгоняет с участка №901, оскорбляет и врёт»): <https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU>

В данном видеоролике коммуникант также сопоставляет в рамках одного высказывания местоимения 1-го и 2-го лица (при этом в реплику включено еще и обращение по имени, что делает беседу более личной), призывая собеседника к проявлению эмпатии, а также стирая границы, обусловленные социальными статусами, между ними. Данный пример – достаточно редкий случай. Обычно в анализируемом материале наблюдается другая ситуация: конфликтующие стремятся максимально дистанцироваться от своего оппонента. И в речи блогеров/правозащитников, и в речи сотрудников учреждений возникает противопоставление местоимений 1-го лица местоимениям 2-го лица.

O_1 : *Я не могу Вас пустить, **Вы** понимаете?*

(«Террористы в ТЦ Аврора. Запрет съемки»): <https://www.youtube.com/watch?v=lgp4YBkQp3g>

*О₃: **Вы** в курсе, что **меня** нельзя снимать?*

(«Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»: <https://www.youtube.com/watch?v=9axyvaijAfE>)

*Д₁: <...> Так что убирайте, я это **вижу**, **вы нарушаете** закон.*

(«Выборы 2018. «Щенок! Иди отсюда!» – председатель УИК выгоняет с участка №901, оскорбляет и врёт»: <https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU>)

Противопоставление «мы – Вы» может возникать в самых первых репликах некоторых диалогов:

*М₁: Мужчина, **Вы** без разрешения **у нас** ведете видеосъемку?*

(«МЦК: запрет съёмки, полиция, служба безопасности»: <https://www.youtube.com/watch?v=S6Oc5Aw8wEQ>)

*Д₁: Молодой человек, почему **Вы нас** снимаете? Кто **Вы**?*

(«Выборы 2018. Запрещают снимать, выгоняют, вбрасывают бюллетени. Мониторинг УИК 917»: <https://www.youtube.com/watch?v=Xeb7Z5Qjhak>)

Подобные примеры показывают, что говорящий, используя инклюзивное местоимение, сразу же заявляет о себе как о представителе определенного учреждения или объекта воображаемому нарушителю. Сочетание в границах одного высказывания личных местоимений 1-го и 2-го лица демонстрирует изначальное вторжение другого в пространство, которое говорящий мыслит как свое.

Противопоставление «я – Вы» и «мы – Вы» также достаточно часто встречается в высказываниях с выраженной угрозой («Если Вы..., то я...»), например:

*П: Если **Вы сейчас** не перестанете фотографировать, я вызову группу охраны. Хорошо?*

(«Анонс. Жестокий запрет фотосъемки ЕВРОСЕТИ. Толи еще будет. Красноярск»: <https://www.youtube.com/watch?v=0SBCSmlqOtQ>)

Иногда в попытке вычеркнуть оппонента из своего пространства коммуникант прибегает к использованию отрицательного местоимения никто:

*О: Ну тогда и **Вы для нас** никто.*

(«Люберцы. ЖЕСТКИЙ ЗАПРЕТ СЪЕМКИ. Магазин Торговые Люберецкие ряды»: <https://www.youtube.com/watch?v=ZJqM02zHa1I>)

Таким образом, используя формулировку «Вы никто», охранник может демонстративно обезличивать оппонента, подчеркивая ничтожность позиции последнего.

В другом примере за счет употребления отрицательного местоимения партнер по коммуникации выводится за рамки собственного пространства, при этом демонстрируется некоторая чуждость человека с камерой для всех окружающих (он не участник выборов и не наблюдатель).

*Д₁: **Вы не** участвуете. **Вы не** наблюдатель, **никто**.*

(«Выборы 2018. Запрещают снимать, выгоняют, вбрасывают бюллетени. Мониторинг УИК 917»: <https://www.youtube.com/watch?v=Xeb7Z5Qjhak>)

Еще один случай употребления отрицательного местоимения может характеризовать говорящего как носителя определенных культурных представлений:

*П: Я не знаю. Вы не представились, **Вы никто**. Выходите.*

(«КНИГУ ОТЗЫВОВ НЕ ДАМ (Запрет на съемку видео)»): <https://www.youtube.com/watch?v=igZh50klh54>

Продавец подчеркивает, что до тех пор, пока человек не представился – он для нее никто. В подобной позиции отражается приверженность коммуниканта к соблюдению правил речевой культуры, а также представлению, существующему в национальной культуре, о том, что имя – это нечто большее, чем просто слово, предназначенное для сигнификации конкретного человека: если лицо не назвало себя, оно не является полноценным участником коммуникации. Примечательно, что в данном фрагменте есть повышение тона голоса, что говорит об усилении эмоциональности речи говорящего. В такие моменты сотрудник обычно выходит из образа представителя некоей организации. Ср. с другим примером, в котором вопросительное местоимение кто в сочетании с существительным с пренебрежительным оттенком приближается по семантике к местоимению никто:

Б: Вы кто? Фамилию мне свою просто назовите.

*Д₁: Вы-то **кто, щенок**? Иди отсюда!*

(«Выборы 2018. «Щенок! Иди отсюда!» – председатель УИК выгоняет с участка №901, оскорбляет и врёт»): <https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU>

Данный фрагмент один из наиболее эмоциональных в представленном видео (сочетание экспрессивной лексики с повелительным предложением, переходом при обращении к оппоненту к местоимениям 2-го лица единственного числа). Можно сказать, что именно на данной фразе председатель участковой избирательной комиссии перестает позиционировать себя как сотрудник избирательного участка и переходит к общению, свойственному немаркированной по социальным ролям конфликтной коммуникации.

Отметим, что подобный эмоциональный выплеск будет не всегда. Официальный представитель учреждения может либо сдаться и разрешить видеосъемку, либо переложить конфликт на кого-либо более старшего по должности, представителей охраны или полицейских. Впрочем, прежде чем перейти к следующему шагу на пути к ликвидации конфликта, коммуникантами используется тактика, связанная с демонстрацией своего служебного положения, в силу которого говорящий может предъявлять параллельные требования к партнеру по коммуникации.

Апелляция к своим служебным полномочиям как способ демонстрации превосходства над оппонентом

Так, представительница избирательного участка, прежде чем перейти к резкой эмоциональной реакции на происходящее, действует следующим образом:

Д₁: Снимайте чего хотите, я даю разрешение.

Спустя некоторое время:

Д₁: Предъявите свой паспорт.

Б: С какой целью?

<...>

Д₁: С какой целью вы снимаете. Я когда увижу себя в интернете, на вас в суд подам.

Б: Обязательно.

Д₁: Давайте.

Б: Давайте.

Д₁: Паспорт! Паспорт предъявите!

(«Выборы 2018. «Щенок! Иди отсюда!» – председатель УИК выгоняет с участка №901, оскорбляет и врёт»:
<https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU>)

В данном случае присутствует отложенная реакция на происходящее. Пример подобной реакции, связанной с демонстрацией своего права выдвигать требования в силу служебного положения, можно встретить и в видеоролике с запретом ведения видеосъемки в торговом центре. Когда требование не удовлетворяется, коммуникант переходит к угрозе. При этом он не уточняет в своем высказывании, какие именно сотрудники должны подъехать. Подобное умолчание усиливает перформативный статус высказывания и призвано уstrasшить противника. Перестановка темы и ремы, как и в предыдущем примере (Ср.: *Фамилию можете мне назвать? – Мне Вашу фамилию скажите, пожалуйста и предъявите свой паспорт. – Паспорт! Паспорт предъявите!*), придает высказыванию дополнительную эмоциональную окраску и усиливает категоричность требования.

О₃: Скажите, пожалуйста, к Вам как обращаться можно?

ПЗ₂: Ко мне Андрей можно обращаться.

О₃: А имя-отчество, ой фамилия-отчество есть у Вас?

ПЗ₂: Андрей Викторович можно обращаться.

О₃: Андрей Викторович, да? А фамилия Ваша как?

ПЗ₂: Вам зачем?

О₃: Ну надо мне.

ПЗ₂: «Ну надо...»

<...>

О₃: Фамилию можете мне назвать?

ПЗ₂: Зачем?

О₃: Ну как зачем?

ПЗ₂: Зачем?

О₃: Вы ж меня снимаете.

ПЗ₂: Ну и что?

О₃: Вы ж меня вот прочитали. Я не стесняюсь.

ПЗ₂: Мы ж с Вами разговаривали, если Вы отойдете, Вы не будете попадать в кадр, и мы не будем Вас снимать.

О₃: Мне Вашу фамилию скажите, пожалуйста.

ПЗ₂: Вы не уполномочены узнавать мою фамилию.

О₃: Хорошо. Щас сотрудники подъедут.

(«Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»): <https://www.youtube.com/watch?v=9axuyvajAfE>)

В этом же видеоролике встречается еще один пример, когда уже другой охранник запрашивает паспорт у собеседника:

ПЗ₂: Да. А у меня есть разрешение на съемку.

О₂: Покажите.

ПЗ₂: Кому?

О₂: Администрации.

ПЗ₂: Зачем? У Вас есть полномочия спрашивать у меня?

О₂: А, покажите, пожалуйста, свой паспорт. Я его тоже хочу снять!

ПЗ₂: У Вас есть полномочия спрашивать?

О₂: Я его в руки не буду брать.

(«Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ»): <https://www.youtube.com/watch?v=9axyvajAfE>

Требование предъявить паспорт представляет собой ярко выраженную реакцию на отказ показать разрешение на ведение съемки. Междометие *а* в начале высказывания выражает решимость со стороны говорящего и делает речь более эмоциональной. Фразовое ударение на слове *паспорт* с предшествующей ему паузой придает речи несколько торжествующей оттенок, связанный с предвкушением победы над оппонентом.

Подобный запрос персональной информации объясняется рядом причин. Во-первых, коммуникант стремится обезопасить себя от действий постороннего лица (человек с камерой воспринимается как чужой, как незнакомец: ср. с примером, в котором для продавца человек с камерой – никто, т.к. она не знает его имени). Во-вторых, коммуникант предпринимает попытку нарушить личное пространство оппонента в ответ на вторжение в пространство организации, которую он представляет). Наконец, в-третьих, человек, считающий себя наделенным служебными полномочиями, таким образом демонстрирует свое превосходство над оппонентом. В своем запросе коммуникант может требовать не только информацию о персональных данных, но и информировать партнера по коммуникации о возможных действиях со своей стороны, которые он может совершить в силу своего служебного положения:

Б: В том-то и дело, что я отклоняю Вашу просьбу.

О₂: А. Вы отклоняете.

Б: Конечно. Если Вы меня в чем-то подозреваете...

О₂: Ну тогда пойдемте досмотрим Ваши вещички... Давайте посмотрим.

Б: А у Вас есть полномочия на это?

О₂: Есть. У нас металлодетектор. Всё у нас есть.

Б: А где написано, что есть полномочия?

О₂: Вы мне подозрительны, понимаете? Значит я буду...

Б: Потому что я с видеокамерой? Нет, Вы не будете меня досматривать.

О₂: Нет, Вы с видеокамерой. Да?

Б: Ну и что?

*О₂: Как что? **Я не знаю**, что вы принесли там, понимаете.*

Б: А вас не должно это интересовать, что у меня там...

О₂: Должно.

Б: Нет. Вообще не должно.

О₂: Имею право досмотреть.

Б: Вы не имеете на это права.

О₂: А будете сопротивляться, мы щас вызовем ГБР, понимаете? Чё Вы улыбаетесь?

(«Террористы в ТЦ Аврора. Запрет съемки»): <https://www.youtube.com/watch?v=lgr4YBkQp3g>

Прежде чем перейти к открытой угрозе, охранник пытается произвести личный досмотр человека с видеокамерой. В данном фрагменте диалога представляется достаточно интересной постоянная смена лица у форм местоимений и глаголов, используе-

мых охранником: с одной стороны, он позиционирует себя как человека, включенного в определенную профессиональную общность, а с другой – как личность, наделенную особыми властными полномочиями. Речь коммуниканта также приобретает черты, характерные для полицейского и военного дискурса: глагол *досмотреть* в форме 2-го лица множественного числа, использование диминутива *вещички*.

Достаточно любопытным фактом представляется то, что элементы полицейского и военного дискурса могут проникать не только в речь охранников, которые зачастую являются выходцами из полиции и армии, а также позиционируют себя как лиц, следящих за порядком, но и в речь представителей других профессий.

В случае с отказом прекратить съемку в электропоезде возникает следующий диалог:

К: Документы на проверку предъявите.

Б: Какие документы на проверку? О чем Вы?

К: На проезд.

Б: А, на проезд – пожалуйста.

(«беспредел контролера в электричке Туапсе – Адлер»: <https://www.youtube.com/watch?v=5zoCHА5KMh8>)

Здесь, не добившись прекращения видеосъемки, контролер оканчивает беседу предъявлением к пассажиру требования. При этом в речи используется лексика официально-делового стиля, что делает сказанное более статусным и важным. С учетом того, что билет на пригородный поезд именуется документом, блогер не сразу понимает, о чем идет речь. Анализ контекстов Национального корпуса русского языка (обнаружено 19 вхождений) демонстрирует, что словосочетание «предъявите документы» характерно, в первую очередь, для военного и полицейского дискурса.

Выводы

Таким образом, за счет использования различных языковых средств коммуниканты, находящиеся в момент конфликта на рабочем месте, могут предпринимать попытки противопоставить себя оппоненту, продемонстрировать чуждость последнего окружающей обстановке. Некоторые коммуниканты «выходят из роли» представителя определенной организации, нивелируя различия между собой и собеседником, как в положительную сторону (в поисках общих точек соприкосновения), так и в отрицательную (с переходом к оскорблениям и грубости в речи). Отдельные участники коммуникации могут демонстрировать свою подвластность обстоятельствам и, по сути, давать собеседнику понять, что действия осуществляются по инициативе свыше. Другие – намеренно преувеличивать свои служебные полномочия с целью заострить внимание оппонента на своем превосходстве и наказать последнего за неповиновение.

Литература

Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.

Полканова А.А. Понятие «конфликт» в лингвистике. Основные подходы к его изучению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание. 2010. Вып. 5 (584). С. 199–207.

Сейранян М.Ю. Основные подходы к анализу конфликтогенного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета, серия «Лингвистика». 2010. № 6. С. 37–40.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. 2004. С. 112–120.

Использованные видеоматериалы

Анонс. Жестокий запрет фотосъемки ЕВРОСЕТИ. Толи еще будет. Красноярск [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0SBCSmlqOtQ> (дата обращения: 10.03.2019).

Беспредел контролера в электричке Туапсе Адлер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5zoCHN5KMh8> (дата обращения: 10.03.2019).

Выборы 2018. Запрещают снимать, выгоняют, вбрасывают бюллетени. Мониторинг УИК 917 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xeb7Z5Qjhak> (дата обращения: 10.03.2019).

Выборы 2018. «Щенок! Иди отсюда!» – председатель УИК выгоняет с участка №901, оскорбляет и врёт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU> (дата обращения: 10.03.2019).

Запрет съемки!!! Нюх потеряли! ТЦ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9ахуvаiјAfE> (дата обращения: 10.03.2019).

КНИГУ ОТЗЫВОВ НЕ ДАМ (Запрет на съемку видео) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=igZh50klh54> (дата обращения: 10.02.2019).

Люберцы. ЖЕСТКИЙ ЗАПРЕТ СЪЕМКИ. Магазин Торговые Люберецкие ряды [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZJqM02zHa1I> (дата обращения: 25.04.2019).

Мини Фото Запрет Выборы в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z-GgZsMhzPc&t=5s> (дата обращения: 25.04.2019).

МЦК: запрет съёмки, полиция, служба безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S6Oc5Aw8wEQ> (дата обращения: 25.05.2019).

Террористы в ТЦ Аврора. Запрет съемки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lgp4YBkQp3g> (дата обращения: 10.04.2019).

УГРОЗА «честным выборам» на избирательном участке. СНИМАТЬ НЕЛЬЗЯ! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sWNqRtRvuAw> (дата обращения: 15.03.2019).

**THE FEATURES OF THE COMMICANT'S SPEECH BEHAVIOR IN
CONFLICT SITUATIONS IN THE WORKPLACE
(ASTUDY OF THE VIDEOS WITH THE BAN ON FILMING)**

Natalia Y. Vereshchaka

PhD student of the Department for Discourse and Communication Studies
Lomonosov Moscow State University
119234, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, p. 51
naveresh@gmail.com

The article is devoted to the study of the features of speech behavior of persons who are faced with conflict situations at their workplace. The material for analysis includes 10 videos posted on YouTube. In these videos some individuals (representatives of a certain organization or at a certain construction object) forbid others (video bloggers, human rights activists) to film some objects. In order to identify the number of speech tactics and strategies for conflict communication various features in the speech of the conflicting parties are described. The article also discusses the professional self-positioning of communicants, as well as their compliance (or non-compliance) with the prescribed rules and regulations. As a result of the analysis, the conclusions are made: 1) communicants can either oppose themselves to an opponent, or try to eliminate the differences between themselves and the interlocutor; 2) with the help of various linguistic means, communicants, on the one hand, can demonstrate their control over circumstances, on the other – intentionally exaggerate their official powers in order to demonstrate their superiority; 3) in some cases representatives of various organizations can “get out of the role” of an employee and break the rules of communication adopted in society.

Keywords: conflict, conflict communication, speech behavior, professional self-positioning, speech etiquette

References

- Grice H.P.* Logika i rechevoye obshcheniye [Logic and Conversation]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in Foreign Linguistics], 1985, Vyp.16, p. 217–237. (In Russian).
- Gofman I.* Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo Pole Publ., 2000. 304 p. (In Russian).
- Polkanova A.A.* Ponyatiye «konflikt» v lingvistike. Osnovnyepodkhody k egoizucheniju. Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta, serija “Jazihkoznanie”, 2010, №. 5, p. 199–207. (In Russian).
- Seyranyan M.Yu.* Osnovnyje podkhody k analizu konfliktogennogo diskursa. Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta, serija «Lingvistika», 2010, No 6, p. 37–40. (In Russian).
- Tret'yakova B.S.* Rechevojkonfliktiaspekty ego izuchenija // Jurislingvistika 5: Juridicheskie aspekty jazyka i lingvisticheskie aspekty prava, 2004, p. 112–120. (In Russian).

Video Content

Anons. Zhestokiy zapret fotosyemki YEVIROSETI. Toliyeshchebudet. Krasnoyarsk [Announcement. Severe ban on photographing Euroset. It's only the beginning. Krasnoyarsk].

Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0SBCSmlqOtQ> (retrieval date: 10.03.2019).

Bespredel kontrolera v elektrichkeTuapse Adler [Mayhem of the controller in the train Tuapse Adler]. Web.URL:<https://www.youtube.com/watch?v=5zoCHA5KMh8> (retrieval date: 10.03.2019).

Vybory 2018. Zapreshhajut snimat', vygonjajut, vbrasyvajut bjulleteni. Monitoring UIK 917. [Elections 2018, expel, Stuff the ballot box. Monitoring of the polling station 917]. Web. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xeb7Z5Qjhak> (retrieval date: 10.03.2019).

Vybory 2018. "Shchenok! Idi otsjuda!" – predsedatel' UIK vygonjaet s uchastka №901, oskorbljaetivrjot[Elections 2018. "Puppy! Get Out of Here!" – the chairperson expels from the polling station 901, insults and lies]. Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mKvCqXhtueU> (retrieval date: 10.03.2019).

Zapret sjemki!!! Njuh poterjali! TC [Prohibition of shooting. Scent lost!!! Shopping center]. Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9axyvajAfE> (retrieval date: 10.03.2019).

KNIGU OTZYVOV NE DAM (Zapretnasjemku video) [I WILL NOT GIVE THE BOOK OF REVIEWS (Prohibition on shooting video)]. Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=igZh50klh54> (retrieval date: 10.02.2019).

Ljubercy. ZHESTKIJ ZAPRET SJEMKI. Magazin Torgovye Ljubereckie rjady [Lyubertsy. STRICT BAN ONFILMING. Shop Shopping LyubertsyRows]. Web. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZJqM02zHaII> (retrieval date: 25.04.2019).

Mini FotoZapretVybory v Moskve [Mini Photo Ban Elections in Moscow]. Web. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z-GgZsMhzPc&t=5s> (retrieval date: 25.04.2019).

MCK: zapretnasjemki, policija, sluzhabezopasnosti [MCC: shooting ban, police, security]. Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S6Oc5Aw8wEQ> (retrieval date: 25.05.2019).

Terroristy v TC Avrora. Zapretnasjemki [Terrorists in the shopping center Aurora. Ban on filming]. Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lqp4YBkQp3g> (retrieval date: 10.04.2019).

UGROZA "chestnym vyboram" na izbiratel'nom uchastke. SNIMAT' NEL'ZJA! [THREAT to "fair elections" at a polling station. DO NOT SHOOT VIDEO!]. Web. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sWNqRtRvuAw> (retrieval date: 15.03.2019).

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ «НЕПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ»:
РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

Головина Наталья Михайловна

Соискатель кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова,
зав. отделом информационно-библиографического сопровождения учебной и
научной деятельности,
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
n.golovina.ng@gmail.com

Настоящая статья посвящена исследованию речевой агрессии в институциональном парламентском дискурсе на примере анализа выступлений британских парламентариев в рамках парламентского часа (Prime Minister's Questions – PMQs). Дискурсивный анализ случаев речевой агрессии в парламентской интеракции позволяет сделать вывод о том, что использование оскорбительной лексики и инвектив представляет собой коммуникативную стратегию, не только широко используемую парламентариями, но и санкционированную самим институтом в качестве наиболее эффективной риторической стратегии, направленной на достижение институциональных целей: привлечения внимания избирателей и причинения наибольшего вреда политическому оппоненту. Парламентский дискурс, являясь поджанром политического дискурса, представляет собой конфликтный дискурс, коммуникация в рамках которого реализуется с целью заявления своей политической позиции, убеждения и привлечения электората на свою сторону. Автором обосновывается вывод о том, что, используя речевую агрессию, британские парламентарии, имеющие репутацию и статус в британском обществе (этнос), строят свою аргументацию, ориентируясь в большей степени на пафос (эмоции и ожидания аудитории), чем на обоснованность и разумность самих аргументов (логос).

Ключевые слова: речевая агрессия, парламентский дискурс, аргументация, коммуникативная стратегия, инвектива, этнос, логос, пафос

Введение

Речевая агрессия в форме инвективы, т.е. дискредитация оппонента посредством адресованного ему текста, требует тщательного изучения в рамках институциональных дискурсов. Несмотря на неприятие и осуждение проявлений речевой агрессии в повседневном общении, в институциональной интеракции популярность речевой агрессии в конфликтных дискурсах растет.

По одной из версий, инвективы в англо-саксонской риторической культуре (лат. *Invectio* – нападки, брань) ведут свое начало от ритуальных оскорблений, использовавшихся в адрес врага или добычи. У менестрелей и бродячих актеров германских племен была популярна перебранка (иногда рифмованная, например, в древнеисландском

сборнике песен о героях и богах «Старшая Эдда»). Примеры обмена ритуальными оскорблениями есть и в поэме «The Battle of Maldon» (991 г.), посвященной битве при Молдоне между англосаксами и викингами. В XV-XVI веках традиция обмена инвективами получила широкое распространение у шотландских поэтов [Crystal 2003: 172].

Развитие общества и изменение форм социального взаимодействия оказывает существенное влияние на функционирование уже, казалось бы, сложившихся форм коммуникации. Как отмечает Г.Г. Хазагеров, в настоящее время инвектива зачастую используется не столько для обличения или оскорбления оппонента, сколько для обращения к единомышленникам, которые в той или иной степени разделяют мнение ратора, использующего инвективу в своей речи [Хазагеров 2002: 13]. Кроме того, в рамках институциональных конфликтных дискурсов инвектива может использоваться как востребованная речевая стратегия в форме ритуальных (т.е. исторически сложившихся и институционально закрепленных) оскорблений (*ср. англ. sounding, playing the dozens, black verbal dueling* – охаивание, осрамление (обычно в отношении родственников оппонента), очернение).

Зачастую бывает непросто определить, где проходит граница между институциональным (санкционированным и оправданным) и повседневным (недопустимым и порицаемым) использованием речевой агрессии, принимающей форму инвективы. Анализ проявлений речевой агрессии в институциональных конфликтных дискурсах демонстрирует, что речевая агрессия является широко распространенной коммуникативной практикой, которая, тем не менее, имеет свои особенности в разных культурах и разных областях социальной жизни.

Изучение языкового поведения в контексте сложившихся социальных институтов позволяет изучить риторические приемы и речевые стратегии, свойственные определенному социальному институту, что может в дальнейшем способствовать лучшему пониманию социально-культурных особенностей коммуникации в рамках определённого института.

В литературе мы можем найти целый ряд определений институционального дискурса. По определению Т. ван Дейка, институциональный дискурс – это «общение в рамках сложившихся в обществе институтов, как взаимодействие, порожаемое самой деятельностью социального института» [Дейк 2013: 19]. По определению Е.И. Шейгал институциональный дискурс – это «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [Шейгал 2000: 43]. В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 292]. Объединяет все эти определения понимание того, что существование института без коммуникации между субъектами институционального дискурса невозможно, и общение это должно строиться по определённым правилам. Таким образом, мы можем говорить о том, что в рамках определённого институционального дискурса коммуниканты действуют, исполняя определенные роли, и анализировать их коммуникацию необходимо в контексте институциональных особенностей анализируемого дискурса.

Парламентский дискурс, являясь поджанром политического дискурса, представляет собой конфликтный дискурс, коммуникация в рамках которого реализуется с целью заявления своей политической позиции, убеждения и привлечения электора-

та на свою сторону. Институциональность парламентского дискурса обуславливается наличием утвержденных ритуалов и регламентов, моделей реализации политического лидерства, процедур выработки и принятия решений, принципов поведения, собственных парламенту как институту. При анализе речевой агрессии в парламентском дискурсе недостаточно полагаться на традиционные устоявшиеся нормы и ценности. Необходимо учитывать ограничения (и дозволения), налагаемые в рамках институционального дискурса, которые и определяют «непарламентские» проявления парламентской риторики.

Уникальность парламентского дискурса состоит еще и в том, что институт, в рамках которого осуществляется коммуникация, не предполагает остановку диалога между коммуникантами из-за высокой степени их агрессивности по отношению друг к другу, что вполне могло бы произойти в повседневной ситуации общения. Инвектива в парламентском дискурсе является и маркером речевой агрессии, и специальной стратегией речевого поведения, использование которой обуславливается необходимостью порождения у непосредственного адресата и аудитории такой реакции, которая будет способствовать достижению цели участия в парламентской коммуникации: причинение репутационного вреда политическому оппоненту, политической партии и идеологии, которые он представляет, а также убеждение электората и склонение его на свою сторону. Кроме того, инвективы, к которым относятся, по определению О.В. Демидова, «резкие, оскорбительные публичные выступления против кого-либо, чего-либо, оскорбительная речь, выпад, направленные на понижение социального статуса адресата и оформленные языковыми конструкциями с открытой агрессивной оценкой» [Демидов 2013: 40], используются с целью дискредитировать, опорочить, подорвать авторитет политического оппонента, который в условиях британского парламентаризма представляет и политическую партию, и определённую идеологию.

Проявление вербальной агрессии в форме инвективы представляет собой оценочное суждение, основанное на специфических социальных, культурных и моральных ценностях, и ее изучение в рамках парламентского дискурса позволяет выявить: 1) институционально возможные формы вербальной агрессии; 2) наиболее приемлемые и эффективные модели реагирования на вербальную агрессию в рамках института; 3) модели возложения вины и принятия ответственности за вербальную агрессию; 4) взаимосвязь между степенью грубости оскорбляющего и уязвимости оскорбляемого; 5) модели смягчения вербальной агрессии в институциональном дискурсе и т.д.

Методология и исследуемый материал

Цель настоящего исследования – изучение институциональных особенностей парламентского дискурса, обуславливающих использование вербальной агрессии в Палате общин британского парламента, в их риторическом контексте для выявления условий, при которых вербальная агрессия (инвективы) может считаться допустимой в силу её институциональной закреплённости.

Настоящее исследование опирается на видеозаписи и транскрипты (официальные протоколы «Ханзард») парламентских дебатов Prime Minister's Questions (дебаты PMQ's, парламентский час), проходящих в палате общин британского парламента еженедельно по средам в течение 30-40 минут. Парламентские дебаты PMQ's – самое яркое риторическое событие, происходящее в британском парламенте, которое отражает давно сложившийся принцип подотчетности исполнительной власти законодательной. Традиция проведения парламентского часа сложилась еще в XVIII веке при первом

Премьер-министре Великобритании Роберте Уолполе (Robert Walpole, 1721-1742). Свою современную вопросно-ответную форму дебаты PMQ's приобрели в 1961 году, когда пост Премьер-министра занял лидер консервативной партии Гарольд Макмиллан. В 1997 году Тони Блэр существенно изменил процедуру. Традиция проведения правительственного часа не ограничена только Великобританией. Такой же конституционный обычай сложился в Канаде (Question Period), в Австралии, Новой Зеландии (Question Time), в Индии (Question Hour). Правительственный час отличается отсутствием единственной темы, высокой степенью импровизации и информативности.

Публикация официальных протоколов парламентских дебатов «Ханзард» осуществляется Издательством Ее Величества и является важным инструментом институализации парламентских дебатов по модели PMQ's. Однако исследователями, занимающимися изучением парламентского дискурса, отмечается, что транскрипты «Ханзард» нельзя считать абсолютно полными и точными (verbatim), так как до публикации они подвергаются рецензированию со стороны стенографистов и редакторов, которые устраняют оскорбительные, неполные, сомнительные высказывания из официального текста [Slembrouck 1992: 102] (S., 1992).

Анализ проявлений речевой агрессии требует междисциплинарного подхода, основанного на принципах риторического анализа, дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики и т.д. В зарубежной науке дебаты по модели PMQ's исследовались в рамках прагма-диалектического подхода к анализу аргументации [ван Емерен 2003] и в рамках теории вежливости Браун-Левинсона [Brown, Levinson 1987; Haggis 2001; Bull, Wells 2012; Ilie 2001, 2004]. Изучением оскорбительной и метафорической (образной) лексики, используемой в рамках парламентского дискурса занимались исследователи в рамках когнитивной лингвистики [Lakoff, Johnson 1980] и дискурс-анализа [Ван Дейк 2004].

В своем исследовании логических и психологических основ аргументации мы опираемся на предложенную Аристотелем систему методов убеждения, включающую доводы к этосу (этическим нормам, разделяемым ритором и слушателями), логосу (логической основе доказательства) и пафосу (эмоциям аудитории) [Аристотель 2000: 58], которая до сих пор остается универсальным методом оценки речевых стратегий, обращенных к аудитории, в риторическом контексте.

Институциональное регулирование проявлений речевой агрессии

Говорить об использовании речевой агрессии как речевой стратегии, обусловленной институциональным дискурсом, можно в силу ряда причин. Во-первых, речевая агрессия подвергает сомнению вообще успешное участие парламентария-адресата речевой агрессии в дебатах. Предпосылки этого могут быть различными и определяются историческими, культурными и социальными особенностями, в которых функционирует институт. В британской парламентской культуре существенным является умение переиграть политического противника, давая быстрые и остроумные ответы. В парламенте Швеции, например, в ответ на речевую агрессию парламентарии в подавляющем большинстве случаев доказывают личную надежность и достоверность своих слов и действует скорее как хладнокровные профессионалы [Ilie 2004: 64].

Во-вторых, речевая агрессия, которая в институциональном парламентском дискурсе определяется как «непарламентские выражения», является ритуализированным (т.е. исторически сложившимся и одобряемым в конфликтном парламентском дискурсе) взаимодействием. Таким образом, инвективы в парламентском дискурсе являются *намеренно* оскорбительными риторическими актами, выполненными в условиях кон-

фликтного парламентского дискурса с целью достижения институциональных целей убеждения и привлечения электората на свою сторону. Они используются намеренно для «наложения» индивидуального субъективного отношения на институциональное понимание целей парламентской коммуникации.

В-третьих, эмоциональная сила речевой агрессии перевешивает ее рациональную силу и «автор инвективы» использует тот факт, что люди больше поддаются влиянию, опирающемуся на эмоции, а не разум и рациональное суждение. Так как речевая агрессия опирается на ценности и нормы, имеющие отрицательные коннотации и атрибуции, то и используются они с целью низведения лица, группы лиц или института, против которых используется речевая агрессия, до стереотипных нежелательных коннотаций и атрибуций, уже имеющих отрицательную оценку в определенном социуме.

Запрет на использование непарламентских выражений в британском парламенте существует с 1844 года, когда Эрскин Мэй [Erskine May] опубликовал основной свод правил проведения парламентских процедур «Трактат о праве, привилегиях, судебных разбирательствах и использовании Парламента» [A Treatise upon the Law, Privileges, Proceeding sand Usage of Parliament] [Sandford 2003: 18]. К настоящему времени трактат выдержал 24 переиздания, и, согласно последнему переизданию [May 2011: 46], единственным человеком, определяющим «непарламентский» характер выражений, используемых парламентариями, является спикер палаты общин. По определению Э. Мэя, «непарламентскими выражениями» называются те, которые не соответствуют требованиям добросердечия и умеренности («good temper and moderation are the characteristics of parliamentary language» – здесь и далее перевод выполнен Н.М. Головиной). Отдел общественной информации и образования палаты общин [The House of Commons Public Information Office and Education Unit] дает следующее определение «непарламентским выражениям»: «оскорбления и обвинения, допустимые, только если они не выходят за границы приемлемого поведения и языка в Палате» [... insults and accusations admissible only if they do not go beyond the boundaries of acceptable behaviour and language within the Chamber].

Спикер имеет полномочия наказать парламентариев, использующих оскорбительные выражения и высказывания в отношении других членов парламента и обвиняющих их во лжи или нетрезвости, а также искажающих сказанное другими членами парламента. Но парламентарии демонстрируют недюжинную изобретательность, обходя запрет на использование непарламентских выражений. Классическим стал пример того, как лейборист Тэм Диэл (Tam Dalyell) обвинил премьер-министра во лжи:

Mr Dalyell: *As the captain of the Conqueror has said in print that he was following the General Belgrano for at least 30 hours and the Government persist in claiming that the General Belgrano was detected on the same day as it was sunk, who is telling the truth or, bluntly, is it the submarine commander or the Prime Minister who is lying?* [... кто лжет: капитан подводной лодки или Премьер-министр?].

Mr Speaker: *Order. The hon. Member must not use that word. I am sure that he will rephrase that final comment.*

Mr Dalyell: *Is it the submarine commander or the Prime Minister who is telling the truth?* [... кто говорит правду: командир подводной лодки или Премьер-министр?]

С одной стороны, парламент как институт имеет механизмы нормативного закрепления признаков парламентских и непарламентских выражений. Так, члены палаты общин обязаны соблюдать требования Кодекса поведения членов палаты общин

(The Code of Conduct of Members of Parliament), обязаны обращаться друг к другу только в третьем лице и только через Спикера палаты общин, используя утвержденные формы обращения, например: *my honorable friend*.

С другой стороны, все члены парламента пользуются безоговорочной свободой слова. Парламентария нельзя преследовать в судебном порядке за антиправительственные высказывания, если парламентарий высказался во время слушаний в парламенте. Но свобода слова не означает, что парламентариям можно использовать «непарламентские выражения»: оскорбления, грубую и бранную лексику. Кодекс поведения также существенно ограничивает и способы «трансляции» оскорбления (слова, жесты, освидетствование, улюлюканье и т.д.).

В настоящее время спикер Палаты общин может вынести замечание, если парламентарии используют слова *blackguard* [подлец], *coward* [трус], *git* [мерзавец], *guttersnipe* [сточная канава], *hooligan* [хулиган], *rat* [крыса], *swine* [свинья], *stoolpigeon* [стукач (в английском языке словом *stoolpigeon* обозначают голубя, служащего для приманивания диких голубей)], *traitor* [предатель], которые в большинстве своем являются метафорическими реконцептуализациями. Также парламентариям нельзя использовать слово «лжец», но аудиторию могут проинформировать о том, что парламентарий «темнит» [*economical with the truth*] или «терминологически не точен» [*terminological in exactitude* – У.Черчилль]. Именно запретом на использование непарламентских выражений объясняется появление таких эвфемизмов, как «терминологическая неточность», «экономно относиться к истине» (об умолчаниях), «устал и взволнован» (пьян). Слово *incapable* [недееспособный], используемое в отношении нетрезвого парламентария, также является непарламентским.

Нормы разговорного и институционального языка постоянно меняются, поэтому практически невозможно раз и навсегда установить правила, согласно которым можно было бы установить точный перечень непарламентских выражений. Находясь на посту премьер-министра, Джон Мэйджор своего политического оппонента Тони Блэра назвал «болваном» [*dimwit*], а Блэр, в свою очередь, назвал Мэйджора «самым слабым звеном» [*the weakest link*]. Политическую хватку первой женщины премьер-министра лейборист Тони Бэнкс [Tony Banks] охарактеризовал как «чувствительность сексуально неудовлетворённого удава» [*the sensitivity of a sex-starved boa-constrictor*], а Деннис Скиннер [Dennis Skinner] назвал своего соперника «деревенщиной с претензиями» [*rompous sod*]. Впрочем, позже он согласился извиниться за «с претензиями», но не за «деревенщину».

Итак, провести грань между парламентскими и непарламентскими выражениями так же сложно, как и между приемлемыми и неприемлемыми выражениями. Такие теоретические дихотомии зависят от контекста и не могут быть определены в абсолютных понятиях. Они могут быть индикаторами относительной степени вербального благообrazia и уважения, которые должны быть свойственны парламентской речи. Есть несколько институциональных факторов, которые могут сыграть важную роль при определении тяжести оскорбления: сроки и значимость обсуждаемой темы, статус и роль парламентария, использующего оскорбление и парламентария, на которого направлено оскорбление, а также степень их вовлеченности в прошлые или настоящие политические события и т.д.

Риторический анализ британского парламентского дискурса

Интеракция парламентариев в дебатах PMQs – это сражение за властные и лидерские позиции. В случае институционального парламентского дискурса под властью понимается не только институциональный статус, которым пользуется парламентарий, но также умение влиять на других и принимаемые ими решения, а также процесс оказания такого влияния.

В парламентском дискурсе представляется обоснованным изучение инвективы в контексте степени, направления (фактического адресата) и цели вербального оскорбления исходя из степени состязательности акта вербальной агрессии, а не его отклонения от правил вежливого поведения.

В риторическом контексте парламентские дебаты являются примером совещательной (агональной) риторики, при этом присутствуют, хотя и в меньшем объеме, элементы судебной и эпидейктической риторики. По мнению исследователей, высказывания парламентариев в дебатах имеют признаки классических жанров риторики, однако их вербальные обмены репликами существенно отличаются от представлений о рациональной дискуссии сторонников нормативных теорий аргументации [Емеген 2003: 48], так как в публичных дебатах речевая агрессия используется как эффективный инструмент оказания негативного влияния на репутацию и авторитет того, на кого направлено оскорбительное высказывание (этос), в то время как ритор использует речевую агрессию для укрепления собственного авторитета (этос) и уравнивания недостаточной рациональности и последовательности собственной аргументации (логос) посредством обращения к эмоциям электората (пафос). Речевая агрессия в парламентском дискурсе является ожидаемым конвенциональным речевым поведением.

Таким образом, инвективы в парламентском дискурсе выполняют ряд риторических функций: 1. подвинуть адресата на некое действие (*movere* – лат.: двигать) и 2. развлечь, «усладить» аудиторию (*delectare* – лат.: услада). При определенных обстоятельствах, некоторые инвективы могут выполнять третью функцию: научить (*vocere* – лат.: научить). При этом парламентские оскорбления являются оскорбительными риторическими актами, осуществляемыми в крайне конкурентной институциональной атмосфере.

В риторическом контексте, оскорбительные реплики в парламенте могут оцениваться как средство привлечения внимания, используемое с целью заставить политического оппонента эмоционально отреагировать и, тем самым, представить оппонента в менее выгодном свете как менее надежного политика и/или политика, имеющего неподобающие моральные ценности. В парламентском дискурсе для риторического анализа особый интерес представляет именно аристотелевская система методов убеждения, так как она позволяет исследователю проанализировать авторитет (власть) оратора (логос), его моральные качества (этос) и эмоции, которые он стремится вызвать у аудитории (пафос).

Традиционно считается, что участники дебатов полагаются на здравый смысл и применяют его к коллективному дискурсивному событию, руководствуясь представлением о сотрудничестве и позитивной природе скрытых мотивов их участников. При этом упускаются из виду предсказуемые и непредсказуемые последствия личной эмоциональности парламентариев, а также необходимость использования стратегий, способствующих достижению институциональных целей убеждения электората и привлечения его на свою сторону. Очевидно, что парламентские дебаты как интерактивный

процесс представляют собой не только процесс выработки коллективных решений, но и процесс коллективного и индивидуального противостояния парламентариев «неправильным» и «нежелательным» политическим проектам. Кроме того, одним из мотивов участия парламентариев в дебатах становится потребность создавать и продвигать свой собственный имидж в условиях конфликтной и отчасти театрализованной парламентской реальности.

В таком иерархичном и регламентированном институте как парламент речевая агрессия является эффективным инструментом достижения институциональных целей. Необходимо отметить, что оскорбительные высказывания, как правило, неблагоприятны для того, против кого они используются, в то время как позиция оскорбляющего может укрепиться за счет использования речевой агрессии. Навязывая свою собственную репрезентацию участников институционального дискурса, инициаторы оскорблений стремятся оказать влияние на способность более широкой аудитории, представленной парламентариями, посетителями на Галерее, зрителями, наблюдающими за дебатами по радио- и телетрансляции, понимать и оценивать происходящее и изменить их взгляды и убеждения.

Человеку непосвященному может показаться, что горячие дебаты по ключевым политическим событиям окончательно покончили с британской чопорностью и британскими манерами. Однако все не совсем так. Члены британской палаты общин часто демонстрируют особенную изобретательность именно в использовании оскорблений в адрес оппонентов. Так, Дэвид Кэмерон назвал своего политического оппонента Эда Миллибанда «законченным глупцом» [*complete mug*], а бывшего министра теневого кабинета Эда Боллза [Ed Balls] «бормочущим идиотом» [*muttering idiot*] и «самым раздражающим человеком в современной политике» [*the most annoying person in modern politics*]. Не остался в долгу и Эд Миллибанд, назвавший Кэмерона «дурачиной с Даунинг-стрит» [*the dunce of Downing Street*]. И примеров подобных высказываний можно привести довольно много. В 2013 году выговор был объявлен министру транспорта Саймону Бернсу [Simon Burnce] за то, что он назвал спикера палаты Джона Беркоу [John Bercow] «тупым лицемерным карликом» [*stupid, sanctimonious dwarf*]. В 2010 году депутат от лейбористов Том Уотсон [Tom Watson] выкрикнул в адрес своего оппонента из партии консерваторов *You're a miserable pipsqueak of a man* [Ты – жалкое ничтожество].

Таким образом, мы можем говорить о том, что парламентарии, правильно оценивая возможности речевой агрессии и ее значимость для достижения институциональных целей, используют правила, закрепленные институтом, для «легитимизации» речевой агрессии в парламентской коммуникации и использования ее риторического потенциала в своих интересах.

Вербальное оскорбление как институциональная риторическая стратегия

Вербальное оскорбление как институциональная риторическая стратегия имеет ряд особенностей.

1. **Оскорбление должно быть намеренным.** Речевая агрессия является намеренным речевым актом в том смысле, что использующий инвективу использует ее для того, чтобы адресат и аудитория, ставшая свидетелем речевой агрессии, воспринимали ее как намеренно совершаемый акт.

Широкий резонанс в британском обществе вызвала ситуация, при которой, во время ожесточенных споров, связанных с выходом Великобритании из Европейского

союза (19 декабря 2018 года), Джереми Корбин (лидер теневого кабинета и глава Лейбористской партии), уже прекративший публичную полемику с Терезой Мэй, произнес фразу, которая многими была понята как “*a stupid woman*” [глупая женщина]. Сам Корбин позже попытался оправдаться, заявив, что он сказал *stupid people* [глупые люди]. Спикер палаты общин заявил, что, так как он сам не слышал, что на самом деле сказал Корбин, он не может каким бы то ни было образом наказать Корбина, и оставил за гражданами Великобритании право решать, что Корбин сказал на самом деле и «делать из этого выводы». Инвектива как акт вербальной агрессии достигает своей цели только в том случае, если используется в выбранной ритором форме для оскорбления оппонента и воспринимается адресатом как намеренное действие. Отсутствие намерения лишает высказывание инвективной силы в институциональном дискурсе.

2. Оскорбление должно опираться на историко-культурные предпосылки.

Анализ речевой агрессии в рамках институционального дискурса способствует лучшему пониманию моральных и социальных стандартов, предубеждений, запретов и оценочных суждений различных социальных и политических групп и индивидуумов в анализируемом сообществе. Поскольку в основе оскорблений лежат предопределенные культурной спецификой негативные ценности и нормы, они используются с целью понизить статус лица или группы, против которых направлено оскорбление, до стереотипов, имеющих отрицательную (негативную) социальную атрибуцию.

Ряд исследований показали, что именно британский парламентский дискурс отличается особой конфликтностью и враждебностью по отношению к политическому оппоненту. Речевая агрессия используется в британском парламенте очень давно. Так, Бенджамину Дизраэли приписывают фразу «половина кабинета – полные ослы». Когда от него потребовали отказаться от своих слов, Дизраэли согласился, заявив, что он ошибся и «половина кабинета – это не ослы».

Почему же британские политики настолько грубы по отношению друг к другу? Ответить на этот вопрос непросто. Это может быть связано с состязательной природой процедур в палате, где представители правительства сидят напротив своих оппонентов, представляющих оппозицию. Кроме того, многие парламентарии считают, что едкое остроумие является ключевым элементом их собственной политической привлекательности и именно этот навык оттачивается при обучении в ведущих университетах Великобритании. По мере того, как Британия вступала в эру кабельных новостных каналов, и с появлением мемов в социальных сетях, количество оскорблений существенно увеличилось [Taylor 2016]. Политики осознали, что оскорбление является более легким способом завоевать популярность, чем серьезные дебаты.

Как правило, институциональная модель взаимодействия между парламентариями в британском парламенте демонстрирует тенденцию к постоянному обострению конфликта, что может существенно отличаться от моделей, принятых в парламентах других стран. Так, в парламенте Швеции гораздо более приняты модели избегания и смягчения противоречий [Pie 2004: 75], а в британской риторической традиции допускается высмеивание самых серьезных тем.

Таким образом, британские парламентарии склонны к стратегиям, ориентированным на пафос, они используют яркие метафоры, гиперболы, риторические вопросы, иронию и сарказм, в отличие от, например, шведских парламентариев, для которых гораздо большее значение имеет серьезное и обоснованное обсуждение политически значимых вопросов, не допускающее разговоров развлекательного и игривого характера [Pie 2004: 76].

Таким образом, мы можем говорить о том, что речевая агрессия британских парламентариев основана на логосе, ориентированном на пафос, что отражает мировоззрение и ожидания аудитории, перед которой выступают ораторы. Предположение о том, что грубость парламентариев может быть связана с их распушенностью, отсутствием должного воспитания, демонстрацией своего социального превосходства также не могут быть использованы именно в британском парламентском дискурсе [Zhelvis 2012: 1795]. Использование грубых выражений скорее является результатом успешного прохождения специального обучения по поведению в дебатах, которые преподаются в лучших университетах Великобритании. Кроме того, анализ дебатов позволяет говорить о том, что речевую агрессию в адрес оппонентов позволяют себе гораздо чаще представители оппозиции, тем самым они используют наиболее эффективную, в их представлении, стратегию причинения вреда имиджу политика, представляющего правящую партию.

Институциональные стратегии смягчения актов речевой агрессии

Как уже отмечалось выше, речевая агрессия используется не только как эффективная риторическая стратегия, востребованная в парламентском дискурсе. Используя речевую агрессию, парламентарий, который ее инициирует, проверяет границы дозволенного поведения не только для себя, но и для своего оппонента.

Стратегии смягчения речевой агрессии со стороны ее инициатора

Существование стратегий, смягчающих речевую агрессию, обусловлено тем, что цель институционального парламентского дискурса – не прекращение коммуникации вообще и не разрыв отношений между коммуникациями, а причинение репутационного вреда политическим оппонентам и привлечение электората на свою сторону. К стратегиям смягчения речевой агрессии можно отнести:

1. **Ритуализированные формы непрямого обращения** к оппонентам в третьем лице и только через спикера Палаты общин, как правило, не по собственному имени, а по избирательному округу, который представляет парламентарий. Такая ритуализированная форма непрямого обращения способствует тому, что оскорбительные высказывания оказываются приемлемыми для парламентского дискурса.

2. **Формулирование обращения к оппоненту с использованием конвенциональных форм обращения, демонстрирующих уважение**, например: *I wonder whether something has changed about the United States administration or something has changed about the right hon. Lady's own leadership ambitions to alter her words in this way.* [Скажите, что-то изменилось в администрации Президента Трампа, или изменились политические амбиции глубокоуважаемой леди-спикера?].

3. **Использование инвективных высказываний в адрес всей партии или идеологии**, которой придерживается адресат речевой агрессии. Парламентским может оказаться оскорбление, если оно атрибутировано ко всей партии и, тем самым, снимается индивидуальная ответственность. Ниже мы приводим пример того, как представитель лидера оппозиции высказывается против расточительности и непредусмотрительности правительства, которое собирается сотрудничать с Д.Трампом:

«So the Government are going to spend millions on giving Donald Trump the red-carpet, golden-carriage treatment in June. [...] The truth is, however, that it will all be a giant waste of taxpayers' money, because the US Congress will never agree to a trade deal unless we have a solution to the Irish border issue that will actually work, and this Government simply do not have one!» [А это Правительство собирается потратить мил-

лионы на встречу Трампа в июне, расстелить перед ним красную дорожку и подать золотую карету. [...] Но правда в том, что это будет **непозволительное расточительство средств налогоплательщиков**. Конгресс никогда не согласится на торговое соглашение, если не будет решен вопрос с ирландской границей, а у этого Правительства **такого решения нет!**].

4. Немедленное **принесение извинений** после произнесения инвективного высказывания.

5. Формулирование инвективных высказываний в **форме риторического вопроса**.

6. Использование **эвфемизмов**, заменяющих уже признанные непарламентскими инвективы.

Необходимо отметить, что в парламентской интеракции в том случае, если целью оскорбления является политический оппонент, представляющий политическую партию или идеологию, оскорбительный коммуникативный акт может быть инициирован не непосредственным участником коммуникации, а любым другим членом парламента, представляющим оппозиционную политическую силу. Так, во время выступления Джереми Корбина в Палате общин (16 февраля 2016 года) член консервативной партии с места выкрикнул “*Who are you?*” [«А ты кто такой?»]. После этого Дж. Корбин не мог продолжить свою речь из-за улюлюканья членов парламента, представляющих основные политические силы Великобритании.

И это далеко не единичный случай. Премьер-министру Дэвиду Камерону во время его объяснения политики правящей партии в бюджетной сфере представитель лейбористов выкрикнул “*Ask your mum!*” [Маму свою спроси!], намекая на тот факт, что собственная мать Дэвида Кэмерона подписала петицию против сокращений бюджета, предложенных правительством сына.

Борис Джонсон, член консервативной партии и бывший мэр Лондона, в настоящее время претендующий на пост лидера консервативной партии, весьма остроумный собеседник, сумевший с достоинством выйти из многих щекотливых ситуаций, не нашелся, что ответить на явно оскорбительную реплику парламентария «Заправь рубашку, Борис!» [*Tuck your shirt in, Boris!*], за которой последовала волна улюлюканья и насмешек.

Стратегии реагирования на речевую агрессию со стороны адресата

Довольно долгая история использования речевой агрессии в британском парламентском дискурсе привела к тому, что адресаты речевой агрессии научились справляться с вызовами оппонентов не только не потеряв своего собственного лица, но и используя речевую агрессию оппонента во благо себе. Мы уже упоминали, что особенностью британского политического дискурса является его повышенная конфликтность и исторически сложившееся представление о том, что хороший политик – это политик, блестяще владеющий искусством политических острот.

В результате анализа мы выделили следующие стратегии реагирования на речевую агрессию:

1. **Игнорирование речевой агрессии.**

2. **Ответная речевая агрессия (зеркальный ответ).**

Ранее мы приводили пример того, как политические оппоненты могут использовать семейные связи в своей агрессивной риторике. Но британский парламент знает примеры того, как ответная агрессия становилась гораздо более сильным аргументом,

и адресат превращался в инициатора речевой агрессии. Ответ Дэвида Кэмерона на реплику политического оппонента «Ask your mum!» стал примером того, что речевая агрессия, используемая в ответ на речевую агрессию, может оказаться очень эффективным оружием в руках подготовленного ратора. Дэвид Камерон ответил уже непосредственно Джереми Корбину, высмеяв его довольно небрежную манеру одеваться и отказ демонстрировать национальную принадлежность: «Маму спросить? А я знаю, что она скажет! Она посмотрит на тебя с того места, где я сейчас стою, и скажет: «Надень приличный костюм, повяжи галстук и пой гимн Великобритании!» [*Ask my mother? I know what my mother would say. She'd look across the dispatch box, and she'd say, 'Put on a proper suit, do up your tie, and sing the national anthem!'*»].

Проведенный нами анализ ответной речевой агрессии показывает, что наиболее частыми являются оскорбления, опирающиеся на личностные и интеллектуальные особенности оппонента, семейные связи, национальные интересы и проявления патриотизма.

3. Уклонение от прямого ответа.

Лидер шотландской национальной партии Ян Блэкфорд [Ian Blackford] в своем обращении к Терезе Мэй во время прохождения кампании по выбору нового лидера Консервативной партии, не называя Бориса Джонсона, обвиняет его в расизме и призывает Терезу Мэй «честно» ответить, действительно ли она считает, что человек, который позволял себе расистские высказывания в адрес мусульманок и африканцев, выступающий против кандидатуры шотландца в качестве главы парламента, подходит на пост Премьер-министра:

[The Prime Minister thought that the man who published those words in his magazine was fit for the office of our top diplomat, and he has not stopped there. He has said that Scots should be banned from being Prime Minister –banned from being Prime Minister, Mr Speaker – and that £1 spent in Croydon was worth more than £1 spend in Strathclyde. [...] does the Prime Minister realise that not only is the Member racist, but he is stoking division in communities and has a record of dishonesty? Does the Prime Minister honestly believe [...] that this man is fit for the office of Prime Minister?]

Однако, уже имея богатый опыт работы в прениях, Тереза Мэй уходит от ответа, сославшись, в том числе, и на осведомленность самого Яна Блэкфорда о том, что во время дебатов парламентарии могут задавать только вопросы, касающиеся деятельности и действий правительства, сняв с себя тем самым ответственность за высказывания коллеги по партии.

4. **Демонстрация уважения, подчеркнутая вежливость** в ответ на вербальное оскорбление и речевую агрессию. Этот прием наиболее свойственен Терезе Мэй, которая, не будучи ярким и находчивым оратором, использовала этот прием, не желая вступать в «обмен остротами», который она обычно проигрывает.

5. **Возложение ответственности на политических оппонентов.** Это еще один прием, который используется в том случае, если оратор не уверен в своей способности вступить в яркую полемику.

Заключение

Парламентская реальность, так же, как и любая другая институциональная реальность, имеет ряд отличительных особенностей, которые могут препятствовать или способствовать использованию речевой агрессии. В рамках парламентской интеракции парламентарии ограничены в используемых словах и выражениях регламентом

и поведенческими конвенциями. Использование речевой агрессии в британском парламенте является примером того, что, при соблюдении ряда институциональных требований, речевая агрессия может стать эффективной риторической стратегией. Более того, используя речевую агрессию, парламентарии проверяют границы дозволенного поведения (при этом имея защиту в виде парламентского иммунитета) и для парламентария, использующего оскорбление, и для того, против кого оно используется. Инвективы, используемые в парламентском дискурсе, опираются на метафоризацию и метонимическую концептуализацию различных табу и социокультурных предрассудков. Механизмы сдерживания, ограничения и смягчения речевой агрессии предопределяются сложившимися в британском обществе социально-культурными ценностями и нормами, а также институциональными традициями и конвенциями. Именно поэтому в британском парламентском дискурсе в рамках дебатов PMQ's преобладает риторика, ориентированная на пафос, то есть на трансляцию аудитории тех эмоций, которые способствуют достижению целей парламентской интеракции.

Литература

- Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 352 с.
- Дейк Т.А. ван*. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Демидов О.В.* Инвектива как современная коммуникативная тенденция публичного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение, 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 39–41.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Хаззагерев Г.Г.* Риторический словарь. М.: Флинта, 2009. 432 с.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Москва, Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
- Brown, P., Levinson, S.* (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Bull, P., Wells, P.* (2012). *Adversarial Discourse in Prime Minister's Questions* // *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 1(31). pp. 30–48.
- Crystal, D.* (2003). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge : Cambridge University Press. 2nd ed. 491 p.
- Dijk T. Van.* (2004). *Text and context of parliamentary debates* // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / edited by P. Bayley. Amsterdam : John Benjamins. 384 p.
- Eemeren, F. H. Van.* (2003). *A Systematic Theory of Argumentation. The Pragmatic-Dialectical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 216 p. doi.org/10.1017/CBO9780511616389
- Harris, S.* (2001). *Being politically impolite: extending politeness theory to adversarial political discourse* // *Discourse & Society*. Vol. 12. pp. 451–472.
- Ilie, C.* (2004). *Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments. A rhetorical approach* // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / ed. by Bayley P. John Benjamins Publishing Company. doi:10.1075/dapsac.10.02ili.
- Ilie, C.* (2001). *Unparliamentary Language: Insults as Cognitive Forms of Ideological Confrontation* // *Language and Ideology* / edited by Rene D., Roslyn F. & Ilie C. Stockholm : Stockholm University. Volume II: Descriptive Cognitive Approaches.

Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press. 191 p.

May, E. (2011). Parliamentary Practice / edited by Malcolm Jack at all. LexisNexis. 24th ed. 496 p.

Sandford, M. (2013). Traditions and customs of the House: House of Commons Background Paper / House of Commons Library. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06432/SN06432.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Slembrouck, S. (1992). The parliamentary Hansard “verbatim” report: the written construction of spoken discourse // Language and Literature. No 1 . pp. 101–119.

Taylor, A. (2016) The petty, mean and deliciously rude ways British politicians insult one another // The Washington Post. 25 February 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/02/25/the-petty-mean-and-deliciously-rude-ways-british-politicians-insult-one-another/?noredirect=on&utm_term=.93175b2449c2 (дата обращения: 01.07.2019).

Zhelvis, V.I. (2012). Rudeness as a System of Strategies and an Object of Classification // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 12(5). pp. 1790–1797.

PARLIAMENTARY “NONPARLIAMENTARY LANGUAGE”: VERBAL AGGRESIVENESS AS A RHETORIC STRATEGY IN THE PARLIAMENTARY DISCOURSE

Natalya M. Golovina

PhD Applicant of the Department of Stylistics of the Russian Language
of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Head the Department of Information and Bibliographic Support

For Educational and Research Activities,

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Moscow, Russia 125993

n.golovina.ng@gmail.com

This paper is devoted to the study of speech aggressiveness in the institutional parliamentary discourse on the example of rhetoric analysis of speeches of British parliamentarians within the framework of the Prime Minister’s Questions (PMQs). Discourse analysis of cases of speech aggression in parliamentary interaction leads to the conclusion that the use of offensive vocabulary and invectives represents ritualized communication strategies not only widely used by parliamentarians but also sanctioned by the institution itself as the most effective rhetorical strategy aimed at achieving institutional objectives, namely: attracting the attention and persuading voters and defaming political opponents. The author substantiates the conclusion that, using speech aggression, British parliamentarians, who have a reputation and status in the British society (*ethos*), build their reasoning focusing to greater extent on pathos (emotions and expectations of the audience) rather than on the validity and reasonableness of the arguments themselves (*logos*).

Keywords: verbal aggressiveness, parliamentary discourse, argumentation, communicative strategy, invective, ethos, logos, pathos

References

- Aristotel.* Ritorika. Poetika [Rhetoric. Poetics]. Moskva: Labirint, 2000. 352 s. (In Russian).
- Deik T.A. van.* Diskurs i vlast: reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii [Discourse and power: representation of dominance in language and communication] / per. s angl. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013. 344 s. (In Russian).
- Demidov O.V.* Invektiva kak sovremennaia komunikativnaia tendentsiia publicnogo diskursa [An invective as a modern communicative trend of public discourse] // Vestnik Cheliabinskogo gosudasvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2013. № 1 (292). Vyp. 73. S. 37–41. (In Russian).
- Karasik V.I.* Iazykovoii krug: lichnost, kontsepty, diskurs [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s. (In Russian).
- Khazagerov G.G.* Ritoricheskii slovar [A rhetorical dictionary]. M.: Flinta, 2009. 432 s. (In Russian).
- Sheigal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moskva, Volgograd : Peremena, 2000. 368 s. (In Russian).
- Brown, P., Levinson, S.* (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Bull, P., Wells, P.* (2012). Adversarial Discourse in Prime Minister's Questions // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 1(31). pp. 30–48.
- Crystal, D.* (2003). The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : Cambridge University Press. 2nd ed. 491 p.
- Dijk, T. Van.* (2004). Text and context of parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / edited by P. Bayley. Amsterdam : John Benjamins. 384 p.
- Eemeren, F. H. Van.* (2003). A Systematic Theory of Argumentation. The Pragmatic-Dialectical Approach. Cambridge: Cambridge University Press. 216 p. doi.org/10.1017/CBO9780511616389
- Harris, S.* (2001). Being politically impolite: extending politeness theory to adversarial political discourse // Discourse & Society. Vol. 12. P. 451–472.
- Ilie, C.* (2004). Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments. A rhetorical approach // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Bayley P. John Benjamins Publishing Company.
- Ilie, C.* (2001). Unparliamentary Language: Insults as Cognitive Forms of Ideological Confrontation // Language and Ideology / edited by Rene D., Roslyn F. & Ilie C. Stockholm : Stockholm University. Volume II: Descriptive Cognitive Approaches.
- Lakoff, G., Johnson, M.* (2003). Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press. 191 p.
- May, E.* (2011). Parliamentary Practice / edited by Malcolm Jack at all. LexisNexis. 24th ed. 496 p.
- Sandford, M.* (2013). Traditions and customs of the House: House of Commons Background Paper / House of Commons Library. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06432/SN06432.pdf> (retrieval date: 01.07.2019).

Slembrouck, S. (1992). The parliamentary Hansard “verbatim” report: the written construction of spoken discourse // *Language and Literature*. No 1 . P. 101–119.

Taylor, A. (2016) The petty, mean and deliciously rude ways British politicians insult one another // *The Washington Post*. 25 February 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/02/25/the-petty-mean-and-deliciously-rude-ways-british-politicians-insult-one-another/?noredirect=on&utm_term=.93175b2449c2 (retrieval date: 01.07.2019).

Zhelvis, V.I. (2012). Rudeness as a System of Strategies and an Object of Classification // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 12(5). P. 1790–1797.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81.23

DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-216-237

ТВЕРСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Залевская Александра Александровна,
Доктор филологических наук,
профессор кафедры теории языка и перевода
Тверского государственного университета
170004, г.Тверь, ул. Желябова, 33
aazalev@mail.ru

Исследования в русле Тверской психолингвистической школы ведутся по трём основным направлениям: значение слова, понимание текста, проблемы двуязычия. Внимание фокусируется на медиативной (интерфейсной) функции слова как средства доступа к единой информационной базе индивида – многообразным продуктам перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения, т.е. к тому, что лежит за словом в памяти тела и разума. Идентификация слова и понимание текста трактуются как активация множества связей по всевозможным параметрам и признакам с получением ряда промежуточных и конечных продуктов, только частично доступных для осознания. Особую роль при этом играют, с одной стороны, взаимодействие продуктов максимальной компрессии смысла (надязыковых образований типа наиболее общих «идей», «категорий», «топов»), а с другой стороны – реализация множественных связей по мельчайшим признакам признаков, что обеспечивает понимание слова и текста и ведёт к получению нового знания в ситуации естественного семиозиса.

С учётом двойной жизни слова, функционирование которого происходит у индивида, но направляется и контролируется социумом, акцентируется важность исследования стратегий и опор, актуальных для учёта выводного знания как условия успешности взаимопонимания при межличностных и межкультурных контактах, Особое внимание уделяется эксперименту и моделированию исследуемых процессов.

Ключевые слова: психолингвистика, значение слова, понимание текста, двуязычие, эксперимент, моделирование, выводное знание, естественный семиозис

1. Введение

Тверская психолингвистическая школа стала формироваться в начале 1980-х годов в связи с открытием в Тверском государственном университете аспирантуры по специальности «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика». На рубеже веков первые защитившиеся ученики стали докторами наук и начали самостоятельную подготовку аспирантов, т.е. к настоящему времени фактически образовались некоторые новые направления исследований, своеобразно развивающие исходные теоретические представления и совершенствующие исследовательские процедуры.

Количество «дочерних» и теперь уже «внучатных» ответвлений настолько велико, что для полного обзора исследований, реализуемых в Твери, Курске, Уфе и некоторых других городах, потребовалась бы объёмная книга. Поэтому ниже даётся информация только о диссертациях и отдельных публикациях, связанных с направлениями

научных исследований, выполненных непосредственно в Тверском государственном университете и нашедших отражение в 78 диссертациях (15 докторских и 61 кандидатской). Однако детальный обзор содержания такого количества работ в одной статье также невозможен, что заставляет ограничиться информацией о тематической реализации рассматриваемых направлений научных изысканий, сопровождаемой ссылками на источники, по которым заинтересованный читатель сможет ознакомиться с важными для него теоретическими положениями, исследовательскими процедурами (преимущественно экспериментальными) и полученными результатами. Изложение структурировано по трём основным направлениям: психолингвистические проблемы значения слова, психолингвистические проблемы понимания текста, психолингвистические проблемы двуязычия.

Краткая информация о руководителе Тверской психолингвистической школы проливает свет на основания для фокусирования на рассматриваемых ниже направлениях научных изысканий.

Залевская Александра Александровна: окончила Алма-Атинский институт иностранных языков (1951) и аспирантуру при ИМГПИИЯ (Москва 1955); проходила повышение квалификации в институте английского языка Мичиганского университета (США 1967), на кафедре общего языкознания ЛГУ (1980) и дважды на психологическом факультете МГУ (1982, 1988); была членом Общества психологов СССР, о результатах своих исследований по ассоциативной структуре памяти докладывала на международных конгрессах психологов (Москва 1966; Лондон 1969; Токио 1972; Париж 1976), на съезде психологов (Тбилиси 1971), на симпозиуме по психологии памяти (Харьков 1970); с 1968 г. участник всех симпозиумов по психолингвистике; принимала участие в составлении «Словаря ассоциативных норм русского языка» и первого издания «Русского ассоциативного словаря»; была членом Головного совета по лексикографии (5 лет) и Головного совета по филологии (10 лет); участвовала в международных форумах в Алматы, Астане, Будапеште, Гданьске, Гранаде, Констанце, Пекине, Харбине, Шанхае и др.; была приглашенным лектором в Алматы, Братиславе, Будапеште, Пекине, Харбине и т.д. Почетные звания: заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор Тверского государственного университета, почетный профессор Харбинского педагогического университета (Харбин, КНР), почетный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (Алматы, Республика Казахстан); подготовила 14 докторов и 50 кандидатов наук.

Исследование ассоциативной структуры памяти проводилось в 1960-е гг. в Алматы с носителями одного, двух и трёх языков (русского, казахского, английского), что изначально определило стремление узнать: а) что кроется ЗА словом, которое с самого начала стало трактоваться как средство доступа к единой информационной базе человека – его памяти; б) каковы ведущие принципы организации лексикона человека, обеспечивающие мгновенный доступ к широчайшей сети выводных знаний и эмоционально-оценочных переживаний; в) что определяет специфику видения мира через призму того или иного языка; г) благодаря чему при национально-культурных особенностях видения мира всё-таки достигается взаимопонимание при межъязыковых / межкультурных контактах; д) чем обусловлены трудности и преимущества ситуаций овладения и пользования вторым, третьим языком.

С возвращением на родину – в Тверь (1969) был значительно расширен круг исследуемых языков для межъязыковых / межкультурных сопоставлений, а

к указанным выше приоритетам добавился интерес к процессам продуцирования и понимания текста и их моделированию при дальнейшей разработке теории слова как достояния индивида с акцентированием специфики слова как продукта переработки перцептивного, когнитивного и эмоционального опыта познания мира и общения. Всё это нашло отражение в докторской диссертации [Залевская 1980]. С открытием в Твери аспирантуры по психолингвистике работа по названным направлениям вышла на уровень кафедральных исследовательских программ.

С 1978 г. в Тверском государственном университете начали ежегодно издаваться сборники статей по психолингвистическим проблемам слова и текста; с 2003-го года сборник стал периодическим изданием с единым названием «Слово и текст: психолингвистический подход» с последовательной нумерацией выпусков. По опубликованным в названном сборнике статьям можно ознакомиться с динамикой исследований по рассматриваемым проблемам за последние 40 лет. С 2005 г. проводимые исследования освещаются также в рецензируемом научном журнале «Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология». По всем докторским диссертациям опубликованы монографии; имеются две коллективные монографии, одна из которых посвящена психолингвистическим аспектам взаимодействия слова и текста [Залевская и др.1998], а другая – исследованиям в области слова [Психолингвистические проблемы... 1999].

2. Психолингвистические проблемы значения слова

Это самая обширная программа, которая остаётся базовой с фокусированием на специфике *живого* слова, т.е. того, как слово опознаётся в качестве такового, за счёт чего оно может вызывать те или иные образы и эмоционально-оценочные переживания, как оно определяет построение проекции читаемого текста и т.д.

Исходной для всех последующих исследований явилась публикация [Залевская 1977], в которой фактически излагалась теория слова, позднее названная интерфейсной [Залевская 2014], поскольку именно благодаря своей медиативной функции слово обеспечивает доступ к многообразным продуктам переработки опыта познания и общения при адаптации индивида (представителя вида, личности и члена определённого социума) к естественному и социальному окружению. Там же была обоснована трактовка ментального лексикона как многоярусной функциональной динамической системы с множеством пересекающимися связей по всевозможным признакам и признакам признаков, а роль слова сравнивалась с использованием лазерного луча при считывании голограммы, поскольку благодаря слову в единой информационной базе человека «высвечиваются» хранящиеся в памяти многообразные продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения, что реализуется в образах, ощущениях, переживаниях, логических связях и т.д.

Обратим внимание на то, что за 50 лет, прошедшие со времени публикации названной работы, создана глобальная электронная сеть, имитирующая работу мозга человека и объединяющая хранящиеся в разных форматах виды знания, в то время как поиск по запросу в сети происходит по множеству параметров и признаков.

Стремление «заглянуть ЗА слово», проследить, как оно «работает», определило тематику первых кандидатских диссертаций, которые далее в ряде случаев переросли в исследования на уровне докторской диссертации.

Так, Т.М. Рогожникова первоначально рассматривала особенности развития значения слова у ребёнка, что привело к анализу более общих психолингвистических

проблем функционирования полисемантического слова с привлечением широких межъязыковых сопоставлений [Рогожникова 1986, 2000], а далее – к формированию в Уфе коллектива, продуктивно работающего в соответствии с актуальными для руководителя приоритетами.

С.И. Тогоева разработала процедуру экспериментального исследования стратегий понимания нового слова и далее фокусировалась на психолингвистических проблемах неологии [Тогоева 1989, 2000] (работает в ТвГУ).

И.Л. Медведева сначала занималась спецификой связей типа «и/или» между единицами ментального лексикона, а затем перешла к выявлению особенностей функционирования слов неродного языка [Медведева 1989, 1999] (ныне находится за пределами РФ); под её руководством в Твери были выполнены три кандидатских диссертации.

С.В. Лебедева занималась проблемой близости значения слов в индивидуальном сознании и ввела понятие проксонима [Лебедева 1991, 2002]; руководит широким кругом исследований, проводимых на разных уровнях в Курске.

Т.Ю. Сазонова начинала с исследования особенностей идентификации прилагательных, что привело её к моделированию процессов идентификации слова [Сазонова 1993, 2000] (ныне находится за пределами РФ); имеет ряд защитившихся аспирантов.

Н.О. Золотова от анализа специфики единиц ядра лексикона носителей английского языка пришла к разработке концепции ядра лексикона как естественного метаязыка [Золотова 1989, 2005] (работает в ТвГУ); подготовила 7 кандидатов наук. Из более поздних докторских диссертаций с проблемой слова прямо связаны исследования С.А. Чугуновой об особенностях концептуализации времени в разных культурах [Чугунова 2009] (работает в Брянске) и Н.И. Кургановой о роли и месте смыслового поля в моделировании структурных и операциональных параметров значения слова [Курганова 2012] (работает в Минске, Республика Беларусь).

К числу первых выполненных в Твери (под руководством А.А. Залевской) кандидатских диссертаций по оригинальным для того времени и впервые рассматриваемым в России темам относятся также следующие.

Параметрам конкретности, образности и эмоциональности значения существительных было посвящено исследование Е.Н. Колодкиной [Колодкина 1987], впервые опубликовавшей экспериментальные данные такого рода, полученные на материале русского языка. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола было определено Н.В. Соловьевой [Соловьева 1989]. В.Н. Маскадыня впервые получила статистически достоверные экспериментальные данные по особенностям категоризации на материале существительных русского языка [Маскадыня 1989]. Т.В. Шмелева выявила специфику опорного слова в устойчивом адъективном сравнении английского языка [Шмелева 1988]. Продолжением работы над этой проблемой явилось научное изыскание Н.В. Дмитриевой [Дмитриева 2000], обосновавшей роль признака в выборе эталона сравнения носителями разных языков, а В.А. Соломаха выявила роль признака как медиатора межполевых связей в лексиконе носителя языка [Соломаха 2003], что далее побудило рассмотреть роль языка в структурировании знания [Швей 2005], фокусироваться на роли метафоры как инструмента познания [Галкина 2004], а также моделировать особенности процесса конструирования метафоры [Белецкая 2007].

Ряд работ был посвящен специфике процесса идентификации слов разных лексико-грамматических классов и различной семантики, а также особенностям реализации в ментальном лексиконе связей между словами: Л.В. Барсук занималась широкозначными существительными [Барсук 1991], И.С. Лачина – прилагательными [Лачина 1993], Т.Г. Родионова – глаголами [Родионова 1994]. М.Е. Новичихина исследовала лексические противопоставления [Новичихина 1995] (докторская диссертация и руководство аспирантами по иной проблематике – в Воронеже).

В дальнейшем могло происходить возвращение к некоторым проблемам на другом уровне. Так, А.И. Бардовская исследовала средства номинации синестетических ощущений [Бардовская 2005], в то время как Е.В. Карасева рассмотрела предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания [Карасева 2007].

Ряд работ был посвящён особенностям функционирования лексических единиц различных видов: библеизмов [Туркова-Зарайская 2002; Семенова 2003], крылатых слов [Михайлова С.Е. 2003], прецедентных имён [Хватова 2004], политических эвфемизмов [Кипрская 2005], лингвокультурной доминанты [Свицова 2005], гендерных стереотипов лексико-грамматической персонификации [Воскресенская 2007], номинативного бинорма [Тарасова 2007].

Общим для проблематики слова и текста явилось исследование, проведённое Э.Е. Каминской на материале переводов поэтического текста и ориентированное на выявление динамики смыслового поля слова [Каминская 1996]. Рассмотрение лексических проблем проводилось в условиях учебного двуязычия (см. ниже).

Со временем появились новые проблемы и специфичные источники информации об изучаемых лексических явлениях. Так, О.С. Рублева обосновала преимущества представления значения слова в электронных словарях [Рублева 2009]. М.Э. Будина с использованием корпусов текстов исследовала динамику именованных так называемых «цветных революций» от их возникновения до приобретения новых смыслов [Будина 2015]. Ф.И. Артыкбаева с опорой на ассоциативные словари русского, казахского и некоторых других языков проследила (в диахронии) отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителя языка и культуры [Артыкбаева 2016]. О.А. Викторова выявила особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры и построила ряд моделей, отражающих взаимодействия между составляющими демотивационного постера [Викторова 2016]. М.А. Жолтикова предприняла экспериментальное исследование стратегий идентификации аббревиев компьютерной сферы и предложила модель рассматриваемого процесса [Жолтикова 2017].

По лексической проблематике под руководством И.Л. Медведевой защищена кандидатская диссертация Е.А. Зайцевой по результатам экспериментального исследования уровня освоенности слов носителями языка [Зайцева 2005]: под руководством С.И. Тогоевой – диссертация Е.Н. Гришкиной о новизне лексической единицы как параметре психологической структуры значения слова [Гришкина 2017]; под руководством Н.О. Золотовой – работы А.В. Гирнык о синергетической модели концепта «жизнь» [Гирнык 2011] и М.С. Павловой о возрастной динамике категоризации у детей среднего и старшего школьного возраста [Павлова 2013].

Первое обобщение исследований по этой программе было сделано в монографии [Залевская 1990]. Дальнейшее развитие психолингвистической трактовки значения

слова по результатам собственных экспериментов и раздумий, а также научных изысканий учеников и коллег представлено в ряде публикаций, в том числе: [Залевская 2011, 2012, 2014, 2018].

3. Психолингвистические проблемы понимания текста

Исследования проводились по разным вопросам теории и практики выявления специфики процессов и продуктов понимания текстов различных видов в варьирующихся условиях.

Так, из числа докторских диссертаций разработке нового концептуального аппарата межкультурного общения (с ориентацией на перевод) посвящено исследование И.Э. Ключанова [Ключанов 1999; Klyukanov 2005] (ныне находится за пределами РФ). Моделирование и объяснение процесса формирования индивидуальной проекции текста предприняла Н.В. Мохамед (Рафикова) [Рафикова, 1994; Мохамед 2000] (ныне находится за пределами РФ). В исследовании О.И. Колесниковой разработана модель становления художественно-языковой компетенции ребёнка (на материале поэтических текстов) [Колесникова 2006] (руководит аспирантами в Кирове). Типовая манера коммуникативной деятельности субъекта управленческого дискурса составила предмет диссертации С.В. Мкртычян [Мкртычян 2012] (работает в ТвГУ). О.В. Четверикова предложила трактовку знаков авторства в художественном тексте как средств вербальной манифестации смысловой сферы творческой личности [Четверикова 2013] (работает в Армавире). О.В. Голубева разработала теорию эвиденциальности выводного знания, уделив особое внимание абдуктивному поиску опор при понимании текста [Голубева 2016] (работает в Смоленске).

Под руководством А.А. Залевской были также выполнены следующие кандидатские диссертации, связанные с проблемами понимания текста: М.Л. Корытная рассмотрела роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста и разработала вихревую модель изучаемого процесса [Корытная 1996]; В.А. Балдова выявила влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста [Балдова 1999]; Т.В. Михайлова экспериментально исследовала особенности восполнения в тексте эллиптических конструкций [Михайлова Т.В. 1997]; И.Ф. Бревдо исследовала механизмы разрешения неоднозначности в шутке и построила модель изучаемого процесса [Бревдо 1999]; О.В. Гвоздева выявила специфику процесса понимания нестандартного поэтического текста [Гвоздева 2000]; С.А. Чугунова обосновала трактовку образа ситуации как медиатора процесса понимания художественного текста [Чугунова 2002]; И.В. Воскресенский рассмотрел стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке [Воскресенский 2007].

Под руководством И.Л. Медведевой была защищена кандидатская диссертация А.И. Ивановой по контекстуальной синонимии как проявлению номинативного варьирования в журнальном тексте [Иванова А.И. 2006]. Под руководством Н.О. Золотовой защищены кандидатские диссертации М.А. Чернышовой по результатам когнитивно-синергетического моделирования процесса понимания рекламного текста [Чернышова 2010] и Н.В. Захаровой о роли комментируемого слова в проекции текста читателя [Захарова 2014].

К этому можно добавить, что ряд диссертационных работ по пониманию текста был выполнен в условиях двуязычия (они упоминаются в следующем разделе), в

то время как некоторые работы, уже рассмотренные в предыдущем разделе, имеют непосредственное отношение к проблемам понимания текста при включении слова в более широкий контекст, что приводит к необходимости выявления особенностей взаимодействия слова и текста.

Первое обобщение выполняемых по этой кафедральной программе исследований было предпринято в монографии [Залевская 2001], где также приводится своя спиралевидная модель процесса идентификации слова и понимания текста. Анализ содержания части названных выше научных изысканий содержится в учебнике [Залевская 2007]; детальный обзор, проведенный с позиций последних лет, представлен в [Залевская 2017], где показан вклад представителей Тверской психолингвистической школы в изучение стратегий и опор, используемых носителями языка при понимании текстов разных видов, а также и в разработку процедур экспериментального исследования процессов поиска смысла читаемого текста, и в моделирование этих процессов.

4. Психолингвистические проблемы двуязычия

Выше уже говорилось об экспериментах с носителями двух и трёх языков, проводившихся в Алматы в 1960-е гг. Там же под руководством А.А. Залевской было начато исследование Т.Д. Кузнецовой по вопросу роли установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях овладения вторым или третьим языком [Кузнецова 1982]; защита прошла в Институте психологии им. Д.Н. Узнадзе в Тбилиси по специальности «Педагогическая психология». В Твери эту линию исследований на материале лексических ошибок продолжила А.А. Поймёнова [Поймёнова 1999], разработавшая модель процесса преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком. К этому же времени относятся публикации И.Л. Медведевой по психолингвистическим аспектам функционирования иноязычного слова и защита ею докторской диссертации по этой проблеме [Медведева 1999].

Под руководством А.А. Залевской были также защищены кандидатские диссертации О.С. Шумиловой о стратегиях идентификации иноязычных фразеологических единиц [Шумилина 1997]; М.В. Соловьевой о стратегиях понимания иноязычного текста [Соловьева М.В. 2006], М.А. Ишук о специфике понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности [Ишук 2009], С.И. Корниевской по доступу к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия [Корниевская 2012], а также Э.В. Саркисовой о взаимодействии стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого иноязычного слова с моделированием установленных взаимосвязей [Саркисова 2014].

Под руководством И.Л. Медведевой защищены кандидатские диссертации О.В. Ивановой о динамических аспектах функционирования лексикона билингва [Иванова О.В. 2004] и Е.А. Зайцевой об исследовании степени освоенности слова индивидом [Зайцева 2005].

Под руководством Н.О. Золотовой выполнены исследования и защищены кандидатские диссертации Ю.В. Федурко об идентификации незнакомого слова как синергетическом процессе [Федурко 2008], И.В. Новиковой об особенностях идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии [Новикова 2011] и В.М. Беляевой о стратегиях преодоления лексической неоднозначности в условиях учебного билингвизма [Беляева 2015].

Теоретические положения, касающиеся учебного двуязычия, используемых в этих условиях стратегий и опор, а также моделирования соответствующих процессов, рассматривались в первом издании учебника «Введение в психолингвистику» [Залевская 1999], но в 2007 г. при подготовке к переизданию этого учебника со значительными добавлениями три главы о двуязычии были изъяты, поскольку к этому времени уже вышло из печати учебное пособие «Психолингвистические проблемы учебного двуязычия» [Залевская, Медведева 2002]. Ныне доступны в электронном формате две более поздние публикации: монография [Залевская 2009] и учебник для магистрантов «Вопросы теории учебного двуязычия» [Залевская 2016].

5. Особенности теоретического подхода и выводы

На основании выполненных в Твери научных изысканий можно составить представление о целенаправленных попытках выявить, описать и по возможности объяснить некоторые особенности реальных процессов функционирования слова, понимания текста и пользования неродным языком. Каждое из названных исследований вносит определённый вклад в совокупную картину представлений о том, что лежит за словом, текстом и шире – использованием языка как «живого знания» в процессах познания и общения. К числу таких представлений можно отнести следующие.

1. Язык как достояние индивида выступает в качестве *инструмента* познания и общения, а слово – как *средство доступа* к продуктам перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта адаптации человека к естественному и социальному окружению. Без возможности опоры на такой опыт язык не может означать что-то, он остаётся «мёртвым». Система смыслов начинает формироваться до речи (Н.И. Жинкин) при взаимодействии тела и разума через процессы анализа и синтеза, сравнения и классификации (И.М. Сеченов), при этом воспринимаемое обрабатывается по множеству параметров, признаков и ещё более дробно – признаков признаков для включения в единую функциональную динамическую систему памяти, постоянно находящуюся в состоянии изменяющейся активности. На табло сознания поступают только продукты множества взаимодействующих процессов, протекающих на неосознаваемом уровне при переходах от актуального сознания через сознательный контроль к неосознаваемому контролю и к бессознательному и/или в обратном порядке (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев). Поэтому необходимо разграничивать ситуации, которые традиционно смешиваются, что ведёт к подмене понятий, в том числе: процесса и продукта (Л.В. Щерба), языковой ситуации и метаязыковой ситуации, языкового сознания и метаязыкового сознания, внешнего контекста и внутреннего контекста и т.п. Отсюда вытекает требование строгого отношения к научной терминологии, к пониманию того, на чём фокусируется то или иное направление исследований, в какие категориальные поля немедленно включается используемый термин. Например, экспериментальные ситуации должны ранжироваться по степени проявления метаязыковой активности испытуемых, но повсеместно эта характеристика исследовательской процедуры вообще не учитывается (при использовании в Твери процедур психолингвистического портретирования лексики набор из пяти заданий упорядочен по этому принципу).

2. Всё попадающее в систему памяти включается во множественные связи по всевозможным параметрам, признакам и признакам признаков, образуя гигантскую сеть, которая позволяет опознавать уже встречавшееся ранее, а при встрече с новым опытом строить правдоподобные гипотезы о его сути, признаках, связях и т.д. на

основе уже имеющихся и/или вновь создаваемых выводных знаний. Таким образом, уже известное или впервые встреченное языковое явление проходит многостороннюю обработку посредством сравнения с тем, что уже имеется в предшествующем опыте, и принятия решений по каждому акту такого сравнения. Иначе говоря, то, что принято называть *пониманием* значения слова, в реальности представляет собой сложное взаимодействие ряда процессов, протекающих параллельно и/или последовательно и дающих различающиеся промежуточные и конечные продукты. Таким образом, переживаемое индивидом *понимание значения слова* представляет собой продукт активации следов имеющегося прошлого опыта, которые могут храниться в разных «форматах» и различаться по уровню их актуальности для наличной ситуации.

Поскольку в реальности взаимодействующие процессы и промежуточные продукты таких процессов функционируют преимущественно на неосознаваемых уровнях, создаётся впечатление мгновенного получения результата, что, в частности, дало основания для мифа о «неразрывности» формы и значения слова и для наивного убеждения в том, что значение слова адекватно описывается словарной дефиницией. На самом деле за каждым словом лежит широчайшая сеть связей, позволяющая так или иначе учитывать множество разнообразных выводных знаний, ситуаций, возможных следствий и т.д., которые выводятся на табло сознания только в случаях необходимости, но всегда определяют тот фундамент, благодаря которому становится возможным взаимопонимание между людьми.

Словарная дефиниция уточняет инвариантную суть социально принятого содержания, приписываемого слову на некотором этапе его функционирования. Отсюда становятся очевидными некоторые принципиальные различия между тем, как значение слова функционирует у индивида, и его лексикографическим описанием. В частности, это касается многозначных слов: в Твери еще в 1980-е гг. экспериментально обосновывалось мнение о том, что в лексиконе индивида полисемантическое слово функционирует как ряд омонимичных слов, каждое из которых входит в свой круг связей (т.е. увязывается с определённой ситуацией, категорией, признаками, входит в то или иное тематическое или смысловое поле и т.д.).

4. Гигантская сеть связей, лежащая за словом, предполагает наличие определённых принципов организации объединяемых сетью вхождений, что обеспечивает успешность идентификации слова как такового с учётом взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов. При ведущем принципе «многие ко многим» задействованные связи активируются по любым возможным параметрам и признакам, при этом для носителя языка могут быть актуальными основания для связи, отличающиеся от описываемых с точки зрения лингвистики. Тверскими исследователями показаны роль и специфика проявлений параметров предметности, образности, эмоциональности, новизны и т.д., связей типа «и/или», индивидуальной трактовки основания для связей и степени близости / расхождения значений слов, не вписывающихся в строгую дефиницию синонимов или антонимов, что потребовало введения терминов типа «симилары», «оппозиты», «проктонимы». Обоснована также функциональная значимость признаков разных видов (в том числе несущественных, но характерных для некоторого объекта с позиций той или иной культуры) в различных ситуациях пользования словом.

5. Фундаментальную значимость для такой обработки слов имеют формирующиеся через опыт наиболее общие «идеи», «категории», «топы» и т.п.

– продукты максимальной компрессии смысла. Логично признать, что базовые смысловые параметры, формируемые при взаимодействии ощущений, переживаний и рассуждений, на высшем уровне обобщения носят надязыковой характер, становясь «мысленными абстрактами» (И.М. Сеченов), именно это делает в принципе возможным взаимопонимание между носителями разных языков и культур. Иначе говоря, при преломлении видения мира через призму разных языков и культур у жителей планеты Земля посредством единых врождённых механизмов переработки опыта познания и общения формируются общечеловеческие идеи сущностей, признаков, действий, переживаний и т.д. Может не иметься вербальной манифестации такой идеи: так, обычный носитель языка не знает лингвистической терминологии, но успешно пользуется языковыми средствами, оперируя «скрытой грамматикой» (грамматикой в широком смысле, т.е. процедурным знанием того, как работает язык). Неслучайно этой проблемой издавна интересовались наши отечественные языковеды (например, А.А. Потебня прямо указывал на различия между научными категориями и теми, которые функционируют у носителей языка), проблема категорий с давних времён входила в число центральных для философов (её разрабатывали, например, Аристотель, И. Кант, Ч.С. Пирс).

6. Наряду с идеями сущностей, действий, признаков и т.д. как продуктами максимальной компрессии смысла, через призму которых перерабатывается воспринимаемый опыт, имеется ряд «промежуточных» уровней абстрагирования, продукты которых подлежат обязательной вербальной манифестации, что формирует специфичную категорию слов, играющих роль единиц естественного метаязыка в процессах идентификации воспринимаемого через суммированную отсылку к надёжному знанию со всеми вытекающими следствиями (типа: *брокер* – это человек, т.е. не знаю, чем он занимается, но уж точно – он человек, отсюда – живой, взрослый, имеющий профессию и т.д.).

Обратим внимание на то, что понятие ядра лексикона было введено в Твери ещё в начале 1980-х гг., а трактовка единиц ядра лексикона как выполняющих важнейшую функцию своеобразного естественного метаязыка несёт мощный эвристический потенциал, поскольку создаются основания для более детального рассмотрения и объяснения специфики процессов и опор в ходе естественного семизиса. В частности, становится очевидной условность противопоставления языковых и неязыковых (экстралингвистических) знаний, поскольку те и другие в реальности функционируют по принципу взаимодополнительности, носитель языка их вообще не различает, как не различает, например, основания для противопоставления по актуальному для него самому признаку некоторой сущности, ситуации и т.п., что может выходить за рамки лингвистической трактовки антонимии (ср. ассоциативную связь: КРУГЛЫЙ – *квадрат*; это не бессмыслица, а противопоставление по признаку формы объекта, при котором не учитываются детали поверхностного уровня – согласования по лексико-грамматической принадлежности слова, манифестирующего продукт реализованного противопоставления). Отсюда следует требование при анализе экспериментальных материалов не искать в них иллюстрации к уже известным лингвистическим постулатам (что, к сожалению, нередко происходит в работах, квалифицируемых самими авторами как психолингвистические научные изыскания), а исходить из заданной в эксперименте ситуации для обнаружения возможных стратегий и опор, которые могли привести к эксплицитно представленному результату, требовавшему или не требовавшему

определенного уровня мыслительной активности и перехода от когнитивного действия к метаязыковому рассуждению.

7. В сети связей особую роль играют не только слова, но и другие активные вхождения, выступающие в качестве медиаторов, или индексов (в том числе – формальные показатели, передающие идеи единственного или множественного числа, вещественности или действия, признака, процесса, принадлежности к числу живых объектов и т.д.), указывающие на отнесённость к некоторой категории (теме, разряду и т.д.), что автоматически активирует ощущения, знания, переживания, логические связи, имеющие какое-либо отношение к используемому медиатору. В качестве примера в первом издании учебника [Залевская 1999] обсуждаются результаты эксперимента с детьми, ещё не знающими правил склонения существительных, но убеждённых в том, что *бокр*, которого *штеко будланула глокая куздра*, несомненно, живой! Следует подчеркнуть, что активация происходит при динамике уровней осознаваемости; в зависимости от сложного взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов получаемый продукт может оцениваться как значимый или несущественный. Множественность и дробность признаков, по которым устанавливаются и активируются связи в системе опыта, обуславливает многие расхождения между традиционно принятыми подходами к описанию значения слова и тем, что наиболее функционально значимо для индивидуальной системы смыслов. Это снова возвращает нас к необходимости психолингвистического (как экспериментального, так и теоретического) исследования особенностей формирования и функционирования скрытого процедурного знания, благодаря которому мы оказываемся способными мгновенно учитывать всё имплицитное некоторым формантом, включая и то, что разрешается, и то, что запрещается как приписанное языковой единице в социуме / культуре.

8. Таким образом, в продолжение провозглашенного в 2016 году перехода от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам Тверская психолингвистическая школа фокусируется на необходимости разработки на новом уровне теоретических аспектов языка как достояния индивида – представителя вида, личности и члена социума.

Литература

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

Балдова В.А. Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 16 с.

Бардовская А.И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.

Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значения широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 16 с.

Белецкая Е.В. Моделирование особенностей конструирования метафоры: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 19 с.

Беляева В.М. Стратегии преодоления лексической неоднозначности в условиях учебного билингвизма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 16 с.

Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 18 с.

Будина М.Э. Динамика языковых явлений от возникновения до приобретения новых смыслов (на примере именованных «цветных революций»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 20 с.

Викторова О.А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

Воскресенская С.Ю. Гендерные стереотипы лексикограмматической персонификации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.

Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 20 с.

Галкина О.В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 19 с.

Гвоздева О.Л. Особенности понимания нестандартных художественных текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 14 с.

Гирнык А.В. Синергетическая модель концепта ЖИЗНЬ: экспериментальное исследование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 16 с.

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2016. 48 с.

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 19 с.

Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 16 с.

Жолтикова М.А. Стратегии идентификации аббревем (на материале аббревем компьютерной сферы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 18 с.

Зайцева Е.А. Степени освоенности слов носителями языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. – 19 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с. Воспроизведено: // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 31–85.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1980. 32 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 206 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с. Воспроизведено: // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 235–481.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 558 с. [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.: Директ-Медиа, 2013. 561 с. URL: http://www.directmedia.ru/book_210597_vvedenie_vpsiholingvistiku_uchebnik

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с. [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.: Директ-Медиа, 2013. 240 с. URL: http://www.directmedia.ru/book_210598_znachenie_slova_che-rez_prizmu_eksperimenta

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 280 с.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. / URL: www.directmedia.ru/

Залевская А.А. Понимание текста: процессы и продукты: обзор // РЖ ИНИОН РАН «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 6. Языкознание. 2015. № 1. С. 53–98.

Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с. / URJ: <http://www.twirpx.com/file/2176361/>

Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.

Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. 207 с.

Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.

Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 15 с.

Золотова Н.О. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Одесса, 1989. 16 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2005. 44 с.

Иванова А.И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте (на материале журнальных статей): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.

Иванова О.В. Динамические аспекты функционирования лексикона билингва: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь: 2004. 16 с.

Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь 2009. 19 с.

Каминская Э.Е. Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова (на материале переводов поэтического текста): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1996. 16 с.

Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 15 с.

Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 18 с.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.

Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребёнка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2006. 46 с.

Колодкина Е.Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987. 17 с.

Корниевская С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 19 с.

Корытная М.Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: автореф. дисс. канд. филол. наук. Тверь, 1996. 16 с.

Кузнецова Т.Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1982. – 16 с.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2012. 46 с.

Лачина И.С. Особенности идентификации прилагательных: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 17 с.

Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 17 с.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2002. 42 с.

Маскадыня В.Н. Отнесение к категории как способ идентификации значения слова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 16 с.

Медведева И.Л. Связи типа «и/или» в лексиконе человека: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 16 с.

Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 1999. 46 с.

Михайлова Т.В. Особенности восполнения эллиптических конструкций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. 18 с.

Михайлова С.Е. Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 18 с.

Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2012. 47 с.

Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 2000. 40 с.

Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 20 с.

Новичихина М.Е. Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений: автореф. дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 16 с.

Павлова М.С. Возрастная динамика языковой категоризации у детей среднего и старшего школьного возраста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 20 с.

Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуниктивных затруднений при пользовании иностранным языком: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 17 с.

Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография / под общ. ред. *А.А. Залевской*. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 191 с.

Рафикова Н.В. Динамика ядра и периферии семантического поля текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994. 16 с.

Рогожникова Т.М. Развитие значения полисемантического слова у ребёнка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1986. 20 с.

Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 2000. 43 с.

Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994. 17 с.

Рублева О.С. Слово в электронном словаре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 16 с.

Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 18 с.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993. 46 с.

Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.

Свицова А.А. Лингвокультурная доминанта «ДОМ – РОДИНА – ЧУЖБИНА» в русских и английских пословицах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 20 с.

Семенова Е.С. Библиеизм как средство речевого воздействия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 20 с.

Соловьева М.В. Стратегии понимания иноязычного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 15 с.

Соловьева Н.В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 16 с.

Соломаха В.А. Признак как медиатор межполевых связей в лексиконе носителей языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 16 с.

Тарасова Е.И. Номинативный бином в свете концептуальной целостности при вербальной раздельнооформленности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 19 с.

Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 17 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2000. 44 с.

Туркова-Зарайская М.О. Особенности понимания библеизмов современными носителями языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 19 с.

Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 15 с.

Хватова С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имён носителями языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.

Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 17 с.

Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2009. 51 с.

Чугунова С.А. Образ ситуации как медиатор процесса понимания художественного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2002. 16 с.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2009. 43 с.

Швец Н.О. Роль языка в структурировании знаний: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2005. 20 с.

Шмелева Т.В. Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988. 17 с.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. 17 с.

Klyukanov I.E. (2005). Principles of intercultural communication. Boston; New York; San Francisco etc.: Pearson Education, Inc., 2005. 290 p.

TVER SCHOOL OF PSYCHOLINGUISTICS

Alexandra A. Zalevskaya

Doctor of Philology, professor,
Professor of language theory and translation
170004, Tver, ul. Zhelyabova, 33
aazalev@mail.ru

There are three basic topics in Tver psycholinguistic research: word meaning, text comprehension and bilingualism. The main attention is focused on the interfacial function of word as mediator in the processes of word identification and text comprehension. Word meaning is treated as an interface between the social and the personal, between linear and discreet linguistic items and nonlinear live multimodal hypertext as enormous net connecting products of perceptive-cognitive-affective information processing formed by personal

adaptive activity. Word meaning in a mental lexicon is identified in a certain inner context and mediates access to a multimodal product of information processing, a multilevel self-organizing functional dynamic system of codes and code-switching activity. The current situation of natural semiosis regulates the necessity of activating (at different levels of consciousness) wide ranges of inferential knowledge which is evaluative-emotionally marked and evoked by multiple links based on dimensions and features of various modality. At different levels of consciousness dimensions and features of objects and word meanings as well as tops – semantic-structural mental invariants necessary for speech production and text comprehension – are used for navigating the hypertext of former verbal and nonverbal experience for solving cognitive and communication problems. Experiments and modeling are used for revealing strategies and actual means of access to personal world image and to inferential knowledge in natural semiosis.

Keywords: psycholinguistics, word meaning, text comprehension, bilingualism, experiment, modeling, inferential knowledge, natural semiosis

References

Artyikbaeva F.I. Otrazhenie bazovyih tsnostey v yadre mentalnogo leksikona nositeley yazyika i kulturyi (diahronicheskiy aspekt): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2016. 19 s. (In Russian).

Baldova V.A. Vliyanie avtorskogo predtekstovogo kompleksa na ponimanie spetsialnogo teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 1999. 16 s. (In Russian).

Bardovskaya A.I. Sredstva nominatsii sinesteticheskikh sooschuscheniy (na materiale angliyskiykh i russkiykh hudozhestvennykh tekstov): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2005. 18 s. (In Russian).

Barsuk L.V. Psiholingvisticheskoe issledovanie osobennostey identifikatsii znacheniya shirokoznachnykh slov (na materiale suschestvitelnykh): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1991. 16 s. (In Russian).

Beletskaya E.V. Modelirovanie osobennostey konstruirovaniya metaforyi: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2007. 19 s. (In Russian).

Belyaeva V.M. Strategii preodoleniya leksicheskoy neodnoznachnosti v usloviyah uchebnogo bilingvizma: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2015. 16 s. (In Russian).

Brevdo I.F. Mehanizmyi razresheniya neodnoznachnosti v shutke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 1999. 18 s. (In Russian).

Budina M.E. Dinamika yazyikovyyh yavleniy ot vozniknoveniya do priobreteniya novykh smyslov (na primere imenovaniy «svetnykh revolyutsiy»): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2015. 20 s. (In Russian).

Viktorova O.A. Osobennosti polikodovykh demotivatsionnykh posterov s vklyucheniem yazyikovoy igryi: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2016. 19 s. (In Russian).

Voskresenskaya S.Yu. Gendernyye stereotipyi leksiko0grammaticheskoy personifikatsii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2007. 16 s. (In Russian).

Voskresenskiy I.V. Strategii implitsirovaniya i razresheniya neodnoznachnosti v delovoy perepiske: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2007. 20 s. (In Russian).

Galkina O.V. Metafora kak instrument poznaniya (na materiale terminov-metafor kompyuternogo interfeysa): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2004. 19 s. (In Russian).

Gvozdeva O.L. Osobennosti ponimaniya nestandartnykh hudozhestvennykh tekstov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2000. 14 s. (In Russian).

Girnyik A.V. Sinergeticheskaya model kontsepta ZhIZNЬ: eksperimentalnoe issledovanie: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2011. 16 s. (In Russian).

Golubeva O.V. Teoriya evidentsialnosti vyivodnogo znaniya: psiholingvisticheskiy podhod: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver, 2016. 48 s. (In Russian).

Grishkina E.N. Novizna leksicheskoy edinitsey kak integrativniy parametr psihologicheskoy strukturyi znacheniya slova (na materiale psiholingvisticheskogo eksperimenta): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2017. 19 s. (In Russian).

Dmitrieva N.V. Rol priznaka v vyibore etalona sravneniya (na materiale ad'ektivnykh sravneniy angliyskogo i russkogo yazykov): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2000. 16 s. (In Russian).

Zholtikova M.A. Strategii identifikatsii abbrevev (na materiale abbrevev kompyuternoy sferyi): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2017. 18 s. (In Russian).

Zaytseva E.A. Stepeni osvoennosti slov nositelyami yazyika: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver, 2005. 19 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka. Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1977. 83 s. Vosproizvedeno: // Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbrannyye trudyi. M.: Gnozis, 2005. S. 31–85. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskoe issledovanie printsipov organizatsii leksikona cheloveka (na materiale mezh'yazykovogo sopostavleniya rezultatov assotsiativnykh eksperimentov): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. L., 1980. 32 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskoe issledovanie: monografiya. Voronezh: Izd-vo VGU, 1990. 206 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik. M.: Rossiysk. gos. gumanit. un-t, 1999. 382 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Tekst i ego ponimanie: monografiya. Tver: Tver. gos. un-t, 2001. 178 s. Vosproizvedeno: // Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbrannyye trudyi. M.: Gnozis, 2005. S. 235–481. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rossiysk. gos. gumanit. un-t, 2007. 558 s. [Elektronnyy resurs] [Elektronnaya kniga]. M.: Direkt-Media, 2013. 561 c. URL: http://www.directmedia.ru/book_210597_vvedenie_vpsiholingvistiku_uchebnik (In Russian).

Zalevskaya A.A. Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta: monografiya. Tver: Tver. gos. un-t, 2011. 240 s. [Elektronnyy resurs] [Elektronnaya kniga]. M.: Direkt-Media, 2013. 240 c. URL: http://www.directmedia.ru/book_210598_znachenie_slova_cherez_prizmu_eksperimenta (In Russian).

Zalevskaya A.A. Dvoynaya zhizn znacheniya slova. Teoreticheskoye i eksperimentalnoye issledovaniye: monografiya. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 280 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Chto tam – za slovom? Voprosy interfeysnoy teorii slova: monografiya [Elektronnyy resurs] [Elektronnaya kniga]. M.-Berlin: Direkt-Media, 2014. 328 s. / URL: www.directmedia.ru/ (In Russian).

Zalevskaya A.A. Ponimaniye teksta: protsessy i produkty: obzor // RZh INION RAN «Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura». Seriya 6. Yazykoznaniiye. 2015. № 1. S. 53–98. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedeniye v teoriyu uchebnogo dvuyazychiya: uchebnik dlya magistrantov [Elektronnyy resurs]. Tver: Tver. gos. un-t. 2016. 269 s. / URJ: <http://www.twirpx.com/file/2176361/> (In Russian).

Zalevskaya A.A. Voprosy estestvennogo semiozisa: monografiya. Tver: Tver. gos. un-t. 2018. 160 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A., Kaminskaya E.E., Medvedeva I.L., Rafikova N.V. Psikholingvisticheskiye aspekty vzaimodeystviya slova i teksta: kollektivnaya monografiya / pod obsch. red. A.A. Zalevskoy. Tver: Tver. gos. un-t. 1998. 207 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A., Medvedeva I.L. Psikholingvisticheskiye problemy uchebnogo dvuyazychiya: ucheb. posobiye. Tver: Tver. gos. un-t. 2002. 194 s. (In Russian).

Zakharova N.V. Rol kommentiruyemogo slova v proyeksii teksta chitatelya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2009. 15 s. (In Russian).

Zolotova N.O. Spetsifika yadra leksikona nositelya angliyskogo yazyka (na materiale «Assotsiativnogo tezaurusy angliyskogo yazyka»): avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Odessa. 1989. 16 s. (In Russian).

Zolotova N.O. Yadro mentalnogo leksikona cheloveka kak estestvennyy metayazyk: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2005. 44 s. Ivanova A.I. Kontekstualnaya sinonimiya kak proyavleniye nominativnogo varirovaniya v tekste (na materiale zhurnalnykh statey): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2006. 20 s. (In Russian).

Ivanova O.V. Dinamicheskiye aspekty funktsionirovaniya leksikona bilingva: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver: 2004. 16 s. Ishchuk M.A. Spetsifika ponimaniya inoyazychnogo geterogennogo teksta po spetsialnosti: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver 2009. 19 s. (In Russian).

Kaminskaya E.E. Psikholingvisticheskoye issledovaniye dinamiki smyslovogo polya slova (na materiale perevodov poeticheskogo teksta): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1996. 16 s. (In Russian).

Karaseva E.V. Predmetno-chuvstvennyy komponent znacheniya slova kak zhivogo znaniya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2007. 15 s. (In Russian).

Kiprskaya E.V. Politicheskiye evfemizmy kak sredstvo kamuflirovaniya deystvitel'snoti v SMI (na primere konflikta v Irake 2003–2004 gg.): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Izhevsk. 2007. 18 s. (In Russian).

Klyukanov I.E. Dinamika mezhkulturnogo obschcheniya: k postroyeniyu novogo kontseptualnogo apparata: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Saratov. 1999. 42 s. (In Russian).

Kolesnikova O.I. Khudozhestvennyy modus yazyka i yazykovaya kompetentsiya rebenka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2006. 46 s. Kolodkina E.N. Spetsifika psikholingvisticheskoy traktovki parametrov konkretnosti, obraznosti i emotsionalnosti znacheniya sushchestvitel'nykh: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1987. 17 s. (In Russian).

Korniyevskaya S.I. Dostup k slovu pri ustnom produtsirovanii rechi na inostrannom yazyke v situatsii uchebnogo dvuyazychiya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2012. 19 s. (In Russian).

Korytnaya M.L. Rol zagolovka i klyuchevykh slov v ponimanii khudozhestvennogo teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1996. 16 s. (In Russian).

Kuznetsova T.D. Rol ustanovki v formirovanii pravilnogo i oshibchnogo rechevogo deystviya v usloviyakh bilingvizma i trilingvizma: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tbilisi. 1982. 16 s. (In Russian).

Kurganova N.I. Rol i mesto smyslovogo polya pri modelirovanii strukturnykh i operatsionalnykh parametrov znacheniya slova: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2012. 46 s. (In Russian).

Lachina I.S. Osobennosti identifikatsii prilagatelnykh: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1993. 17 s. (In Russian).

Lebedeva S.V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye blizosti znacheniya slov v individualnom soznanii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1991. 17s. (In Russian).

Lebedeva S.V. Blizost znacheniya slov v individualnom soznanii: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2002. 42 s. (In Russian).

Maskadynya V.N. Otneseniye k kategorii kak sposob identifikatsii znacheniya slova: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1989. 16 s. (In Russian).

Medvedeva I.L. Svyazi tipa «i/ili» v leksikone cheloveka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1989. 16 s. (In Russian).

Medvedeva I.L. Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya leksiki nerodnogo yazyka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 1999. 46 s. (In Russian).

Mikhaylova T.V. Osobennosti vospolneniya ellipticheskikh konstruksiy: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1997. 18 s. (In Russian).

Mikhaylova S.E. Osobennosti ponimaniya krylatykh slov sovremennymi nositelyami yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2003. 18 s. (In Russian).

Mkrtychyan S.V. Upravlencheskiye kommunikativnyye stili v sotsialno stratifitsirovannom diskurse (na materiale russkogo yazyka): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2012. 47 s. (In Russian).

Mokhamed N.V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye protsessov ponimaniya teksta: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Ufa. 2000. 40 s. (In Russian).

Novikova I.V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye identifikatsii polimorfemnogo slova pri uchebnom dvuyazychii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2011. 20 s. (In Russian).

Novichikhina M.E. Psikholingvisticheskoye issledovaniye leksicheskikh protivopostavleniy: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh. 1995. 16 s. (In Russian).

Pavlova M.S. Vozrastnaya dinamika yazykovoy kategorizatsii u detey srednego i starshego shkolnogo vozrasta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2013. 20 s. (In Russian).

Poymenova A.A. Leksicheskaya oshibka v svete strategiy preodoleniya kommunikivnykh zatrudneniy pri polzovanii inostrannym yazykom: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1999. 17 s. (In Russian).

Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya slova v leksikone cheloveka: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. A.A. Zalevskoy. Tver: Tver. gos. un-t. 1999. 191 s. (In Russian).

Rafikova N.V. Dinamika yadra i periferii semanticheskogo polya teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1994. 16 s. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. Razvitiye znacheniya polisemantichnogo slova u rebenka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1986. 20 s.

- Rogozhnikova T.M.* Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya polisemantichnogo slova: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Ufa. 2000. 43 s. (In Russian).
- Rodionova T.G.* Strategii identifikatsii neologizmov-glagolov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1994. 17 s. (In Russian).
- Rubleva O.S.* Slovo v elektronnom slovare: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2009. 16 s. (In Russian).
- Sazonova T.Yu.* Strategii identifikatsii novykh slov nositelyami yazyka (na materiale prilagatelnykh): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 1993. 18 s. (In Russian).
- Sazonova T.Yu.* Psikholingvisticheskoye issledovaniye protsessov identifikatsii slova: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. M.. 1993. 46 s. (In Russian).
- Sarkisova E.V.* Vzaimodeystviye strategiy i strukturnykh opor pri identifikatsii neznakomogo slova: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2014. 19s. (In Russian).
- Svitsova A.A.* Lingvokulturnaya dominanta «DOM – RODINA – ChUZhBINA» v russkikh i angliyskikh poslovitsakh: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Izhevsk. 2005. 20 s. (In Russian).
- Semenova E.S.* Bibleizm kak sredstvo rechevogo vozdeystviya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2003. 20 s. (In Russian).
- Solovyeva M.V.* Strategii ponimaniya inoyazychnogo teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2006. 15 s. (In Russian).
- Solovyeva N.V.* Mesto predmetnogo komponenta v psikhologicheskoy strukture znacheniya glagola: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1989. 16 s. (In Russian).
- Solomakha V.A.* Priznak kak mediator mezhpolevykh svyazey v leksikone nositeley yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2003. 16 s. (In Russian).
- Tarasova E.I.* Nominativnyy binom v svete kontseptualnoy tselostnosti pri verbalnoy razdelnooformlennosti: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2007. 19s. (In Russian).
- Togoyeva S.I.* Psikholingvisticheskoye issledovaniye strategiy identifikatsii znacheniya slovesnogo novoobrazovaniya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. 1989. 17 s. (In Russian).
- Togoyeva S.I.* Psikholingvisticheskiye problemy neologii: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Voronezh. 2000. 44 s. (In Russian).
- Turkova-Zarayskaya M.O.* Osobennosti ponimaniya bibleizmov sovremennymi nositelyami yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2002. 19 s. (In Russian).
- Fedurko Yu.V.* Identifikatsiya neznakomogo slova kak sinergeticheskyy protsess: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2008. 15 s. (In Russian).
- Khvatova S.S.* Etnokulturnaya spetsifika identifikatsii pretsedentnykh imen nositelyami yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2004. 18 s. (In Russian).
- Chernyshova M.A.* Kognitivno-sinergeticheskoye modelirovaniye ponimaniya reklamnogo teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver. 2010. 17 s. (In Russian).
- Chetverikova O.V.* Znaki avtorstva kak sredstva verbalnoy manifestatsii smyslovoy sfery tvorcheskoy yazykovoy lichnosti: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2009. 51 s. (In Russian).
- Chugunova S.A.* Obraz situatsii kak mediator protsessa ponimaniya khudozhestvennogo teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2002. 16 s. (In Russian).
- Chugunova S.A.* Kontseptualizatsiya vremeni v raznykh kulturakh: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Tver. 2009. 43 s. (In Russian).

Shvets N.O. Rol yazyka v strukturirovanii znaniy: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2005. 20 s. (In Russian).

Shmeleva T.V. Spetsifika opornogo slova ustoychivogo adyektivnogo sravneniya v angliyskom yazyke: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Odessa. 1988. 17 s. (In Russian).

Shumilina O.S. Strategii identifikatsii inoyazychnykh frazeologicheskikh edinits (na materiale angliyskikh glagolnykh frazeologizmov s somaticheskimi komponentami): avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Tver. 1997. 17 s. (In Russian).

Klyukanov I.E. Principles of intercultural communication. (2005). Boston; New York; San Francisco etc.: Pearson Education, Inc., 2005. 290 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приветствие на открытии XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»

Психолингвистика и теория коммуникации относятся к фундаментальным областям языкознания. В настоящее время очевидно, что «узкая лингвистика» не может самостоятельно ответить на основные вопросы, связанные со структурой и функциями языка. Получение ответов на такие вопросы возможно лишь с учетом того, что известно из соседних дисциплин, таких как психология, антропология, культурология, социология и др. Естественным образом возникают пограничные области исследований, которые имеют свои собственные исследовательские проблемы, а также проливают свет на проблемы лингвистики как таковой.

Начинающийся сегодня симпозиум имеет обширную программу, охватывающую большой спектр научных тем, в том числе такие темы, как семантика, нейролингвистика, межкультурная коммуникация, переводоведение, структура текста, экспериментальная методология, полиглотия, преподавание языков, гендерная проблематика, языковой ландшафт, речевое развитие и многие другие. В программе конференции представлены 13 пленарных докладов, восемь секций и шесть круглых столов. Особо следует отметить стендовую секцию с 50 докладами, существенно расширяющую проблематику конференции.

От имени Института языкознания РАН, выступающего в качестве одного из соорганизаторов симпозиума, я рад поприветствовать всех участников и пожелать интересной и плодотворной работы. Большое спасибо всем членам Оргкомитета и Программного комитета, чья продолжительная подготовительная работа сделала возможным проведение этого представительного форума. Благодарю также Российский Университет Дружбы Народов за сотрудничество при организации симпозиума и за предоставление своей площадки для проведения заседаний.

Директор Института языкознания РАН

А.А. Кибрик

ОБЗОР XIX МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА ПО ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ «ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»

В Москве 6-8 июня 2019 года на базе РУДН прошел уже в девятнадцатый раз традиционный Симпозиум по психолингвистике.

В этом году Симпозиум собрал более 300 участников из России, Германии, Франции, Испании, Финляндии, Китая, Казахстана, Шри-Ланки, Канады, США, Грузии и многих других стран.

Большинство авторов, представивших доклады на XIX Симпозиум, ведут свои исследования в рамках психолингвистической школы, известной как *Теория речевой деятельности*, которая предполагает методологическую обоснованность конструируемых гипотез, ориентацию на общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева и тщательную экспериментальную верификацию.

Объект психолингвистики, как известно, имеет уникальную сложность, т.к. включает в себя внешнее и внутреннее поведение коммуникантов, опирающееся на процессы языкового и неязыкового сознания и разворачивающееся в форме речевого общения, детерминированного совместной деятельностью, протекающей по правилам разных этнических культур.

Мировой опыт показал, что сложные проблемы адекватно решаются только в рамках комплексных исследований. Поэтому доклады, включенные в программу XIX Симпозиума, содержат результаты, полученные разными научными коллективами, которые используют неидентичные теории и различные методики.

Участников и гостей Симпозиума приветствовали ректор РУДН доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии образования В.М. Филиппов и директор Института языкознания РАН доктор филологических наук А.А. Кибрик.

На пленарных заседаниях речь традиционно шла о наиболее важных тенденциях в развитии теории речевой деятельности. О тех вызовах, которые ставит перед учеными-психолингвистами современная действительность и о возможных путях трансформации исследовательских подходов.

Среди основных вызовов и проблем были обозначены:

1. Развитие общения в сети Интернет. Эта тенденция становится вызовом, поскольку в отличие от традиционного общения коммуникация в сети Интернет не предполагает совместной деятельности, часто это общение ради общения (Е.Ф. Тарасов);

2. Проблемы глобализации в научном дискурсе: какие плюсы и минусы представляет английский язык как язык глобальной науки, насколько можно и нужно противостоять ему в рамках национальной научной деятельности (В.В. Красных, Н.В. Уфимцева);

3. Новые теоретические конструкты, позволяющие описывать речевую деятельность коммуникантов (Л.И. Белякова, Ю.О. Филатова);

4. Трансформация уже существующих и хорошо зарекомендовавших себя методов для решения новых задач:

- психосемантический дифференциал для анализа и решения проблем буллинга (В.С. Собкин);

- нейропсихологический и нейролингвистический анализ для диагностики и преодоления трудностей обучения (Т.В. Ахутина);

5. Изучение языкового сознания, его этнокультурной специфики в новых условиях, на новом материале, на современном этапе:

- применительно к постколониальному языковому сознанию в Шри-Ланке и Эквадоре (Е.В. Харченко, Я.В. Инживоткина, Рев Васкадуве Сири Сарана Тхеро);

- для описания современного состояния развития общества и его актуальных проблем (И.А. Стернин).

В рамках Симпозиума работало 8 секций и 6 круглых столов.

На секции № 1 «**Языковое сознание: методология и проблемы**» участники обсуждали различные аспекты этого сложнейшего явления:

- профессиональные (так, о языковом сознании фармацевтов сделали доклад И.Ю. Марковина и А.К. Воскобойникова, о бизнесменах и представителях транснациональных корпораций – Н.Н. Николаева);

- национальные (доклад о хакасском языковом сознании прозвучал от Т.Г. Боргояковой, о русском – от И.В. Зыковой и от Кай Янь, об английском – от Н.М. Терешинной, о китайском – от Цзя Шуюе);

- религиозные (Э.А. Салихова, Ю.Р. Мурсалимова);

- возрастные (доклады Л.О. Бутаковой, а также И.А. Тисленковой; более подробно о молодежных аспектах было исследование М.И. Грицко, об особенностях языкового сознания студентов говорили И.Л. Гарбар, а также А.Д. Палкин; языковое сознание школьников было отражено в докладах Н.А. Козельской и В.Ю. Панфилова, а также Н.А. Лемяскиной).

Говорилось также о метаязыковом сознании (Т.Д. Богачанова), трансформации языкового сознания (Н.Б. Завьялова) и возможности его развития (М.Л. Соснова).

Особым аспектом языкового сознания признаются ценности данной этнокультуры, поэтому аксиологическому языковому сознанию также было посвящено

несколько докладов (Е.Б. Чернышовой, Т.Г. Боргояковой, М.И. Грицко, С.В. Ивановой, В.А. Ильиной).

Одной из важнейших задач, всегда стоявших перед лингвистикой и остающихся наиболее востребованными, является проблема межкультурной коммуникации и связанная с ней проблема перевода. На секции № 2 **«Межкультурная коммуникация и проблемы перевода»**, посвященной этой проблематике, были подняты такие темы, как национальные особенности художественного текста (У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, В.П. Синячкин, Вю Чжан), сказки (И.С. Бороздина, С.И. Синяева), транслингвального текста (Е.С. Лебедева).

Несколько докладов было посвящено сопоставлению лингвокультурных понятий в разных этносах: казахском и индийском (В.П. Бергер, А.С. Каримсакова), русском и английском (И.Д. Бобринская и П.А. Семенов, а также Е.В. Никулина, С.М. Соболева), русском и сербском (Н.Я. Детмер), русском и других славянских (Е.А. Кондрашкина), украинском, английском и греческом (Г.Л. Петрова), русском и испанском (Е.А. Попова), русском и украинском (Д.И. Терехова), русском и китайском (Чжан Жунь мэй). Несколько докладов были посвящены в целом лингвокультурной специфике различных этносов: китайского (Н.Н. Воропаев), английского (Е.В. Головкин, А.В. Протченко, З.Г. Прошина), бурятского (П.П. Дашинимаева).

Как всегда, актуальной остается проблема перевода, что нашло отражение в исследованиях Л.М. Босовой, Б.Н. Жантуриной, В.Л. Завьяловой, А.А. Шияповой, О. Когенева, F. Vigier-Moreno, M. Relinque-Barranca; переводческие ошибки проанализировала И.Г. Овчинникова.

Особое место в этнопсихолингвистике занимают проблемы билингвизма. Участники Симпозиума могли ознакомиться с исследованиями на эту тему О.А. Голигузовой, Н.Н. Rogozной, Н.С. Сергиевой, А.А. Ривлиной.

Главным образом вызовы современности проявляются в новой информационной среде. Назрела насущная необходимость разработки и внедрения современных технологий анализа текста. Об этом и шла речь в работе секции № 3 **«Восприятие текста в новой информационной среде и современные технологии анализа текста»**.

Большинство докладов были посвящены медиадискурсу и медиатекстам (Н.В. Бондарева, М.В. Бусыгина, Е.В. Доброниченко, Л.Р. Дускаева, Л.А. Мардиева, Д.В. Парамонова и др.).

Кроме того, были затронуты вопросы, которые возникают при изучении такого явления, как сетевые сообщества (М.А. Пильгун, А.Н. Воронин и Н.Д. Павлова, Т.А. Гребенщикова и Н.Д. Павлова); интернет-комменты (В.А. Спиридонова), блоги (Д.А. Шляхова).

Появляется даже медийная языковая личность (А.Д. Гавриш) и «цифровое языковое сознание» (Е.Ю. Соколова)

Отечественная этнопсихолингвистика широко известна в мире собранными и опубликованными одно- и многоязычными ассоциативными словарями. Ассоциативный эксперимент позволяет решить множество как теоретических, так и прикладных задач, а потому ассоциативные исследования всегда привлекают множество исследователей. На XIX Международном симпозиуме работала секция №4 **«Ассоциативный эксперимент в психолингвистике и результаты его применения»**, где было представлено множество интереснейших докладов, показывающих, как ассоциативный эксперимент помогает решать самые разные исследовательские и прикладные задачи:

- сопоставление языкового сознания двух или трех этносов: русского и казахского (Р.А. Арынбаева), русского, английского и японского (Е.А. Голубенко), хинди и казахского (Г.А. Кузембаева и Т.Касана), русского и английского (И.Е. Черепанов);

- уточнение особенностей этнического языкового сознания через анализ ассоциативных полей (Е.В. Бентя, а также Н.В. Дмитрюк – казахского, М. Дебрэнн – французского, С.В. Савицкая – якутского).

Русское языковое сознание, разумеется, остается в центре научных интересов российских исследователей. Оно уточняется через анализ различных ассоциативных полей, слов, концептов и т.п., в частности, цветовое значение звукобукв (Н.В. Ефименко), топонимика Москвы (Е.А. Дьяконова), фразеологизмы с семантикой «безразлично» (Г.Я. Селезнева), понятия «женщина» (Е.И. Колесникова), «возможность» (М.А. Ульянова), «власть и деньги» (А.Ю. Филиппович и Г.А. Черкасова). Особый интерес участников вызвало исследование И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни, посвященное принципу Поллианны, предложенного еще в 1969 году Дж. Бушером и Ч. Осгудом. Как показал проведенный ими направленный ассоциативный эксперимент со 100 информантами, принцип по-прежнему актуален.

Участники Симпозиума показали, как с помощью АЭ ставятся и решаются общетеоретические проблемы, например, проблемы лексикографии (Н.В. Крючкова), топонимические описания (А.В. Рудакова), описания значения слова (Е.А. Маклакова). Разрабатывается индекс ассоциативного сходства (Д.Ю. Просовецкий) и возможности сравнения ассоциативно-вербальных сетей (Ю.Н. Филиппович и В.Р. Баринов).

Однако чаще данный метод используется для решения более прикладных задач: развитие языкового сознания (А.В. Кудрина), изучение языкового сознания школьников (Т.М. Низамутинова), сопоставление ЯС у молодых и взрослых респондентов (Т.В. Растегаева), развитие индивидуального лексикона (М.Я. Розенфельд), а также отражение коннотативных имен политического дискурса (О.В. Врублевская).

Одним из наиболее важных прикладных аспектов психолингвистики всегда было и будет обучение родному и иностранным языкам. Этой проблемной области была посвящена работа секции №5 **«Психолингвистические аспекты преподавания русского и иностранного языков»**.

Некоторые из участников данной секции ставили глобальные вопросы, возникающие при обучении иностранным языкам, например, феномен иноязыковой тревожности (Ю.С. Андрюшкина), адаптацию студентов к инокультурной действительности (Г.А. Кузембаева, А.А. Купенова, А.С. Каримсакова), условия освоения индивидом иноязычного слова (Н.О. Золотова).

Другие ученые посвящали исследования апробации новых научных конструктов и подходов, например, триангуляции методов в учебной лексикографии (Л.А. Бушуева).

Говорилось также об использовании апробированных, традиционных методик (например, использование деятельностного подхода в обучении языку), и о таких пока еще новых методах, как использование видеоблогов (влогов) для развития речи на иностранном языке (Л.Н. Уткина, Е.Д. Громова, А.И. Руденко).

Особенно много докладов в этой секции было посвящено русскому языку как иностранному – РКИ. Этапы и условия становления речевого опыта в РКИ были проанализированы И.Б. и Т.Б. Ворожцовыми, особенности преподавания РКИ в Грузии нашли отражение в исследовании Н.В. Харшиладзе, перспективы психорусистики в Китае – у Хуан Тяньдэ, эмотивный компонент содержания обучения РКИ – в работе

А.И. Арсеньевой и Н.В. Поморцевой, преодоление фрустрации у студентов при изучении РКИ – у Е.К. Таракановой и С.П. Томиной.

На Симпозиуме в рамках Секции 5 был представлен новый словарь-учебник «Мир зверей и птиц в русском языковом сознании» авторов В.В. Дронова, В.П. Синячкина и В.И. Шляхова. Авторы рассказали, что данный словарь-учебник представляет собой синтез справочного материала и учебника, который включает в себя комплекс упражнений и заданий, позволяющий учащимся осознать особенности русского мышления в процессе изучения русского языка за сравнительно короткий промежуток времени. Словарь-учебник вызвал большой интерес у участников Симпозиума.

На Симпозиумах по психолингвистике одна из секций традиционно посвящается исследованиям речевого общения.

В этом году секция №6 «**Исследование речевого общения в психолингвистике**» также предоставляла ученым возможности для обмена знаниями в этой области.

Особое место в области речевого общения занимает такая его разновидность, как профессиональное общение. Именно ему был посвящен доклад С.В. Мыскина. Кроме того, в рамках профессионального общения были представлены исследования лекционного дискурса (И.П. Хурыз) и дипломатической коммуникации (М.В. Беляков и О.И. Максименко).

Одно из главных направлений, которое изучается в рамках речевого общения – это конфликт в коммуникации.

Конфликтное взаимодействие привлекло внимание многих исследователей, принявших участие в Симпозиуме. Их заинтересовали конфликты в обыденном представлении (О.В. Балясникова), конфликты в форме эристики как эвокативного речевого поведения (И.Г. Тамразова), биопсихологические механизмы рецепции речевого акта угрозы (Н.А. Пробст), менасивные тактики в предвыборном дискурсе (О.В. Новоселова), дискредитация противника в политическом дискурсе (Н.И. Миронова).

Новые вызовы для проблемы речевого общения ставит виртуальная реальность. Поэтому доклад А.А. и Л.А. Романовых был посвящен сетевым демонстративам как дискурсивным маркерам виртуальной идентичности личности, а исследование А.М. Первалова и Д.С. Курушина – разработке задача-ориентированным диалоговым системам.

На секции рассматривались особенности функционирования в процессе речевого общения различных видов дискурса. Был выделен новый вид дискурса – музыкальный (ассоциативную цветовую матрицу для нотного алфавита разработали Т.М. Рогожникова и И.В. Богословская); доклад про газетный дискурс сделала С.С. Изюмская, про русские заговоры – Е.Н. Куликовская, а про рекламный дискурс – А.В. Анненкова.

Изучение текста всегда остается одной из важнейших задач в психолингвистике. В этом году этой проблематике была посвящена секция №7 «**Изучение текста в психолингвистике**».

Одной из тенденций в изучении текста была отмечена проблема вербальных и невербальных составляющих текста и их взаимодействия. Так, И.В. Вашунина в своем исследовании предложила способ исчисления коэффициента креолизации текста; Ф.И. Карташкова и Н.А. Савина описали вербальные и невербальные компоненты в

рекламе; а в работе М.О. Матвеева изучается влияние параметров креолизованного текста на формируемые образы сознания.

Появляется все больше работ, касающихся автоматизированной обработки текстов для решения различных задач:

- выявление атрибутивных стилей для предсказания успешности в деятельности с помощью методик CAVE и LIWC (Ю.А. Халтурина);
- идентификация эмоционального состояния автора с помощью Психотезауруса (В.П. Белянин);
- машинный анализ познавательной деятельности (В.А. Салимовский, Д.А. Десяткин, М.А. Станкевич).

Однако и библейские тексты, несмотря на древность традиции их изучения, остаются объектом исследования ученых (Е.В. Шмелева).

По-прежнему актуальны для психолингвистики вопросы восприятия и понимания текста. В частности, эта проблематика нашла отражение в исследованиях целого ряда авторов: Н.М. Джусупова, О.С. Зубковой, Т.В. Карих, Е.М. Масленниковой.

С другой стороны, важным остается изучение особенностей порождения текста. В этой связи особенно хочется отметить интересное исследование алекситимии как фактора формирования особенностей письменной речи (Т.Ю. Ласовской, С.Ф. Галкиной, В.А. Власовой и И.В. Лазюк). Этот доклад вызвал широкое обсуждение участников Симпозиума.

Кроме того, были представлены доклады, посвященные другим аспектам порождения текста: это исследования И.В. Савельевой (изучение интернет-комментариев) и Н.А. Фоминой (данные о проявлении личности в порождаемом ею тексте).

На секции №8 «**Социальные аспекты речевого общения**» традиционно рассматривались вопросы, имеющие важное значение для социолингвистики в нашей стране и за рубежом: исторические и языковые контакты народов (Б.С. Авезова, Л.Н. Селезнева, Н.В. Новикова), проблемы культурного трансфера в исторической перспективе (З.Н. Афинская), глобализация и языки России (В.Ю. Михальченко), а также более частные региональные и профессиональные проблемы языка. Среди проблем языка профессиональных групп в этом году были особенно популярны исследования, связанные с армией и военными (А.С. Романов, Б.Л. Бойко), а регионы, удостоившиеся внимания участников Симпозиума – это Республика Алтай (М.А. Горячева), КНР (М.Я. Каплунова), Финляндия (Е.А. Картушина), Квебек (В.А. Кожемякина).

В этом году на Симпозиуме по психолингвистике работало 6 круглых столов.

На Круглом столе «**Психолингвистическое исследование феномена полиглотии**» участники обсуждали различные проблемы, связанные с этим интересным феноменом. Особый интерес вызвал проект, представленный А.К. Бигуловым «10 языков за 1000 дней». Кроме того, участников весьма заинтересовал доклад Д.Б. Никуличевой о речевом мониторинге и моделировании ресурсных состояний в изучении языка.

Круглый стол, посвященный развитию концепции А.И. Новикова, традиционно объединил участников, занимающихся проблемами восприятия и понимания смысла текста.

Круглый стол «**Гендерная лингвистика в третьем тысячелетии**» под руководством А.В. Кирилиной вызвал большой интерес не только у членов данного

научного коллектива, но и других участников Симпозиума. Ученые обсуждали целый ряд проблем лингвистической гендерологии.

«**Круглый стол памяти А.М. Шахнаровича**» объединил учеников и последователей Александра Марковича. воспоминаниями об умершем друге поделилась Н.В. Мощинская; ее теплые слова дополнил К.Я. Сигал. Другие участники круглого стола предложили исследования, основанные на методологических предпосылках и идеях, разработанных Александром Марковичем. Так, Е. Протасова поделилась опытом работы с К. Менг на тему сохранения русского языка в семьях русских иммигрантов в Германии. И.М. Румянцева рассказала, как идеи А.М. Шахнаровича помогли создать ей свою методику обучения английскому языку, а Н.М. Юрьева поделилась воспоминаниями о своем опыте общения с А.М. Шахнаровичем и о выстраивании своей концепции речевого онтогенеза с опорой на его идеи.

В заключение А.Ш. Каганов приобщил слушателей к еще одной важной части наследия А.М. Шахнаровича – его разработкам в области судебной психологии и психолингвистики.

Круглый стол «**Русский язык и процессы глобализации**» вызвал жаркую дискуссию участников, поскольку тема глобализации в языке, трансформации языкового сознания и образа мира, которые происходят в результате идеологизации и политизации речевой сферы, экспансии не только английского языка, но и англо-саксонской идеологии и картины мира, всегда вызывали большой интерес и дискуссии у исследователей.

Круглый стол под руководством Т.В. Ахутиной «**Диагностика и коррекция трудностей устной и письменной речи у детей**» собрал исследователей, в чью сферу научных интересов входит нейропсихологическое и нейролингвистическое изучение причин, которые вызывают трудности обучения у детей от 5 до 9 лет. В этом году на ее Круглом столе был представлен ряд интересных докладов из Казани, посвященных апробации на русском языке нейролингвистической батареи BVL_RU, ее различным субтестам (Е.А. Горобец, Н.А. Бурмирова, Т.П. Порунцова и Н. Руль). Доклады участников были посвящены соотношению нейропсихологического развития ребенка и его речи, в том числе, навыков чтения и письма.

В целом можно констатировать, что XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «**Теория речевой деятельности: вызовы современности**» успешно состоялся. Ученые-психолингвисты и исследователи смежных проблемных областей из разных стран и городов России обменялись свежими идеями и данными, завязались новые знакомства и научные контакты.

Надеемся, что на следующий, юбилейный XX Симпозиум по психолингвистике соберется еще больше участников.

***Е.С. Ощепкова
Е.Ф. Тарасов***

15 сентября 2019 г. отметил свой 60-летний юбилей член редакционного совета «Вопросов психолингвистики» Федор Борисович Поляков – профессор, директор Института славистики Венского университета.

Федор Борисович родился в Москве в семье известного историка – специалиста по греческой палеографии и по греческо-русским культурным связям Бориса Львовича Фонкича и с детства находился в атмосфере культа гуманитарного знания. Окончив известную высоким качеством подготовки московскую школу № 710, Ф.Б.Поляков поступил на филологический факультет МГУ. После окончания Московского университета в 1981 г. переехал в Германию, защитил диссертацию по классической филологии в Кельне, там же преподавал византиевистику, затем в Трирском университете защитил докторскую диссертацию о придворной культуре барокко в Москве в XVII-м веке («Die griechischen Inschriften von Tralleis»; «Simeon Polockij und seine poetische Sammlung Rhythmologion. Ein Beitrag zur Geschichte und Rezeption der slavischen Barockdichtung in der Moskauer höfischen Kultur der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts (anhand unedierter Überlieferung)»)

Преподавал в нескольких университетах Германии, был сотрудником Австрийской академии наук, в 2005 г. был приглашен в Венский университет, где в настоящее время возглавляет Институт славистики. Основная тема научной деятельности Ф.Б. Полякова – изучение связей русской культуры с ее европейским окружением, преимущественно в условиях эмиграции.

Ф.Б. Поляков – главный редактор журнала «Wiener Slavistisches Jahrbuch/Vienna Slavic Yearbook (Harrassowitz Verlag Wiesbaden), а также руководитель публикационной серии Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe (Peter Lang Verlag Berlin) и член редсовета журнала *Studia Litterarum*

Федор Борисович имеет более 120 публикаций, в том числе 10 монографий и изданий под редакцией. В этих трудах в научный оборот введен новый фактологический и историографический материал о взаимодействии русской и европейской культур.

Редколлегия и читатели журнала желают Федору Борисовичу здоровья, энергии и дальнейших успехов в его научной деятельности.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в Четвертой международной конференции **“Гендер: язык, культура, коммуникация”**, которая состоится 28-29 ноября 2019 г. в ММА по адресу: Москва, ул. Новомосковская, 15а.

В ходе конференции планируется обсудить следующие проблемы:

– Методология гендерных исследований в современном гуманитарном знании;
– Трансформация научных представлений о гендере на рубеже XX-XXI веков: глобальное и локальное;

– Гендер как социокультурный феномен и его отражение в языке;

– Гендерные различия в коммуникации: проблемы верификации;

– Гендерные аспекты профессиональной коммуникации;

– Гендер как объект автороведческой экспертизы;

– Гендерная специфика межкультурной коммуникации;

– Текст и дискурс: гендерный анализ.

Для участия в конференции просим подготовить доклад продолжительностью не более 20 минут.

Рабочие языки конференции: русский, английский.

Прибытие: 27 ноября 2019 г.

Для размещения рекомендуется близлежащая гостиница *** «Звездная» по адресу: Москва, Аргуновская ул., д. 26, корпус 1. Сайт: <https://zvezdnaya.ru>

Участники конференции самостоятельно связываются с гостиницей и бронируют номера.

Заявку на участие и тезисы доклада объемом не более 1 (одной) страницы через полтора интервала, шрифт № 12 (в распечатке и на дискете формата WORD или RTF) просим прислать не позднее 25 сентября 2019 г. по эл. почте: alkira@list.ru

Организационный взнос составляет 800 руб. и обеспечивает организационные расходы, публикацию тезисов конференции (1 экземпляр на каждого участника), предоставление технических средств, кофе-брейки в течение двух дней.

Оргвзнос уплачивается при регистрации. Пленарные докладчики освобождаются от уплаты оргвзноса.

Информация о конференции находится на сайте Московской международной академии: <https://mmamos.ru>

В заявке просим указать свою должность, ученую степень, ученое звание, адрес и контактный телефон, эл. адрес, а также сообщить форму участия (очная, заочная)

Контактный телефон: +7-495-616-43-23, эл. адрес: <https://mmamos.ru>

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь (Европейская часть России).

Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.